

Варлам Шаламов

**В свидетельствах
современников**

**Материалы к
биографии**

Дополнительный том

Личное издание

**ВАРЛАМ ШАЛАМОВ
В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ
СОВРЕМЕННОКОВ**

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ТОМ

Личное издание, 2016

Составитель Дмитрий Нич

Варлам Шаламов в свидетельствах современников. Материалы к биографии. Дополнительный том. Сборник. – 357 стр. PDF

Личное издание; издание второе, дополненное, 2016.

Составление, оформление, корректура, предисловие, примечания, статьи без указания автора – Дмитрия Нича

Дополнительный к основному тому сборник материалов к биографии Варлама Тихоновича Шаламова

Размещение допускается только на **некоммерческих сайтах** и должно сопровождаться указанием имени составителя и ссылкой на блог/электронный архив Шаламова «Варлам Шаламов и концентрационный мир» <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/>. Любое другое использование требует согласования с авторами мемуаров и составителем сборника – в последнем случае через личное сообщение пользователю **laku-lok** в вышеуказанном блоге.

Содержание

Предисловие ко второму изданию	<u>9</u>
От составителя	<u>10</u>

Свидетельства современников

Кларенс Браун (2001) [1965-66]	<u>11</u>
Семен Виленский (2014) [1962]	<u>13</u>
Александр Запольский (2008) [1956-1972]	<u>15</u>
Елена Захарова (1983, 2015) [1981-82].....	<u>19</u>
Ольга Ивинская (конец 1988 – нач. 90-х) [1956-58]	<u>29</u>
Геннадий Красухин (2014) [1960-е, вторая половина]	<u>33</u>
Владимир Леонович (2008, 2013) [вторая пол. 1970-х, 1982]	<u>37</u>
Сергей Неклюдов (2015) [сер. 1950-х – вторая половина 1960-х]	<u>40</u>
Грейнем Ратгауз (1991) [1950-е – 1960-е годы]	<u>44</u>
Владимир Рябоконт-Рибопьер (2015) [1981-82]	<u>50</u>
Андрей Сергеев (1992-93) [1956-57]	<u>63</u>
Габриэль Суперфин (2012) [1967-68].....	<u>65</u>
Людмила Ярославцева (2009) [1981]	<u>68</u>
Впечатления о Шаламове участников вечера памяти Мандельштама на мех-мате МГУ, 1965 год	<u>70</u>
<i>Точечные свидетельства о Шаламове</i>	<u>73</u>
<i>Приложения</i>	<u>80</u>
<i>Портрет мемуариста Евгения Борисовича Федорова</i> <i>Свидетельство Джеймса Биллингтона</i>	

Материалы к биографии

Прижизненные издания «Колымских рассказов» в переводах ..... [83](#)

Джон Глэд. История перевода и первых публикаций КР в Америке

Роберт Чандлер о неосуществленном издании КР в Англии

Шаламов в «тамиздате» на русском ..... [99](#)

Четыре рассказа Шаламова в журнале «Вестник РСХД», №137, 1982

Третье издание на русском «Колымских рассказов», Париж, ИМКА-Пресс, 1985

Игорь Шелковский. Неосуществленное издание книжки «Осколки 20-х годов» на Западе, 1985 год

Статьи Виктора Некрасова о Шаламове и «Колымских рассказах», 1980-е годы

Аркадий Львов, «Две Колымы», газета «Новое русское слово», Нью-Йорк, март 1983

Елена Гессен. Рецензия на сборник «Воскрешение лиственницы», журнал «Страна и мир», 1986

Блокада (СССР и русская эмиграция) ..... [123](#)

Внутренние рецензии на «Колымские рассказы» Олега Волкова и Эльвины Мороз, 1962-63

Шаламов и Хенкины. Судьба «списка-68»

Книги, которые русская эмиграция предпочла «Колымским рассказам», 1960-е годы

Шаламов и Глеб Струве, непроясненные обстоятельства

Шаламов и НТС, еще одно непроясненное обстоятельство

Полемический отклик на очерк из «Колымских рассказов». С. Кирсанов, альманах «Грани», 1971

Мнение советского читателя «тамиздата», 1979

Имя Шаламова в хронике культурной жизни СССР семидесятых годов

Шаламов в «Лексиконе русской литературы» Вольфганга Казака, 1976

Из-под глыб

Вологда и Москва двадцатых годов	147
Лариса Окунева. Семья Тихона Шаламова в Вологде двадцатых годов	
Вишера	150
Соликамск – Вижаиха	
Шаламов на Вишере, фотография	
Протокол допроса Шаламова от 17 мая 1931 года, Вишлаг	
Москва тридцатых годов	153
Франциска Тун-Хоэнштайн. Шаламов-журналист в 30-х годах	
Колыма	157
Письмо свояченицы Шаламова Марии Гудзь наркому НКВД Ежову, август 1937	
Дарья Алексеева. История больницы УСВИТЛА в поселке Дебин	
О солагернике Шаламова ростовчанине Гаврииле Колесникове	
Еще один солагерник Шаламова, бригадир Парфентьев	
И, наконец, еще один, самозванец, но не доносчик	
Иван Алексахин. Колымская повседневность, конец тридцатых годов	
Были ли они?	
Семья	178
Архимандрит Августин (Никитин). Миссионерская деятельность Тихона Шаламова на Аляске	
Штрихи к прошлому первой жены Шаламова Галины Гудзь	
Александр Бирюков. Тюремно-лагерная судьба Александры Гудзь	
Из письма Надежды Мандельштам Ольге Неклюдовой, 1965	
Ирина Сиротинская в судьбе Шаламова	203
Завещание Шаламова в пользу Сиротинской 1969 года – фальшивка?	
Людмила Зайвая и могила Шаламова	
Первая посмертная книга стихов Шаламова, 1988. Истоки приватизации	
Грант от гаранта	
Некролог работников РГАЛИ. Памяти И. Сиротинской	
Из интервью Сиротинской ТВ-программе «Совершенно секретно», 1992	
Архив Шаламова в «спецхране» ЦГАЛИ и Сиротинской	
«Не увидел изданными»	
Загадочная контора под названием «Фонд Шаламова»	

Шаламовская послелагерная Москва: события, среда, быт ..... [221](#)

Ольга Неклюдова

Книги Ольги Неклюдовой

Рецензия Льва Левицкого на сборник стихов Шаламова «Огниво», 1961

[Александр Солженицын о «невидимке» Наталье Столяровой](#)

[Александр Солженицын о «невидимке» Наталье Кинд](#)

Скульптурный портрет Варлама Шаламова работы Федота Сучкова, гипс, 1966

Портрет и его подобие

«Письмо старому другу». Александр Гинзбург, из последнего слова на суде, 12.1.1968

Подборки стихов и проза Шаламова в журнале «Юность», 1966, 1967, 1968, 1970, 1974, 1980

Геннадий Айги – Шаламову

«Шаламовские» стихи Яна Сатуновского

Аннотации, предпосланные прижизненным поэтическим сборникам Шаламова

[Александра Свиридова. Белое пятно: прием Шаламова в ССП, 1972-73](#)

К теме «Шаламов и Паустовский»

Людмила Скорино, Василий Гроссман, Варлам Шаламов

Переписка, не вошедшая в семитомное собрание сочинений, 2013 ..... [265](#)

[Письмо Шаламова Владимиру Приходько, январь 1961](#)

[Наталья Солженицына о переписке Солженицына и Шаламова](#)

Письмо Вадима Кожина Шаламову, 1976

Письма Шаламова Грейнему Ратгаузу, Виктору Бокову, Марии Юдиной

Шаламов в советском самиздате ..... [276](#)

[Письма Шаламова Пастернаку в советском самиздате](#)

Самиздатские списки КР как источник информации о лагерях для ученых в СССР

Разыскивается Шаламов в самиздатских списках

«Колымские рассказы» в Новосибирске, 1965

Письмо в «Литературную газету», 1972 ..... [285](#)

Михаил Геллер. Стойкость духа: Солженицын, Шаламов и «Письмо в ЛГ», 1974

[«Письмо в ЛГ» и жилищный вопрос](#)

Еще об отношении современников к шаламовскому «Письму в ЛГ»

Дом престарелых, психушка, смерть	292
«Шерри-бренди». Об обстоятельствах перевода Шаламова в психушку и его смерти	
Магнитофонная пленка с поминок по Шаламову, 1982 год, в архиве Радио Свобода	
«Поминальное слово» Сергея Григорьянца как криминал	
Виктор Некрасов о смерти Шаламова, 1982	
Архив, библиография	300
Варлам Шаламов. «Мыслимый разговор с Борисом Пастернаком»	
Архив Варлама Шаламова у Солженицына	
Электронные версии прижизненных поэтических сборников Шаламова	
Несколько дарственных надписей Шаламова	
Письмо Шаламова Пастернаку от 30.12.1953 года в Литературном музее, Тбилиси	
Неизданные записи Шаламова о Валентине Португалове	
Александра Свиридова. Архив Шаламова в ЦГАЛИ в 1988 году	
София Шоломова. Архив Шаламова в ЦГАЛИ в 1990 году	
Разное	321
Николай Ларинский. История болезни Шаламова	
Семья Елены Шаламовой-Янушевской	
Семья Гудзей. Вирази искупления	
Астероид имени Шаламова, 1977	
Посвящается Шаламову	343
Анатолий Головков	
<i>Приложение. Беседа составителя с Сергеем Бондаренко для сайта Международного Мемориала «Уроки истории. XX век»</i>	344

Предисловие ко второму изданию

Завершаю свой проект, посвященный Шаламову, переизданием этого сборника в значительно расширенном виде. Добавлены свидетельства Грейнема Ратгауза, Габриэля Суперфина, Владимира Рябокonia-Рибопьера и других. Существенно дополнены воспоминания Елены Захаровой и Сергея Неклюдова, а также раздел Материалы к биографии.

Остается добавить, что не следует обманываться – работа, приближающая нас к Шаламову, нужна не ему, а нам. Нужды человека кончаются с его смертью, а Шаламов давно умер. Смерть лишает возможности вернуть долг, поэтому никакие долги не могут быть возвращены. Все, что делается, делается не для умершего, а живущих. Умерший может служить ориентиром и планкой, но воздаяния при этом не происходит – мы даем себе и только себе. Природы этой несправедливости я не знаю, но Шаламов жил и умер с острым чувством этой несправедливости. Просторы неминуемой справедливости существуют, по-видимому, только в религиозном сознании, однако сознание – это не действительность, а ее интерпретация, то есть во многих случаях способность к самообману, в котором мертвые уже не нуждаются. Таким образом, все, что делается, делается в меру нужды живущих, и этот печальный горизонт не раздвинуть.

Дмитрий Нич, январь 2016

От составителя

Несуразно-огромный объем сборника «Варлам Шаламов в свидетельствах современников»* (под 1200 страниц) уже не позволяет существенно его дополнять. Выход из положения я нашел в том, чтобы составить из постоянно прибывающих новых материалов дополнительный том.

Он содержит свидетельства Кларенса Брауна, Александра Запольского, Семена Виленского и других, а также обширный корпус материалов к биографии писателя.

Структура дополнительного тома та же, что основного: два главных раздела, второй из которых делится на подразделы со статьями по определенной тематике, идентичной тематике основного сборника. В Содержании заглавия наиболее важных статей выделены цветом, номера страниц сделаны гиперссылками, можно пользоваться закладками.

Практика показывает, что упорный поиск в одном только (за редкими исключениями) интернете – хотя следует добавить для невежд: на сегодняшний день интернет – сам по себе океан архивов, требующий немалого умения с ним работать, – позволяет многократно расширить базу источников и ввести в научный оборот важные и неожиданные, вплоть до сенсационных, материалы. Что уж говорить о традиционных архивах, библиотеках, частных собраниях и т.д. Надеюсь, это дело недалекого будущего.

* URL <http://imwerden.de/publ-3104.html>

Дмитрий Нич, январь 2015

Кларенс Браун

Кларенс Браун, американский славист, занимавшийся Мандельштамом, важный свидетель – именно он по инициативе Шаламова переправил в Америку для издания книгой список «Колымских рассказов» и почему-то передал его в распоряжение редактора «Нового журнала» Романа Гуля.

Ниже отрывок из «Воспоминаний о Надежде» (Мандельштам), где Браун делится своим впечатлением от Шаламова. Любопытно, что если встречи Эренбурга организовывала по своему полному усмотрению Наталья Столярова, то почему Шаламов был принят один-единственный раз, в ноябре 1966 года?

Как-то она повезла меня знакомиться с Ильей Эренбургом. [...] Секретарь Ильи Эренбурга* была гораздо более влиятельной, чем он сам: в действительности это она решала, с кем ему встречаться, а с кем – нет.

Самым внушительным посетителем, которого я встретил у нее за кухонным столом, был Варлам Шаламов. Человек, прошедший десятилетия в лагерях и, вопреки всему, не ослабленный этим опытом, он превратился в некое подобие искривленной сосны, закаленной в тихоокеанских штормах. Его руки прикасались к книгам и рукописям на столе, как какие-то доисторические существа, желающие догнать историю. Он приходил несколько раз в неделю. То, что я говорил по-русски, было для него чудом, как будто заговорил камень. Он отказывался поверить в то, что существовали и другие, подобные мне.

Одним из моих занятий за кухонным столом было чтение первой книги Надежды. В это время у книги не было названия.

[Далее Браун рассказывает, как он забирал у Надежды Мандельштам рукопись ее «Воспоминаний» и относил в американское посольство, чтобы отправить дипломатической почтой. Настоящий триллер. Что-то подобное происходило, видимо, и с рукописью «Колымских рассказов» – сост.]

Опубликовано в «Новом журнале», № 272, 2014, Нью-Йорк. Электронная версия на сайте журнала

<http://www.newreviewinc.com/%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%81-%D0%B1%D1%80%D0%B0%D1%83%D0%BD-%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D0%BE-%D0%BD%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%B6%D0%B4/>

* Наталья Столярова

Кларенс Браун (род. 1929), американский филолог, переводчик, мандельштамовед, преподаватель Принстонского университета, лауреат нескольких литературных премий

Семен Виленский

Из интервью Виленского российской «Новой газете» «Реабилитировали те же, кто губил», № 122 (29.10.2014). Электронная версия на сайте издания

<http://www.novayagazeta.ru/apps/gulag/65889.html>

Примечания составителя.

« – Как вы познакомились с Шаламовым?

– Я с ним познакомился, когда был составителем магаданского сборника «Ради жизни на земле» в 1963 году, в котором предполагалось издать, наряду с «благополучными» советскими авторами, также и писателей – узников Колымы, я чуть позже расскажу об этом более подробно. В этом мне помогал Илья Эренбург. Он поручил своему секретарю Наталье Столяровой связать меня с освобожденными репрессированными писателями, а также с семьями погибших в тюрьмах и лагерях, посоветовав включить в сборник стихи Бориса Слуцкого. Я позвонил Слуцкому.

Он сказал мне, что он не сидел, на что я ему ответил, что не одни сидельцы будут представлены в этом сборнике. Тогда он спросил: «Вы читали рассказы Шаламова? Без Шаламова этот сборник будет неполным». Дальнейшее было делом техники. Я связался с Варламом через издательство «Советский писатель», поехал к нему домой. Колымчане, мы встретились хорошо, лучше, наверное, нельзя было встретиться. Он мне читал свою поэму «Гомер на Колыме». И все смазала концовка этой встречи.

Шаламов пошел меня провожать до трамвайной остановки. И вот, когда мы ждали трамвая, он спросил меня: «А кто из местных литераторов магаданских будет участвовать в этом сборнике?» Я назвал ему первую попавшуюся фамилию: «Нефедов». Лицо его изменилось, он сказал: «Срать рядом с ним не сяду!»

После этого он написал письмо Солженицыну*, в котором предупреждал его, что если я обращусь к нему с просьбой дать какие-то материалы для магаданского сборника, то ничего мне не давать, так как он никак мою идею не может приветствовать, потому что я решил собрать под одним переплетом «чистых» и «нечистых»**.

Откуда я знаю об этом письме? Мне помогал готовить этот сборник Лев Копелев. По моей просьбе он съездил в Рязань к Солженицыну – предложить ему дать для сборника какой-нибудь рассказ.

Солженицын вышел в свет благодаря Копелеву, иначе об этом учителе вряд ли бы кто-то узнал. Позиции у них разные, но лагерная дружба крепкая была. И Солженицын показал ему письмо Шаламова...

Потом Шаламов мне прислал книгу своих стихов с новогодним поздравлением*** – перед тем как его положили в больницу...»

* Среди опубликованных писем Шаламова Солженицыну этого письма нет

** «За спиной Виленского сидят самые черносотенные фигуры Крайнего Севера (Нефедов, Николаев, Козлов)...» и дальше, – письмо Шаламова Борису Слуцкому от 28 декабря 1962

<http://www.booksite.ru/fulltext/new/boo/ksh/ala/mov/61.htm>. См. о них также в переписке Шаламова с Аркадием Добровольским, вторая половина 1950-х годов

*** Речь идет о сборнике стихов «Точка кипения», 1977

Семен Самуилович Виленский (род. 1928), литератор, лагерник, общественный деятель, издатель, активист правозащитного общества «Мемориал»

Александр Запольский

От составителя

Отрывок из книги Лидии Анискович «Варлам Шаламов. Нельзя уйти от самих себя» <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/305987.html>.

Примечания в квадратных скобках и звездочкой мои.

Совершенно случайно я узнала от одного из своих корреспондентов Александра Константиновича Запольского (переписывались по цветаевской теме), что он около 15 лет прожил в одном доме с Варламом Шаламовым на Хорошевке.

Я попросила его написать какие-нибудь воспоминания, и он написал мне четыре чудесные странички (2.01.2008), чем я с вами и делюсь:

«Дорогая Лидия Иосифовна!

...огромное спасибо за новые книги. Очень хотелось бы отплатить вам такими же ценными материалами по Шаламову, но это, увы, неосуществимо: моя информация по Варламу Тихоновичу будет несравненно менее емкой, да и отделить личные впечатления от того, что я узнал и прочитал впоследствии, не так-то просто, но я попытаюсь.

Впервые я увидел писателя зимой 57-58 гг., когда он поселился в нашем доме №10 по Хорошевскому шоссе в квартире №2 (а всего в доме их было четыре), где в двух проходных комнатах по 13 кв.м. проживали писательница О. С. Неклюдова с сыном Серёжей; третью комнату этой коммуналки занимала милейшая старушка – тёща философа В.Ф. Асмуса и одновременно библиограф Ленинской библиотеки. До середины 50-х гг. всю эту квартиру занимало семейство Асмусов, но после рождения у них четвертого ребёнка им дали двухэтажную квартиру в соседнем доме, которую в связи с переездом освободила семья А.Б. Маковского [явная опечатка: А.Б. Чаковского], будущего главного редактора «Литературной газеты». Вот тогда-то в нашем доме и появилась Ольга Сергеевна с сыном.

Надо сказать, что домики наши, построенные пленными немцами сразу после войны, своими размерами больше напоминали современные коттеджи, и заполняла их самая разная публика: от рабочих и уборщиц до профессоров и докторов наук. Неудивительно поэтому, что соседи всё про всех знали. На первый взгляд,

О.С. Неклюдова сильно отличалась от прочих соседей: она не вступала ни с кем из них в доверительные отношения и прогуливала своих кошек в палисаднике на поводках – такое тогда мы увидели впервые. В общем, была О.С. достаточно чопорной, хотя впоследствии, встретив в книжном магазине пару её книг на школьно-юношескую тему, я убедился, что была она тривиальной советской писательницей без всяких претензий. Вот в такой дом и въехал Варлам Тихонович Шаламов в начале 1958 г.

Несмотря на то, что он был ещё менее общителен, чем Ольга Сергеевна, вскоре мы уже знали, что В.Т. с недавних пор её муж, а до того провёл 18 лет в лагерях на Колыме и в ссылке. Узнали мы также, что Шаламов – поэт и печатается в «Юности»; ни про какие «Колымские рассказы» мы в то время ничего не слышали.

Я не знаю, был ли брак Шаламова с Неклюдовой фиктивным или нет, но с самого начала их совместной жизни он отгородил себе половину проходной комнаты и устроил там кабинет.

...площадь каморки В.Т. Шаламова едва ли превышала 6 кв.м., и ни в каком фильме её невозможно было бы отснять. Его окно выходило на шумное Хорошёвское шоссе и располагалось рядом с входной дверью, так что с улицы была видна вся скудная обстановка.

Я потому так подробно знаком со всеми квартирными мелочами, что мы с родителями занимали точно такую же жилплощадь на 2-м этаже, прямо над В.Т.

...Выглядел в то время Шаламов отнюдь не стариком: высокий, прямой, с не совсем ещё седой шевелюрой. Когда я встречал его в эти годы весной на улице, мне казалось, что в его голубых глазах отражается небо. Лицо у В.Т. было смуглое, как будто навсегда обветренное, с глубокими морщинами. Взгляд отрешённый, какой-то нездешний, но иногда он казался мне даже счастливым. Позднее я понял причину этого «счастья»: в каком-то рассказе он говорит о выполненном перед погибшими товарищами долге: «Я их сделал!» И его можно понять.

В конце 60-х гг. в «Лит. Газете» появилось осуждение В.Т. Шаламова за лагерные рассказы, затем было опубликовано его «раскаяние» типа «ничего не знаю», «за границу ничего не отправлял» и т.д. Только тогда мы поняли, что рядом с нами творилась история, как минимум, литературы.

В 1970 г. у нас под окном стали рыть котлован будущего метро*, и в стенах нашего дома образовались приличные трещины. В связи с этим я составил письмо на имя тогдашнего секретаря МК КПСС В.В. Гришина с просьбой ликвидировать разрушения и отправился подписывать его по квартирам. Зашёл я и во

2-ю квартиру, где меня очень любезно приняла Серёжина (Неклюдова) жена Валя. Она не только подписала мне письмо, но и подарила сборник «Колымских рассказов», изданный в «Посеве», так что я впервые смог прочитать «Последний бой майора Пугачёва», «Аневризму аорты», «Дыхание Чейн-Стокса» и что-то ещё**. Впечатление было оглушительным. Тогда же я побывал в закутке у Шаламова, который до этого видел только через окно 1-го этажа.

Тем временем, в кв. №3 нашего дома освободилась отдельная комната, которую предоставили Шаламову. Соседями его оказались обычные дремучие мещане, которые понятия не имели, кто он такой, и на почве шаламовских всё более обостряющихся болезней у них начали возникать скандалы. Именно в это время я как-то осмелился зайти к нему для разговора. Показав В.Т. «посево́вский сборник» его же рассказов, я сказал, что восхищен, и попросил у него почитать что-нибудь ещё. Шаламов замахал, даже как-то испуганно, на меня руками и довольно нечленораздельно, мыча и запинаясь, заявил, что больше у него ничего нет. В общем, разговора явно не получилось; допускаю даже, что он принял меня за подосланного сексота.

В 1972 г. наш дом, наконец, снесли, всем его жителям дали новые квартиры в Чертанове и Бирюлёве, а Шаламов получил комнату в центре, которая и была показана в т-фильме «Завещание Ленина». С тех пор я видел его только один раз: как-то я стоял и разговаривал по телефону-автомату около Зала Чайковского, когда мимо по улице, размахивая всё той же клеёнчатой сумкой, с которой он ходил и в наш гастроном, прошествовал В.Т. Внешне он изменился очень мало, но, помня о неудачной попытке разговора, я не решился к нему подойти. Было это году в 80-м, а потом я узнал, что в 1981 г. Шаламов был помещён в психиатрическую лечебницу, где и умер в том же году. Похоронен В.Т. на Кунцевском кладбище, но на могиле я не был.

Таковы мои личные впечатления от образа В.Т. Шаламова».

---

* Видимо, Таганско-Краснопресненская линия со станцией «Беговая» у Хорошевского шоссе, открыта в 1972 году.

** Речь, конечно же, идет не об отдельном сборнике «Колымских рассказов», а о франкфуртском НТС-овском альманахе «Грани», в двух номерах которого за 1970 год было напечатано пятнадцать рассказов Шаламова, среди них «Последний бой майора Пугачева» и «Аневризма аорты». Рассказа под названием «Дыхание Чейн-Стокса» (отсылающим к сообщениям о состоянии здоровья и смерти

Сталина) у Шаламова нет, с сообщения о смерти Сталина начинается рассказ «Погоня за паровозным дымом» из той же подборки.

Из рассказа Запольского следует, что «посебовские» публикации «Колымских рассказов» в 1970 году были хорошо известны и в семье Неклюдовых, и самому Шаламову (хотя бы вот от Запольского), что, впрочем, естественно – до 1972-го Шаламов поддерживал добрые отношения с Моисеем Авербахом и пользовался услугами машинистки Елены Кавельмахер, а немка Зельма Руофф из их круга беспрепятственно получала вороха «тамиздата» через посольство ФРГ в Москве. Поэтому утверждения Шаламова, что о публикациях КР «в «Посеве» он узнал только перед самым «Письмом в ЛГ», что, собственно, и подвигло его «дать отповедь», я бы назвал лукавством.

От составителя

Кто такой Запольский, не знаю. В интернете нашел только одного подходящего Александра Константиновича Запольского – на фотографии (1967) группы сотрудников Лаборатории квантовой радиофизики ФИАН http://www.lebedev.ru/en/scientific_counsel/2012/26_03_12/26_03_12_2/. Еще три человека с такими ФИО числятся в современном интернетовском списке жителей столицы.

Елена Захарова

От составителя

Письмо Елены Захаровой, подписанное Е.Х. (фамилия Захаровой по отцу – Хинкис), опубликовано в парижском журнале «Вестник РХД», №1, 1983 и служит ответом на сообщение о смерти Шаламова в подборке мемориальных материалов, напечатанное в предыдущем номере «Вестника» годом раньше (см. статью «Памяти В. Шаламова», журнал «Вестник РХД», №136, 1982» в основном сборнике). Текст этого раннего сообщения небольшой, поэтому для лучшего понимания приведу его целиком:

«17 января 1982 в психиатрической больнице, в возрасте 74 лет, скончался Варлам Ша-

ламов. Летом прошлого года «опекуны» пытались положить его в психушку. Было проведено обследование, но врачи отказались признать его душевнобольным – да и как, слепого и глухого. И вот, за несколько дней до смерти, он исчез из инвалидного дома, где находился в течение года после полной потери зрения. Как он умер – ведает Бог. Он был сыном православного священника, чуваша. В завещании он просил, чтобы его отпевали в храме. Отпевание состоялось в Николо-Кузнецкой церкви. Было в завещании указано и кладбище, на котором он хотел быть похоронен. На отпевании было много молодежи, на кладбище непрерывно пели «Святой Боже» и «Со святыми упокой».

Шаламов узнал о выходе в Англии его книги. Ему принесли ее в инвалидный дом. Он ощупал ее и сказал: «Я понял. Они издали мои рассказы». Так же узнал он о присуждении «премии Свободы» Пен-Клубом и был безмерно благодарен.

(Из частного письма)»

Ниже текст письма Елены Захаровой-Хинкис, в общих чертах повторяющий отчет о последних месяцах и днях жизни Шаламова, написанный Александром Морозовым и опубликованный в неподцензурном московском бюллетене «Хроника текущих событий», № 64, 1982.

Взято со страницы журнала «Вестник РХД» <http://www.rp-net.ru/book/vestnik/> на сайте Дом русского зарубежья.

Письма в Редакцию

О последних днях и кончине В.Т. Шаламова

Частное сообщение о последних днях и смерти Варлама Шаламова, опубликованное в № 136, допускает весьма основательные неточности. Учитывая, что наша цель – правда, гласность и объективность, было бы желательно и даже необходимо внести в упомянутое сообщение некоторые коррективы.

1. Варлам Тихонович умер не в психиатрической больнице, а в интернате для психохроников (это не лечебное учреждение); туда же его и пытались перевести летом, якобы по инициативе главного врача интерната, где он находился.

2. Было две (как минимум) экспертизы. Первая – по инициативе дирекции инвалидного дома, где он находился; диагноз – старческое слабоумие. Вторая – по инициативе его друзей (на которой присутствовал и автор данного письма); диагноз – тот же.

3. Его перевели из инвалидного дома № 9, где он жил с 1979 г., в интернат для психохроников 14 января 1982 года, за три дня до смерти. Умер В. Т. 17 января в 17. 00 у меня на руках от острой легочно-сердечной недостаточности, видимо, в результате пневмонии (простудили при перевозке). Успел узнать меня, жал руку. Так что ведает о том, как он умер, не только один Бог.

4. В вышеупомянутом письме упоминается завещание Варлама Тихоновича. Это – ошибка. Завещания его никто не видел; но, во всяком случае, отпевать себя он не просил и разговоров на эту тему не было. Впрочем, одна из ухаживавших за ним женщин уверяет, что он говорил с ней о церкви в своем родном селе: «Лежать бы там...».

Тем более не было с его стороны никаких указаний относительно кладбища. Все это – инициатива его друзей.

5. О выходе в Англии его книги. Это (как и любые прочие) издание рассказов В. Т. и необходимо и неизбежно. Исполненное боли и страдания свидетельство великого русского писателя должно было стать достоянием России и всего человеческого рода. Однако, справедливости ради следует, видимо, заметить, что В. Т. желал только одного – чтобы его публиковали на родине. Действительно, дважды ему приносили лондонское издание «Колымских рассказов»; оба раза В. Т. отнесся к этому с полным равнодушием. Зато – руководствуясь именно своей жаждой быть читаемым в России – очень просил приносить и читать подборку его стихотворений из журнала «Юность» № 8, 1981 г., несколько журналов надписал на память. К премии В. Т. также отнесся совершенно равнодушно, на вопрос, как с ней поступить, если удастся получить ее, махнул рукой: «Ну, пусть как все...». Я упоминаю это здесь исключительно с целью восстановления «исторической правды» о последних днях Варлама Тихоновича и его настроении всего последнего периода.

6. Это же касается и фотографии, опубликованной в № 136. На ней В. Шаламов изображен не в камере, а в своей комнате в инвалидном доме № 9, на голове – не арестантская шапка, как можно подумать, а вязаная шапочка, сделанная одной из добровольных сиделок. Фото сделано 29-30 декабря 1981 г., т. е. за две недели до смерти В. Т. Я не хочу «обелять» ни одну из государственных организаций, с которыми В. Т. по воле или по неволе имел дело на протяжении всей своей жизни (вот, мол, не в камере, а в комнате, все-таки!). Но судьба Варлама Тихоновича Шаламова, плоть от плоти всей российской судьбы XX века, настолько говорит сама за себя, что не нуждается ни в каких преувеличениях или передергиваниях, пусть даже ненамеренных.

Е. Х.

Скан журнальных страниц с письмом Елены Хинкис, PDF https://dl.dropboxusercontent.com/u/9178411/Hinkis_o_smerti_Shalamova_1983.pdf

* * *

Интервью, взятое Радио Свобода у Елены Захаровой к 108-й годовщине со дня рождения Шаламова. Опубликовано 18. 06. 2015 на сайте радиостанции <http://www.svoboda.org/content/article/27027375.html>. Видео с интервью можно посмотреть тут <http://www.svoboda.org/media/video/27060336.html>.

О последних месяцах жизни Шаламова и о прощании с писателем Елена Захарова рассказала в интервью Радио Свобода.

– Был январь, очень холодная погода, и храм казался холодным. Но неожиданно много людей пришло на отпевание, очень много людей поехало провожать Варлама Тихоновича на кладбище. Поминки проходили дома у друга моего отца Сергея Сергеевича Хоружего, потому что своего дома у Варлама Тихоновича не было. Никаких политических моментов я тоже не припоминаю – за исключением того, что на стекле у водителя похоронного автобуса был портрет Сталина, и нас всех немножко передергивало от этого. Потом мой близкий друг уже после того, как мы приехали на поминки, спустился, чтобы расплатиться с водителем, и что-то, видимо, ему сказал, потому что водитель снял этот портрет. А так это было отпевание как отпевание и похороны как похороны. На похоронах всегда холодно, а тут еще к тому же январь.

– А как узнали люди о похоронах Шаламова, это ведь не афишировалось?

– У всех есть друзья, у друзей есть друзья, у тех друзей, в свою очередь, тоже есть друзья. Буквально сразу же после смерти Варлама Тихоновича я обзвонила большое количество людей из числа своих близких и менее близких друзей и знакомых. Конечно, и слухами земля полнится. Ничего удивительного я в этом не нахожу. Часто бывает, что при жизни человек существует одиноко, а попрощаться с ним приходит много народу. И это лучше, чем если бы провожать его пришлось горстке людей. Наверное, в этом есть какой-то смысл.

– Когда вы впервые услышали имя Шаламова?

– Я потомственная диссидентка, если можно так выразиться. Мой отец, переводчик Виктор Александрович Хинкис, и моя мама – были людьми инакомыслящими по определению. И я тоже родилась человеком инакомыслящим. В те времена была такая система двоемыслия, когда родители, сами не расстававшиеся

со «Спидолами» и слушавшие «голоса», тем не менее, жили с идеей оградить детей от возможных неприятностей. Сами думали одно, а детям внушали другое или, по крайней мере, не делились с ними тем, что думали, чтобы ребенок в школе чего-то не ляпнул. Это была довольно распространенная в те времена ситуация. Вот со мной этого не было. Я помню позицию своих родителей, книжки, песни и все, что в доме происходило. На Галиче я выросла и сына своего вырастила. Я считаю это основополагающими вещами: чтобы было взаимопонимание между поколениями. Если люди читают одни книжки, им уже легче разговаривать в любом случае.

Галич вошел в состав моей семьи физически, но, кроме того, есть разные книги, за жизнь ты прочитываешь сколько-то, есть более или менее любимые вещи, есть вещи, которые вошли в твою внутреннюю композицию. Галич для меня относится именно к таким основополагающим вещам. Поэтому все, что я воспринимала через его творчество, для меня было очень важно. В частности, цикл «Литераторские мостки» очень много значил для меня. Кроме самой прекрасной песни и того факта, что в самиздатовском машинописном сборничке, который у нас имелся, было написано, что это посвящается В.Т. Шаламову. Ровно ничего больше о Шаламове, кроме того что в этой песне содержится – а там содержались не факты, а скорее эмоциональный и даже, может быть, философский настрой, – ничего более я до следующего десятилетия своей жизни о Шаламове не знала.

– Сколько вам было лет, когда вы прочитали «Колымские рассказы»?

– Ну, наверное, 21 или 22 года, студенческий возраст.

– То есть, когда вы с отцом пришли в интернат в Тушино навестить Шаламова, вы знали, кто этот человек и что он написал?

– Ну, чуть побольше, но тоже не в полной мере. Потому что и читала я далеко не все, и ситуацию я себе полностью не представляла. Что-то я такое слышала, что он опубликовал письмо в «Литературке»... Но, конечно, я совершенно себе не представляла, о ком идет речь. Ни о масштабе его как писателя, ни о личности, ни о судьбе его я на тот момент ничего не знала.

– Сталкивались ли вы с какими-то сложностями, когда с отцом навещали в интернате Шаламова?

– С отцом я там была единственный раз, и не припоминаю, чтобы были какие-то сложности. Единственное, я помню, что хотя уже была студенткой-медицей и кое-что успела повидать в жизни, тем не менее, была настолько потрясена обстановкой, что вообще ничего, кроме этого, не запомнила. У меня до сих пор

стоит перед глазами эта картинка: комната, два старика... А потом, когда уже после смерти отца я и немногие мои друзья в последний период жизни Шаламова навещали его, ухаживали за ним, мы приходили в официально разрешенные часы посещения. Я не припоминаю, чтобы в первое время кто-то чинил нам какие-то препятствия, по крайней мере, лично мне нет. Потом уже, ближе к финалу, действительно проблемы начали возникать.

– А чем, по вашему мнению, так опасен был уже абсолютно больной и физически немощный Шаламов для государства?

– Вы знаете, я даже не уверена, что опасен. Тогда всякий повод для возможных публикаций, передач, каких-то сообщений по «голосам» вызывал недовольство. Сам Шаламов физически, конечно, никакой опасности не представлял. Кроме того, надо понимать, что это была такая гадская система, которая не рассчитывала силу ударов: вот этот человек поопаснее, его мы прихлопнем посильнее, а этот не такой опасный... На вас едет паровоз, и паровозу более-менее все равно, вы зайчик или волк. Поэтому дело не в том, насколько он лично был опасен – слепой, глухой, немощный старик; важнее было то, насколько он мог быть поводом для беспокойства. Может быть, в этом смысле недовольство вызвало появление людей, осуществлявших функции сиделок, поскольку какой-то присмотр за ним со стороны органов был. 2-3 года пребывания Шаламова в интернате вообще была полная тишина, а потом вдруг стали происходить какие-то телодвижения.

– А кто навещал Варлама Тихоновича?

– Одновременно или в очередь со мной его навещали следующие люди: Александр Анатольевич Морозов, который делал это все время, то есть начиная с самого начала. И он был тем, с кем Шаламов общался, насколько он мог общаться. Чуть позже, чем я, появилась Татьяна Николаевна Уманская, педагог и филолог, которая вдруг поняла, что она внучка персонажа шаламовского рассказа «Вейсманист», она была человеком гораздо более диссидентским, чем я, почти профессиональным диссидентом, и для нее это было очень важно. Была с нами Людмила Анис, ей просто попались на глаза «Колымские рассказы». И я, кстати, уже после смерти Шаламова знала многих людей, жизнь которых изменилась, потому что когда-то на глаза им попалась эта книга. Мой близкий товарищ Владимир Рябокоть, тогда еще живший в России, бывший весьма тоже диссидентским человеком и по этому поводу уже успевший претерпеть разнообразные неприятности. И я.

Я не могу отвечать за больший срок, но за эти 7 месяцев могу поручиться. У нас была некая очередь, и она, конечно, не была жесткой, у всех были разные

обстоятельства, но в целом два-три раза в неделю кто-то приходил из этой очень небольшой группы людей, и я твердо совершенно знаю, что ни я сама, ни кто-либо из моих товарищей из этой группы более никого при Варламе Тихоновиче в те часы, когда мы там бывали, не встречал. И поскольку волей-неволей в этой ситуации, конечно, мы пытались хоть чем-то посильно помогать тем несчастным, которые находились рядом, естественно, с некоторыми из них бывали какие-то разговоры. Ни разу мне не приходилось слышать, чтобы кто-нибудь, кроме тех людей, которых я перечислила, там бывал.

– Соответствующие органы раздражало, что к Шаламову кто-то приходит?

– Я знаю твердо, что это была система, которая не думала, не сопоставляла, не выстраивала логики, она тупо ехала. Никто из функционеров этой системы не давал себе труда, да и в голову, наверное, никому бы не пришло задуматься о судьбе какого-то страдальца, волею судьбы находящегося в том или ином учреждении на попечении государства, если это можно, конечно, назвать попечением. И, что называется, ничего личного. Это с одной стороны. С другой стороны, вдруг стали появляться какие-то люди – а он был не просто никому не известная забытая бабушка, а все-таки Шаламов – и все-таки гэбня за ним присматривала, наверное, это тоже какую-то роль сыграло. Другое дело, что, может быть, если бы осенью или в конце лета мы при нем не были, он благополучно помер бы по месту своего первого пребывания в этом интернате от пневмонии, очень тяжелой, из которой едва он выкарабкался. Но это уже тоже вопрос философский.

– Вы пишете в воспоминаниях о том, что из Союза писателей Варламу Тихоновичу регулярно присылали приглашения на мероприятия. А навещал ли его кто-либо из коллег?

– Ни одного живого писателя ни разу мне там видеть не пришлось... Ну, кто-то, наверное, приносил это или по почте присылал газету «Московский литератор» и периодически картонные открыточки с надписью «Дом литератора приглашает вас тогда-то и туда-то». Я эти открыточки знала с детства, потому что отец, переводчик, время от времени водил меня на разные детские мероприятия в Дом литератора. Глянцевые складни с приглашениями на различные мероприятия у него в тумбочке лежали.

– Если в Союзе писателей были в курсе того, где находился Шаламов, почему там не прилагали усилий, чтобы автор «Колымских рассказов», писатель с мировым именем, был достойно похоронен?

– Союз писателей был, безусловно, в курсе. И мне как раз пришлось приложить усилия для того, чтобы вывести Союз писателей за скобки этой ситуации.

То, что удалось Шаламова похоронить по-человечески, это чудо! Татьяна Уманская 15 января приехала навещать Шаламова и обнаружила, что его нет в комнате. Был вечер, персонала немного, добиться ничего ни от кого она не смогла. На следующий день, в субботу, мы с Татьяной Николаевной приехали в дневное время, дабы попытаться навести справки и выяснить, что произошло. Справки навели. И наконец, 17-го утром мы с Людмилой и Таней поехали на Бабушкинскую, в этот интернат для психохроников, чтобы попытаться увидеть Шаламова, его навестить. Время было неприемное, тем не менее, дежурный врач нас впустил. Он был не из системы, и повел себя как человек, попросту говоря, а не как винтик этой нечеловеческой машины. Понятно уже было, что буквально речь идет о часах, и конечно, мы оставались с Шаламовым до самого конца.

И вот только уже когда он умер, я подумала: а дальше-то что будет? Я была тогда еще совсем девчонкой, но все-таки у меня был некий медицинский опыт, и я понимала, что надо сейчас совершить какие-то телодвижения, чтобы похоронить Варлама Тихоновича. Я понимала: может так получиться, что тело не выдадут. Есть такое понятие – невостребованный прах, невостребованные тела – это люди, у которых нет родственников. Доктор дежурный мне сказал: «Сейчас вызовем перевозку, отвезем в морг». Я говорю: «Скажите, а вот как бы мне справку о смерти получить?» – потому что надо же потом будет хоронить. При этом я понимала, что дело мое очень скользкое, потому что я же никто. Более того, я прекрасно понимала, что прямых родственников не существует. Но дежурный доктор выдал справку, а в сопроводительном документе к телу сделал по моей просьбе пометку: «Есть родственники».

В понедельник я, конечно, стала обзванивать разных людей, своих друзей, отцовских друзей, люди стали давать советы, собирать деньги, кто-то привлек Литфонд. Там в то время был замечательный человек, который занимался похоронами писателей, и я уже с ним имела возможность столкнуться в связи с папиной смертью, а перед этим в связи со смертью Надежды Яковлевны Мандельштам. Он тоже принял участие. А дальше, поскольку встал вопрос, где хоронить, я к этому литфондовскому человеку обратилась с просьбой о помощи, и стало обсуждаться место на Троекуровском кладбище, где, собственно, Варлам Тихонович и похоронен.

Этот человек мне позвонил буквально на следующий день, взял фотографию Шаламова и повесил ее в холле в Доме писателей. Он сказал, что надо бы мне пойти побеседовать с секретарями Союза писателей. И я пошла. Я была там раньше с папой и представляла, что такое секретари Союза писателей 1982 года.

Я долго-долго сидела ждала, потом меня пригласили в какой-то мрачный, обшитый дубовыми панелями, большой кабинет, и они стали очень серьезно обсуждать между собой и со мной гражданскую панихиду в дубовом зале. И у меня возникло эмоциональное очень сильное ощущение параллельности пространств: вот Шаламов с его судьбой, его интернат, жизненная реальная ситуация – и гражданская панихида в дубовом зале Дома литераторов, со всеми этими речами. Это как-то очень быстро в моем сознании сложилось или, наоборот, разложилось, и я им сказала: «Нет, церковное отпевание. Он завещал». Что было неправда, ничего такого он не завещал, он и говорить-то почти не мог, слышать тоже почти не слышал, и уж конечно, мне не пришлось в голову задавать ему вопрос, хочет ли он, чтобы его отпели после смерти. Они тогда меня даже попросили выйти, посоветовались и сказали: «Раз такое дело – отпевание, наши представители присутствовать не смогут». Я хотела им сказать, что меня это очень радует, но не сказала. И так все без скандала закончилось.

У меня на руках было все необходимое. Я спросила у отца Александра Меня, чьей прихожанкой была к этому времени, что он мне посоветует, где отпевать Шаламова? Везти тело в Новую Деревню, а потом на Троекуровское кладбище было абсолютно невозможно и непосильно. Я уже не говорю о том, что это была бы политическая демонстрация, поскольку Александр Мень в то время испытывал сильнейший прессинг со стороны КГБ, и все, что происходило в приходе, было под надзором. Но я с ним посоветовалась, и он назвал мне эту церковь. Это был крещенский Сочельник, и мы с моим другом и катехизатором Андреем Бесмертным сюда пришли, заказали отпевание. У меня даже квитанция сохранилась.

– Чья была идея – попросить сделать памятник Шаламову скульптора Федота Сучкова?

– Это как-то родилось более-менее спонтанно. Деревянный скульптурный портрет, который послужил прообразом памятника, был сделан при жизни Шаламова. Они с Сучковым были знакомы очень давно. В моем ощущении это какое-то спонтанное, встречное было движение. Трудности состояли в том, чтобы превратить оригинальный деревянный скульптурный портрет в бронзовую отливку и установить памятник. Потому что это дорого, больше года собирали деньги. Множество людей помогали мне, участвовали в сборе средств. Например, коллеги по работе, которые, может быть, до этого никогда в жизни про Шаламова не слышали, а тут стали читать, слушать, и для них это тоже оказалось важным. Потом, когда деньги собрали, Федот Федотович сам выбрал гранитную стелу, сам следил за тем, чтобы эта отливка памятника была произведена должным образом.

Но это было абсолютно естественно, и даже невозможно себе представить, чтобы памятник Шаламову был каким-то другим.

* * *

«Наиболее выразительный диалог с Морозовым произошел у меня перед похоронами В. Т. Шаламова. В силу сложившихся обстоятельств заниматься всякими организационными делами пришлось именно мне. Подробно рассказывать о последних днях Шаламова здесь не место, хотя и к Шаламову я попала в каком-то смысле тоже благодаря Н. Я. [Мандельштам]. По ходу похоронных хлопот обсуждались обычные в таких случаях «технические детали», и вдруг А. А. Морозов буквально вскричал: «Нет, всё неправильно! Гроб, обернутый рогожей, и гнущаящийся пьяный дьячок – вот как нужно хоронить Шаламова! Сюжет!» Я остолбенела, но как ни странно, быстро нашлась. «Саша, – сказала я, – это обойдется гораздо дороже, у нас таких денег нет». И Морозов, к моему удивлению, смирился, хотя потом всё равно продолжал ворчать».

Цитируется по книге «Посмотрим, кто кого переупрямит...». Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах», сост. П. Нерлер, изд. АСТ, М. 2015 <http://flibusta.is/b/431226>.

Елена Викторовна Захарова (род. 1957), врач, ухаживавшая за Шаламовым в доме престарелых, дочь переводчика Виктора Хинкиса, переводчик, завотделением Боткинской больницы в Москве

Ольга Ивинская

От составителя

Воспоминания Ольги Ивинской, история отношений которой с Пастернаком общеизвестна, а короткий роман с Шаламовым представляет собой отдельный драматический сюжет, приведены в книге Бориса Мансурова «Лара моего романа: Борис Пастернак и Ольга Ивинская», изд. Инфомедиа Паблишерз, 2009. В основу книги положены записи бесед автора с Ивинской в 1988-1995 гг. и ее сыном Дмитрием Виноградовым. Электронная версия книги выложена в библиотеке ЛитМир, ниже ссылки на страницы, откуда взят текст.

Как известно, отношение Шаламова к Ивинской с годами сделалось крайне негативным и высказано во многих его письмах и дневниковых записях. Насколько воспоминания Ивинской достоверны, судить не берусь, многие относятся к ним скептически.

Примечания звездочкой мои.

Ольга Ивинская вспоминала:

В 1965 году Шаламов рассказывал, что в апреле 1956-го Пастернак со слезами на глазах говорил ему в Переделкине: «Ольга – мое солнце, только она дает мне силы жить и писать. Но я не могу на ней жениться, я не должен отягощать ее жизнь своей болезнью и близкой смертью».* [...]

Возвращаясь к прощальному письму Шаламова**, Ольга Всеволодовна рассказала:

Я показала письмо Боре. Он задумался, в глазах появилась печаль: «Шаламову опять не повезло. Но тебя дал мне Бог, и только он сможет отнять», – с напряжением произнес Боря. Через несколько дней он пришел ко мне в Измалково и сказал, что был в церкви, просил у Бога удачи Шаламову. А затем показал стихотворение «Проблеск света» [Текст стихотворения – сост.]

«КОГДА РАЗГУЛЯЕТСЯ»

Об этом стихотворении Ольга Ивинская говорила в тот же день, когда вспоминала подробности рождения стихотворения «Проблеск света».

Тема и рождение стихотворения «Когда разгуляется» также связаны с нашей встречей с Шаламовым. После колымской каторги ему как поднадзорному разрешили жить только за 101-м километром от крупных городов. Помню наши с Борей переживания за судьбу Варлама, когда он, после горького письма ко мне в июле 1956-го, уже не смог заставить себя приезжать в Измалково. После моего второго лагеря при нашей встрече Варлам говорил мне, что его сердце разрывалось от тоски и горечи. После отказа Шаламова приезжать в Измалково Боря несколько раз ходил в Переделкинскую церковь Преображения Господня и молился за удачу Шаламова в жизни, за его озарение любовью к женщине. Боря даже беседовал об этом с батюшкой, прося снять тяжесть с его души. Только после нескольких посещений храма сошла эта тяжесть, которую Борис Леонидович называл «тайником вселенной».

Однажды, придя в Измалково из церкви, Боря спросил у меня: «Как же могло так случиться, чтобы десятки лет где-то на Колыме хранилась в сердце узника такая светлая память о тебе, Олюшка? Но Бог так рассудил и дал мне тебя, чтобы я одну тебя любил и хранил. Ведь из-за меня Сталин не разрешил тебя уничтожить, ведь правда»***, – утвердительно говорил Боря и облегченно вздыхал. «Когда я в храме слушаю службу, то слезы благодарности и счастья за нашу любовь всегда вызывают во мне священную дрожь» – это его состояние волнения от пережитого отразилось в стихотворении «Когда разгуляется»**** [Текст стихотворения – сост.].

* Таких слов Шаламова нигде не зафиксировано, и слышала их явно не Ивинская, которую Шаламов в то время называл «сукой».

** «Туркмен, 3 июля 1956 г

Дорогая Люся.

Счел я за благо в Измалково больше не ездить...» (Полный текст этого последнего шаламовского письма Ивинской не опубликован).

*** Речь идет о первом лагерном сроке Ивинской, 1949-53 гг.

**** Мансуров так комментирует эти рассказы Ивинской: «От Ивинской я узнал о причинах появления в стихотворениях 1956 года «Проблеск света» и «Когда разгуляется» мольбы поэта за благополучие в судьбе дорогого ему человека. Этим человеком был талантливый писатель Варлам Шаламов (1907-1982), прошедший через ад колымских лагерей».

Электронная биб-ка Литмир <http://www.litmir.net/br/?b=193623&p=26>

*

Пастернак никогда не удостоивался никаких премий в СССР ни при Сталине, ни при Хрущеве. Ивинская рассказывала, что в ноябре 1958 г. ей позвонил Шаламов, рассерженный на Пастернака за его отказ от Нобелевской премии. Ольга объяснила, что он вынужден был это сделать, чтобы не превратить в трагедию будущее своих детей. Шаламов тогда сказал ей: «Одна литературная Нобелевская стоит тысячи холуйских Сталинских премий».

Биб-ка ЛитМир <http://www.litmir.net/br/?b=193623&p=27>

* * *

Борис Мансуров:

«Помню слова Мити во время нашего разговора о судьбе Шаламова, о его «колымской мечте» – встрече с Ольгой Ивинской. Удивительно то, что стихи Пастернака и мечта о встрече с Ольгой, как фантастическое стечение обстоятельств, давали Шаламову силы выжить в лагерях. Не скрывая гнева, Митя говорил: «Узнал от мамы эту трагическую страницу в судьбе Шаламова, пережившего страшные годы колымских лагерей ради встречи со своей давней любовью. Но он отступил перед любовью своего кумира – Пастернака, наступив на горло собственной песне. Его истерзанное сердце лагерника, сознавая высоту и непобедимость любви Пастернака и мамы, не взорвалось гневом, а обмякло и заныло перед волею судьбы. Поражает низость морали и степень злобы сочинителя биографии Пастернака (см.: Пастернак Е. Б. Борис Пастернак: Биография. – М.: Цитадель,

1997), написавшего, что «с 1953 года Пастернак уже не любил Ивинскую, а поддерживал с ней отношения только из благодарности». Можно себе представить, что мог бы сделать Шаламов, закоренелый зэк, после колымской каторги, если бы хоть на секунду засомневался в 1956 году в искренности слов Пастернака о его безмерной любви к Ольге Ивинской».

Биб-ка ЛитМир <http://www.litmir.net/br/?b=193623&p=25>

* * *

От составителя

Инженер, ученый и предприниматель Борис Мансурович Мансуров живет под Москвой. Окончил Московский энергетический институт, автор учебника по микроэлектронике, более 70 научных статей и 40 изобретений, а также статей и книг о Борисе Пастернаке и Марине Цветаевой. Издал книгу стихов Ольги Ивинской «Земли раскрытое окно. Стихи разных лет», М.: Синее яблоко, 1999.

Ольга Всеволодовна Ивинская (1912-1995), редактор, переводчик, мемуарист, подруга Бориса Пастернака, лагерница, частично – прообраз Лары в романе «Доктор Живаго»

Геннадий Красухин

От составителя

Редактор и мемуарист Геннадий Красухин, знавший Шаламова (см. его свидетельство в основном сборнике), написал о нем в своем блоге. Привожу выдержки из его записи. В записи масса фактических ошибок и беспочвенных домыслов, не хочу на них останавливаться, они бьют в глаза. Красухин признает, что ошибся, повествуя в мемуарах о публикации в еженедельнике «РТ-программы» некоего шаламовского рассказа. Оказывается, рассказ был набран, но не пропущен цензурой. По сообщению Красухина, Пастернак посылал Шаламову деньги на Колыму. Никогда об этом не слышал,

но Красухин ссылается на слова самого Шаламова. Удивительно живуча либеральная басня о принуждении Шаламова к написанию «Письма в ЛГ». Что ж, если люди не хотят знать, они и не знают.

Красухин – автор рецензии на книгу стихов Шаламова «Дорога и судьба», 1967.

«С Варламом Тихоновичем Шаламовым, родившемся 18 июля [июня] 1907 года, меня познакомил в журнале «Юность» Олег Чухонцев. Это был 1965 год. Я внештатно работал в журнале «Семья и школа». Помогал ответственному секретарю журнала Петру Ильичу Гелозонии делать литературные страницы. С Петей Гелазонией мы оказались единомышленниками и быстро подружились. Петя горел желанием сделать журнал известным и потому жаждал заполучить в него хороших авторов. Главный редактор к Гелазонии благоволил. Поэтому одно время у меня оказалась такая возможность – печатать стихи и прозу авторов, которые тогда печатались в «Новом мире» и в «Юности» – лучших журналах того времени, или не печатались, но снискали известность у любителей литературы.

У Олега Чухонцева я стихи уже взял. Сейчас я попросил стихи у Варлама Тихоновича. Он отнёсся к моей просьбе очень серьёзно. Мы договорились, что он придёт со стихами ко мне домой.

Придя ко мне и усаживаясь, он улыбнулся и спросил: знаю ли я, чем знаменита типография, расположенная напротив моего дома. Я ответил: мне известно, что некогда она носила имя Бухарина и что нынешнее имя «Искра революции» она получила позже.

– В ней было напечатано завещание Ленина съезду, – сказал Шаламов. – С этого я начал мотать свой срок. [...]

Варлам Тихонович рассказывал мне, как написал из лагеря Пастернаку, которого ценил как поэта. Пастернак не просто откликнулся, но присылал заключённому денежные переводы. «По тем временам это был очень смелый поступок», – говорил Шаламов. Освободившись из лагеря в 1951 году, Шаламов получил разрешение уехать с Колымы только в 1953-м.

В Москве бывшие заключённые проживать не имели права. Шаламов только и успел побывать у жены с дочерью и у Пастернака.

– От жены я ушёл в тот же день, как вернулся, – рассказывал мне Варлам Тихонович, – как только услышал от неё: «А всё-таки Сталин был великим человеком!».

А Пастернак ему помог: снабдил деньгами, дал к кому-то (не помню) рекомендательное письмо в Калининской области, куда направился на постоянное место жительства Варлам Тихонович. Он работал там мастером на торфоразработках, агентом по снабжению и писал свои знаменитые «Колымские рассказы», которые после того, как я напечатал в «Семье и школе» его подборку и мы подружились, давал мне читать.

Я запомнил, написав в своих мемуарах, что мне удалось напечатать один из его рассказов в журнале «РТ-программы», где я недолго работал в 1966 году. Не удалось. Удалось только набрать рассказ «Академик», и Варлам Тихонович вычитывал его в полосе. Ошибся, потому что за недолгое время нам с Михаилом Роциным (моим завом отдела) удалось напечатать много хороших вещей, и полоса с рассказом Шаламова отложились в памяти, как опубликованная.

Мы сблизились. Гуляли по городу. Варлам Тихонович приходил ко мне домой или в «Литературную газету». Выяснилось, что он не любит Солженицына. Не признаёт даже его первой, поразившей всех вещи – повести «Один день Ивана Денисовича».

– Что он знает о лагере? – отмахивался Шаламов на моё недоумение. – Где он сидел? В шарашке? Лично он этого не пережил. Потому и вышла вещь подсахаренной.

Я удивлялся: «Что же в ней сладкого?» «А что горького? – парировал Варлам Тихонович. – В лагере не до интеллигентных разговоров о фильме Эйзенштейна. Лагерь не шарашка. Там одно только занимает, как бы тебе сегодня не сдохнуть!»

Шаламов знал, о чём говорил. Сталинские коллеги нынешней властной верхушки вывернули ему на допросах руки, порвали сухожилия, отчего ему, скособочному, трудно было попасть рукою в рукав. [...]

О письме в «Литературную газету» мне хотелось поговорить подробней, потому что, когда Варлам Тихонович встретился с Ириной Павловной Сиротинской и переехал к ней, поползли слухи, что Шаламов сам сочинил и отнёс в редакцию это письмо. И что вообще – Шаламов терпеть не может оппозиционно настроенной к власти интеллигенции, презрительно называет её «прогрессивным человечеством».

Недавно на одном из вечеров, посвящённом Варламу Тихоновичу, я снова услышал эту легенду. Мне кажется, что её сочинила Сиротинская.

Доказательств у меня нет, но убейте меня! – я никогда не поверю, что это сам Варлам Тихонович своей рукой написал: «Проблематика «Колымских рассказов» давно снята жизнью...»! Слишком ответственно относился Шаламов к своему творчеству, чтобы его опорочить! Слишком трезво смотрел он на окружающую его жизнь, чтобы предстать перед людьми неизлечимым оптимистом, ничего в ней не понимающим!

Сиротинская много сделала для публикации наследия Шаламова. Но, думаю, что для пользы дела она распускала такие слухи. Наверное, ей казалось, что власти охотно будут печатать человека, уверяющего в своей лояльности к ним. Расчёт был (если, конечно, был, но я в его существовании уверен) – от непонимания, что такое для советской власти разрешить публикацию «Колымских рассказов». Она и не разрешала. Публикация их появилась только в годы перестройки, до которой Варлам Тихонович, увы, не дожил.

Опубликовано в блоге автора, запись от 16 января 2014 года
http://www.facebook.com/permalink.php?id=100001658617396&story_fbid=703342573064357

От составителя

В комментарии к записи Сергея Плетосу* на facebook от 21.05.2015 Красухин излагает версию взаимоотношений Шаламова и Сиротинской, показывающую уровень осведомленности о жизни Шаламова даже его знакомых (курсив мой):

«Человек Шаламов был прямой и резкий. Тем не менее *его гражданская жена Сиротинская настояла на том, чтобы он подписал письмо в «Литературную газету»* с протестом против публикации на Западе. А потом распространяла слухи о его лояльности советской власти. Она хотела ему хорошего. *Добилась пенсии и приёма в Союз писателей. Но потом отдала его в интернат Союза* и почти не навещала. Умер он заброшенным в этом интернате. А Сиротинская получила ещё до этого от него бумагу на его творческое наследство. В перестройку печатала и печаталась со своими воспоминаниями, где снова представила его человеком, ничего не имеющим против советской власти. Но Шаламов многое имел против власти, благодаря которой он провёл в тюрьмах и лагерях половину жизни. Он и о Солженицыне говорил, что тот, отвергая коммунистическую диктатуру, не против диктатуры вообще».

* Сергей Плетосу https://www.facebook.com/permalink.php?id=100001533868506&story_fbid=957799934281126

Геннадий Григорьевич Красухин (род. 1940), журналист, литературовед, литературный критик, редактор

Владимир Леонович

«Храню афишу от 17.2.91, примечательную тем, что ни один. Нет, однако. В Большом зале ЦДЛ сидел ОДИН ПИСАТЕЛЬ – Владимир Николаевич Турбин. Третью зала занимали родственники и друзья выступавших. 2/3 пустовали. Мне и сейчас не верится в эту арифметику. Афиша в два цвета, хорошо висела по Москве, обещала под шапкой «ОСТРОВА ГУЛАГА» участие Олега Волкова, Анатолия Жигулина, Юрия Давыдова, Виталия Шенталинского, Надежды Надеждиной, Владимира Муравьева (он представлял книгу «Средь других имен» – строчка Барковой), Платона Набокова, Ивана Русинова...

Можете не верить невероятному – и я с вами! – но моя память удерживает только Алика Зорина да меня самого под гробом Шаламова. <...>

И не помню, что Федот Сучков читал стихи над гробом. Помню, что поясной скульптурный портрет работы Сучкова (зря Шаламов его ругал) таскали мы на вечера, посвященные В.Т. Людмила Владимировна Зайвая, в свое время много сделавшая для поэта, этой гипсовой головы боялась, бюст жил у меня на балконе, чем-то проломили ему голову – всяко лыко в строку – заклеили пластырем, забелили... С Кунцевского кладбища бронзовый памятник украли. К чему все это?

А к тому, что год Шаламова совпадает с годом Свиньи, а вся наша жизнь – с эпохой свинства, то кровавого, то не очень.

На бойне свинья жрет собственные кишки».

Из эссе поэта Владимира Леоновича «В эту пору прекрасную», журнал «Дружба Народов», №1, 2008 <http://magazines.russ.ru/druzhba/2008/1/le17.html>.

* * *

Из беседы шаламововеда Сергея Соловьёва с Владимиром Леоновичем 4-5 мая 2013 года. Адрес видео: <https://youtu.be/X8NALy61WPw>. Расшифровка составителя.

Соловьёв: – Ваше впечатление о Шаламове. Каким оно было тогда?

Леонович: – Самый первый взгляд вызвал у меня оторопь. Такого человека, яркого в своей особенности и единственности, мне не приходилось видеть. По своему ярком был Солженицын, он был совершенно свободен, жизнерадостен, весь в своих жизненных выплесках. Я подумал: какой свободный человек, откуда он такой? Шаламов – другое. Это что-то сосредоточенное. Лицо ведь все говорит. Лицо Шаламова сразу говорило столь многое, что вызвало у меня оторопь поначалу. Тем более когда узкий коридор издательства, это десятый этаж, коридорчик узкий, ты идешь, и навстречу тебе Шаламов. И его как-то покидывает. Ему надо шире дорогу, чем другим. Тут невольно прижимаешься к стене, даешь ему дорогу. Вот первое впечатление.

– Когда Вы видели его в «Советском писателе», в какие годы?

– Это, наверное, середина семидесятых. Ближе к восьмидесятым. Вторая половина семидесятых.

– В доме инвалидов Вы бывали?

– Нет, в доме инвалидов не бывал. Знал издали. Я дружил с Людмилой Зайваей, бывал у Люды, и Люда мне рассказывала о Варламе.

– О похоронах, отпевании. Как получилось, что Вы там оказались?

– Потому и оказался. Шаламов был мне всегда интересен. «Колымские рассказы» мне давали и не хотели давать Чуковские, Лидия Корнеевна и Люша. Они как-то берегли меня, думали, на меня это произведет удручающее впечатление. Лучше не читать, лучше не знать. Там нет выхода, там мрак, а воздействие очень сильное. Но в конце концов они одумались, книгу мне дали. Бывает так, что человек становится близким заочно. Вот так случилось с Шаламовым. Поэтому как его читатель и как человек, который знает, где он и что с ним,.. он стал мне чрезвычайно нужен для жизни...

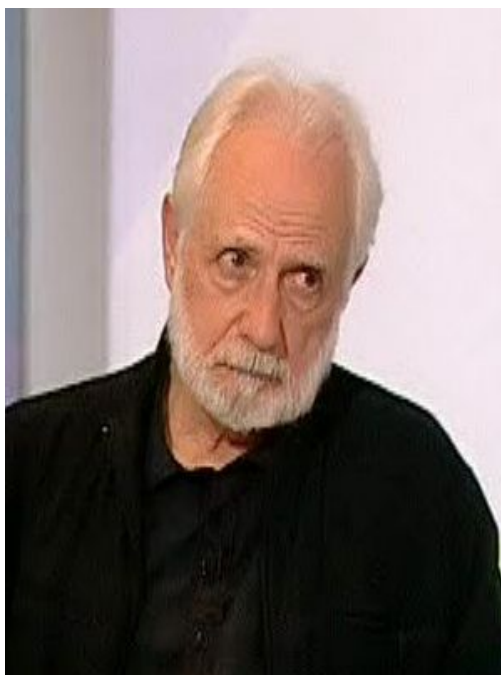
Когда был первый, представительный очень [вечер памяти] – Олег Волков, Юрий Давыдов, Толя Жигулин, Муравьев, Платон Набоков – замечательный народ мы собрали, верьте мне не верьте, но в зале был один писатель, и звали его Владимир Николаевич Турбин. Из тысячной орды писателей, которая по Москве живет, был один Турбин. Это я называю трагической арифметикой, хотя элемент комического в этой трагедии тоже есть. Поэтому я говорю и писал в газете, что мы Шаламова никогда не поймем. Мы сидим на краю котлована, хорошо одетые,

в новеньких полушубках, в валенках, а он внизу толкает свою тачку. Нам его понять нельзя, и это жестокая правда положения. Мне представляется, это его удручало и как-то горько веселило: вот он один такая птица. Может быть, я не прав, но я это вижу так. Думаю, одиночество Шаламова повлияло на то, что людей, которые должны были бы его проводить, не оказалось. Я помню, прыгал через могилу корреспондент какой-то югославской газеты. Это было в колымском духе все, увы... От Союза [советских писателей] никого не было. Были настоящие люди – Феликс Светов, Витя Фогельсон, который его редактировал, кормил его, потому что давал ему огромное количество подстрочников, и Шаламов их переводил, как Пастернак не переводил, я имею в виду не качество, хотя качество тоже было приличное, но перевести за ночь двести строк – не знаю, кому это удавалось безболезненно. Еще на похоронах была замечательная мама Алеши Симонова, Евгения Самойловна Ласкина. Она сидела в журнале «Москва», помогала ему, печатала, а, главное, понимала, что она делает – вот это было самое для него важное... Он действительно был одинок, и проститься с ним не пришли...

Так мы его похоронили. В тишине, без надгробного слова.

Владимир Николаевич Леонович (1933-2014), советский и российский поэт, переводчик, публицист

Сергей Неклюдов

Мемуары Сергея Неклюдова, сына второй жены Шаламова и его пасынка, см. в основном томе. Здесь добавлены его воспоминания из выступления на российском ТВ Культура, 14.10. 2015, программа «Наблюдатель», видео на сайте телеканала

http://mh.tvkultura.ru/video/show/brand_id/20918/episode_id/1237440.

Расшифровка составителя.

«Он говорил о том, что все, о чем он пишет, является истинной правдой. Это была часто повторяемая фраза. У него была прекрасная память, и как человек с хорошей памятью, он, цитируя по памяти, часто ошибался, это обычный феномен – человек с хорошей памятью, цитируя по памяти, не обращаясь к книге... Его потом уличали. Это вопрос механизмов памяти. Родственники людей, о которых он писал, позднее, в годы перестройки, упрекали его в неточности. По всей видимости, они были правы. При этом у него было, это я могу сказать с полной определенностью, сознание человека, который изобрел... кратчайший путь от факта к слову, в широком смысле этого слова. И в этом плане, я думаю, его рассказы – вещь действительно абсолютно уникальная, такого способа говорить о жизни я не знаю. Кстати говоря, Варлам Тихонович никогда не называл свои рассказы очерками, он называл их рассказами.

Сознание миссии? По-видимому, оно было у него. Вообще, он знал себе цену, что и говорить. Но сказать, что он это как-то декларировал, в какой-то манифестационной форме – нет. Такого не помню, во всяком случае.

«Это [вопрос публикации – сост.] был для него очень важным, очень болезненным. Варлам Тихонович был обитателем каморки в общей квартире. Мы с ним прожили почти десять лет в комнате, разгороженной фанерной перегородкой. Человек достаточно трудного характера, плохо адаптируемый и малоуживчивый. Его не принимала литературная среда. Это я могу сказать с полной ответственностью. Все то значение, которое понятно сейчас, конечно, кому-то было понятно тогда, но это были единицы. А в целом... А ему это было важно. Он начинал как литератор, до второго ареста. Он начинал как литератор, как журналист... Потом у него оказалось вычеркнуто семнадцать лет. Это всегда ощущается как невосполнимый дефицит, который надо наверстать. Ему надо было состояться в литературе. Это очень существенно. При этом – то, что сейчас сильно недооценивается – он, конечно, в первую очередь считал себя поэтом. Это было главное для него. Поэзия была для него в высшей степени литература. Не могу сказать, что это значило, что он как-то недооценивал своих рассказов. С поэзией тоже было плохо. Он выпустил несколько книг, но главных стихов не было напечатано. Несмотря на все усилия его замечательного редактора из «Советского писателя» Виктора Фогельсона, который очень старался. Это был не тот поэтический Шаламов, которого мы знаем сегодня. А о публикации рассказов и разговора не было вообще. Ни одной строчки прозы опубликовано не было. Кроме «Стланика» в «Сельской молодежи», Федот Сучков там работал, он как-то смог опубликовать. Но это, вы знаете, пародийно может звучать – одна страничка.

«Я помню, как он, когда писал, проговаривал. Он входил в комнату и зачитывал. Читал он вообще хорошо, у него отступало некоторое заикание, которое у него было. Он замечательно читал стихи, как свои, так и чужие... Входит в комнату и читает стихи Пастернака, только что появившиеся. «Снег идет». Читая их, у него какая-то непередаваемая звуковысотность голоса, какое-то особое звучание. Он очень любил Пастернака. И вот он говорит: «Как пишет семидесятилетний поэт!». Между прочим, для него это было очень важно. Ведь это была эпоха «молодежной поэзии», эпоха Евтушенко и Вознесенского, эпоха «эстрадной поэзии». А он писал: «Поэзия – дело седых, не мальчиков, но мужчин»... Это, кстати, еще одна из причин, по которой он не был принят.

Есть общественное лицемерие, которое старается запудрить тот нарыв, с которым живет наше общество, не вскрытый нарыв. В этом смысле почему тяжело читать Шаламова – это в болевую точку памяти. Ведь нельзя сказать, что никто ничего не знал. Все все знают, все все помнят. Это где-то там лежит, неизжитый общественный грех. И ничего хорошего не будет в жизни, пока этот грех не будет

преодолен, понят, воспринят как следует. И вот в этом отношении, я думаю, Варламу Тихоновичу нет равных. Среди – не хочется говорить «летописцев Колымы», он не был «летописцем Колымы» – он вынес это все средствами слова, оставил это потомкам, и они должны иметь с этим дело.

«Когда он приезжал со своего сто первого километра, у него там была комнатка и трехлитровая банка, из которой он пил чай, и больше ничего (у него почти не было имущества – откуда?)... Мы снимали тогда дачу у Санаринского пруда в Переделкино, он туда к нам приезжал, был пятьдесят шестой год. Приезжал незаконно, конечно. Он представлялся человеком очень сильным, как бы сказать, просушенным, провяленным, очень кряжистым и здоровым. И вот когда они с матерью поженились, когда он попал в городскую квартиру... Ну, знаете, назвать комфортом нашу тринадцатиметровую комнату, где мы жили втроем в коммунальной квартире, тоже довольно трудно, но все-таки... Из него как будто вынули какую-то... палочку, стержень, он начал невероятно болеть, он превратился в инвалида. К нему вернулась болезнь Меньера, благодаря которой он не мог ездить на транспорте, он мог только ходить. Для него поездка, особенно вот эта боковая качка, от которой его тошнило, были невероятно тяжелыми. Меня много раз вызывала милиция, его принимали за пьяного, и я приезжал забирал его. Он ходил пешком. И в Ленинскую библиотеку с Хорошевского шоссе он ходил пешком. У него явилась масса болезней, и они потом прогрессировали. Это одна сторона дела. Другая сторона дела – у него были сложные отношения с миром, сложные отношения с людьми, с окружающими. Отношения эти были болезненны, идущие на разрыв. Он мало с кем удерживал отношения. Трудно сказать, после лагеря ли это. Но у него рвались отношения очень быстро. И каким-то странным образом это проецировалось на его коммуникационные возможности. Ему отказывал слух. Он не говорил почти по телефону, обычно я ему транслировал то, что там говорят,.. хотя в каких-то случаях слышал. У него это перемежалось. Он терял зрение, постепенно. Когда мы жили вместе, он еще видел достаточно неплохо, очков он не носил. А слух терял. Глухота была. У него были речевые проблемы, в то время очень немного, но с годами... Как будто обрезались нити, связывающие с жизнью. В какой мере это было следствием лагеря, я не знаю. Или это было свойством особой такой конституции?..

«Он писал стихи, так или иначе связанные с лагерным опытом, которые не попадали в печать, он писал «Колымские рассказы», он писал воспоминания, мемуарную прозу, – все было вокруг этого, все было связано только с этим. Я не

знаю... Ну, он был футбольным болельщиком. Я никогда этого не понимал, тем не менее. Он так прыгал на стуле, что стулья ломались, хлипкие были стулья. Он ходил на стадион, до поры до времени. Он был страстным книголюбом. Он любил литературу нон-фикшн, путешествия, приключения, вообще документальную литературу, любил литературу о теннисе, которого у нас тогда вообще не было, у него были причудливые вкусы. Любил Дюма, считал «Трех мушкетеров» замечательной книгой. У него не было никаких гастрономических увлечений. Когда он начал болеть, ему прописали такую диету, в которой гастрономическое удовольствие отпадает напрочь. Он не любил загород. Мы уезжали на дачу, а он оставался в городе, практически никогда на даче не жил, иногда приезжал. Для него природа, по-моему, связывалась в колымским опытом. Он любил город, он был городским человеком по складу своему, это был человек города».

Сергей Юрьевич Неклюдов (род. 1941), филолог, востоковед, директор Учебно-научного центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, сын Ольги Неклюдовой, второй жены Шаламова

Грейнем Ратгауз

От составителя

Воспоминания о Шаламове поэта и переводчика немецкой классической поэзии Грейнема Ратгауза, опубликованные в «Литературной газете» от 24.04.1991 года. Приведенный фрагмент письма дублируется в разделе Переписка.

За скан статьи весьма благодарен Михаилу Юрьевичу Михееву.

Г. Ратгауз

Восставший из немоты О Варламе Шаламове

С Варламом Тихоновичем Шаламовым я познакомился после его возвращения в Москву из «мест, не столь отдаленных». В это трудное для Шаламова время его добрым ангелом стала писательница О. С. Неклюдова. Когда он, безвестный, хворый, бездомный, начинал жизнь заново, горячо надеясь осуществить наконец свое призвание поэта, именно Ольга Сергеевна дала ему опору, приняла в нем незаменимое женское участие. Вскоре они поженились.

Маленькая, хрупкая, грустная, приветливая, с темно-кариими глазами, в которых, казалось, всегда мерцала золотая искра, Ольга Сергеевна была воплощением природной чуткости и самоотверженности. Вероятно, за это ее и оценила в трагическом сорок первом году Марина Цветаева, когда они недолгое время дружили в эвакуации. Ценил ее советы и Борис Пастернак, в период «оттепели» посвящавший ее в свои литературные дела.

Старинное имя Варлам, в самом звучании которого отзывалось что-то от исконной, допетровской Руси, удивительно шло Шаламову. Высокий, худой, суту-

лый, с прямыми длинными волосами, с низким, хриплым, иногда зычным голосом, Варлам Тихонович был очень похож то ли на лесоруба, то ли на сельского священника. Впрочем, в лесорубы в то время он вряд ли уже годился: его одолевали бесчисленные хвори, нажитые на Колыме. Он плохо держался на ногах (насколько я помню, из-за вестибулярных нарушений), и на ходу его слегка пошатывало. Он часто болел, помню, как он читал свои стихи в постели, при свете настольной лампы, изредка взмахивая рукой. Но все-таки он совсем не был похож на больного: слишком уж у него был неукротимый, буйный нрав, о покое он думал мало.

Вскоре начали выходить его первые книги... В пору нашего знакомства мне было чуть больше двадцати пяти лет. Варлам Тихонович был, как мне казалось, не очень общительным человеком, но он тянулся к молодежи, разбуженной временем «оттепели», до глубины души потрясенной тяжкими и суровыми откровениями, прозвучавшими в закрытом докладе Хрущева на партийном съезде. Правда, вскоре возникло и все более упрочивалось впечатление, что «новый курс» руководства проводится очень непоследовательно и неуверенно, и хотя с Шаламовым разговоры на подобные темы возникали редко, но явно было, что это раздражало и его. Сочувственный отклик молодежи на его стихи, думаю, был тем важнее Варламу Тихоновичу, что у него было мало возможностей для контакта со своими читателями.

Неуступчивость, суровость были глубоко заложены в самой натуре Шаламова, ему было столь же свойственно и презрение ко всему суетному, и полное равнодушие к почестям и наградам. Конечно, его радовали первые поэтические успехи, но не помню, чтобы он хоть раз упомянул об отзывах критики, заметившей его книги. Он знал цену себе как поэту, этого было довольно. В конце шестидесятых годов его настойчиво приглашали вступить в Союз писателей – он не спешил с этим. Помню, как он желчно говорил: «Зовут-то зовут, да я не тороплюсь. Там до сих пор и те самые люди, которые меня посадили».

Посылая мне свою книгу «Дорога и судьба», Варлам Тихонович приложил к ней краткое, очень колоритное письмецо. Вот отрывок из него: «Дорогой Г. Р.! Вы были бы польщены гораздо более, если бы книгу подписал не я, а Бертран Рассел. Однако Вам нужно помнить, что в каждой стране своя цена на кровь и на протест». Письмо датировано 7 июля 1967 года. Здесь есть слегка ироническое отношение к самому себе, на которое способны только умные люди. (Напомню близкое по духу высказывание величайшего мастера иронии Томаса Манна: «Все

мы более или менее достойны смеха».) Но здесь и свойственная Шаламову горделивая скромность, ясное осознание своего значения в литературе и своей общественной миссии.

Шаламов не часто вспоминал о своей молодости, как и о годах, проведенных весьма «далеко от Москвы».

– Потолкался, – рассказывал он, – в разных литературных кружках. Потом пришел в журнал «ЛЕФ», к Сергею Михайловичу Третьякову. Я тогда писал и для газет, занимался журналистикой, больше от безденежья, конечно. Сергей Михайлович поначалу встретил приветливо, звал печататься в журнале. «Напишите нам, – говорит, – статью на тему «Язык газеты». Или «Писатель в газете», что-нибудь такое». Я говорю: «Мне, Сергей Михайлович, хочется по принципиальным вопросам высказаться». Он этак прищурился на меня сквозь очки и говорит: «По принципиальным вопросам мы сами пишем». Понял, что толку не дождешься от него, и ушёл. Больше в «ЛЕФ» никогда не ходил.

Незадолго до ареста Шаламова в журнале «Литературный современник» появился его рассказ «Пава и дерево». Я прочел его как раз в пору нашего знакомства и поразился емкости и свежести этой лаконичной прозы. Сказал об этом Варламу Тихоновичу. Он, улыбнувшись, заметил, что и сейчас доволен рассказом и что «Пава и дерево» получила премию на каком-то литературном конкурсе и очень быстро была напечатана.

О своем аресте Шаламов лишь однажды кратко, но с большой горечью сказал, что он пострадал за распространение «фальшивки, именуемой письмом Ленина к съезду». Так началось распространение засекреченного при Сталине подлинного ленинского документа, который теперь уже давно напечатан открыто.

Судьба Шаламова была частью тягчайшей народной беды. Не поняв этого, нельзя понять и его самого. Шаламов был человеком сурового, спартанского склада. Он не был склонен к «сантиментам». В то же время он невольно видел в своей судьбе некий эталон поэтического существования. В иные минуты даже любимый им Пастернак казался ему слишком благополучным. Это было, конечно, несправедливо, но у Варлама Шаламова была своя особая оптика – оптика человека, пережившего Колыму.

– Поэзия – это судьба, – говорил он. – Кто не прошел через горнило мучений, тому не о чем писать стихи. Судьба не пощадила Ахматову, но она сделала ее тем, кем она стала.

Вероятно, поэтому он отвергал любое словесное украшение, орнамент, словесную игру. Из поэтов прошлого столетия особенно ценил сурового, неулыбчивого Баратынского. В поэзии для него важна была суть, «неслыханная простота» (Б. Пастернак).

С прямолинейностью лютеранского пастора, изгоняющего черта, он в корне отрицал Вознесенского и близких тому по духу поэтов. «Треугольная груша» была ему явно не по душе, раздражала его. Естественная и очень подкупавшая меня тяга молодых к полуопальному или опальному поэтическому наследию начала XX века (особенно к Хлебникову) Варламом Тихоновичем воспринималась совсем иначе. Он видел здесь вторичность, желание щеголять в чужих перьях, под горячую руку у него могли даже сорваться явно несправедливые слова о «плагиате» или, чего доброго, «мародерстве».

Думаю, подсознательно здесь могла сказываться ревность к успехам чуждого ему поэтического течения, но решающим, главным было все-таки утверждение безоговорочной прямоты в искусстве.

Его любимыми поэтами были Бунин и Пастернак. Имя Бунина я слышал от него часто: он помнил малейшие подробности бунинской биографии, особенно раннего, орловского времени. Пастернак одним из первых оценил поэтическое дарование Шаламова, он постоянно поддерживал его в годы бедствий и скитаний. Шаламов бережно хранил книгу с большой дружеской надписью Пастернака, в которой поэт приветствовал освобождение Варлама Тихоновича и возвращение его в Москву. Помнится, это был «Фауст» Гёте в переводе Пастернака.

В обыденной жизни Варлама Тихоновича отличала детская наивность и непрактичность. Об иных случаях нельзя вспомнить без улыбки. Как-то Шаламов с редкой добротой и внимательностью осведомился о том, часто ли я печатаюсь. Получив ответ, что редко, он уверенно пообещал сосватать меня журналу «Москва», где тогда появлялись его стихи.

– Может быть, не стоит, Варлам Тихонович?

– Да будет вам! Поедем, и все тут.

В назначенный день мы явились в журнал, он важно и с достоинством ввел меня в кабинет пожилой редакторши и кратко объявил: «Вот вам Ратгауз». Кажется, он добавил (или, вернее, пробубнил себе под нос) еще два-три слова, но настолько невнятно, что их нельзя было разобрать. И тут же скрылся в соседней комнате, оставив меня в обществе слегка ошарашенной собеседницы... Стоит ли говорить, что эта затея лопнула?

Он любил читать стихи на прогулках. Он шел, похожий на Дон Кихота, размахивая длинными костлявыми руками. Голова высоко поднята, лицо с резко обозначенными скулами казалось вырубленным из дерева...

– Говорят, что самая чистая поэзия – это любовные стихи. Брежня это. Поэзия – трудное мужское дело, знаете, кто лучше всех об этом сказал? Ходасевич. Вот послушайте:

Лети, кораблик мой, лети,
Кренясь и не ища спасенья.
Его и нет на том пути.
Куда уносит вдохновенье.

Уж не вернуться нам назад,
Хотя в ненастье нашей ночи,
Быть может, с берега глядят
Одни нам ведомые очи.

А нет – беды не много в том!
Забыты мы – и то не плохо
Ведь мы и гибнем и поем
Не для девического вздоха.

И несколько раз повторял последние две строки...

Преданный одной только поэзии, горевший скрытой верой в свое назначение поэта, он жил в своем особом мире и не искал из него выхода. Он слышал своим уже ослабевшим слухом шум могучих таежных кедров, видел сияние тысячеверстных снегов. Он помнил угрюмые лица товарищей, вместе с которыми ему довелось изведать нечеловеческие муки и унижения.

Мне казалось, что он (чем дальше, тем больше) замыкается в себе, быть может, и потому, что его одолевали все грознее наступавшие болезни. На моих глазах все более хрупким и непрочным становился его дом, семья. Больно было видеть, как возрастало обоюдное непонимание между ним и Ольгой Сергеевной... Позднее они расстались.

В последние годы жизни Варлама Тихоновича мы уже редко встречались. При жизни поэта его, говоря словами Бориса Слуцкого, «кормили. Но кормили – плохо. Его хвалили. Но хвалили – тихо. Ему давали славу. Но едва». Слуцкий

здесь упомянут не случайно: он был одним из очень немногих известных писателей, которые уже тогда понимали значение Шаламова. Жизнь Шаламова была жизнью в тени, этому способствовало многое: его презрение к мирским благам и непрактичность, трудный характер, болезни и, главное, настороженное отношение к его «Колымским рассказам» – они, конечно, не могли тогда увидеть света, но ходили по рукам в списках, будоража умы, напоминая о том, о чем многие хотели забыть...

Лишь в наши дни, когда Варлама Тихоновича давно уже нет, к нему приходит та слава, которую он заслужил. Но к нашей радости примешивается и чувство горечи: для самого Шаламова это признание слишком запоздало.

Электронная версия статьи Ратгауза в блоге «Варлам Шаламов и концентрационный мир» <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/369822.html>

Скан статьи в расширении pdf

https://dl.dropboxusercontent.com/u/9178411/Ratgaus_o_Shalamove.pdf

Владимир Рябоконт-Рибопьер

От составителя

Через поэта Владимира Хохлева я списался с живущим в Голландии поэтом, журналистом, лектором Владимиром Васильевичем Рябоконт-Рибопьером http://vk.com/wall-45667283_189. Владимир навещал Шаламова в доме престарелых и вместе с друзьями составил сборник его прозы «Воскрешение лиственницы», выпущенный в Париже издательством ИМКА-Пресс в 1985 году. Обо всем этом в беседе, проведенной нами по скайпу в конце июля-начале августа 2015 года. Весьма благодарен Владимиру за отзывчивость и интереснейший разговор.

В 1989 Владимир Рябоконт выехал из СССР на Запад, сначала во Францию, потом в Голландию и Германию. Работал в газете «Русская мысль» и на радиостанции Немецкая волна. Живет в Амстердаме, читает лекции по истории искусства, водит экскурсии («Авторские экскурсии по Голландии с Владимиром Рибопьером» <http://www.grgbenelux.ru/ru/ekskursii/ac-avtorskie-ekskursii-po-gollandii-c-vladimirom-riboperom>).

Расшифровка моя, текст беседы авторизован.

Разгадка появления второй «тамиздатской» книги прозы Шаламова, ИМКА-Press, Париж, 1985

Дмитрий Нич: – Здравствуйте, Владимир. Знаете, я очень удивился, услышав от Вас в предыдущем разговоре, что сборник Шаламова «Воскрешение лиственницы», выпущенный в 1985 году в Париже, составлен Вами. Я был уверен, что

его составитель – Михаил Геллер. Там есть его предисловие, а Ваше имя не упомянуто.

Владимир Рябокони-Рибопьер: – Я совершенно не в обиде на Михаила Яковлевича, у меня никаких претензий к нему нет. Это кристально чистой души человек, очень много помогавший диссидентам, сам пострадавший. Слава богу, что у него были связи с ИМКА-Пресс через Никиту Струве, и все это было издано. Ну, тем более, Шаламов. Тут не нужно было никого уговаривать, все понимали, что это нужно делать. Нет, никаких претензий. Тем более, что любое упоминание – тогда еще, до горбачевской перестройки – имени людей, которые участвовали в создании, составлении книги Варлама Тихоновича, неизбежно повлекло бы за собой какие-то репрессии со стороны КГБ. Это, по-моему, очевидно.

– Да, Вы правы, конечно.

– Я помню, это даже обговаривалось. Он спрашивал, Вы хотите, чтобы Ваше имя стояло там? Я сказал, нет, пожалуйста, не ставьте ни мое имя, ни тех, кто мне помогает. Пусть это будет такой безымянный труд.

– Расскажите, пожалуйста, о доме престарелых. Как Вы туда попали? Как вообще узнали, что Шаламов там находится?

– Я узнал это от Лены Захаровой-Хинкис вскоре после похорон Надежды Яковлевны Мандельштам, где мы, собственно, и познакомились. Она-то мне и сказала, что ее отец, известный переводчик, Виктор Хинкис, побывал в доме престарелых, где содержится Шаламов, и увидел, какие это кошмарные условия. Потом инициатива перешла к нам. Это был восемьдесят первый год. Мы тогда встретились с Леной, кажется, это было метро Тушино, сели на автобус в сторону Планерного, где и находился этот интернат. Многие детали я, увы, конечно, забыл.

– Вы не помните Александра Морозова в доме престарелых?

– Что Вы, Сашу Морозова я еще как помню. Когда мы убирались, переодевали, мыли, водили Шаламова в туалет... По приходе мы громко говорили свое имя, и он ощупывал наши лица руками, у него была такая манера, связанная с его болезнью. У него было вечно повязанное на шее вафельное полотенце. С вафельным полотенцем на горле я его и запомнил. Так вот, когда мы приходили и убирали в палате 244, если не ошибаюсь, Саша Морозов был несколько раз, раза три-четыре, потом он самостоятельно приходил, в какие-то отдельные дни. И он, буквально припав к уху Шаламова, записывал стихи, причем на каждое стихотворение уходило день-полтора-два – очень сложно было разбирать слова. Не помню, чтобы он там чистил что-то, он занимался в основном вот этим общением, записями стихов.

– Какое впечатление производила мимика Шаламова, затрудненность речи? Я имею в виду, чисто эмоционально?

– Поначалу это было, конечно, жутковатое явление. Но потом мы к этому привыкли. Мы знали, что это болезнь, маска на самом деле, и за этой маской скрывается абсолютно чистый человек. Было больно прорываться сквозь эту маску к нему, тем более, поэзия...

– Не отпугивало? Не было это настолько отталкивающим, чтобы возникло желание, ну, устраниться от этого контакта?

– Нет, такого не было. По крайней мере, я о себе сужу. Я видел, что с этим человеком обязательно нужно общаться, потому что если не мы, то кто еще может ему помочь? Отталкивающего впечатления не было, было страшновато. Страшновато, что сделала с ним эпоха, люди, окружавшие его. Как довели его до такого состояния. Вот это было страшно... Мы хотели успеть. Мы понимали, что каждый день это может закончиться. Поэтому мы старались довольно регулярно туда приходить, по-моему, у нас даже была какая-то очередность. Поначалу мы с Леной Хинкис приходили вместе, а потом разделились.

– Какое впечатление производила его вот эта шестиметровая комната?

– Довольно странный вопрос. Это была ну если не камера, не помню, были ли там решетки на окнах, кажется, не было. Крохотная комнатка с двумя кроватями, поставленными вдоль стен, между кроватями тумбочка...

– Так еще одна кровать была?

– Да. Она оставались пустой, и мы на этой кровати сидели или складывали какие-то вещи. Я помню, что в первый визит Лена принесла пижаму, и мы его в эту пижаму переодевали.

– Получается, места там вообще не оставалось?

– Был еще туалет с раковиной. За дверью.

– А стул?

– Я не помню, были ли там еще стулья.

– Ну вот, допустим, когда Морозов часами общался с Шаламовым...

– Там еще между кроватями метра полтора, он сидел на полу, на корточках, совсем близко к нему. У него был блокнот и ручка, не помню, шариковая ручка или карандаш. Во всяком случае, совсем близко к нему, практически прислонившись. Может быть, сидел на кровати, скорее всего сидел на его кровати и пытался что-то расслышать.

– Это ведь характеризует и Морозова. Не каждый человек согласится записывать стихи в таких условиях.

– Да ну бросьте. Что значит, не согласится. Это же была экстремальная ситуация. Саша Морозов – русский интеллигент. Никакой брезгливости не было. Перед ним был умирающий человек, замечательный писатель, поэт, и конечно же, Морозов пытался услышать как следует, разборчиво.

Я это видел. Если я в это время приходил, он мне знаками делал, чтобы я не мешал. Я видел, как этот процесс происходит. Это было что-то настолько не похожее на обычное стихосложение, когда человек мучается, чтобы найти слово, ищет метафору... Это была физическая мука. Его тело, уже вконец обессиленное, становилось частью какой-то поэтической фразы, оно в буквальном смысле этим наполнялось. Он издавал какие-то глухие звуки, и видно было, как его тело меняется. И смотреть на это было жутко. Да, страшно. Саша чувствовал в этих звуках какие-то слова, это был долгий процесс. Для Шаламова было важно это выталкивать, вытолкнуть из этой оболочки, уже как бы закончившейся, слова, которые образуют поэзию.

– Как Вы узнали о переводе Шаламова в заведение для психохроников, о его смерти?

– Лена мне позвонила, сразу же. Потом мы встретились, начали как-то мобилизовывать друзей.

– Я понимаю так, что после дома престарелых Вы видели Шаламова уже на отпевании?

– Да, в церкви, на отпевании.

– Не помните, кто там присутствовал?

– Знаете, довольно странно, я даже не помню, в какой церкви его отпевали. Помню, что Надежду Яковлевну отпевали в церкви на Речном вокзале. А где отпевали Шаламова... Я очень многое забыл уже.

– Прошло тридцать три года.

– Я очень мало к теме Шаламова с тех пор возвращался. Сделал какие-то публикации, статью написал, вот, пожалуй, и все.

– Похороны Вы помните?

– Да, это было там же, где за полтора года до этого хоронили Надежду Яковлевну Мандельштам. Это было Кунцевское кладбище. Много чего помню. Как везли, это был похоронный такой автобусик, в каких пионеров развозят по пионерским лагерям, пузатенькие такие коротышки. И на ветровом стекле красовался Усатый. Попросили снять эту фотографию, и после неких препирательств шофер снял. Там был вот еще какой забавный момент. В этот день знаете кого еще хоронили? Цвигуна*.

– Это гебист который?

- Ага. Там вообще масса была потрясающих совпадений. Этот самый Цвигун, зять Щелокова, все эти оружейные выстрелы, такие парадные.
- Что, похоронные процессии Шаламова и Цвигуна совпали?
- Ага. Это какое-то безумие. В самом акте смерти присутствовала эта эпоха.
- Сколько человек было на похоронах Шаламова? Ну так, ориентировочно?
- Сотни три, наверное.
- Сотни три?!
- Или две. Довольно много людей присутствовало.
- На фотографиях выглядит значительно меньше. И до сих пор я читал, цифры... от полусотни до ста двадцати человек. Вам кажется, значительно больше?
- Знаете, времени-то прошло сколько... У меня похороны Шаламова в сознании слились с похоронами Надежды Яковлевны Мандельштам. Там было уж точно больше.
- Да, вероятнее всего, наложилось. Когда Вы прочли «Колымские рассказы»?
- Это был конец семидесятых годов. Сразу вслед за «Архипелагом».
- Вы имеете в виду книгу, изданную в 1978 году в Лондоне в издательстве ОРИ?
- Да, эту книжку я и читал.
- Не самиздатские рукописи?
- Нет, книжку. Я читал книжки. У меня тогда было огромное количество книг... Толстый такой кирпич, «Колымские рассказы». У меня было экземпляров пятнадцать этой книжки. Свежие, пахнущие типографской краской, только что получил из американского посольства и по адресам их, соответственно, развозил.
- Когда Вы решили собрать для Геллера вторую книгу прозы Шаламова? Каким образом у Вас эта инициатива родилась? Как Вы вообще вышли на Михаила Геллера – в качестве инициатора издания второй книги? Или он Вас нашел? Как эта вторая книга возникла?
- Почему именно Михаил Яковлевич? Или кто-то мне посоветовал, или я сам увидел, что это возможно. Сейчас не берусь сказать. Но то, что нужно было собирать оставшиеся рукописи, находить рассказы Шаламова, это во мне не вызвало никаких сомнений, я понимал, что это просто для будущего, для страны, в конце концов, для памяти, для совести. Что такие рассказы должен прочитать каждый, кто считает себя русским. Ей Богу. Там везде, в каждой строчке этот колымский холод. Вот эти звезды, листовница трепещущая. Холод, пробирающий до костей. Я это не фигурально говорю. Когда я читал, чувствовался весь

этот ужас. Из воздуха выкачали кислород. Все. Остался лишь холод, звезды, лай собак и вот эти смерти на снегу.

– Итак, Геллер получил от Вас готовый сборник, вместе с автографом шаламовской автобиографии, и таким отнес его в издательство. Я правильно понял?

– Да. Часть я от Варлама Тихоновича получил. Он мне оставил адреса, где жили люди, которым он доверял. Это было отчасти под Москвой, в Подмосковье, и далее. Я ездил по этим адресам. В один город пришлось целую ночь ехать. Это были рукописи, разбросанные по разным местам. Я действовал из определенной логики – куда ехать, как представляться, чтобы не испугались... Какие-то рассказы совпадали, но всегда находилось что-то новое. Это и «Четвертая Вологда» была. Да, многие адреса я получил непосредственно от Шаламова.

– Он продиктовал?

– Не помню. У него, по-моему, было записано. Таким уже совершенно корявым почерком. И я по этим адресам разъезжал.

– А у кого именно хранились эти рукописи? Сейчас уже, наверное, можно называть имена. Хранение самиздата уже не инкриминируют.

– Знаете, Дмитрий, я Вас должен разочаровать. Прошло слишком много лет, и я уже не помню имен.

– Итак, Вы собрали рукописи...

– Это не только рукописи были. Еще и магнитофонные пленки.

– Вы имеете в виду пленки, надиктованные Шаламовым?

– Да, рассказы. В разных местах. Были у Натальи Владимировны Кинд-Рожанской. Довольно много пленок оказалось. Это еще шестидесятые годы. Он там довольно много прочитал, и эти бобины сохранились. Несмотря на десять-пятнадцать лет. Они даже не осыпались. Магнитофонную пленку надо хранить в специальных условиях, при температуре особой. Но она не осыпалась, хотя звучало иногда глуховато. И мы это потом расшифровывали. Ужасно долго, кстати. Некоторые рассказы, про шахматы, например, я помню. Очень было сложно.

– А, значит, некоторые рассказы перепечатаны с пленок. А как Вы отбирали тексты для нового сборника? Вы сличали найденное с содержанием уже вышедшего, лондонского тома?

– Разумеется. Чтобы не повторялось.

– А как рассказ «Белка» попал в сборнике в цикл «рассказов о детстве»? Сам Шаламов поместил его в «Колымских рассказах».

– У Варлама Тихоновича все это было вместе. «Рассказы о детстве». И я решил не нарушать эту структуру. Я ничего не менял. Хотя, может быть, это какой-

то мой недосмотр. Мы тогда не думали о текстологии, не подходили с такой скрупулезностью. Это то, что удалось собрать, расшифровать с магнитофонных пленок. Были еще стихи. Но, насколько я помню, Геллер сказал, что не стоит включать стихи, что у него есть эти стихи. Как-то так. Я хотел переслать стихи, много

стихов. Они были напечатаны на папиросной бумаге, или на обычной такой уже пожелтевшей бумаге, четвертая-пятая копия, бледновато все это выглядело.

– То есть Вы передали Геллеру практически готовую книгу. Через кого, не скажите?

– Я же сказал – через американских дипломатов.

– И в том виде, в каком Вы ее передали, она и вышла?

– Ага. Я привлек к составлению сборника филологов. Для ясности: это были Лариса Иосифовна Богораз, ее сын, Санька Даниэль, Евгения Эммануиловна Печуро и Эмма Ботвинник**. Вот этот круг людей, все друзья. И отчасти люди из Института русского языка и литературы, потому что там были пленки невозможного качества, мы их приглашали, чтобы вместе расслышать, наши друзья, люди, близкие к правозащитному движению, можно было быть уверенным, что они ни в

какое КГБ не сообщат.

– Получается настоящая редакционная коллегия.

– Да, конечно. Я сам ее подобрал.

– И этот собранный вами том Вы передали Геллеру в качестве, так сказать, окончательного варианта.

– Да. Мне казалось, что это такой постскрипtum к изданным «Колымским рассказам». Ну и добавления существенные.

– Еще бы не существенные! Повесть, десятка полтора рассказов, автобиография... Сколько в целом времени ушло на поиск рукописей и составление сборника?

– Практически еще при жизни Шаламова, с восемьдесят первого года по восемьдесят четвертый, почти три года. Геллер получил ее от меня в восемьдесят

четвертом году, возможно, осенью. И дал знать открыткой, которая до меня дошла. Что там было на открытке... Фонтан, какая-то площадь, голуби. И написал про то, что Париж в зелени, плоды, жарко. Это означало, что сборник получен. Она у меня где-то в архиве, эта открытка.

– А саму книгу Вы получили?

– Получил один экземпляр. Или два. Не помню сейчас. Помню, что когда я в первый раз приехал в Париж в восемьдесят восьмом и встретился с Михаилом Яковлевичем, мы были с женой, Дафной, сидели часа три, он нас кормил, разговаривали, – вот тогда он дал мне довольно много экземпляров. И еще дали в редакции «Русской мысли». Там была комната с изданными в ИМКА-Пресс произведениями, они их обычно посылали через кого-то в Россию.

– Вы знали Ирину Сиротинскую?

– Видел ее несколько раз и даже разговаривал с ней, но не скажу, что мы были знакомы.

– Меня вот что интересует. Архив Шаламова ведь перешел к ней, она забрала его в ЦГАЛИ перед отправкой Шаламова в дом престарелых. Он у нее там лежал. В общем, все, что вы где-то по клочкам собирали, рассказы с магнитофонных лент расшифровывали – у нее все это было в ЦГАЛИ. Вы знали, что архив у нее?

– Знал, конечно. Все знали, что она сидит сиднем на этом архиве и никого не подпускает.

– Обращались к ней?

– Как-то раз к ней подходил. Не помню, при каких обстоятельствах. Не помню точно, была ли она на поминках. Нет, на поминки она, по-моему, не пришла. Нет-нет, на поминках ее не было. Не помню, где мы пересеклись, я сказал: «Это же все-таки наследие Шаламова. Неужели вы думаете, что сами сможете во всем этом разобраться? Как можно это вот так держать? Вы же понимаете, что речь идет о серьезном писателе, его произведения должны быть опубликованы». Я тогда хотел какие-то вещи попросить у нее. Ну, знал, что это вряд ли получится. Для публикации на Западе, естественно, потому что прекрасно понимал, что в Советском Союзе это невозможно. В общем, понятно, чем закончился разговор.

– Какая была реакция?

– Испуганная. Она не очень хотела разговаривать... И больше я... Нет, помню, году в 87-88-м был какой-то литературный вечер, посвященный Шаламову. Там выступало много людей. Был Фазиль Искандер, был мой приятель и друг Геннадий Айги***. Да, 88-й. И она туда пришла.

– Не на этом вечере выступали Наталья Кинд, Юлий Шрейдер?

– Да. И она там присутствовала. Такое у меня ощущение. Помню как бы боковым зрением.

– В одном из интервью она говорила, что это она поставила памятник на могиле Шаламова и она его оплатила.

– Это неправда. Мы сложились и это сделали. Федот Федотович Сучков вошел в наш круг. Я его рукопись переправил на Запад, ее там опубликовали. Он ведь был еще и писателем. Надгробный памятник был данью уважения великому писателю. Какие деньги. Не понимаю, о чем Вы спрашиваете.

– Ну бронза, отливку надо сделать. Хоть маленький, но все-таки памятник.

– Да, конечно. Отлить – это производство, безусловно, в домашних условиях не сделаешь. На это просто все складывались. Это настолько естественно. Я давал деньги, другие давали, трешку, пятерку.

– Вы знали Наталью Столярову? В шестидесятые годы у нее были довольно тесные отношения с Шаламовым.

– Да, знал. Его стихи ей положительно не нравились. Это я очень хорошо помню. А прозу его Наталья Ивановна считала выдающейся.

– После смерти Шаламова до «перестройки», пока вечера его не стало возможным проводить официально. Отмечались в каких-то формах юбилеи Шаламова, смерти его, рождения? Было что-нибудь подобное? Частным образом, конечно.

– Знаете, возможно, мы встречались год спустя после похорон. На год смерти Варлама Тихоновича. И тоже у Натальи Владимировны Кинд. И по-моему, даже на второй год. А потом это стало уже невозможно. Знаете, плотная слежка такая. Я даже мало к кому приходил в гости.

– Как это выглядело наглядно?

– За мной постоянно ходило несколько пар. Довольно часто мужчина с женщиной, изображали семью или влюбленных. Я к этому привык. Слежка была повсеместна. Когда я заходил в подъезд... Обычно, знаете, в Советском Союзе повсюду стояли застекленные стенды с газетами, они пристраивались и читали газеты, то с одной стороны, то с другой. Я заходил в подъезд, они поднимались. Как правило, этажом выше и этажом ниже – на всякий случай. Чтобы контролировать. Так было постоянно в течение многих лет, с 82-го до 88-го, пожалуй. Когда мы с Саней Подрабинеким**** начали делать «Экспресс-хронику», первое в СССР периодическое информационное издание, как бы наследие «Хроники текущих событий», это было уже у меня на квартире. Мы печатали «Экспресс-хронику». Машинисткой у нас была Вера Лашкова*****, которая перепечатывала первые экземпляры «Архипелага ГУЛАГ», еще до того, как они попали на Запад.

Потом я пригласил Володю Корсунского, Петю Старчика*****, и нас стало четверо. А так мы с Саней Подрабинеком вдвоем, это наша идея. Конечно, опасность была. Конечно, это нервировало мою маму, у нее больное сердце было.

– Вы упоминали о магнитофонной бобине, переданной Вами после смерти Шаламова на Радио Свобода. Несколько лет назад они транслировали отрывки из этой программы 1982 года. Запись была сделана на поминках по Шаламову. Хочу уточнить. На поминках в доме Натальи Кинд? Поскольку поминки справлялись в нескольких местах.

– Да, это были поминки у Натальи Владимировны Кинд.

– Что представляла собой эта бобина? Ведущий на Радио Свобода только сказал, я имею в виду, в повторной, сравнительно недавней передаче, что к ним попала вот эта магнитофонная запись, как бы вроде она попала неизвестно откуда.

– Что значит... (смеется). Здравьете. Ее отправила Анн Гэрэлс, тогда я ей передал. Она была шефом американской телекомпании Эй-Би-Си Ньюз, моя близкая подруга. И она отправила непосредственно в Мюнхен, где располагалась штаб-квартира Радио Свобода. Я передал ей это в апреле восемьдесят второго года, и буквально через десять дней она уже стала звучать в эфире, причем прозвучала раз пять, может быть, шесть, вплоть до каких-то чисел мая. Они назвали это «магнитиздатом». Она у меня целиком на CD, Тольц*****, мне ее из архива Радио Свобода прислал в ноябре 2009 года из Праги. Программу эту полностью составлял я, в радиорубке московского театра «Современник», по ночам, где я работал в это время пожарным. Мне помогал звукооператор Сережа Платонов*****, в качестве специалиста по фонограммам. Там была хорошая аппаратура, шведская. Никого не было, никто не мешал. Мирно, культурно, по ночам в течение двух месяцев. А потом – он же резал, это же пленка была, я ее получил от Натальи Владимировны Кинд – я собрал обрезки в большой целлофановый пакет, вынес из театра и упрятал в большом мусорном ящике, подальше на улице. Следы уничтожены (смеется). А введение к этой программе я записывал у себя дома. Квартира моя прослушивалась, сделать это в другом месте возможности не было, и я записывал эту преамбулу в ванной, включив воду. Я по радио даже не узнал вначале свой голос. Там же вода лилась, а в Мюнхене, на «Свободе», они шумы решили убрать, и в результате вытянули мой голос, ну, не совсем соответствующий моему (смеется). Потом, правда, начал узнавать.

– Из этой программы в интернете, к сожалению, есть только фрагменты – те, что транслировались по «Свободе» в передаче к столетию со дня рождения Шаламова.

– Я ее послал в Москву в Мемориал, а как уж Мемориал с этим поступил, я не знаю.

– Будем надеяться, что эта запись в полном виде станет доступна не только работникам архива. Большое спасибо, Владимир.

Июль-август 2015

ПРИМЕЧАНИЯ

* Цвигун Семен Кузьмич (1917-1982), с 1939 года работник НКВД-МГБ-КГБ, в последние годы курировал Пятое (борьба с идеологическими диверсиями) Управление КГБ; по официальной версии, застрелился 19 января 1982 г.; автор книг и киносценариев о разведчиках.

** Лариса Иосифовна Богораз, известный деятель правозащитного движения в СССР, в первом браке жена Юлия Даниэля, во втором – Анатолия Марченко.

Александр Юльевич Даниэль <http://www.memo.ru/d/2653.html>, сын Ларисы Богораз от первого брака, участник правозащитного движения в СССР, ныне член правления общества Мемориал.

Евгения Эммануиловна Печуро (1914-2002); философ (Витебск, Москва); уч. ВОВ; сотр. ФБОН, журн. «Вопросы истории», Ин-та философии АН; уч. в деятельности Фонда помощи политзаключенным (не ранее 1974-1980-е?); подверглась преследованиям: допросы (кон. 1940-х), обыск по делу С.Д. ХОДОРОВИЧА (1983), «предостережение» по «Указу» (1983). Одна из инициаторов кн. «Сахаровский сб.» (1981), «Заступница» (1997).

Информация из блога Фонд помощи политзаключенным <http://lj.rossia.org/users/orly74/124786.html>

Нозми Марковна Ботвинник. «Нозми Ботвинник, дочь питерского историка М.Н. Ботвинника, биохимик по образованию, пронзительно умная, рассудительная и одновременно эмоциональная, играла важную, по-настоящему не оцененную роль в правозащитном движении, хотя «на поверхности» не была широко известна. Она помогла устроить судьбы множества людей, передала на Запад массу самиздатских документов, ездила в магаданскую ссылку С. Ковалева и в

80-х годах была на волосок от посадки (обыски в квартире были в 80-м, 85-м и 86 г.г.). Семья дружила с А. Марченко, Л. Богораз, Ю. Гастевым. А когда Ковалев после своего десятилетнего срока в 84 году вернулся и находился под надзором, Борис и Эми искали ему квартиру в Калининe, помогали обустроиться там и принимали в Москве. В их квартире на Моссельмаше всегда кто-то гостил».

Информация из статьи Виталия Помазова «Скажем спасибо и этой судьбе. Воспоминания нижегородского диссидента о 1970-х – 1980-х годах». Часть вторая, №12 [268] 05.09.2013 <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3662&level1=main&level2=articles> с сайта научно-культурологического журнала RELGA.

Статья Н. Ботвинник о правозащитном движении опубликована в бесплатной просветительской газете «30 октября», №117, 2013, издающейся обществом Мемориал для жертв политических репрессий и региональных отделений организации.

*** Геннадий Айги, поэт, деятель чувашского культурного возрождения, примыкал к диссидентам. См. его мемуар «Один вечер с Варламом Шаламовым» в основном томе.

**** Александр Пинхосович Подрабинек, диссидент, общественный деятель, журналист, автор книги «Карательная медицина», 1979. Некоторое время – главный редактор информационного агентства Прима-News.

***** Вера Иосифовна Лашкова, участница диссидентского движения, подсудимая на «процессе четырех», 1968.

***** Владимир Борухович Корсунский, участник правозащитного движения, журналист, ныне главный редактор интернет-издания «Грани.Ru», <https://www.labyrinth.ru/content/card.asp?cardid=57842> т

Петр Петрович Старчик, участник правозащитного движения, бард, композитор, общественный деятель. Автор песен на стихи Шаламова.

***** Владимир Соломонович Тольц, историк, активный деятель правозащитного движения, с 1995 – редактор и ведущий программ Радио Свобода.

***** Сергей Леонидович Платонов, звукорежиссер театра «Современник», ныне начальник радиоцеха театра.

О Михаиле Геллере, Александре Морозове, Федоте Сучкове, Наталье Кинд, Наталье Столяровой, Ирине Сиротинской, Елене Захаровой, Надежде Мандельштам см. соответствующие метки в блоге «Варлам Шаламов и концентрационный мир».

Электронная версия интервью в блоге:

начало <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/372988.html>

окончание <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/373176.html>

Владимир Васильевич Рябокони-Рибопьер (род. 1957), диссидент, журналист, поэт, ухаживал за Шаламовым в доме престарелых, собирал сборник «Воскрешение лиственницы», Париж, ИМКА-Пресс, 1985. Живет в Амстердаме

Андрей Сергеев

«У Эрзы я впервые был в мастерской скульптора. У Фалька – в мастерской живописца. Приветливый, деликатный, он менял на мольберте холсты. Ранние – в русле течений. Поздние – мальчик, словно после ареста отца, апокалиптическая морковь или картошка – та самая жизнь, какой жили мы с детства.

В углу мастерской дамы щебетали о прекрасном пастернаковце Шаламове – сидел двадцать три года, теперь – подпольный поэт. Когда вышли, я сказал Ваде и Эрику, что по природе поэт не может быть подпольным – даже если его не печатают. [...]

Иногда Слуцкий попадал в цель:

[...] – Реабилитированные способны изменить климат общества.

Реабилитированных мы видели мало. Как-то не было повода. Интересовал нас разве Шаламов – тот самый пастернаковец, о котором говорили у Фалька. К Шаламову на Гоголевский меня отвела старая поэтесса Вера Николаевна Клюева, преподаватель ИН-ЯЗа.

Мы попили чаю, поговорили о поэзии – другого не трогали, – почитали стихи. Шаламов ужасно понравился, стихи его – нет.

У него была поразительная встречаемость. В городе, в буках [букинистических магазинах] издаека – широченная сияющая улыбка, всплеск рук и медвежье пожатие, остаток той силищи, что вытащила на Колыме».

Андрей Сергеев, «Альбом для марок», на сайте Российской виртуальной библиотеки <http://rvb.ru/np/publication/03misc/sergeev.htm>

Шаламов в дневнике упоминает Сергеева на похоронах Бориса Пастернака.

Андрей Яковлевич Сергеев (1933-1998), поэт, переводчик, прозаик, участник литературного андеграунда, лауреат Букеровской премии (1996) за книгу воспоминаний «Альбом для марок»

Габриэль Суперфин

От составителя

Лапидарные, но весьма важные, на мой взгляд, свидетельства Габриэля Суперфина. Речь идет о саквояже с рукописями КР, переправленном Шаламовым для издания в Париж через Ирину Каневскую и ее мужа Кирилла Хенкина (см. мемуар Каневской «Памяти автора «Колымских рассказов» в основном томе сборника), и о самиздатском собрании сочинений Шаламова под редакцией Леонида Пинского (см. соответствующий раздел в основном томе).

Из переписки по электронной почте от 22-23 октября 2012 года. Разрешение на публикацию

данных фрагментов было получено.

Примечания мои.

[О «списке-68»]

Мне говорили Хенкины, что это они переправили Шаламова во Францию, через Прагу, где тогда работали ([журнал] «Проблемы мира и социализма»). Значит, было это где-то между 1966-68 гг.

Более точно Хенкина сама написала в «Посеве» (публ. 1982 г. и наверное по Радио Свобода), там более точная дата отправки.

<...>

Я слышал рассказ не от Хенкиных, а от Хенкина (Ира уже к этому моменту умерла). Кирилл рассказывал красочно, мне запомнился не чемодан, а какие-то чуть ли не санки.

[О машинописном самиздатском собрании сочинений Шаламова издания Леонида Пинского]

Тома в переплете я видел скорее всего у Пинского (он готовил собрсоч к 60-летию ВТШ.).

Я помню роскошно переплетенные тома этого издания с переплетами карельской березы. И кто переплетал, не помню. В то время было два надежных переплетчика: Эрик Руденко*, давно покойный, и Лев Мих. Турчинский**. К счастью жив!).

Помню, как Варлам уже ругал и Пинского и Столярову. Ревнив был старик и не добр.

---

* «Ещё я знала такого Эрика Руденко, Он никогда ничего не подписывал и вёл себя очень осторожно. При этом он очень страдал от того, что ничего не подписывает и никто не знает, какой он заядлый диссидент. «Светиться» он не хотел из-за того, что у него была самиздатская «фирма», – машинистки, которые печатали самиздат за деньги. Он находил таких машинисток, давал им книжку на перепечатку, забирал потом напечатанное и сам продавал. Он имел с этого что-то за комиссию, но это, конечно, не были большие деньги. И это предприятие не было прибыльным, потому что риск не оправдывал тех небольших денег, которые он с этого имел. Основана же эта его деятельность была, в первую очередь, на убеждениях и энтузиазме. Поскольку ему было очень горько от того, что он ничего не подписывает, Эрик и открыл мне тайну про эту свою контору с тем, чтобы я знала, почему он ничего не подписывает, и сказал, что если мне надо, то он всегда может запустить какой-то текст в производство. И я этим несколько раз пользовалась, когда нужно было изготовить тираж чего-либо и когда на это имелись деньги».

Из воспоминаний Людмилы Алексеевой на сайте Антология самиздата http://antology.igrunov.ru/1_alexeeva.html.

«Итак, мы в квартире Эрика Руденко. Ты помнишь эту однокомнатную хрущёвку, где пять тысяч томов закрывали стены от пола до потолка? Яд инакомыслия источал каждый сантиметр этого жилища. К Эрику сходилась так называемая неофициальная, а потому и запрещённая информация. [...]. За одну «Технологию власти» Авторханова давали 10 лет: эта книга возглавляла список литературы, в разной степени считавшейся крамольной. А у нас с Людкой бывало и по не-

сколько штук припрятано: мы у Эрика были звеном в цепи распространения «запрещёнки». За прочтение давали в залог 30 рублей (новыми), но, как правило, книгу не возвращали и деньги шли в диссидентскую кассу, в основном, для оплаты труда машинисток».

Из воспоминаний Евгения Рабиновича на сайте журнала «Заметки по еврейской истории»

<http://berkovich-zametki.com/2012/Zametki/Nomer6/EvgRabinovich1.php>

** Советский и российский литературовед, библиограф, библиофил.

Габриэль Гаврилович Суперфин (род. 1943), диссидент, лагерник, сотрудник неподцензурной «Хроники текущих событий», после эмиграции работал на Радио Свобода и в Бременском университете, высококвалифицированный архивист, живет в Бремене, Германия

Людмила Ярославцева

Отрывок из воспоминаний о забайкальском поэте-инвалиде детства Геннадии Головатом его подруги, художницы Людмилы Ярославцевой, тоже сибирячки, а позже москвички. На рубеже семидесятых-восемидесятых Головатый с его широким кругом знакомств временно жил в Москве и, судя по воспоминаниям другой его подруги, Галины Рогалевой, симпатизировал диссидентам.

«Как-то он попросил меня съездить в инвалидный дом, навестить тяжело больного писателя и поэта Варлама Шаламова. Так невольно я стала свидетельницей последних дней теперь уже достаточно известного, прошедшего ГУЛаг и описавшего его в «Колымских рассказах», писателя. Я взяла с собой подругу. Купив яблок, мы приехали по названному адресу, вошли в узкий тусклый коридорчик, стали искать палату в надежде, что она выглядит лучше... Но... От этого посещения мы испытали шок – никак не ожидали, что писатель может находиться в таких страшных, несовместимых с понятием «пансионат» условиях. Он нас увидел, но не смог ни сесть нормально, ни поест борщ, который мы принесли. Нечаянно выбив ложку из моих рук, весь облился... У подруги был настоящий психический стресс.

Варлам Тихонович доживал последний год. Нам показалось, что он уже не мог говорить... Но позже выяснилось, что среди близких ему были люди, которые умудрялись разобрать слова невнятной речи. И даже записывали его стихи! А я накормить как следует не смогла...

И неумное чувство вины поселилось в душе... Какая страшная судьба!.. Как можно содержать в подобных условиях писателя?! Это не один человек болен: бедная больная Россия! Бедная не деньгами – душой... [...]

В перестроечный период Головатый вынужден был поселиться в пансионате для ветеранов войны и труда. Когда-то в этом доме по улице Островитянова, 16, умерла актриса Татьяна Пельцер... Печальны судьбы наших талантов!

Тут, на Островитянова, правда, было уютнее и чище, чем там, где доживал свои дни Варлам Шаламов».

2009

Опубликовано в читинском литературно-художественном сборнике «Слово Забайкалья», № 1(14), 2011 http://зabayкальскиеписатели.рф/slovo/slovo_1-14-2011.pdf.

О Геннадии Головатом см. очерк Галины Рогалевой «Я молю судьбу за Вас» <http://www.stihi.ru/2010/01/28/1442>.

Людмила Степановна Ярославцева (род. 1946), художник, поэтесса, кроликовод. Жила в Казахстане, Забайкалье, училась в Иркутском училище искусств, живет в Москве

Впечатления о Шаламове участников вечера памяти Мандельштама на мехмате МГУ, 1965 год

В дополнение к статье в основном томе о впечатлении присутствовавших на первом Мандельштамовском вечере от чтения Шаламовым рассказа «Шерри-бренди».

Евгений Андреев*: «Я твердо помню, что на меня Шерри-бренди произвело тяжелое впечатление. Теперь я могу оценить, что воспринял его как кровавую сцену в кинохронике».

Борис Шапиро**: «Больше всего меня потрясло выступление Шаламова. Оно было тройной драмой: личность, голос и то, что он говорил. Он был живой демонстрацией реальности невозможного и недопустимого – настоящая точка над *i*. При недюжинном, орвелловском таланте фантаста ужасов и одновременно гениальном поэтическом даре можно было бы всё это придумать. Всё, кроме Шаламова. Но Шаламова придумать никаким даром невозможно!».

* Евгений Андреев – в то время студент мехмата МГУ

** Борис Шапиро – в то время студент физфака МГУ

Взято из статьи Павла Нерлера «Первый мандельштамовский вечер» <http://www.rjc.ru/rus/site.aspx?SECTIONID=345556&IID=2522507>, декабрь 2013, опубликованной на сайте Российского еврейского конгресса. Сноски составителя.

Кстати, Нерлер в статье упустил из виду стенограмму этого вечера, сделанную Раисой Орловой (см. в основном томе сборника, раздел Мемуары).

От составителя.

Писатель и математик, а в то время студент мехмата МГУ Виктор Кротов выпустил книгу воспоминаний под названием «Навстречу своему лучу». В анонсе промелькнуло имя Варлама Шаламова, и я обратился к автору с просьбой прислать для публикации отрывки из книги, связанные с Шаламовым. О Шаламове оказалось совсем немного – впечатление о его выступлении на памятном вечере. Выкладываю этот отрывок с благодарностью Виктору Гавриловичу за любезно предоставленный текст.

Полная электронная версия – в блоге «Варлам Шаламов и концентрационный мир» <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/314893.html>

«Самым ярким событием, по-моему, стал первый в СССР вечер памяти Манделыштама в 1965 году. Он проходил в аудитории 16-10, спускавшейся крутым амфитеатром к длинному преподавательскому столу и забитой в тот день до предела. Сидели на лесенках и даже на подоконниках вверху. [...]

Поразило выступление Шаламова. Он читал «Шерри-бренди» – рассказ, посвящённый смерти Манделыштама в лагере, сам по себе трагичный и вызывающий, но особенно волнующий в исполнении автора, высокого, корявого, с какой-то изломанной жестикующей, нервно переживающего каждую свою фразу.

В середине рассказа Эренбургу пришла записка, он её прочитал и молча сунул в карман. Потом я узнал, что кто-то из нашего партийного начальства забеспокоился и просил Илью Григорьевича «тактично прервать это выступление». Он тактично... этого не сделал. А в заключение высказал надежду, что этот вечер поможет приблизить издание книги поэта».

«18.5.1965. <...> Хорошо говорил Варлам Тихонович. Горячо, страстно, умно об акмеизме, от которого, по мнению Шаламова, Манделыштаму не надо было отказываться. Прочел он один из «Колымских рассказов» – не из лучших». (Левицкий Л. Утешение цирюльника. [Дневник. 1963-1977], стр. 76)

Приведено в публикации дневников Александра Гладкова Михаилом Михеевым, «Новый мир», № 3, 2014, электронная версия на сайте журнала http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2014/3/10g.html

Лев Абелевич Левицкий, в шестидесятых сотрудник редакции «Нового мира», автор рецензий на поэтические сборники Шаламова «Огниво» и «Шелест листьев».

A handwritten signature in black ink, consisting of a long horizontal stroke followed by a small loop and a final upward stroke.

Точечные свидетельства о Шаламове

Свидетельство Натальи Максимовой. Колыма

Приведено в книге Софии Шоломовой «Сердечный отклик. Этюды о Варламе Шаламове» <http://library.khpg.org/files/docs/1442522007.pdf> – Харьков: «Права людини», 2015, которая искала среди земляков-харьковчан солагерников Шаламова.

«От дочери Демидова Валентины Георгиевны я узнала, что в Харькове живет бывшая медсестра, которая хорошо знала и врача Елену Александровну Мамучиашвили, и Демидова, и Шаламова. Мне удалось разыскать ее и побеседовать с ней.

Наталья Борисовна Максимова. О ней в одном из писем и упоминал Демидов*.

Мои впечатления от встречи: она заметно хромает. У виска большой шрам. Лицо запоминается сразу. Острый взгляд глубоко посаженных глаз. Неразговорчива. В речи вообще лаконична. Никаких фотографий нет, не сохранила!

Ее слова: *«Когда думаю о судьбе Вавочки (так она называла Варлама Шаламова, так называла его другая медсестра, ее подруга), то плачу. Он всегда носил с собой маленькую записную книжечку, в которую что-то часто на ходу записывал. Потом мы узнали от Е.А. Мамучиашвили, что это были стихи. Лицом он был суров и закрыт. Он был – полная противоположность Демидову, которого в больнице любили абсолютно все...»*

* Письмо Шаламову от 14.08.1967 года

* * *

Из интервью Нины Дмитриевой с вдовой Леона Траубе Эллой Александровной Траубе, взято в Бремене 22 февраля 2014 года. О Леоне Траубе см. в основном томе, раздел Материалы к биографии, статья «Папка с первыми «колымскими» стихами Шаламова у Леона Траубе в Бремене».

Интервью полностью здесь <http://shalamov.ru/research/246/>

– А доводилось Вам лично встречаться с Шаламовым?

– Только один раз я его видела. Когда мы поженились, мы поехали в Москву и там жили в этой квартире [квартира в Чистом переулке, где жила семья Гудзей – сост.] у сестры жены Шаламова, Марии Игнатьевны Гудзь. Это был 1956 год. Наверное, сентябрь. Я была тогда совершенная дура. Мне было 22 года, я была воспитана мамой-коммунисткой, отец погиб на фронте в 1941 году... Однажды я сидела в кухне, и туда вошел страшный человек: он был по пояс голый, и когда он повернулся спиной, я увидела какие-то страшные рубцы, какие-то шишки, такое измученное совершенно тело... Вот и все, что я помню. Потом, конечно, когда я поумнела, прочла стихи, вообще всё прочла, я поняла, кого я видела... Так что с Шаламовым мы пересеклись только один раз...

* * *

«Он был под два метра ростом, сухой гигант с судорожно двигающимися руками, худоба делала его еще выше. Когда Шаламов появился в кухне, он едва помещался в ней, человек совершенно из другого мира со своими странностями. [...]

Среди моих знакомых было немало «колымчан», людей, чьи родные и близкие были арестованы, расстреляны, поэтому поведение Шаламова меня не удивило. Чуть позже он начал приходить к нам в МГУ на вечера «забытой поэзии» [проводились с 1963 года – сост.], а точнее, репрессированных поэтов: Даниила Хармса, Александра Введенского, Ивана Пулькина и т. д. Встречи проходили на журфаке, аудитория №15, амфитеатр, полный зал народу. Будучи студентом, я был очень активным и самостоятельным человеком, печатался в «Литературной энциклопедии». Думаю Португалов привел меня к Неклюдовым, чтобы я познакомился с Шаламовым и провел его творческий вечер в университете. К сожалению, встреча не состоялась, но отношения с Варламом Тихоновичем стали дружескими и прочными на протяжении многих лет. [...]

Не помню ни одного проявления чувства юмора. Было во многих случаях недоверие к людям и скептицизм. Он мог говорить только на ту тему, которая ему лично была интересна. [...]

Был другой замечательный «колымчанин», хороший поэт Толя Жигулин. Для того чтобы его книги выходили в свет с включением в издание хотя бы несколько

лагерных стихов, он писал «датские стихи» – стихи к датам, к Первому мая, к другим праздникам. Это было совершенно неприемлемо для Варлама Тихоновича. Так же как само по себе то, что Белинков и Жигулин были членами Союза писателей. Какой может быть Союз писателей для руководства писателями? Или каким писателем может быть тогда очень популярный Валентин Катаев, который выпустил «Алмазный свой венец», повесть, где изменил манеру письма. Как с отвращением изрекал Варлам Тихонович: «Он что же, меняет свой стиль письма как пиджак?» [...]

Солженицын лукавый. Шаламов лукавым не был, он был очень прямым как внешне, так и внутренне» [...].

С Варламом Тихоновичем поступили самым демократичным образом. В его доме неожиданно появилась сотрудница ЦГАЛИ (Центральный государственный архив литературы и искусства) Сиротинская, которая сумела войти в доверие к писателю. Начались разговоры о том, что она может взять на хранение его рукописи в Центральный архив. Будучи сотрудником ЦГАЛИ, она официально была сотрудником МВД, поскольку в то время архивное управление было частью Министерства внутренних дел. Внешне – привлекательно, по сути – выманивание. Советские писатели жаждали сохранить то, чего они не могли напечатать, а иногда просто для важности отдавали работы в Центральный литературный архив. Отдать туда рукописи удавалось далеко не всем. Сотрудники ЦГАЛИ придирчиво к этому относились. Мне кажется, Варлам Тихонович ни одного дня не доверял Сиротинской, но при этом ее предложение, как сотрудника архива, сохранить его рукописи, которые не печатаются, с которыми неизвестно, что произойдет завтра, если к нему придут или задержат на улице, потом придут и сожгут произведения, выглядело спасением. Чистая разводка».

Из интервью Сергея Григорьянца Радио Свобода, опубликовано 27.06.2015 <http://www.svoboda.org/content/article/27095799.html>

Воспоминания Григорьянца о Шаламове см. в основном томе.

* * *

Из книги польского переводчика и литературного критика Анджея Дравича «Поцелуй на морозе», (польское издание 1989 г., по-русски – СПб, 2011

http://yadocs.ru/tw_files2/urls_3/118/d-117877/7z-docs/1.pdf). Речь идет о «салоне» Надежды Мандельштам, то есть о ее квартире в Черемушках, куда Дравич регулярно навещался, приезжая в СССР.

«Кого только я там не встречал! Приходил молчаливый, явно подавленный своей частичной глухотой Варлам Тихонович Шаламов, автор одной из самых значительных русских книг – «Колымские рассказы». Он был тут вдвойне своим – и как узник Колымы, и как автор рассказа-фантазии о смерти Мандельштама («Шерри-бренди»). Лицо, выдубленное лагерным Севером еще более сильно и жестоко, чем лицо Домбровского, с глубоко врезанными желобами морщин.

Выражение замкнутости и беспощадности – явно не соответствующее его душевному строю – придала ему смоделировавшая этот облик суровая жизнь. Он говорил мало и казался озабочен своим трудным вхождением в литературу, но это уже мой домысел: доводилось слышать, что он считал себя скорее поэтом, чем прозаиком, и как поэт получил официальное признание, но его лирика довольно традиционна и не выделяется из общего ряда. А «Колымские рассказы» – истинный повод его славы – долго кружили лишь в самиздате и разными путями попадали на Запад, будучи изданы по-русски только в 1978 году, за три года до смерти автора».

* * *

«Знал ли я о Чуйской долине, где на огромных пространствах от Ташкента на западе до Алма-Аты на востоке, от киргизских гор на юге, до пустыни Муюн-Кум на севере, давно идёт скрытая битва вокруг обычного с виду сорняка, особой конопли, имеющей особые наркотические свойства, из которой делают героин? Знал, но в основном из рассказов бывалых зэков-москвичей, реабилитированных в хрущёвскую оттепель. Кое-что о «дури» рассказывал нам Варлам Шаламов в общежитии Литинститута в гостях у Новеллы Матвеевой...»

Из «наполовину документальной были» или романа «Княж-Погост» Анатолия Апостолова http://www.bim-bad.ru/docs/apostolov_glavy_iz_knjazh_pogost.pdf

Согласно биографии Апостолова, в 1969 году он закончил Московский государственный историко-архивный институт, так что речь идет, по-видимому, о середине – второй половине шестидесятых.

* * *

Борис Биргер, художник, автор прижизненного портрета Шаламова:

«Надежда Яковлевна мне дала прочесть его рассказы. «Колымские рассказы» – это вещь великая. Я не боюсь этого слова. Мне очень захотелось написать его портрет. Я долго его уговаривал. Он не соглашался. Потом произошел один смешной эпизод у Надежды Яковлевны, после которого он согласился позировать. Какой-то молодой человек, очевидно, в силу комплекса самоутверждения стал очень ругать натюрморт Вейсберга, который висел на стене у Надежды Яковлевны. Я слушал, слушал, потом мне стало как-то ужасно противно, ну человека нет, замечательного художника, так некрасиво ругает. И я даже сам не заметил, как взял его за шиворот и выкинул его за дверь. И потом, страшно испугавшись, что я в чужом доме, в общем, воспитанный человек сделал бог знает что, бросился к Надежде Яковлевне извиняться. Надежда Яковлевна смеется: «Да вы пальто хотя бы ему дайте». И вдруг я увидел, что ко мне кидается Шаламов. Я даже испугался. Он просто кинулся на меня, схватил мою руку, стал трясти и говорить: «Спасибо, я поверил, что есть еще люди, которые могут что-то такое сделать для своего друга. Вы меня так обрадовали. Можете писать портрет». Сразу так, без перехода: «Можете писать портрет». И мы с ним договорились, на следующий день начали писать портрет».

Цитируется по книге «Посмотрим, кто кого переупрямит...». Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах», сост. П. Нерлер, изд. АСТ, М. 2015 <http://flibusta.is/b/431226>.

* * *

Евгений Сидоров, критик:

«Он был одиноким. Я помню его, идущего по Серебряному Бору. Я никогда не видел, чтобы рядом с ним кто-то шел. Он шел купаться. Он шел один. Сойдя

с троллейбуса. Я никогда даже не пытался к нему подойти – это были шестидесятые: 65-й, 66-й, 67-й год примерно. Он словно был очерчен каким-то кругом одиночества и глубокого раздумья. Походка эта,.. я не хочу показывать. Это было что-то такое нечеловеческое, понимаете? И это потрясающий образ, вот он запоминается».

Из круглого стола на российском ТВ-Культура, в программе «Игра в бисер», видеозапись http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20921/episode_id/1053210. Расшифровка составителя.

* * *

«Я знал В. Шаламова и печатал, хотя и преодолевал тупость цензуры, его стихи в журнале “Юность”. Навещал его в доме престарелых, когда у него были проблемы».

Запись поэта Евгения Евтушенко в книге почетных посетителей в доме-музее Шаламова в Вологде, декабрь 2014; с сайта shalamov.ru <http://shalamov.ru/events/77/>

* * *

«Я очень рано прочитала часть «Колымских рассказов» – читала все, что было у родителей, знала, где что лежит... Мне это показалось таким страшным, мне было лет 13-14, это рано для Шаламова... А потом мы шли с мамой по улице, я хорошо помню, и мама сказала: «Это идет великий писатель». Я даже помню, это было на Суворовском бульваре. Но как он выглядел!.. Это было почти воплощение того ужаса, который я прочитала в его рассказах – это был совсем поздний, больной Шаламов».

Ирина Щербакова, литературовед, шаламовед, в передаче на российском канале ТВ Культура, 14.10.15, программа «Наблюдатель»

http://mh.tvkultura.ru/video/show/brand_id/20918/episode_id/1237440

* * *

Наталья Бабицкая-Тумаркин <https://www.facebook.com/nathalie.babitskaya-tumarkin?fref=ufi>

о посещении Шаламова в доме престарелых. Комментарий к посту режиссера Александры Свиридовой <https://uk-ua.facebook.com/adelaida.sasha/posts/10153038723973470>, автора д/ф о Шаламове «Несколько моих жизней», 1990, посвященному 33-й годовщине со дня смерти Шаламова.

«Где-то в конце семидесятых [точнее, 1980 – сост.] мне довелось повидать Шаламова в одной из этих «больничек». Случайно. Туда ехал один французский корреспондент со своей подружкой, и мне предложили поехать с ними. Помню необыкновенной красоты руки с длинными пальцами. Он что-то перебирал в тумбочке – доставал, потом убирал, и явно не хотел никакого контакта. А может и не мог. В комнате он был один. Было очень стыдно за свое «праздное любопытство» и за невозможность помочь. Корреспондент сделал кучу снимков, и мы уехали».

Речь, отмечается тут же, в комментариях, идет о Николае Милетиче, в то время корреспонденте АФР в Москве. Милетич написал послесловие к трехтомнику Шаламова на французском, 1980-82, парижское издательство Масперо (см. в блоге «Варлам Шаламов и концентрационный мир» <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/228016.html>).

Известна фотография Шаламова, сделанная в доме престарелых Кристиной Милетич, она на обложке сборника. Кем она приходится Николаю, не знаю.

A handwritten signature in black ink, consisting of a long horizontal stroke with a small loop at the end.

Приложение

В основном томе сборника (см. раздел Мемуары) помещены беллетризованные воспоминания о Шаламове писателя-лагерника, автора эпического произведения «Бунт» Евгения Борисовича Федорова. На протяжении нескольких лет не мог найти в интернете его фотографии, которая должна сопровождать в книге текст мемуаров. Фотографии до сих пор не нашел, но обнаружил хотя бы карандашный портрет, который дает представление об облике автора.

Евгений Борисович Федоров, портрет в юности

Выполнен в 1997г. художником Ю. Злотниковым для издания цикла «Бунт».

Из статьи «Вспоминая пережитое», опубликованной в газете «Вестник района Гагаринский», Москва, от 02 (101) март 2014 02 (101) март 2014

http://gagarin.mos.ru/the-newspaper-bulletin-of-gagarinskiy-district/2014/G_02_14.pdf

Свидетельство Джеймса Биллингтона

Как-то упустил из виду, а зря. Джон Глэд в выступлении на конференции «Судьба и творчество Варлама Шаламова...», Москва, 2011 год (см. в основном томе), говорит:

«В начале 80-х годов я был директором Института имени Кеннана по изучению России. Он теперь входит в Институт имени Вудро Вильсона в Вашингтоне. Главной силой этого центра был Джеймс Биллингтон, теперь директор Библиотеки Конгресса. Джеймс бывал у Надежды Мандельштам, в ее скромной коммунальной квартире, а вернувшись домой в Америку, он создал этот очень важный интеллектуальный центр. Биллингтон мой хороший друг, и я брал у него интервью. Он был под большим впечатлением от Шаламова и дал мне снимок, где Шаламов и Надежда Мандельштам стоят рядом».

Шаламов был знаком с Биллингтоном (см. здесь <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/136504.html>), упоминал его в дневнике. Биллингтон до сих пор жив, так что, в принципе, и сегодня не поздно расспросить его о тех давних днях. Но, в любом случае, свидетельство его имеется и не где-нибудь, а в архиве Глэда, который наверняка сохранил упомянутое им интервью, осталось его найти и перевести. Интересно ведь, насколько большое и какого рода впечатление Шаламов производил на штатного сотрудника ЦРУ, от которого, согласно советскому шаламоведению, должен был шарахаться, как от чумы.

Материалы к биографии

Прижизненные издания «Колымских рассказов» в переводах

Джон Глэд. История перевода и первых публикаций КР в Америке

От составителя

Отрывок из, насколько я понимаю, текста выступления Джона Глэда на Шаламовской Пражской конференции 2013 года «Жить или писать. Закон сопротивления распаду». Статья называется «Художественный перевод: Теория и практика последнего запретного искусства (На материале «Колымских рассказов»)» и опубликована на сайте Американского университета в Москве <http://us-russia.org/1999-hudozhestvennyy-perevod-teoriya-i-praktika-poslednego-zapretnogo-iskusstva-na-materiale-kolymskih-rasskazov.html>. Продублирована также в блоге «Варлам Шаламов и концентрационный мир» <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/306951.html>.

Глэд считает «Колымские рассказы» миром, где царит выдумка, художественная фантазия или даже «фикция», на чем этот мир, собственно говоря, и держится. В полном масштабе Шаламов может быть донесен внероссийскому читателю не через историю (свидетельство), а только через искусство (художество).

Взгляд Глэда на перевод полярен набоковскому.

Он допускает, что Шаламов мог передавать рукописи КР в Америку «в разное время в разных вариантах». Это может пошатнуть всю мою реконструкцию «списка-66», иначе говоря, трехтомника из циклов «Колымские рассказы», «Артист лопаты» и «Левый берег» – я-то исходил из того, что посылка была одна.

Еще интересный момент. Оказывается, Гуль, подержав рукопись, переданную Шаламовым, вернул ее Кларенсу Брауну – несомненно, сделав копию, с которой и печатались потом рассказы в «Новом журнале». То есть в Америке имелось по меньшей мере два экземпляра списка, оригинал и копия, и оба – что – пропали?! А если поискать тщательнее?

Глэд очень настойчиво вплетает в историю зарубежных мытарств «Колымских рассказов» пастернаковского «Доктора Живаго». Может быть, и оправдано. Мне эта связь как-то не приходила в голову, для меня соперником и злым гением Шаламова в той ситуации без вариантов был Солженицын. Солженицыну экранизация «Доктора Живаго» почему-то не помешала.

Подправил кое-где пунктуацию. Ремарки в квадратных скобках (за исключением сносок) мои.

«Я переводил не только «Колымские рассказы», но также составленную Василием Гроссманом и Ильей Эренбургом «Чёрную книгу: о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941-45 гг.» (Издательство Holocaust, 1981). Эти две книги аналогичны друг другу по своей тематике, и обе являются сборниками свидетельств очевидцев. Но несмотря на такую общность, они принадлежат к совершенно разным жанрам. Если одна из них претендует на статус исторического документа, другая относится к исторической беллетристике. Если функция и мерило книги Эренбурга и Гроссмана – правда, ключевое слово для шаламовской книги – правдоподобие.

Читая «Колымские рассказы» и зная, что такие ситуации, какие там описываются, в самом деле характеризовали жизнь «зеков» на Колыме, легко забывать, что они представляют собой, хотя бы частично, фикцию, – выдумку, если хотите, – а не достоверное историческое повествование. Их ведь нельзя было бы представлять на суде, как реально имевшие место факты. И не в этом их ценность. Или возьмем рассказ «Шерри-бренди», в котором, сколько я знаю, Варлам Тихонович просто фантазирует о смерти Мандельштама. Еще указать на то, что некоторые рассказы существуют в разных вариантах. В одном таком случае я дал только фрагмент одного из них. [...]

Варлам Тихонович дружил с Надеждой Яковлевной Мандельштам, чей муж Осип написал стихотворение «Шерри-бренди». В свою очередь Варлам Тихонович позаимствовал это ироническое название для одного из своих рассказов. Как быть переводчику? Можно а) дать пространную сноску о литературном наследии Осипа Эмильевича и об условиях, приведших к его смерти, б) не объяснять, или в) использовать выдержку из стихотворения как эпиграф к рассказу. Я избрал последнее решение.

Но такие примеры условны. Любой, кто имеет опыт с правкой художественного текста – даже своего – знает, что это бесконечная цепь мелких изменений. The. Есть и другая английская поговорка: The: узнаешь, вкусен ли пуддинг,

только отведав его. Читая иной перевод, часто тут же понимаешь, что это перевод. Смысл передан правильно, грамматические правила соблюдаются, но чувствуешь, что переводчик строил свои предложения совсем не так, если бы он писал собственное сочинение. Очень уж силен гипноз оригинала.

Чтобы избежать такой опасности, перед тем, как предлагать подборку «Колымских рассказов» издателям, я сначала уговорил талантливую английскую писательницу Сюзан Эш редактировать мои переводы. Она не знает русского языка, так что ее замечания относились только к английскому стилю. Ее предложения я делил на три категории: «лучше», «не хуже», и «хуже». Как правило, я принимал не только категорию «лучше», но также «не хуже», считая, что она могла почувствовать что-то, чего я сам не заметил.

Приняв некоторые из ее предложений и отбросив другие, я начал обращаться к литературным агентам, которые все – без исключения – отвечали обычными типовыми письмами, какими всегда отказывают авторам: «Спасибо... к сожалению не подходит... желаю всего наилучшего». А то и вовсе не отвечали. Стараясь не падать духом, я тогда начал писать непосредственно самим издателям, и получал те же «Спасибо... к сожалению не подходит... желаем всего наилучшего».

Не отчаявшись, я зачастил в Нью-Йорк, заходя в издательства без предупреждения. Удивленные таким нахрапом служащие издательства меня вежливо выслушивали, правда, не долго, и пару раз позволили оставить несколько рассказов. Но потом последовали те же куцые «Не подходит».

Чтобы понимать положение писателей, а также их переводчиков, надо разбираться в полу-монополистических реалиях современных средств массовой информации. По-английски принято говорить о mainstream (СМИ «главного течения»), так что когда говорят о «свободе печати», фактически имеется ввиду свобода для тех, кто юридически владеет этой самой печатью, или хотя бы ее контролирует. Тут речь идет буквально о горстке сверх-богатых владельцев журналов, газет, радиостанций и даже многих из главных каналов интернета, в которых главным образом рецензируются книги, выпущенные теми же издательствами.[4] Стоит ли этому удивляться?!

Если автор неизвестен, большинство таких издательств рассмотрят его рукопись, только если она поступила от признанного литературного агента. Соглашаясь напечатать одни книги и отказываясь от других, владельцы СМИ практически решают, кто может заниматься таким посредничеством: кукушка хвалит петуха, за то, что хвалит он кукушку. Тут не обходится без определенных идеологических приоритетов, в которых задействованы многие библиотекари и владельцы книжных магазинов. Даже удивляешься иной раз, что, открывая книгу, не видишь

сакраментальное «Подписано к печати», не говоря уже о его более прямолинейном предшественнике «Дозволено цензурой».

Как всегда, деньги переплетаются с политикой. Пока шла «холодная война», даже если расходы на политическую пропаганду составляли самый ничтожный процент от военных расходов, это были огромные суммы в мире литературы, и как раз они финансировали издания «диссидентов». Русские книги печатались, переводились, рецензировались, и даже бесплатно распространялись за счет различных западных «органов». Когда я писал свою книгу о литературе и политике русской эмиграции (Russia), ссылаясь на закон о допуске американских граждан к информации о деятельности своего правительства (Freedom), я попросил, чтобы меня хоть немного просветили о том, что тогда делалось в этом плане, но мне – в нарушение закона – отказались даже сообщить, субсидировало ли ЦРУ издание русской поэзии в конце 1940-х годов.

Мы знаем, например, что уже в 1956-ом году ЦРУ распространяло русские книги через организацию «International» в Нью-Йорке, которую 37 лет возглавлял Джордж Минден, бывший гражданин Румынии. Лет десять назад я попытался получить от него хоть какие-то данные о его деятельности, он меня выслушал и не сообщил решительно ничего. Согласно статье в «Нью-Йорк Таймз», его организация «передала десять миллионов западных книг и журналов в руки интеллектуалов и профессионалов Восточной Европы и Советского Союза».[6] (Добавлю от себя, не без улыбки, что многие из этих книг попали не в намеченные страны, а в личные библиотеки эмигрантов из этих стран.) Конечно, издавались и раздавались не только «западные» книги. Появились и «Колымские рассказы» в издании лондонского Overseas Publications Interchange, Ltd. в 1978-ом году. Помню, как издатель Серафим Милорадович мне домой лично доставил экземпляр, зная о моих переводах.

Мне отказывали в советской въездной визе с 1974 года до 1989 – целых 15 лет, – и «Колымские рассказы» я переводил как переводил бы Гомера или Цицерона – без какой-либо обратной связи или контакта с автором, хотя Шаламов был еще жив. Основатели издательства «Ардис» Карл и Эллендея Проффер согласились передать Надежде Яковлевне Мандельштам письмо для Варлама Тихоновича, но ответа я не получил.

Помню, как в конце 1977 года я прочитал у английского историка Роберта Конквеста, что Варлам Тихонович скончался, и я долго ходил в тот вечер подавленный этой новостью. Но когда на следующий день я позвонил Конквесту, его красивый, аристократический голос выразил удивление: «Неужели я это написал? Не помню, может быть, я был неправ». Так оно и оказалось.

Получив сплошные отказы от издательств – как mainstream, так и академических, – я переработал все свои переводы, по возможности выкидывая выражения и обороты, которыми я не пользовался бы, если бы сам писал как автор. Наконец Carol, редактор в издательстве W. Norton, согласилась напечатать небольшую подборку рассказов, но весь тираж составлял 2000 экземпляров.

Рукопись «Колымских рассказов» была вывезена из СССР в 1966-ом году американским компаративистом Клэрансом Брауном. Между передачей рукописи «на Запад» и появлением моих первых переводов прошло 14 лет! Отдельные рассказы я открывал для себя в нью-йоркском «Новом Журнале» под редакцией Романа Борисовича Гуля, а также в эмигрантских журналах «Грани» и «Посев». Пытаюсь теперь установить, была ли вывезенная Клэрансом рукопись полная, и не высылал ли Шаламов ее в разное время в разных вариантах.

Встречаясь осенью 1987-го года с главным редактором журнала «Новый мир» Сергеем Залыгиным, который с большим оптимизмом говорил о реформах в СССР, я вспомнил другую встречу – с Михаилом Лукониным и Сергеем Наровчатовым, которых направили в Америку как официальных представителей «советской» поэзии. Когда Луконин похвастался, что нашел чуть ли не 50 своих книг в Библиотеке Конгресса, я его спросил, правда ли, что наконец собираются переиздать Мандельштама, на что он брезгливо ответил, что на «третьестепенного» поэта бумаги жалко. Луконин был заурядным писакой, которого продвигали по чисто политическим соображениям, но то же самое нельзя было сказать о Наровчатове – предшественнике Залыгина на посту главного редактора «Нового мира». Когда мы с Наровчатовым оказались вдвоем, он тихо сказал, что не согласен с Лукониным. Но, как потом выяснилось, разрешение напечатать Мандельштама он тоже не смог получить. Памятуя выходку Луконина, я возразил Залыгину, что «Колымские рассказы» все еще под запретом. Мое предложение его явно заинтриговало, и он обещал узнать, что можно сделать в этом плане. Не прошло и года, как на страницах этого самого престижного «толстого» журнала появилась подборка шаламовских рассказов.

В 1989-ом году, под наблюдением камер, мрачная сотрудница советского консульства в Вашингтоне – без объяснений – просунула мне через узкую, в три погибели низкую щель мою первую за 16 лет советскую визу.

В Москве таксист, смеясь, мне рассказал, как вез эмигранта «первой волны», который вспоминал, как он до эмиграции жил неподалеку «в нумерах». Выйдя из машины и чувствуя себя эдаким булгаковским Воландом, я увидел целый ряд бабушек, продававших, кто – отдельные сигареты, кто – бутылку водки. Это был, пожалуй, первый голодный год «перестройки». Настроение сразу испортилось.

Одна из них предлагала букет не очень свежих цветов. Когда я попытался просто дать ей деньги, она возмутилась, что я ее принимаю за нищую. Я пошутил, что я один в городе и мне некому дарить цветы, и она чуть ли не расплакалась, но деньги все-таки взяла. В продуктовом магазине, вместо колбасы или творога, с пустых полиэтиленовых мешков в витринах на меня отовсюду индифферентно глядело одно и то же изображение собаки колли. На высокой полке в дальнем углу одиноко ютились три пыльные банки сомнительных огурцов.

Потрясенный увиденным, я спустился в подземный переход и оказался перед «развалом», где продавали не носки или яблоки, а «Колымские рассказы». Мужчина, стоявший первым в очереди, купил три экземпляра, женщина позади него – шесть.

Отсутствие контакта с автором сказалось на переводе. Как потом выяснилось, Роман Борисович [Гуль] правил рассказы – без согласия Варлама Тихоновича. Когда я узнал об этом конфликте, я не придавал ему особого значения. Бывают, конечно, безоблачные отношения между авторами и их редакторами, но такие счастливые «браки» – скорее исключения из общего правила. Автор хочет, чтобы его печатали, и путь к вожделенной цели проходит через руки редактора, так что отношения между ними чаще всего можно охарактеризовать как «добровольно-принудительные». В конце концов редакторы редактируют. За это им платят. Например, все признают, что стихи Элиота выгадали от редактуры Паунда. Как бы то ни было, в данном случае нашла коса на камень, но соотношение сил между автором и редактором было очень уж неравным.

Как продемонстрировал Лайсандер Йаффе в сопоставлении моего перевода рассказа «Заклинатель змей» с переводом того же рассказа Робертом Чандлером, мы с Чандлером работали с разных текстов: я – с текста из «Нового журнала», он – с книжного текста.[7]

Я тогда принимал как должное, что разногласия между Варламом Тихоновичем и Романом Борисовичем носили чисто стилистический характер и не имели существенного отношения к содержанию. Я оказался не прав, но теперь, спасибо Ираиде Павловне, наследнице Варлама Тихоновича, наконец есть авторизованный текст.

Первый томик с подборкой некоторых рассказов был встречен восторженными рецензиями, написанными самыми авторитетными именами в англо-американской литературе (среди них –), и не где-нибудь, а в самых что ни на есть «mainstream»). Я не сопоставлял шаламовский текст с текстами, вышедшими в «Новом журнале», «Посеве» и «Гранях», но исключительные отзывы критиков

красноречиво свидетельствуют о том, что редакция Романа Борисовича совсем уж плохой быть не могла.

Но Нортон удосужился напечатать еще 2000 экз. только через полгода, и опять – снова полгода спустя – еще 2000 экз. Но кто же покупает книгу на основании рецензии, прочитанной год назад?!

После выхода первого нортоновского тома под названием «Колума», я предложил издательству еще подборку рассказов, которой дал название одного из них – «Графит». Рецензии на этот том все были очень положительные, но без того восторга, которым отличались рецензии на первый сборник.

Для перевода второго сборника (1981 г.) я обзавелся своим первым компьютером и предложил представить рукопись в виде компьютерного файла, но такая практика еще не вкоренилась в издательском мире, и Нортон настаивал на традиционном наборе. Уверенный, что рукопись в надежных, профессиональных руках, я уехал на лето в Европу. Когда вернулся, меня ждал готовый том – с большим количеством опечаток. Оказалось, что Нортон решил не тратить на услуги корректора! Даже фамилия автора на суперобложке была выписана большими буквами как «Шаламав»! Несколько лет спустя я случайно познакомился с членом комитета по присуждению «Американских Книжных Премий», который мне сказал, что если бы не эти опечатки, второй том был бы признан одним из лучших пяти переводов года с любого языка, как это было с первым томом.

Прошло еще несколько лет, и я получил письмо от Нортонна с уведомлением о том, что если я не выкуплю большую часть непроданных тиражей этих двух книг, они пойдут под нож. Я поторопился это сделать, и моя сестра – врач в Майами – дарила их своим пациентам. Пришлось опять начать поиски издателя. Наконец Penguin согласился переиздать первый нортоновский томик. Таким образом я оказался не только переводчиком, а также редактором и литературным агентом.

В 1992-ом году к нам в гости в Вашингтон приехала из далекой Москвы Ираида Павловна Сиротинская, и мы с ней решили, что если объединить первые два нортоновских томика, то рассказов уже будет достаточно, чтобы восстановить первоначальные циклы, на которые их разбил сам Варлам Тихонович. Penguin согласился. Именно Ираида Павловна была моей единственной связью с Варламом Тихоновичем. Теперь, когда ее уже нет, осталась ее преданная работа по изданию его наследия.

В 1965-ом году вышел фильм «Доктор Живаго», и те же самые СМИ, которые так упорно отказывались от «Колымских рассказов», тратили несчетные миллионы долларов на постановку и рекламу фильма. Если бы рецензии и статьи оплачивались как рекламы, речь бы шла не о миллионах, а о миллиардах.

Как показал Иван Толстой в своей книге «Отмытый роман Пастернака: Доктор Живаго между КГБ и ЦРУ» (2008), американские разведслужбы приложили огромные усилия при популяризации романа – в нарушение закона от 1948-го года, запрещавшего правительству заниматься пропагандой внутри США. На тему, было ли намерение особо не выдвигать «Колымские рассказы» как потенциально конкурирующее произведение, – эти агентства молчат (как, впрочем, вообще о своей роли в «деле Пастернака»), но, если сопоставить восторженные отклики критиков на выход «Колымских рассказов» со сплошными отказами со стороны издательств, – сколько их было, уже не помню, но примерно 50, – поневоле встает вопрос, как такое могло быть.

Конечно, эта несоизмеримость не могла не осложнить отношение Варлама Тихоновича к Борису Леонидовичу, уже не говоря о его испортившихся отношениях с Александром Исаевичем, которого он даже назвал «графоманом» и «человеком, который не достоин прикоснуться к такому вопросу, как Колыма»:

«На чем держится такой авантюрист? На переводе! На полной невозможности оценить за границами родного языка те тонкости художественной ткани (Гоголь, Зощенко) – навсегда потерянной для зарубежных читателей. Толстой и Достоевский стали известны за границей только потому, что нашли переводчиков хороших.»[8]

Вымещал Варлам Тихонович свой несправедливый гнев и на Романе Борисовиче, называя его, по словам Ираиды Павловны, «сволочью, спекулирующей на чужой крови».[9]

В 1972-ом году, – шесть лет после того, как Варлам Тихонович передал рукопись «Колымских рассказов» за границу (возможно, подражая примеру Пастернака), и целое десятилетие после секретного доклада Хрущева на XX-ом съезде КПСС, – в «Литературной газете» появилось его письмо в редакцию, в котором говорилось, что:

«Проблематика «Колымских рассказов» давно снята жизнью, и представлять меня миру в роли подпольного антисоветчика, «внутреннего эмигранта» господам из «Посева» и «Нового журнала» и их хозяевам не удастся!»

Но это было не все. Пошли самые гнусные формулировки сталинского периода. Никогда не забуду ужас, который сам испытал, прочитав это письмо. В нем

Варлам Тихонович писал, что никогда не входил в контакт ни с «Новым журналом», ни с «Посевом». Это была правда – прямого контакта не было, но ведь он передал же рукопись именно для публикации. Гуль продержал ее месяц и вернул ее Клэррансу.[10] Но, видимо, снял фотокопию. Прошло четыре года, и никто не печатал книгу. Наконец Гуль начал печатать по 2-3 рассказа в «Новом журнале», с обычной припиской для защиты автора, что печатается без его ведома и согласия.

Считая, что его умышленно отставили, чтобы дать зеленый свет Борису Леонидовичу, – Варлам Тихонович хотел вымолить у властей разрешение напечатать свои стихи. Видимо, удивленные такой низкой ценой, они и выполнили свои обязательства по этому адскому соглашению, – если только была такая договоренность.

Помните, выше говорилось о том, что великое художественное произведение узурпирует своего создателя? Может быть, найдутся читатели, которые станут говорить о моральной ответственности писателя, создавшего нечто бóльшее, чем он сам, но не я. Это был не просто вынужденный ход, а акт самосожжения, отчаянный жест, вполне достойный шекспировского Лира.

Откуда такой диспропорциональный прием в отношении этих двух талантов? Как объяснить контраст между восторженной реакцией критиков и незаинтересованностью издателей? 1960-ые годы были периодом протеста против вьетнамской войны и борьбы за права черного населения, но в самом конце 1960-ых возникло движение памяти жертв Холокоста, и с новой остротой встали старые экзистенциальные вопросы. Пастернак, как и Герцль, был сторонником ассимиляции евреев: вспомните в «Докторе Живаго»:

«Опомнитесь. Довольно. Больше не надо. Не называйтесь, как раньше. Не сбивайтесь в кучу, разойдитесь. Будьте со всеми. Вы первые и лучшие в мире христиане мира. Вы именно то, чему противопоставляли самые слабые из нас».

Если в 1960-ые годы Борису Леонидовичу, человеку «не от мира сего», могли простить его ассимиляционные взгляды, в новом климате на эмигрантских собраниях можно было иной раз услышать, как его называют «антисемитом». Даже Борис Хазанов, отсидевший 1949-1954 в лагерях, но эмигрировавший именно в Германию, где «на улице говорят на языке Гёте и Шиллера»[11], теперь высказывает мысль о необходимости пересмотреть отношение к нему:

«Освенцим предъявил страшный счет христианству... Пример Бориса Пастернака с его рассуждениями о еврействе в Докторе Живаго, пример поразительной нечувствительности, – всего лишь пример. Но какой красноречивый». [12]

Если было бы возможно переиграть историю, не ясно, какой прием «на Западе» ожидал бы этих двух талантов, поменялись бы они местами. Что же касается Александра Исаевича, всем известно катастрофически изменившееся отношение западных СМИ, отчасти по подсказке бывших «диссидентов», ранее ему аплодировавших. Больно ворошить это прошлое, но что было, – то было. Слова из песни не выкинуть. Тем более, что в данном случае боюсь, что это прошлое – залог будущего. Бывшая сплоченность теперь сменяется разборками. Вспоминаю давнишнюю реплику Наума Кожавина: «Почему мы уехали? Чтобы драться друг с другом».

Но по какую бы сторону этих баррикад каждый из нас ни стоял, мне кажется, мы можем все согласиться, что нельзя использовать написанное кровью самой жертвы письмо в «Литгазете» как доказательство чего бы то ни было. Вполне понятно, что Варлам Тихонович возмущался непрошенной редактурой Романа Борисовича, но ведь только Роман Борисович печатал «Колымские рассказы», когда – годами – все другие отказывались. [Кто – все? У кого еще исключая Никиту Струве (см. «список-68») была в шестидесятых годах полная рукопись «Колымских рассказов»? И возмущался Шаламов не редактурой, а публикацией рассказов подборками, россыпью вместо книги. И, кстати, НТС-овский журнал «Грани» напечатал на рубеже шестидесятых-семидесятых полтора десятка рассказов, которые к ним попали]. В конце концов, тираж «Нового журнала» был крохотный. Не знаю, покрывали ли продажи даже типографские расходы.

Как и проза Варлама Тихоновича, так и его стихи входят в большую мозаику, где с искусством смешаны и философия, и политика, но если Шаламов-прозаик стоит на одном уровне с Мандельштамом-поэтом, то же самое нельзя сказать о Шаламове-поэте. [...]

Безусловно, «Колымские рассказы» в своей совокупности представляют собой огромную мозаику, и не все камушки в мозаике могут одинаково блестеть, да и не должны. Первый томик переводов, выпущенный Нортонем, содержал меньше четверти всех «Колымских рассказов», и его характеристика известным журналистом Гаррисоном Солсбери как «горсть алмазов»[13] показывает, что «эпичность» шаламовской мозаики можно почувствовать только в ее совокупности.

Может быть, для полного издания – и только для него – лучше будет выборочно идти на компромиссы с «максималистами», но при этом надо признать и правду «реалистов» и согласиться, наконец, что художественный перевод ≠ фактологический перевод.

---

[4]. Несколько примеров: издательство Бертельсманн, в котором работает 106 000 служащих (!), контролируется Елизаветой (Лиз) Мон. Но Бертельсманн значительно уступает по размаху корпорации Time Warner (президент: Джеральд Левин), которая, в свою очередь, блекнет перед Walt Disney Company (президент: Боб Игер). Когда Руперт Мёрдок, владелец News Corporation, где работает 53 000 служащих, давал показания в британском парламенте относительно подслушивания сотрудниками его таблоидной газеты «News of the World» частных телефонных разговоров, он оправдывался тем, что не может уследить за всеми своими публикациями и что эта газета, – которая была тогда самая многотиражная газета в англоязычном мире, – составляла меньше 1% его империи. Другой пример: согласно журналу «Форбс», в 2013 состояние Самнера Редстоуна (Sumner Murray Rothstein) исчислялось в 4 700 000 000 долларов; он и члены его семьи владеют контрольными пакетами в CBS Corporation, Viacom, MTV Networks, BET, Paramount Pictures, и целым рядом других крупных СМИ. Даже вышеупомянутое слияние Penguin (дочерней фирмы Pearson PLC) и Random House (дочерней фирмы Бертельсманна) создало самое крупное книжное издательство в Англии и США, – причем без любых возражений со стороны американских и европейских судебных инстанций, которые должны не допускать создания таких монополий. (Stephanie Bodoni / Aiofe White, «Bertelsmann's Random House Wins EU Backing for Penguin Bid» Bloomberg News, 5.4.2013)

[5]. Издательство «Эрмитаж», 1999.

[6]. Douglas Martin, «George C. Minden, 85, Dies; Led a Cold War of Words», New York Times, 23.4.2006, <http://www.nytimes.com/2006/04/23/nyregion/23minden.html>.

[7]. <http://shalamov.ru/en/research/207>

[8]. «Варлам Шаламов в свидетельствах современников: Материалы к биографии». 2012 г. 435 с. Цитируется по «Библиотеке Якова Кротова», http://krotov.info/libr_min/sh/shalamov.html. Варлам Тихонович еще добавляет: «О стихах и говорить нечего. Поэзия неперевода». Взрывчатую тему стихотворного перевода я оставляю для другого раза.

[9]. «В. Шаламов и А. Солженицын», <http://shalamov.ru/memory/45/>.

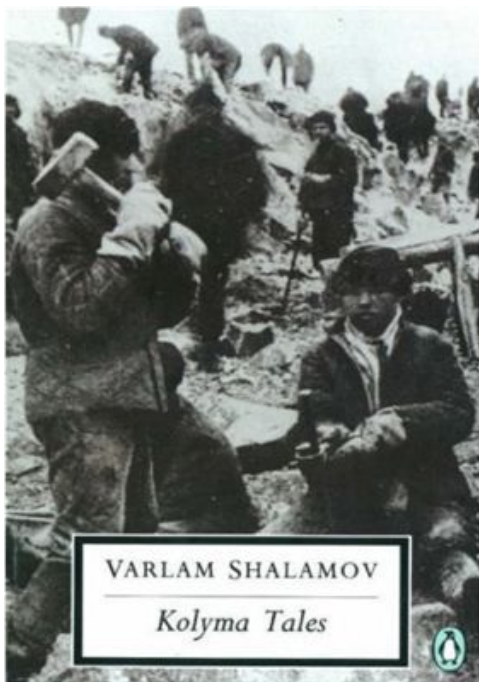
[10]. Яков Клоц, Шаламовские слушания, Прага, 2013.

[11]. Псевдоним Геннадия Моисеевича Файбусовича, см. мое с ним интервью в книге «Беседы в изгнании», Джон Глэд, Издательство Захарова, 1991, стр. 131-

http://modernlib.ru/books/gled_dzhon/besedi_v_izgnanii_russkoe_literaturnoe_zarubezhe/read_1/); Джон Глэд и Борис Хазанов, «Допрос с пристрастием: Литература изгнания», издательство Захарова, 2001; John Glad, «Russia Abroad: Writers, History, Politics», Эрмитаж (Hermitage) и Birchbark Press, 1999.

[12]. «Элизиум теней: Автобиографическая проза», издательство «Алетейя», Санкт-Петербург, 2013, стр. 44-46.

[13]. Harrison Salisbury, «Notes from a totalitarian underground: Kolyma Tales», 20.4.1980, стр. E1-2.

«Колымские рассказы» в пер. Джона Глэда, London: Penguin, 1994, объединяет два сборника его переводов восьмидесятых годов – «Колымские рассказы» и «Графит»

Скачать книгу в расширении PDF можно на образовательном сайте twirpx <http://www.twirpx.com/file/1048400/>

От составителя

В дополнение к рассказу Глэда о роли американских спецслужб в русском эмигрантском литературном процессе считаю не лишним привести соображения

слависта, профессора Стэнфордского университета Лазаря Флейшмана (речь идет о романе «Доктор Живаго», но важен принцип взаимодействия):

«[...] во-первых, абсолютное большинство эмигрантских (и не только русских) книг, журналов, газет или радиопередач после Войны субсидировалось правительственными инстанциями США, а во-вторых, [...] эта финансовая поддержка ни в малейшей степени не приводила к унификации мнений и нивелированию оценок.

<...> Видные представители эмигрантской интеллигенции, в естественном союзе с интеллектуальной элитой Запада, оказывали воздействие на вашингтонскую администрацию в стремлении обеспечить и ускорить появление «Доктора Живаго». <...> Именно совокупные усилия нескольких центров интеллектуальной, общественной и политической деятельности русской эмиграции – ЦОПЭ, НТС, радиостанция «Свободная Европа», мюнхенский Институт по изучению СССР и главные русские газеты Америки и Европы – смогли донести до сознания администрации США значение обнародования романа и смысл всего «дела Пастернака».

Лазарь Флейшман, «Встреча русской эмиграции с «Доктором Живаго»: Борис Пастернак и холодная война», цит. по: Б.М. Мансуров «Заметки по поводу книги Ивана Толстого «Отмытый роман Пастернака: “Доктор Живаго” между КГБ и ЦРУ», Кормановские чтения: статьи и материалы Межвузовской научной конференции (Ижевск, апрель, 2011), Ижевск, 2011. Вып. 10. <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/8534/2011133-10.pdf?sequence=1>

Дополнения

Из выступления (на русском) Джона Глэда на презентации перевода на чешский шаламовского сборника «Левый берег» Яном Махониным, 18 сентября 2013 года, Прага. Видеозапись https://youtu.be/YS_ioWCz0CE. Расшифровка и примечания в квадратных скобках составителя.

«Был такой белый генерал Краснов, который эмигрировал после революции и писал плохие романы. Один роман был «За чертополохом», чертополох – это колючки, с шипами вот такими. И в этом романе генерал писал, что вся Россия обросла стеной из этого чертополоха. И на всех картах Россия показывалась, как черная непонятная масса, и красным буквами было написано: ЧУМА. Что мы знали о вашей жизни? [...] Для нас это была фантастика.

Мы должны считать, что вам повезло. Не потому, что он, Шаламов, открыл что-то об исторических судьбах. А потому, что был великим художником. Я говорил уже об этом раньше, о значении Шаламова. Конечно, говорили и об измерении политическом. Моя позиция: если бы он писал, как Толкиен, если бы никогда не было СССР, если бы он писал, как Борхес, фантазии, все равно это здорово, это прекрасно написано. Кого волнует, правильно ли Шекспир описал в «Гамлете» положение в Дании. Так что я вам завидую.

Что касается рукописи, то я не уверен, что я первый переводил. Есть такой американский славист, точнее, он не славист – компаративист, он увез рукопись «Колымских рассказов», и его жена прислала мне несколько его переводов, от руки. Я не исключаю, что он первым переводил. Первым – кто вообще переводил первый – был генерал в армии Южной Африки. [Известно об издании сборника «Колымские рассказы» на африкаанс. Тогда, хотя бы частично, переводы сделаны не с немецкого издания 1967 года, а с текстов на русском. Или речь идет о переводах исключительно на английский?].

Рассказы я сперва нашел в эмигрантском «Новом журнале». Потом они появились в эмигрантском «Посеве» и в «Гранях». Ну, конечно, «Грани» и «Посев» были изданиями, финансируемыми ЦРУ. Понимаете, говорят об искусстве, а репутации делаются. Шла холодная война. Тратились миллиарды. На идеологическую борьбу – крошки. Но для литературного мира крошки – это очень много. Когда поставили фильм «Доктор Живаго», это был апофеоз Пастернака. Потом выбрали Солженицына. Кто-то, мы не знаем, кто. Были огромные издательства. Были деятели из ЦРУ. Но кто-то принимал решения. В искусстве – сходите в музей иногда. Некоторые художники популярны потому, что они сидели за нужным столиком в нужном парижском кафе. Есть, понимаете, реклама. А тут – никто не хотел Шаламова рекламировать. Я получил пятьдесят отказов. Когда вышли рассказы, были потрясные рецензии. Но был поразительный контраст между реакцией издательств тогда, а потом критиков. [...]

Шаламов не только осудил людей, которые его печатали, Шаламов осудил и свои рассказы [речь идет о «Письме в ЛГ» 1972 года]. Он сказал, что они уже не

актуальны. [...] Представьте, что были раскопки в Греции. И мы узнаем, что Гомер был взят в плен своими врагами, его держали в ужасных условиях, 17 лет. И он подписал документ, что тематика «Одиссеи» «снята жизнью».

* * *

Джон Глэд – Дмитрий Споров:

«Д. Г.: – Вы знаете, сколько надо продать экземпляров книги, чтобы эта книга считалась бестселлером в «Washington Post»? Десять тысяч. Рецензенты пишут рецензии, кто читает эти рецензии? Я – переводчик Шаламова. Были такие рецензии, каких не было у Шекспира, а книга плохо продавалась.

Д. С.: – Ну! Русский писатель, лагерник, страх...

Д. Г.: – Нет-нет. «New-York Times», «Washington Post», лондонский «Times», и не кто-нибудь: Гаррисон Солсбери, главный редактор «New-York Times», писал: «горсть алмазов». Энтони Берджесс, Сол Беллоу, все самые знаменитые. А мне пришлось тираж выкупить, чтобы не пошел «под нож». И моя сестра, которая врач в Майами, раздавала своим пациентам. (Смеется)».

Из беседы Дмитрия Спорова с Джоном Глэдом для фонда «Устная история», с сайта фонда <http://oralhistory.ru/talks/orh-1464>

Роберт Чандлер о неосуществленном издании КР в Англии

«Я учился в аспирантуре в Оксфорде, занимался Платоновым. В Оксфорде мы познакомились с искусствоведом-эмигрантом Игорем Голомштоком, и он впервые дал мне прочитать ксерокопии некоторых рассказов Шаламова [см. мемуары Голомштока в основном томе – сост.]. Среди них, я помню, были «Утка» и «Шерри-бренди». Я сразу очень увлекся им. Я даже хотел писать работу в Оксфорде о Шаламове, но мне отказали по той причине, что о таком писателе почти ничего не было известно. Игорь меня познакомил с редактором журнала Index on Censorship Майклом Скэммелом, который тоже был славистом. Мы с Майклом планировали издать сборник произведений Шаламова, но это у нас не получилось. Я предлагал сборник некоторым издательствам – они не заинтересовались.

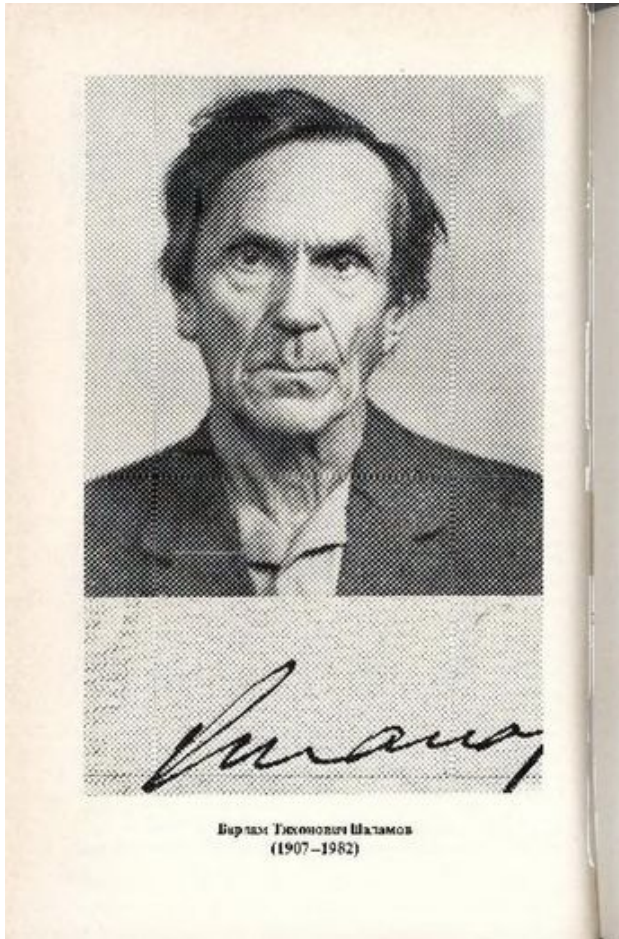
Потом я узнал, что уже издаются переводы Джона Глэда, а в то время не было места для двух сборников Шаламова».

Из интервью <http://gefter.ru/archive/16799> английского поэта и переводчика Роберта Чандлера сайту Gefter.ru, опубликовано 2 декабря 2015 года.

A handwritten signature in black ink, consisting of a long horizontal stroke with a small loop at the end.

Шаламов в «тамиздате» на русском

Четыре рассказа Шаламова в журнале «Вестник РСХД», №137, 1982

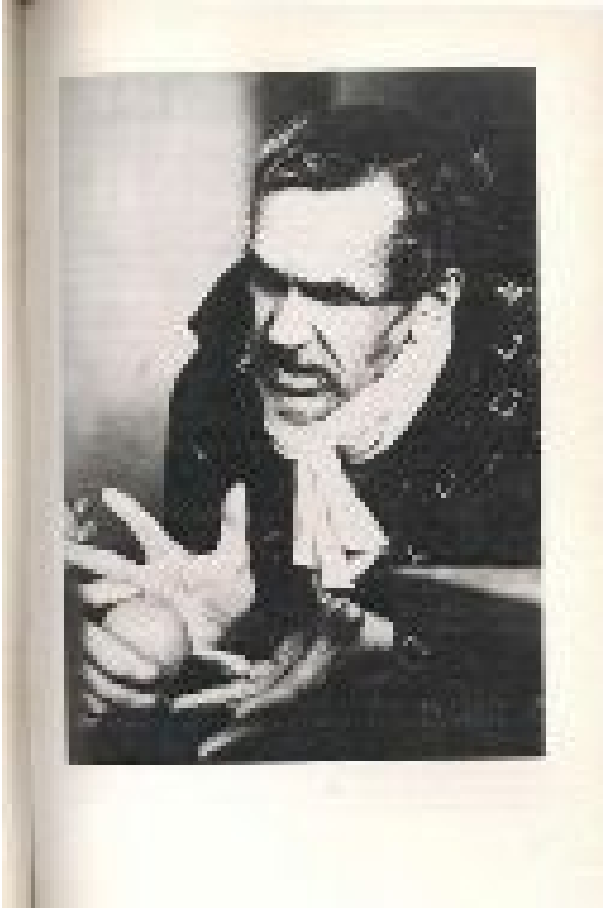

В основном томе я уже писал о блоке материалов, посвященных Шаламову, в парижском эмигрантском журнале «Вестник РСХД», №137, 1982. Сейчас появилась возможность ознакомиться с этим номером журнала внимательнее, он выложен на странице издания <http://www.rp-net.ru/book/vestnik/index.php> на сайте Дома русского зарубежья.

* * *

Кроме воспоминаний о писателе Геннадия Айги и литературной критики, журнал публикует стихотворение Шаламова памяти Анны Ахматовой и четыре рассказа, три из которых анонсируются как ранее не публиковавшиеся:

«Из сборника, составленного в России по указаниям автора. Первый из печатаемых нами рассказов является третьим вариантом – наилучшим – центрального эпизода в судьбе автора, его возвращения от смерти к жизни. Остальные три рассказа никогда не печатались».

Первый – это рассказ «Экзамен», он был опубликован Романом Гулем в нью-йоркском «Новом журнале», № 102, 1971. Надо полагать, там другая версия, возможности заглянуть и сравнить у меня нет. Еще один рассказ, «Чужой хлеб», был опубликован им же и там же («Новый журнал», № 98, 1970) под названием «Хлеб». Самое интересное, что этот рассказ, анонсирующийся как ранее не печатавшийся, задолго до нынешней публикации был напечатан в самом журнале «Вестник РСХД», № 89-90 (3/4), 1968, то есть сейчас он просто им продублирован. Об этой ранней публикации я делал отдельную статью (см. основной сборник). Почему-то в журнале сделали вид, что забыли о ней.

Все четыре рассказа вошли впоследствии в сборник «Воскрешение лиственницы», ИМКА-Пресс, Париж, 1985.

Фотографии Шаламова из журнальной подборки

Обращает на себя внимание одно обстоятельство. В анонсе сказано, что рассказы взяты из сборника, составленного «по указаниям автора». Ясно, что это сборник «Воскрешение лиственницы», Книга Пятая из шаламовского самиздат-

ского собрания сочинений 1965/66-68 гг. В анонсе к рассказу «Тропа», опубликованному в нью-йоркском альманахе «Часть речи», №2-3, 1981/82 гг., прямо говорится:

«Печатаемый ниже рассказ недавно скончавшегося В. Шаламова (1909-1982), автора знаменитых «Колымских рассказов», входил в рукописный сборник «Воскрешение лиственницы», циркулировавший в Самиздате.

Публикуется впервые».

Иначе говоря, в течение семидесятых-восьмидесятых годов последняя книга шаламовского «колымского» Пятикнижия была доступна в московском самиздате в примыкающих к диссидентам литературных кругах. Интересно, что в распоряжении Михаила Геллера ее, однако, не оказалось. Еще интереснее, что, по моему глубокому убеждению, эта книга находилась в распоряжении редактора журнала «Вестник РСХД» Никиты Струве еще с 1968 года («список-68»), однако ни публикатору четырех рассказов, ни Михаилу Геллеру (если это не одно и то же лицо) об этом ничего неизвестно.

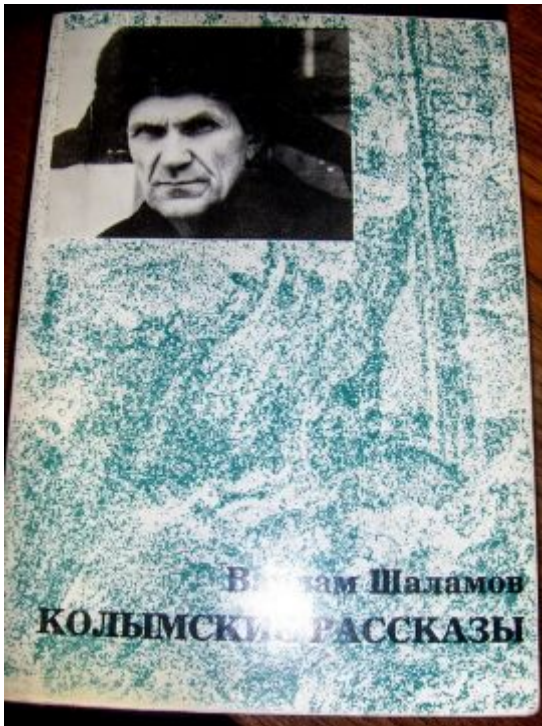
PDF-файл с четырьмя рассказами Шаламова, 477 КБ, выложен здесь [https://dl.dropboxusercontent.com/u/9178411/Chetire_rasskaza_Vestnik_RSHD_1982_%E2%84%963_\(137\).PDF](https://dl.dropboxusercontent.com/u/9178411/Chetire_rasskaza_Vestnik_RSHD_1982_%E2%84%963_(137).PDF)

Целиком журнал «Вестник РСХД», №137, 1982 с блоком материалов, посвященных Шаламову, PDF, 8,7 МБ, см. здесь [https://dl.dropboxusercontent.com/u/9178411/Vestnik_RSHD_1982_%E2%84%963_\(137\).PDF](https://dl.dropboxusercontent.com/u/9178411/Vestnik_RSHD_1982_%E2%84%963_(137).PDF)

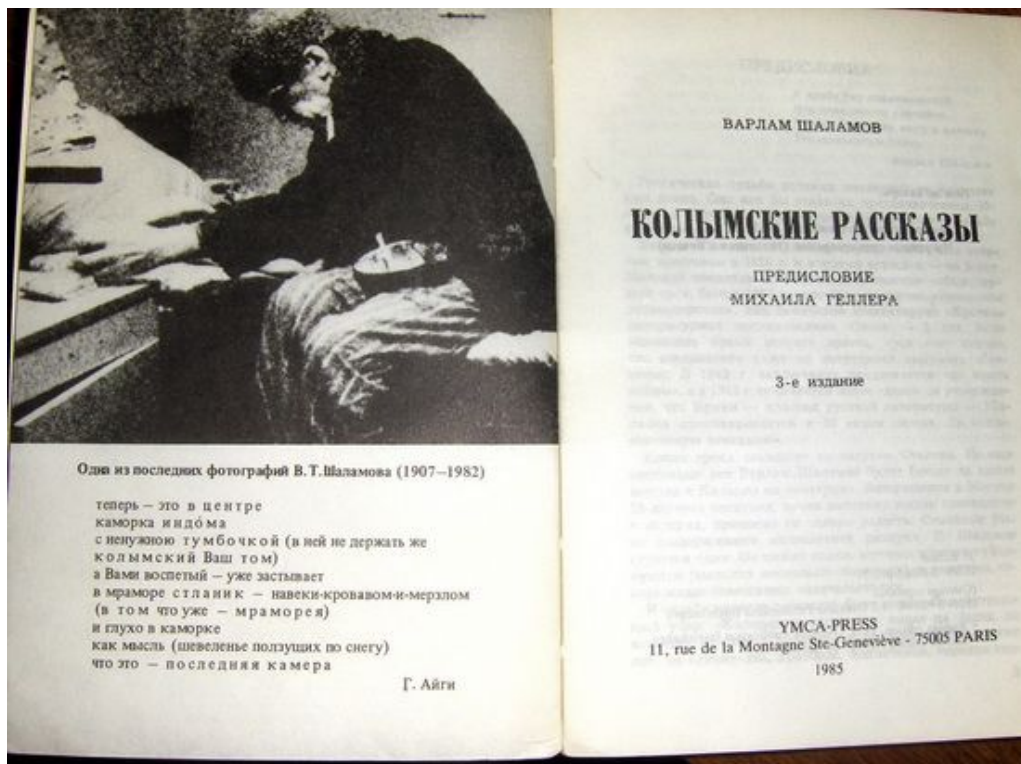
Третье издание на русском «Колымских рассказов», Париж, ИМКА-Пресс, 1985

После смерти Шаламова парижское эмигрантское издательство ИМКА-Пресс, возглавлявшееся Никитой Струве и курировавшееся Солженицыным,

сразу дважды переиздало лондонский сборник «Колымских рассказов» (1978). Вот как выглядит третье издание на русском колымской прозы Шаламова. В том же году то же издательство выпустило сборник «Воскрешенные лиственницы», включавший «Четвертую Вологду» и рассказы, не вошедшие в первый девятисотстраничный том. Итого, в 1982-85 гг., непосредственно после смерти автора, ИМКА-Пресс издало сразу три его книги. Может быть, Шаламову стоило умереть на десяток лет раньше? Что за прыть после пятнадцати лет блокады? Чем она объясняется?

Фотографии взяты с австралийской версии маркетингового сайта eBay

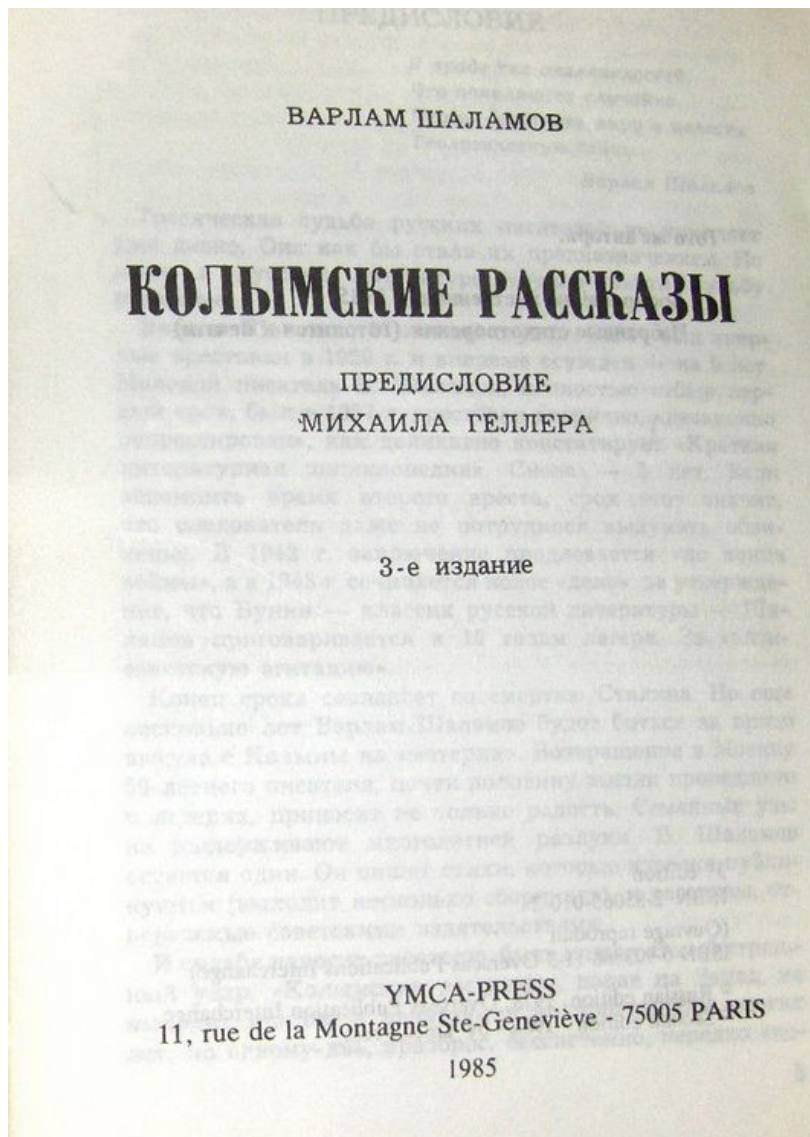

Одна из последних фотографий В.Т.Шаламова (1907–1982)

теперь — это в центре
камерка яндэма
с ненужною тумбочкой (в ней не держать же
колымский Ваш том)
а Вами воспетый — уже застывает
в мраморе стлаик — навеки-кровавом-и-мерзлом
(в том что уже — мраморья)
и глухо в камерке
как мысль (шевеленье ползущих по снегу)
что это — последняя камера

Г. Айги

На фронтисписе книги – фотография Шаламова, сделанная в канун нового, 1982 года, еще в доме престарелых, и помещенная в журнале «Вестник РХД», №136 (I-II), редактировавшимся тем же Никитой Струве, в подборке материалов на смерть Шаламова (см. статью с моим комментарием «Памяти В. Шаламова». Журнал «Вестник РХД», №136» в основном томе). Из той же подборки стихотворение Геннадия Айги «И: ПОСЛЕДНЯЯ КАМЕРА» под фотографией.

Одна из последних фотографий В. Т. Шаламова (1907–1982)

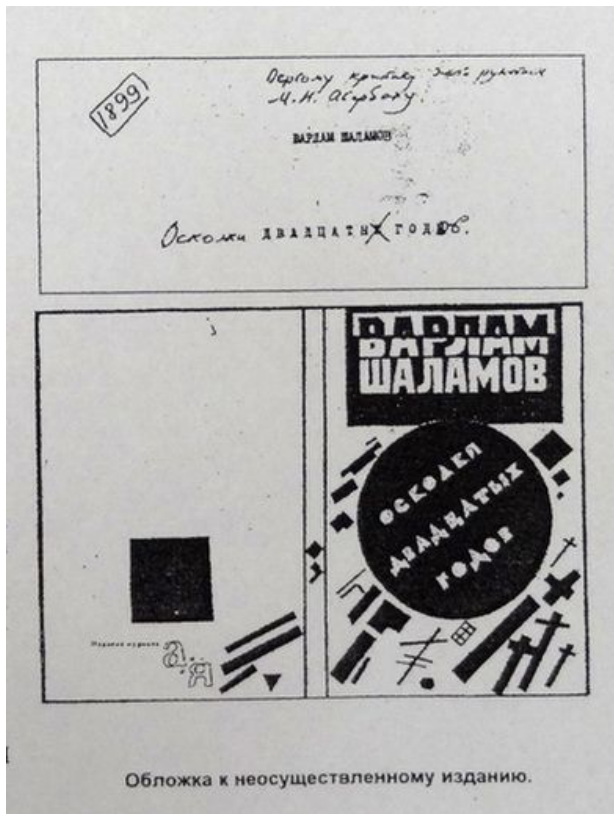
теперь – это в центре
каморка индóма
с ненужною тумбочкой (в ней не держать же
колымский Ваш том)
а Вами воспетый – уже застывает
в мраморе стланик – навеки-кровавом-и-мерзлом
(в том что уже – мраморея)
и глухо в каморке
как мысль (шевельенье ползущих по снегу)
что это – последняя камера

Г. Айги

Игорь Шелковский. Неосуществленное издание книжки «Осколки 20-х годов» на Западе, 1985 год

В четвертой беседе <http://oralhistory.ru/talks/orh-1571> для фонда «Устная история» художник Игорь Шелковский** рассказывает о создании эмигрантского журнала современного искусства «А-Я» и, в частности, о публикации в этом журнале шаламовских «Осколков двадцатых годов» (см. <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/294357.html>), а также о замысле издать эти мемуары отдельной книгой, на что, к сожалению, не хватило денег. Напомню, что «Осколки двадцатых годов» (см. <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/203781.html>), опубликованные парижским «А-Я», являются аутентичным авторским текстом воспоминаний, тогда как версия, опубликованная Сиротинской под названием «Двадцатые годы» в журнале «Юность» (1987) (см. <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/142372.html>) и с тех пор кочующая с поправками из сборника в сборник, сокращена и искажена редакционной правкой, по понятным причинам не согласованной с уже умершим к тому времени автором. Напомню также, что шаламовские очерки русского авангарда, заказанные ему в 1962 году московским журналом «Знамя», были напечатаны на родине (пусть в урезанном виде) только спустя двадцать пять лет. Что еще требуется для характеристики истинных отношений Шаламова с совписом и советским режимом?

Обложка неизданной книги Шаламова. Фотография с сайта фонда

Не случайно именно версия, напечатанная в журнале «А-Я», послужила базой для остроумного, спорного и очень дотошного исследования русского литературного авангарда глазами Шаламова, предпринятого Алексеем Панфиловым (см. в блоге «Варлам Шаламов и концентрационный мир», здесь <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/368256.html> и здесь <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/368568.html>). Приведу обширную цитату из его статьи:

«Сообщив в первой записи этого «чичеринского» блока о том, что мемуары В.Т. Шаламова «Двадцатые годы» впервые полностью были опубликованы в нашей стране в 1991 году, – я совершил ошибку. Я имел в виду сборник нескольких авторов «Записки очевидцев», в который вошли и данные воспоминания Варлама Шаламова. Однако... в этом издании они были перепечатаны по первой своей, сокращенной публикации в журнале «Юность» в 1987 году! Фрагмент об А.Н. Чичерине в эти публикации вообще не вошел. Судите сами: мог ли я предположить, что в 1991 году, на пике «перестроечного» полиграфического бума мемуары Шаламова будут печататься... в сокращенном виде?!»

Но это еще что: оказывается, в сокращенной редакции этот текст был напечатан и в сборнике шаламовских мемуаров... аж 2001 года! Первую публикацию, в которой текст воспоминаний приводится полностью (да и то – употребляя это выражение условно), пролистав известные мне издания, я нашел только в сборнике Шаламова: «Новая книга. Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела». А была издана эта «Новая книга»... лишь совсем недавно, только в 2004 году! Не могу не ставить в каждой фразе восклицательных знаков: почти 20 лет спустя после публикации в парижском издании мемуары Шаламова впервые в полном (и опять повторю: относительно полном) виде были напечатаны на родине автора!.. Это что-нибудь да говорит об их исторической ценности, вернее даже – сенсационности?.. <...>

Совершенно ясно теперь, что в случаях разночтений следует доверять не отечественным (роковым образом продолжающим оставаться... сокращенными!) публикациям воспоминаний Шаламова, а этому, первому его воспроизведению, несмотря на то что оно было осуществлено, как нам сообщают, с неуправленной, неавторизованной машинописи. Парижские издатели просто-напросто буквально, с фотографической точностью воспроизвели имеющийся у них в распоряжении текст – в отечественных изданиях осложненный редакторскими конъектурами (совершавшимися, в этом не может быть никаких сомнений, с самыми лучшими намерениями).

Речь идет о всех тех мнимых «ошибках» мемуариста, которые послужили предметом анализа в настоящей серии заметок и выявили в результате свою... огромную историческую ценность! Об этом легко судить, взглянув на текст посвященного А.Н. Чичерину фрагмента, опубликованного в указанном издании 2004 года и на сайте, посвященном В.Т. Шаламову, в Интернете. Часть того, что при первом взгляде кажется ошибками Шаламова, в этих публикациях (в сравнении с изданием 1985 года) убрано. Но не нужно думать, что тем самым убраны «ошибки», вызванные публикацией воспоминаний по несовершенной рукописи. Другая часть ошибок осталась. <...>

Совершенно ясно: отечественные публикаторы, помедлив... в течении двадцати лет, в конце концов те «ошибки», которые были им известны, – из текста Шаламова изъяли. Но точно такие же, и еще даже более вопиющие ошибки, установить которые они не смогли, – остались... К числу изъятых, но существующих в оригинале «ошибок», в чем у меня теперь нет сомнений, и принадлежат те разночтения между парижским и отечественными изданиями, которые вызвали у меня недоумения в самом начале».

Итак, Игорь Шелковский в беседе с Дмитрием Споровым, 10 апреля 2013 года:

«Он [Александр Сидоров, московский соиздатель журнала**] мне переслал рукопись Шаламова. *Она до сих пор у меня там, в Париже, лежит* [курсив мой]. Как-то дошла, с кем-то он послал. Ну с кем-то, наверное, может быть, из посольских – не знаю. Но дошла. <...>

Много было материалов, и интересные материалы. Я очень рад, что... Там были хорошие вещи. <...> Там был Шаламов, Пригов был, даже Сева Некрасов тоже. Хоть потом эта ругань началась... Потом, Харитонов такой, Евгений Харитонов, писатель. Он как раз в то время умер. <...> Даже Шаламова я хотел потом выпустить, в виде брошюрки такой, книжечки, даже обложку нарисовал, но денег не было. И денег, и, главное, мне все приходилось делать самому, ну все абсолютно. Отвозить бумажку – там какая-то ошибка, ее надо исправить, а машинистка и эта машина за тридевять земель, и я теряю целый день из-за этой запятой».

Добавление

Уважаемая редакция!

Хотелось бы сделать небольшое уточнение к статье Манука Жажояна о мемуарах Варлама Шаламова ("Заметки студента МГУ", "РМ" №4172). Воспоминания Шаламова "Осколки двадцатых годов" были впервые напечатаны не в московском журнале "Юность", а в парижском журнале "Литературное А-Я" №1. Этот номер вышел летом 1985 года. Тогда же предполагалось издать их по-русски отдельной книжкой, делались обложка и макет, но по денежным обстоятельствам этот проект не был реализован.

Набирались воспоминания Шаламова (кстати, в редакции "Русской мысли" и совершенно бескорыстно, за что еще раз большая благодарность) по рукописи, точнее машинописи с писательской правкой. Например, слово "Осколки" было вписано в заглавие рукой автора, так же, как и посвящение М.Н.Авербаху — "первому критику этой рукописи". Естественно, что, в отличие от более поздней московской публикации, текст был напечатан полностью, без каких-либо купюр.

С наилучшими пожеланиями,

ИГОРЬ ШЕЛКОВСКИЙ

Париж

Письмо Шелковского в редакцию газеты «Русская мысль», №4174, май 1987, по поводу публикаций «Осколков двадцатых годов». Фотография с сайта фонда

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ПУБЛИКАЦИЙ

Уважаемая редакция!

Хотелось бы сделать небольшое уточнение к статье Манука Жажояна о мемуарах Варлама Шаламова ("Заметки студента МГУ", "РМ" №4172). Воспоминания Шаламова "Осколки двадцатых годов" были впервые напечатаны не в московском журнале "Юность", а в парижском журнале "Литературное А-Я" №1. Этот номер вышел летом 1985 года. Тогда же предполагалось издать их по-русски отдельной книжкой, делались обложка и макет, но по денежным обстоятельствам этот проект не был реализован.

Набирались воспоминания Шаламова (кстати, в редакции "Русской мысли" и совершенно бескорыстно, за что еще раз большая благодарность) по рукописи, точнее машинописи с писательской правкой. Например, слово "Осколки" было вписано в заглавие рукой автора, так же, как и посвящение М.Н.Авербаху — "первому критику этой рукописи". Естественно, что, в отличие от более поздней московской публикации, текст был напечатан полностью, без каких-либо купюр.

С наилучшими пожеланиями,

ИГОРЬ ШЕЛКОВСКИЙ

Париж

Обложка к неосуществленному изданию.

* См. о нем статью в Википедии

<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A8%D0%B5%D0%BB%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9,%D0%98%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B5%D0%B2>

** «Этим ключиком [открывшим «московскому концептуализму» советский «железный занавес»] стал художественный журнал «А-Я», а папой Карло, то есть попросту папой московского андеграунда Алик Сидоров (в журнале он фигурировал под псевдонимом Алексей Алексеев). Он вместе с соредактором, художником Игорем Шелковским создал проект двуязычного журнала «А-Я», от концепции до способов ее реализации. Пленки с материалами, сделанные Сидоровым в Союзе, отправлялись Шелковскому в Париж, там журнал печатался, и часть тиража возвращалась обратно в Россию. Легко сказать! Тогда, чтобы все заработало, нужно было преодолеть сейчас уже непредставимые барьеры. Функционировала целая агентурная сеть, которая вся сходилась на Сидорове в Москве. Надо

ли говорить, что количество допросов, облав, обысков со вскрытием полов в его квартире, зашкаливало».

Александра Григоренко, «Отцы и дети», с сайта фонда «ПРО АРТЕ» <http://www.proarte.spb.su/ru/programm/art-jurnal/reviews?id=121>

Статьи Виктора Некрасова о Шаламове и «Колымских рассказах», 1980-е годы

Информация с сайта, посвященного Виктору Некрасову <http://nekrassov-viktor.com/Default.aspx>, писателю-фронтовику, диссиденту, политическому эмигранту, автору принесшей ему мировую известность книги «В окопах Сталинграда», 1946.

В эмиграции Некрасов, оказывается, написал несколько статей о Шаламове, ниже в хронологическом порядке:

«Недалеко от Колымы». Рецензия на книгу В. Шаламова «Колымские рассказы», 16 января 1980

Варлам Шаламов. Статья для радиопередачи, 1981

Сталинград и Колыма (Читая Шаламова) <http://www.nekrassov-viktor.com/Books/Nekrasov-Stalingrad%20i%20Kolima.aspx>. Рецензия для радио, 4 августа 1986

В интернете доступен только текст последней.

Сталинград и Колыма (Читая Шаламова)

Считается, что война одно из самых страшных испытаний, которые выпадают на долю человечества. Может быть, даже не «одно из», а самое страшное.

Что и говорить, война страшна. Страшна потому, что это смерть. Тысячи, сотни тысяч, миллионы смертей. И опустошенные земли, разрушенные и захваченные врагом города, и рабство, унижение покоренных. И жестокость, ненависть, которую в тебе воспитывают. «Убей немца!» – к этому призывали. И снайперы, убившие наибольшее количество немцев, получали звание Героя Советского Союза.

Я довольно хорошо знаю войну. Сталинград считался самым кровавым местом всей второй мировой войны. «Инферно ин Сталинград», – писали в своих газетах немцы: – «Сталинградский ад». Подсчитано, что до начала нашего наступления немцы сбросили на Сталинград ни больше ни меньше как миллион бомб, совершили более ста тысяч самолетовылетов. Сколько погибло с обеих сторон – никто точно не знает. Много...

Война – это, конечно, страх и ужас. Я пережил одну из самых страшных бомбежек тех лет – 23 августа в Сталинграде. За один день город был фактически полностью уничтожен. И страшнее всего была полная беспомощность и бессилие. Зенитки умолкли.

Потом началась позиционная война. Тоже нелегкая. И Мамаев курган, на котором я провел более четырех месяцев, считался самым опасным, самым ответственным участком обороны.

И все же в войне, при всем ее ужасе, было нечто, что придавало силы. Ясность цели – там враг, и его нельзя пропустить. Это было главное, заслонявшее все остальное, даже бывшие злодеяния Верховного Главнокомандующего.

Сталинградскую оборону принято называть героической. Но героизма, как такового, героических поступков было не так уж много, трусости, растерянности, пожалуй, даже больше. И глупых, бессмысленных приказов тоже. И все же выстояли, победили.

И сейчас, через столько лет, – может, таково уж свойство человеческой памяти, но в ней сохранилось не только все страшное тех дней, а и что-то светлое – дружба, верность, песни и перекуры в землянке, той самой, от которой до «смерти четыре шага». Даже о старшине-воре и о безграмотном грубияне начальнике штаба вспоминаешь сейчас с улыбкой.

И вот, сидя в этой самой землянке на одном из опаснейших участков войны или скрючившись в окопе, в шестидесяти метрах от немцев, – мы просто-напросто не знали, не могли себе даже представить, что где-то далеко-далеко, чуть ли не на противоположном конце земного шара, есть место, где ад, со всеми своими чертями и раскаленными сковородками, мог показаться местом более или менее благоустроенным и естественным. Естественным, потому что сковородки лизали

грешники, люди плохие и в чем-то виноватые. А в этом месте, о котором кое-кто из нас и слышал краешком уха, но вспоминал очень редко, – мучились и умирали люди невинные. Я говорю о Колыме.

Я говорю об этом и провожу какие-то параллели, потому что только сейчас попала мне в руки вторая книга Варлама Шаламова «Воскрешение лиственницы». И опять что-то растревожила.

В Советском Союзе я Шаламова не читал. Попав на Запад, стал наткаться то в «Русской мысли», то в «Новом журнале» на отдельные его рассказы. И только в прошлом году прочитал его «Колымские рассказы», толстенный том в 900 страниц.

Шаламова не обязательно читать подряд, может быть, даже не нужно – уж больно все страшно и кажется таким безысходным, но читать его надо всегда и постоянно. Чтобы напомнить себе, еще и еще раз, – так было. Нечто еще более страшное, чем война, чем ад. Ад – это торжество справедливости. Колыма – торжество абсолютного зла. В XX веке, в твоей родной стране. Не забывай об этом. Никогда!

Шаламов, конечно же, писатель великий. Даже на фоне всех великанов не только русской, но и мировой литературы.

Великий потому, что, рассказывая о жизни, которая не познавшему ее даже в страшном сне не приснится, он нигде не педалирует, не сгущает краски (впрочем, куда уже сгущать!), не морализирует, не подводит своего авторского итога, что так свойственно было самому великому из всех писателей – Толстому.

«Колымские рассказы» – это громадная мозаика, воссоздающая жизнь (если это можно назвать жизнью), с той только разницей, что каждый камешек его мозаики сам по себе произведение искусства. В каждом камешке предельная законченность. О Шаламове написано уже много*. И о самом лагере смерти, именуемом «исправительно-трудовым», в котором он провел чуть ли не полжизни, и о том, с каким умением, талантом, нигде не переступая некую черту, дозволенную искусством, написаны эти рассказы. Я не хочу повторяться, я не пишу рецензию. Просто я опять только что столкнулся с шаламовской Колымой в «Воскрешении лиственницы» и еще раз убедился в том, что Шаламова надо перечитывать. Твердить как некую молитву.

Один из самых страшных рассказов его называется «По ленд-лизу». Это рассказ об американском бульдозере, который пришел по ленд-лизу, и «зеки» надеялись, что он поможет на лесоповале, а начальство использовало его для разгребания старых и рытья новых могил.

«Раскрылась земля, – пишет Шаламов, – показывая свои подземные кладовые, ибо в подземных кладовых Колымы – не только золото, не только олово, не только вольфрам, не только уран, но и нетленные человеческие тела... Бульдозер сгребал эти окоченевшие трупы, тысячи скелетоподобных мертвецов. Все было нетленно: скрюченные пальцы рук, гноящиеся пальцы ног, расчесанная в кровь сухая кожа и горящие голодным блеском глаза... Эти человеческие тела ползли по склону, может быть, собираясь воскреснуть...»

Прочитав это, я невольно вспомнил, как через несколько лет после войны я попал на Мамаев курган. Он весь был усеян костями и черепами — размыло дождями. В основном это были наши защитники – немцы своих убитых вытаскивали и хоронили в другом месте. Потом, еще через несколько лет, бульдозеры эти кости и черепа разгребли и свалили в одну братскую могилу. Сейчас над ней – хороший или плохой, другой вопрос, – памятник, стометровая «Мать-Родина».

А над той, колымской, могилой ни камешка, ни креста... А в ней, как подсчитано учеными, Робертом Конквестом в том числе, не меньше двух, а то и трех миллионов человек.

И все это забыто, былшем, как говорится, поросло. Не было, и точка. Потому и надо читать и перечитывать книги В. Шаламова, великого русского писателя. Это он воздвиг памятник на безвестной могиле миллионов ни в чем не повинных людей. Он, а не советская власть, утверждающая, что «Никто не забыт, ничто не забыто». Честь ему поэтому и слава! На вечные времена!

* О Шаламове-прозаике? Много? На русском? К 1986 году? (сост.)

Опубликовано: Шаламовский сборник. Вып. 2. Вологда: Грифон, 1997; одно-томник «Виктор Некрасов. Сочинения», М., «Книжная палата», 2002

Аркадий Львов, «Две Колымы», газета «Новое русское слово», Нью-Йорк, март 1983

От составителя

Злая и остроумная статья писателя-эмигранта Аркадия Львова, опубликованная в американской русскоязычной газете «Новое русское слово» от 13 марта 1983 года. Об авторе. Аркадий Львов-Бинштейн (род. 1927), одессит, эмигрировал в 1976 году, работал ведущим программы на Радио Свобода, затем в Центре Вудро Вильсона и Библиотеке Конгресса США, преподавал в американских университетах, автор шеститомного собрания сочинений, живет в Нью-Йорке http://ldn-knigi.lib.ru/JUDAICA/Lvov_Bio.htm.

Пятая – не считая кирсановского «письма в редакцию» альманаха «Грани», 1971 – из известных мне статей о «Колымских рассказах» на русском языке (предшествующие: Михаил Геллер – Юрий Мальцев – Виолетта Иверни – Андрей Синявский). Пятая и уже посмертная для Шаламова.

За скан весьма благодарен Сергею Бондаренко.

Две Колымы

В 1931 году в Москве вышла книга известного писателя, этнографа, антрополога Владимира Германовича Богораза «Колымские рассказы». Спустя без малого полвека на Западе вышла книга советского писателя Варлама Шаламова под тем же названием.

В 1886 году Владимир Германович Богораз, студент Петербургского университета, был арестован по делу террористической организации «Народная воля», три года отсидел в тюрьме, а затем был сослан в колымские края. Петербургский чиновник полиции сказал ему: «О Среднеколымске мы ничего не знаем, кроме того, что там жить нельзя. Поэтому мы туда и отправляем вас».

В колымском крае, кроме Владимира Богораза, было еще полсотни ссыльных революционеров. Жили они среди чукчей, приходилось нелегко. Большею частью выросшие в обеспеченных семьях, они ушли в революцию и поначалу могли только это и делать – революцию. Однако в суровых краях на одном этом умении далеко не уедешь, пришлось перестраиваться. И перестроились. Трудились много, «рыбы ловили на каждого в год пудов 60, дров выставляли, в общем, до сотни кубов. Все своими белыми ручками, – кого же заставишь?».

Здесь, на Колыме, Владимир Богораз проходил свои настоящие университеты. Именно здесь он начал свою работу этнографа, антрополога, фольклориста, которая принесла ему мировую славу. Здесь он стал писателем, о котором – после

чукотских его рассказов – заговорила вся Россия. Не только демократическая, не только революционная, но и благомыслящая Россия, которая с некоторым удивлением и некоторым недоверием, но при этом всегда с восхищением, читала его рассказы о неведомых подданных царя, о которых и сам царь толком не знал, кто они и что они.

Оказалось, что на Колыме, в десяти тысячах верст от столицы, можно было жить полнокровной жизнью. Устроив коммуны, «Колымскую республику», политкаторжане через несколько лет имели уже свое хозяйство, ездовых собак, упряжки, рыболовные снасти и даже – по соседству с Полярным кругом! – разбили свои огороды. Вот, говорят теперешние советские историки, самодержавие послало людей на погибель, а люди – победили природу.

Для жителей Колымы вся остальная часть империи была «Южная Русь». «В 1904 году гонец принес на уздечке хлесткое слово «война»... Две царских смерти и две войны – вот был итог новостей, пришедших с далекого юга за сорок лет в заброшенную Колыму». Это из романа Тан-Богораза «Союз молодых». И тут же в этом романе один герой говорит другому: «Пока вы не пришли, мы тут людей не убивали». Это говорит не туземец – русский русскому. Белый полковник Авилов отвечает: «Российских народов полтора ста миллионов. Из этого числа перебить десятую часть, ну, скажем, пятнадцать миллионов, а другие девять частей пусть остаются. Тогда, может, будет лучше».

Отбыв ссылку, Тан-Богораз отошел от политической деятельности. Однако слава народовольца, политкаторжанина с тех далеких лет, когда еще и сам Владимир Ильич не думал о революции, закрепилась за ним на всю жизнь. И вот фраза, которую он, бывший революционер Владимир Богораз, вложил в уста белому офицеру, оказалась пророческой: примерно такая часть населения, которую он назвал, была уничтожена в действительности – правда, не белыми офицерами, не монархистами, а ЧК-НКВД и хозяевами новой власти – большевиками.

И уж эти-то, новые хозяева, нисколько не были похожи на романтика из петербургской полиции, который даже и не знал, что за край такой Колыма, где она человеку судьба – пропадать, пока смерть не приберет. Новые хозяева – а иные из них по своему личному или по опыту своих коллег – очень хорошо знали, что не так это просто – околеть на Колыме. Для этого надо человека поставить в такие условия, в какие никакого зверя не поставишь, потому что человек сильнее зверя: есть у него и хитрость, и сметка, и выдержка. Нет, природа для человека – это не настоящее испытание. Настоящее испытание для него – это другой человек. Природе что – выдержишь, так тому и быть. А вот человеку, если он поставлен ЧК,

партией, совсем не безразлично это. Если партия дала инструкцию – добить, изъять из жизни – значит, не бывать по-другому.

И вот в 1929 году, ровно через тридцать лет после того, как отбыл свою колымскую ссылку бывший петербургский студент Владимир Богораз, был арестован московский студент Варлам Шаламов. Не сразу попал он на Колыму: посидел сначала в тюрьме, на пару лет выпустили, потом опять посадили. Побывал он перед Колымой в Соловецких лагерях особого назначения, на разных стройках, которым поставляла рабочую силу контора ка Лубянке. А потом уж семнадцать лет провел Варлам Шаламов на Колыме.

В «Архипелаге ГУЛАГ» Солженицын говорит: «Я почти исключая Колыму из охвата этой книги... Да Колыме и «повезло»: там выжил Варлам Шаламов...»

В рассказе «Поезд» Шаламов говорит: «Я испугался страшной силе человека, желанью и уменью забывать. Я увидел, что я готов забыть все, вычеркнуть двадцать лет из своей жизни. И каких лет! И когда я это понял, я победил сам себя. Я знал, что не позволю моей памяти забыть все, что видел».

Народоволец политкаторжанин Владимир Тан-Богораз ничего не забыл и все рассказал – как, хотя природа была сурова, люди не только выжили, но и устроились с комфортом, по-домашнему, по шестьдесят пудов рыбы в год на человека, оленины по самую завязку да ягод с огорода. А кроме того, в долгие зимние месяцы неустанные занятия наукой, чукотские сказы, песни да прибаутки. И самое главное, нигде, пожалуй, в обычной своей цивилизованной европейской жизни не знал каторжанин Богораз такого и в таком изобилии душевного тепла, как на Колымской каторге.

Ничего не забыл и каторжанин Варлам Шаламов: не забыл, как выгоняли людей на работу в 50-градусный мороз; не забыл, как валились замертво опухшие, отекавшие тела дистрофиков; не забыл, как стреляли беглецов; не забыл, как теряли люди человеческий облик и, озверев, бросались друга на друга, на потеху палачам.

А что же это были за люди? Как и почему попали они туда, на Колыму? В чем была их вина?

Вот он, ответ Варлама Шаламова в рассказе «Последний бой майора Пугачева»: «Аресты тридцатых годов были арестами людей случайных... У профессора, партработников, военных, инженеров, крестьян, рабочих, наполнивших тюрьмы того времени до предела, не было за душой ничего положительного, кроме, может быть, личной порядочности.. Они не были ни врагами власти, ни государственными преступниками, и, умирая, они так и не поняли, почему им надо было умереть».

Народоволец Тан-Богораз и его подельники знали, что ждет их каторга: они боролись против царя, против самодержавия.

И вот, революция сделана, царя сбросили, власть досталась авангарду рабочего класса, как она сама себя называет, большевистской партии.

Царское самодержавие, враждебное народу, не знало, что делать ему с Колымой: сослало туда полсотни бунтовщиков – и забыло о них.

Советская власть, народная власть, еще ничего не сделав для народа, первым делом вспомнила о Колыме. На далеком севере, у Полярного круга, где некогда благоденствовали ниспровергатели самодержавной России, теперь обрели свое последнее прибежище их дети и внуки. Большевики – это не романтики из царской охраны, большевики не бросают на произвол судьбы рабочих, крестьян, образованных. Большевики не полагаются на природу: авось, сама добьет человека. Нет, сама не добьет: мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача.

И на далекой Колыме, за полюсом холода создаются лагеря труда, лагеря смерти. И не учеными, не этнографами, не знатоками чукотского фольклора выходят оттуда люди. А выходят... нет, вообще не выходят, ибо лагеря смерти для того, чтобы, кто уж угодил туда, так навсегда.

Не бывать более царской Колыме: у нас все свое – и Колыма своя, советская, для народа.

Электронная версия – в блоге «Варлам Шаламов и концентрационный мир» <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/382330.html>. За фотографию статьи весьма благодарен Сергею Бондаренко, ее можно посмотреть здесь https://dl.dropboxusercontent.com/u/9178411/Ark_Lvov_Dve_Kolimi.jpg

---

Елена Гессен. Рецензия на сборник «Воскрешение лиственницы», журнал «Страна и мир», 1986

От составителя

В № 8 1986 г. эмигрантского журнала «Страна и мир», выходявшего в Мюнхене, в рубрике «Литературное обозрение» напечатана статья переводчика и литературного критика Елены Гессен, посвященная русской – официальной, самиздатской и тамиздатской – мемуарной литературе. Среди авторов – Набоков, Шаламов, Валентин Катаев, Семен Липкин. Это вторая (а, может быть, первая – журнал «Континент» с рецензией Анатолия Краснова на книгу «Воскрешение лиственницы» и «Страна и мир» со статьей Гессен вышли примерно в одно время) журнальная рецензия на «Четвертую Вологду». Обе отсылают к сборнику «Воскрешение лиственницы», ИМКА-Пресс, Париж, 1985. Я выбрал куски о «Четвертой Вологде» и рассказах Шаламова – сама статья довольно большая, кому интересно прочесть полностью, может пройти по ссылке http://www.vtoraya-literatura.com/pdf/strana_i_mir_1986_08_text.pdf, электронная версия номера журнала выложена в библиотеке ImWerden.

Елена Гессен (Бостон)

Во имя четвертого времени

«Я пытаюсь в этой книге соединить три времени: прошлое, настоящее и будущее во имя четвертого времени – искусства». Эти слова из автобиографической повести Варлама Шаламова «Четвертая Вологда», кажется, можно поставить эпитафией ко всякой книге воспоминаний.

Западные русскоязычные издательства выпускают много мемуаров, документальной прозы, в эмиграции все это читается с особой жадностью. Выпав из искусственного мирка советского времени, мы пытаемся, с неизбежными потерями и издержками, обрести себя во времени общечеловеческом. [...]

Книга Шаламова «Воскрешение лиственницы» (УМСА-Press, 1985) составлена из рукописей, оставшихся после его смерти и пересланных на Запад друзьями. Многие здесь производят впечатление обрывочности, фрагментарности, очевидно, писатель не успел придать своей автобиографической повести окончательную форму. Но шероховатая, неотделанная, временами заскорузлая проза Шаламова таит в себе суровое дыхание подлинности, полновесный отзвук «живой жизни», монолитность гранита.

Писательское кредо Шаламова изложено в рассказе «Воскрешение лиственницы», не случайно давшем название всему сборнику. Это не частый у Шаламова лирический рассказ-аллегория, написанный на одном дыхании, в приподнято-поэтической тональности. Человек с Дальнего Севера посылает по почте вдове погибшего на Колыме поэта – вероятно, имеется в виду Мандельштам – ветку лиственницы, «мертвую ветку живой природы». Ветку ставят в хлорированную водопроводную воду, и она оживает, пускает новые иглы. Происходит «чудо воскресения». Посылая ветку, бывший зэк «хотел напомнить о себе», и не только о себе: в ней заключена «память о тех миллионах убитых, замученных заключенных, которые сложены в братские могилы к северу от Магадана».

Он думал только о памяти, он не мог надеяться на то, что ветвь оживет и «люди Москвы... будут вдыхать ее запах – не как память о прошлом, но как живую жизнь». История воскресшей лиственницы воспринимается – в контексте шаламовской жизни – как метафора существования искусства.

Самое крупное произведение в сборнике – автобиографическая повесть «Четвертая Вологда», о детстве в северном городе, в суровый климат которого ссыльные «вносили категорию будущего времени». Шаламов рассказывает о своем детстве со сдержанностью много повидавшего человека, здесь нет ни умиления, ни самолюбования, все тот же жесткий взгляд лагерника и та же горечь. Это – трудное детство и вдобавок, как замечает составитель книги и автор предисловия М. Геллер, история созревания бунтаря.

«Моя оппозиция, мое сопротивление уходит корнями в самое раннее детство». Но одновременно это история становления поэта, которому претит – вопреки урокам отца – самое понятие жизненного успеха и пользы. Будущий поэт запоем читает книги, но его самовоспитание состоит и в каждодневном поиске нравственных ценностей, отличных от отцовских догм. Сама семья дает примеры драматического противостояния сохраненной и порушенной нравственности. Отец – жесткий, требовательный, считает своим неотъемлемым правом ломать и корезить жизнь близких: «При его жажде успеха – зачем он стал священником, зачем взял на себя самое несправедливое право – право давать советы другим? Трудно? Почему же? Почему же трудно?» – недоумевает сын. Не под знаком ли подобного диктата – уже не семейного, а государственного – пройдет вся мучительная и мученическая жизнь Шаламова? Чудесные строки посвящены матери, закабаленной отцом, изуродованной непосильной домашней работой. «Мама любила стихи, а не ухваты», – с горечью замечает автор. Старшая сестра – образец самоотверженности и жертвенности, праведница и заступница обездоленных. И, наконец, брат. Сломленный советской властью, он становится осведомителем и

публично отрекается от отца-священника. Брат «умер в тот самый день и час, 12 ноября 1953 года, когда иркутский поезд дальнего следования подошел к московскому перрону и я вылез из вагона после шестнадцатилетнего отсутствия». Вставленная в рамку художественного произведения, такая коллизия и такая концовка рискует показаться надуманной, даже мелодраматической. Но перед нами – живая жизнь.

Есть в «Четвертой Вологде» эпизод, который, раз прочитав, забыть невозможно. Варлам Шаламов блестяще заканчивает десятилетку. «Вы будете гордостью России», – предрекает учительница. Но на дворе 1923 год, и детям духовенства путь в университет заказан. Мальчик с отцом, к тому времени ослепшим, идет на прием к заведующему РОНО товарищу Ежкину. «В жизни я не забуду этот визит», – замечает автор. Прием проходит стоя, – незрячий отец держится за плечо сына, заведующий «возмущен до глубины души – «поп в кабинете». Звенящим от негодования голосом он заверяет старика в том, что его сыну никакими силами не получить высшего образования, после чего обращается к мальчику: «Ты-то понял? Отцу твоему в гроб пора, а он еще обивает пороги, ходит, просит... Вот именно потому, что у тебя хорошие способности, – ты и не будешь учиться в высшем учебном заведении – в ВУЗе советском.

И товарищ Ежкин сложил фигу и поднес ее к моим глазам». [...]

Спору нет, у катаевских [Валентин Катаев, советский писатель – сост.] героев были в жизни свои трудности, войны, смерть близких, ранения и недуги. Но эти люди никогда не стояли в кабинетах РОНО перед товарищем Ежкиным, показывающим фигу; без всяких затруднений они поступили в институты, получили чины и научные звания, им не пришлось идти с этапом и сидеть в штрафном изоляторе в лагере на Колыме.

Допустимо ли, впрочем, укорять писателя тем, что его герои не понюхали этой, другой жизни? Не посягаем ли мы на священное право художника выбирать самому объекты своего художественного исследования?

В рассматриваемой выше книге В. Шаламова есть рассказ «У стремени», который дает косвенный ответ на эти вопросы. Инженер Покровский, осужденный в начале тридцатых годов за вредительство, в эйфорическом захлебе вспоминает, как замечательно работалось на строительстве, которым командовал известный чекист Берзин: «Единственная стройка, где все делалось в срок, а если не в срок – Берзин скомандует, и все является как из-под земли. Инженеры... получили право задерживать людей на работе, чтобы перевыполнять норму. Берзину каждое утро подавали лошадь для объезда объектов, и, садясь в седло, он принимал

просителей-заключенных «без бюрократизма». «При этом он их глубоко презирал, всех этих толпящихся вокруг его коня инженеров, которые «бойко работали за пайку, за смутную надежду быть представленными к досрочному освобождению». Шаламов задумывается над тайной людей, стоящих «у стремени».

«Всю жизнь я наблюдаю раболепство, пресмыкательство, самоунижение интеллигенции...»

Верхом на коне начальник успевал принять десять посетителей. И кажется, будто сам Катаев стоял в этой очереди одиннадцатым, – оттого-то он ни разу не смог позволить себе роскоши отойти от стремени на сколько-нибудь заметное расстояние.

Блокада (СССР и русская эмиграция)

Внутренние рецензии на «Колымские рассказы» Олега Волкова и Эльвины Мороз, 1962-63

Рецензии опубликованы в журнале «Знамя», № 2, 2015 <http://magazines.russ.ru/znamia/2015/2/13s.html>. Публикация и комментарий Сергея Соловьева. В комментарии говорится, что первый цикл КР, «Колымские рассказы», в неизменном с тех пор количестве тридцати трех текстов Шаламов сдал одновременно в издательство «Советский писатель» и редакцию «Нового мира» в ноябре 1962 года. Рецензии датированы декабрем того же года и июлем 1963-го. Рекомендации рецензентов опубликовать рукопись были проигнорированы. Окончательный отказ издательства основывался на недвусмысленно отрицательной внутренней рецензии критика А.К. Дремова (см. в основном томе) и был вручен Шаламову только год спустя.

Для понимания контекста. Из интервью историка и диссидента Роя Медведева газете «Бульвар Гордона», 8 января 2013 года http://www.bulvar.com.ua/gazeta/archive/s2_65879/7902.html:

«Существовала система цензуры, а в ней действовало наделенное силой закона правило: публикация любых книг, произведений и статей о лагерях запрещалась. Значит, чтобы солженицынскую повесть напечатать, надо было все цензурные запреты нарушить, соответствующее постановление высших органов идеологической власти принять, и Хрущев на этот риск пошел. Два года спустя, в начале 64-го, свое разрешение лагерные вещи печатать он отменил – уже в конце 63-го некоторые авторы, которые начали на эту тему писать, получили в редакциях отказ. Целый ведь поток литературы такой хлынул...

– Тем не менее все равно и Шаламов, и Гинзбург в эту щелочку проскочили...

– Нет, не проскочили и изданы были только за рубежом. «Колымские рассказы» Варлама Шаламова опубликованы в СССР лишь после распада Союза, «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург, матери прозаика Василия Аксенова, напечатан чуть раньше – во время перестройки».

Рецензии публикуются по: РГАЛИ, Ф. 1234, оп. 19, ед. хр. 1456. Л.1–10об.

«РЕЦЕНЗИЯ

Представленные Шаламовым рассказы убедительно говорят о том, что «Один день Ивана Денисовича» Солженицына не только не исчерпал темы «Россия за колючей проволокой», но представляет пусть талантливую и самобытную, но еще очень одностороннюю и неполную попытку осветить и осмыслить один из самых страшных периодов в истории нашей страны. Здесь не место подробно останавливаться на повести Солженицына, однако можно сказать, что восприятие системы принудительного труда его героем оставляет незадетыми ворохи жгучих вопросов, невольно встающих перед читателем. Малограмотный Иван Шухов в некотором смысле лицо, принадлежащее прошлому – теперь не так уж часто встретишь взрослого советского человека, который бы воспринимал действительность так примитивно, некритически, мировоззрение которого было бы так ограничено, как у героя Солженицына. Его повесть лишь коснулась ряда проблем и сторон жизни в лагере, скользнула мимо, не только не разобравшись, но и не заглянув в них. «Один день Ивана Денисовича», представляющая Суриковской силы картину лагерного быта, нисколько не помогает уяснению того – «как дошла ты до жизни такой», как могло случиться, что в Советской стране лагеря получили права гражданства, полноправно определили ее лицо? Между тем, именно эта сторона вопроса более всего занимает людей и тревожит их совесть. Если важно и поучительно показать, как мужественно, терпеливо и не теряя человеческого достоинства, несли люди бремя нечеловеческих и унижительных условий существования, то еще больше значения имеет показ средствами художника созданной для подавления человеческой личности системы, во всей ее полноте, всех людей, которые ее проводили, их психологии, потому что только вскрытие до конца этих страшнейших язв и их корней может предохранить от них в будущем.

С этой точки зрения рассказы Шаламова представляются мне чрезвычайно ценными, а так как, помимо широкого охвата многих сторон лагерного периода нашей истории, они обладают и несомненными художественными достоинствами, то и говорить о них следует как о значительном вкладе в дело разоблачений злодеяний Сталина и его подручных.

Прежде всего следует сказать, что все 33 рассказа Шаламова совершенно правдивы, в них описаны быт и нравы Колымы такими, какими они были, без преувеличений и сгущения красок. Они документы, представленные выжившим очевидцем. И не только выжившим, но и думавшим и думающим, таким, который

хочет разобраться в виденном, проследить за тем, как сказывается режим лагерей на человеческих отношениях, на людской психике и поведении. В своих разоблачениях автор беспощаден: с жестокой убедительностью рассказывает он, как калечит людей произвол, как вытраивает в людях все человеческое унижительная система выбивать из них волю к сопротивлению посредством страха, голода и безмерных лишений. С другой стороны, предоставленная лагерному начальству и охране бесконтрольная власть над немым людским стадом вырабатывает из них садистов с психологией рабовладельцев. Читатель, несомненно, задумается над такими рассказами как «Геркулес», в котором подгулявший «большой» начальник, хвастая своей силой на пирушке перед сервильно лебезящими вокруг него подчиненными, предлагает оторвать голову живому петуху; как «Галстук», с заключенной, превращенной в крепостную кружевницу, чье мастерство принадлежит раскормленным и капризным лагерным дамам, женам начальников; как «Тетя Поля», о заключенной прислуге большого начальника, ради которой, когда она заболевает, выбрасывают в холодный коридор десятков больных «доходяг», чтобы освободить для нее отдельную палату; как «Детские картинки», где рассказано, как заключенные, роясь в куче смерзшихся отбросов, обнаруживают детскую тетрадь с рисунками ребенка вольнонаемных – в них проволока, вышки, вахтеры, одни отражения лагерной повседневности.

Как ни отвратительны утратившие человеческий облик вахтеры и начальники, читатель понимает, что только такими могли быть люди, творившие гнусное лагерное дело: человек с совестью не мог быть к нему причастным. Этому служит трагической иллюстрацией рассказ о вольнонаемном геологе Серафиме, который сразу утрачивает «вкус к жизни» и кончает самоубийством, едва ему доводится почувствовать на себе лагерный режим. Он едет развлечься в Магадан, но забывает захватить паспорт, и застава на трассе принимает его за беглого заключенного. Проходит неделя, прежде чем его вызволяет из изолятора начальник, — время более чем достаточное, чтобы Серафим познал на себе, как превращают в лагере человека в бессловесную униженную тварь молодцы с сытыми рожками в белых полушубках. При освобождении ему не возвращают отобранные у него деньги: «А д-деньги? – замычал Серафим, упираясь и отталкивая Преснякова. – Какие деньги? – металлом зазвенел голос начальника. – Две тысячи рублей. Я брал с собой. – Вот видите, – хохотнул начальник и толкнул Преснякова в бок. – Я же вам рассказывал: в пьяном виде, без шапки...

Серафим шагнул на порог и молчал до самого дома. После этого случая Серафим стал думать о самоубийстве. Он даже спросил заключенного-инженера, почему тот, арестант, не кончает самоубийством».

Выстраданной правдой звучит в рассказах Шаламова признание того, что работа превратилась для сотен тысяч заключенных в проклятие и вывешиваемый на воротах всех лагерных поселений обязательный лозунг: «Труд дело чести, доблести и геройства» звучал, как кощунственное издевательство над «тружениками». Страшная обстановка работы на приисках подсказывала один выход: чтобы выжить, нужно было всеми путями и средствами отлынивать от работы, идти на все, вплоть до нанесения себе увечий, но только не попадать в забор. И люди приучались «филонить», симулировать болезнь, обманывать, лишь бы не работать. В рассказах Шаламова не встретишь и намек на тот «трудолюбивый энтузиазм», который на стольких страницах описал Солженицын, рассказывая о своем Иване Денисовиче. Следует сказать, что тому не досталось испытать до дна чаши лишений, обид и унижений, какие пришлось на долю колымцев. Будь Шухов в условиях Колымы, и он, возможно, стал бы «шакалить», рыться в отбросах и привык страшился работы. Мы читаем в рассказе «Дождь»:

«Начальство возлагало большие надежды на дождь, на холодные плети дождя, опускавшиеся на наши спины. Мы давно были мокры, не могу сказать до белья, потому что белья у нас не было. Примитивный тайный расчет начальства был таков, что дождь и холод заставят нас работать. Но ненависть к работе была сильнее...»; «Мы не могли выходить из шурфов, мы были бы застрелены. И мы стояли молча, по пояс в земле, в каменных ямах, длинной вереницей шурфов растягиваясь на берегу высохшего ручья». «За ночь мы не успевали высушить наши бушлаты, а гимнастерки и брюки мы ночью сушили своим телом и почти успевали высушить».

Автора особенно занимают отношения между людьми, поставленными на край ямы: он понял, что бывает такая черта, за которой исчезает в людях все человеческое, и это заставляет его с каким-то восторгом рассказывать о единичных случаях, когда дружба или честность торжествуют над инстинктом самосохранения и заключенному случается выгородить своего товарища. Обычно бывает иначе: борьба за существование подсказывает думать только о себе, не гнушаться подтолкнуть слабого и перехитрить сильного. Страшно читать такие рассказы, как «Сгущенное молоко», где провокатор подбивает людей к побегу, соблазняя консервами, чтобы выдать затем того, кто попадет на его уговоры. Между тем, так именно и делалось: людям, сидевшим по 58 статье и обвиненным в замышленном побеге, грозил расстрел, «бытовикам» (читай ворам) – увеличение срока. Лагерное начальство старалось выявить заключенных, «склонных» к побегу, и справлялось с ними беспощадно. Доноса товарища было вполне достаточно, чтобы осудить человека за побег.

Уродливость возникавших между заключенными отношений с драматической силой показана в таких рассказах Шаламова, как «Заклинатель змей» и «Тайга золотая», в них описывается одна из тягчайших бед, какие приходилось терпеть заключенным-«контрикам», т.е. обвиненным по 58 статье, от уголовников, насилия которых не пресекались начальством. «Короли» шпаны безраздельно властвовали в бараках, могли заставить кого угодно чесать им пятки, развлекать, «тиская романы», отдать любую вещь, место на нарах и т.д. Ослушание значило смерть: рассказ «На представку» описывает, как зарезали «фраера», отказавшегося отдать меховой жилет проигравшемуся в карты бандиту.

Следует особо выделить такие рассказы Шаламова, как «Красный крест», «Тифовый [Тифозный] карантин», «Татарский мулла и чистый воздух», в которых автор обобщает свой лагерный опыт.

«Мы поняли, что жизнь, даже самая плохая, состоит из смены радости и горя, удач и неудач, и не надо бояться, что неудач больше, чем удач».

«Мы были дисциплинированы, послушны начальникам. Мы понимали, что правда и ложь – родные сестры, что на свете тысяча правд...»

«Мы поняли – это самое главное, что наше знание людей ничего не дает нам в жизни полезного. Что толку в том, что я понимаю, чувствую, разгадываю поступки другого человека. Ведь своего-то поведения по отношению к нему я изменить не могу, я не буду доносить на такого же заключенного, как я сам, чем бы он ни занимался. Я не буду добиваться должности бригадира, дающей возможность остаться в живых... Я не буду давать взятки, искать полезных знакомств. И что толку в том, что я знаю, что Иванов подлец, а Петров шпион, а Заславский лжесвидетель?»

«Невозможность пользоваться известными видами “оружия” делает нас слабыми по сравнению с некоторыми нашими соседями по лагерным нарам...»

«Мы поняли также удивительную вещь: в глазах государства и его представителей человек, физически сильный, лучше, именно лучше, нравственнее, ценнее человека слабого – того, кто не может выбросить из траншеи двадцать кубометров грунта за смену. Первый моральнее другого. Он выполняет “процент”, т.е. исполняет свой главный долг перед государством и обществом, а потому всеми уважается. С ним советуются и считаются... благодаря своим физическим преимуществам он обращается в моральную силу при решении ежедневных многочисленных вопросов лагерной жизни. Притом он – моральная сила до тех пор, пока он – сила физическая».

«Иван Иванович в первые месяцы своей жизни на прииске был передовым “работягой”. Сейчас он не мог понять, почему его теперь, когда он ослабел, все

бьют походя – не больно, но бьют: дневальный, парикмахер, нарядчик, староста, бригадир, конвоир. Кроме должностных лиц, его бьют блатари».

Нет надобности комментировать глубину и значение приведенных выдержек: они приоткрывают занавес над целой огромной областью человеческих отношений и философией, порожденной дикими порядками исправительно-трудовых лагерей. Герои Шаламова пытаются, в отличие от Солженицынского, осмыслить навалившуюся на них беду, и в этом анализе и осмыслении заключается огромное значение рецензируемых рассказов: без такого процесса никогда не удастся выкорчевать последствия того зла, которое мы унаследовали от сталинского правления.

Рассказы Шаламова написаны уверенной рукой литератора с несомненным художественным дарованием, человека с огромным опытом, сумевшего его обобщить и, воплотив в литературную форму, сделать этим полезное и нужное дело.

«Легализация» лагерной темы породила огромный поток конъюнктурных произведений, буквально все издательства и журналы завалены творениями людей, которые не прочь «подработать» на модном жанре, ставшем вдобавок, после Солженицына, сенсационным. В газетах уже публикуются литературные подделки, всяческие халтурные отрывки по поводу «культы». Очень страшно, что эта мутная волна, захлестывающая литературу, потопит те талантливые, выстраданные и умные произведения о страшной народной беде, которые нужны как воздух, чтобы успокоить народную совесть и раз навсегда вбить осиновый кол в это поистине «проклятое прошлое».

Я настоятельно рекомендую издательству опубликовать рассказы Шаламова, не маринуя их в недрах планов, а дать им зеленую улицу, издав за счет издательского резерва. Имеющиеся в рассказах Шаламова недочеты, длинноты, стилистические огрехи, повторения и т.п. незначительны и легко устранимы при редактировании. Я бы посоветовал автору изъять из сборника рассказ «Первая смерть», показавшийся мне слабо написанным, а также тщательно просмотреть частично дублирующие друг друга рассказы, с тем, чтобы в сборнике не соседствовали схожие.

Олег Волков*
Декабрь 1962 года.»

«В. ШАЛАМОВ. КОЛЫМСКИЕ РАССКАЗЫ

Рукопись «Колымских рассказов» В. Шаламова производит сильное впечатление, более того – ужасающее впечатление, главным образом, своим материалом.

Автор рассказывает очень подробно о жизни в лагерях, о тех бесконечных страданиях и унижениях, которые перенесли там люди, незаконно осужденные и оклеветанные.

Рассказано все это очень достоверно, так, как может рассказать только человек, вынесший это на своих плечах.

И с этой точки зрения, по-моему, рукопись заслуживает издания: мне кажется, что люди должны знать правду об этом периоде истории нашей страны, какой бы страшной или горькой она ни была, потому что бороться с последствиями культа личности можно, только зная эту правду.

Но, повторяю, сильное впечатление книга производит, главным образом, за счет материала, на котором она написана.

Это – в основном рассказ о лагерном быте, а не о людях. Люди, герои рассказов, от начала до конца статичны. Они похожи друг на друга, они переходят из одного рассказа в другой, не меняя своего обличия (недаром во многих рассказах часты повторения).

Вот перед нами глупые, бесконечно жестокие, подлые те, кто стоит над заключенными.

Вот – «блатари», «короли жизни», – беспринципная мразь, живущая по волчьим законам, но пользующаяся всеми возможными и невозможными лагерными благами и привилегиями.

И вот – политические, интеллигенты, невыносимыми условиями низведенные до состояния животных.

Индивидуализация каждого героя очень слабая, ее почти нет, и это, на мой взгляд, большой недостаток рукописи.

Вторым недостатком рукописи, по-моему, стала выбранная автором позиция, для меня совершенно неприемлемая. Создается впечатление, что автор не любит своих героев, не любит людей вообще. Герои его лишены всего человеческого, как он пишет, единственное, что в них еще живет, – это злость, они отличаются от животных лишь одним – выносливостью.

Может быть, горький опыт автора и дает ему право так писать о людях, но я глубоко убеждена, что литература должна быть гуманистичной, должна взывать к лучшему, что есть в человеке, а не унижать его.

О рукописи можно было бы написать много, но я не даю конкретного разбора рассказов, – это всего лишь общее впечатление от книги, мое личное мнение о ней.

Э. Мороз**
26 июля 1963 г.»

* См. его воспоминания о Шаламове в основном сборнике.

** Эльвина Мороз о себе <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/7/ki16.html> и «О качествах, которыми надо обладать редактору» <http://editorium.ru/282/>

Шаламов и Хенкины. Судьба «списка-68»

Как известно, в начале лета 1968 года Шаламов передал корпус «Колымских рассказов» для издания книгами в Париж через Ирину Каневскую. Советское шаламоведение отмечает ее рассказ как диссидентскую басню, утверждая (впрочем, в прошлом, сейчас этот вопрос вообще предпочитают не поднимать), что никаких доказательств знакомства Шаламова с Каневской не существует. Оказывается, они существуют. Теперь появилось лишнее свидетельство того, что Каневская и ее муж могли пользоваться полным доверием Варлама Шаламова.

Ирина Каневская была женой журналиста Кирилла Хенкина; на пике «пражской весны» оба работали в столице Чехословакии, откуда и переправили шаламовское Пятикнижие колымской прозы во Францию, в издательство ИМКА-Пресс (где рукописи бесследно сгинули).

Насколько Шаламов мог доверять супругам Хенкиным как связным и на чем могло основываться это доверие? Доверял Шаламов немногим, однако в период 1965-68 гг. безусловно доверял Наталье Столяровой и Надежде Мандельштам, через знакомого которой, слависта Кларенса Брауна, передал рукописи КР в Америку еще в 1966 году. Так вот, привожу цитату из статьи Павла Нерлера, «Свидетельница поэзии. Очерк жизни и творчества Надежды Мандельштам» <http://magazines.russ.ru/voplit/2014/3/15n.html>, журнал «Вопросы литературы», №3, 2014:

«...поздней осенью 1965 года она [Надежда Мандельштам] переехала в собственную однокомнатную кооперативную квартирку (ул. Большая Черемушкинская, д. 50, корп. 1, кв. 4), приобретенную на средства, одолженные К. Симоновым (вступить в кооператив помог К. Хенкин по просьбе Н. Столяровой). Свой первый Новый год в собственном жилье Н.М. встречала в обществе Варлама Шаламова, Виктора и Юлии Живовых, Димы Борисова».

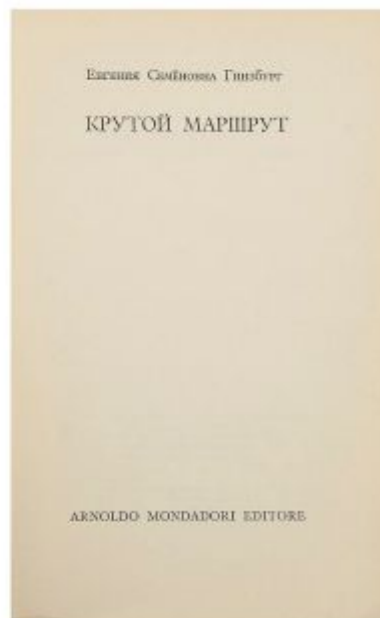
Итак, Кирилл Хенкин помог вступить Надежде Мандельштам в жилищный кооператив еще в 1965 году. В 1967-м (может быть, и раньше, но за неимением данных датировать их брак общим письмом к Надежде Мандельштам) Хенкин с Каневской уже супруги. Оба хорошо знакомы и с Мандельштам, и с Натальей Столяровой, по просьбе которой Хенкин помогает первой решить такую перво-степенной важности проблему как получение собственного жилья. Таким образом, не считая личного знакомства Шаламова с Хенкиными («Мы часто виделись. Он приходил и к нам, и к Надежде Яковлевне Мандельштам» – Ирина Каневская), рекомендовать их Шаламову в качестве надежных связных могли два человека, пользовавшихся в то время его полным доверием.

Диссидентская басня со временем обрастает фактами, которые ее бесстрастно, но неуклонно материализуют. Не найденной остается главная улика – орудие убийства, иначе говоря, сами рукописи «Колымских рассказов», хранящиеся где-то в тайниках руководителя издательства ИМКА-Пресс Никиты Струве, если они не уничтожены. Поскольку о них ни слуху ни духу, решающее значение получают косвенные свидетельства, а их уже предостаточно (см. основной том, раздел Материалы к биографии). Данная статья добавляет еще одно.

Книги, которые русская эмиграция предпочла «Колымским рассказам», 1960-е годы

По плану Шаламова, «Колымские рассказы» должны были выйти на Западе отдельными изданиями на русском в 1966-69 годах. Но вместо них вышли другие книги. Ограничусь некоторыми изданиями этих переломных для судьбы Шаламова и его творений лет.

Евгения Гинзбург, «Крутой маршрут: [Хроника времен культа личности]»
Е.С. Гинзбург. Milano: Mondadori, 1967

Александр Солженицын, «В круге первом» / Александр Солженицын. New York;
Evanston: Harper & Row, 1968

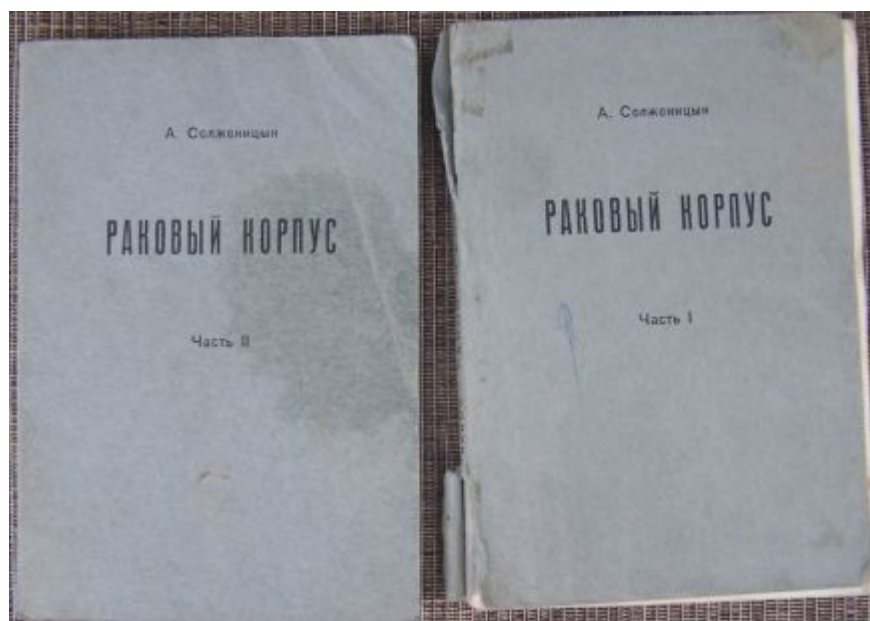

Александр Солженицын, «В первом кругу», Лондон, Flegon Press, 1968

Александр Солженицын, «Раковый корпус. Повесть в двух частях», Париж, издательство YMCA-PRESS, 1968

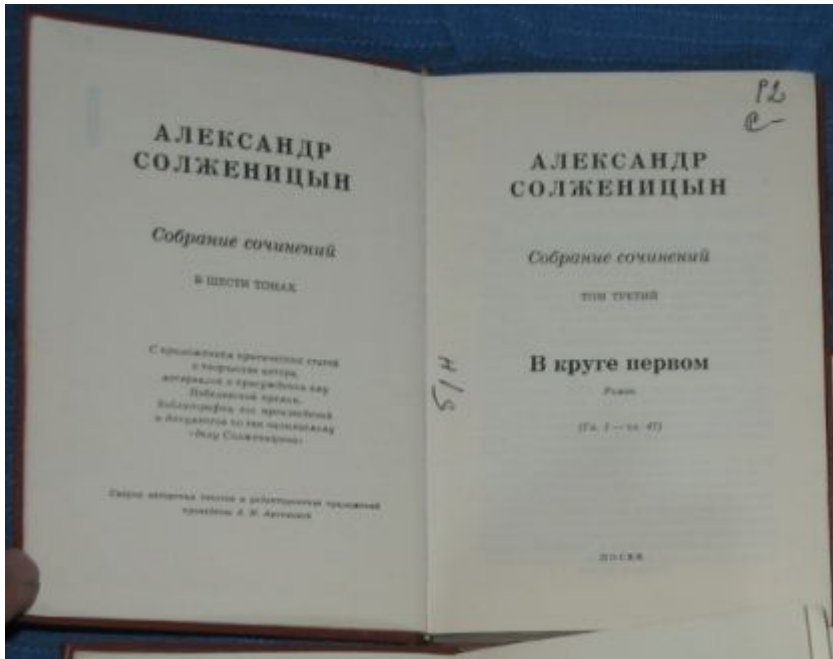
Фотографии взяты из каталогов с сайтов Аукционного Дома «Империя», Антикварных книг Biblionne, Аукционного дома «КАБИНЕТЪ», интернет-магазина «ЧтецЪ» и букинистского Alib.ru

А. Солженицын, «Раковый корпус», Посев, Франкфурт-на-Майне, 1968

Солженицын А. И. «В круге первом». Роман. Париж, YNSA-PRESS, 1969

Александр Солженицын, «В Круге первом», часть первая, Собр. соч., том 3, изд. Посев, Франкфурт-на-Майне, 1969

Полные сведения о бесчисленных изданиях Солженицына на Западе в шестидесятых-семидесятых годах можно почерпнуть из справочника «Александр Исаевич Солженицын. Материалы к библиографии», Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, 2007 <http://www.trinitas.ru/rus/doc/avtr/01/1661-slg.pdf>

Шаламов и Глеб Струве, непроясненные обстоятельства

Любопытное утверждение литературоведа-слависта Константина Лаппо-Данилевского из его предисловия к книге Глеба Струве «Русская литература в изгнании», изд. третье, YMCA-Press, Русский путь, Париж – Москва, 1996 http://www.vtoraya-literatura.com/pdf/struve_russkaya_literatura_v_izgnanii_1996_text.pdf. Не знаю, на

чем оно основано, но учитывая, что книга вышла в издательстве племянника Глеба Струве Никиты, без сомнения, имеет какие-то основания – издатель, осведомленный о вкусах дяди, его читал и одобрил. Интересно это утверждение тем, что именно Глебу Струве, профессору Калифорнийского университета, которого Надежда Мандельштам хорошо знала по переписке, они с Шаламовым и передали в 1966 году через Кларенса Брауна шестисотстраничный список «Колымских рассказов», предназначенный для издания книгой. Судьба этого списка известна – он попал к редактору нью-йоркского «Нового журнала» Роману Гулю и на протяжении многих лет служил тому дойной коровой и объектом стилистической правки. Глеб Струве стоит, пожалуй, у истоков зарубежных злоключений «Колымских рассказов», но роль его до сих пор не прояснена.

«С неослабевающим интересом Г.П. Струве следил за творчеством русских писателей, выдвинувшихся на первый план в конце 1950-х – начале 1960-х годов; наиболее высоко он оценивал произведения В.Т. Шаламова и А.И. Солженицына, поведавших миру страшную правду о советском ГУЛАГе».

Шаламов и НТС, еще одно непроясненное обстоятельство

Советское шаламоведение с порога отмечает всякую возможность связи Шаламова с «белогвардейской» (впрочем, можно и без кавычек) или, как они сами себя называли и продолжают называть, «солидаристской» право-националистической организацией Народно-Трудовой Союз, базировавшейся во Франкфуртена-Майне и владевшей издательством, которое наряду с антисоветской литературой выпускало журнал «Посев» и альманах «Грани» (рассказы Шаламова появлялись и там, и там). В «Письме в ЛГ» Шаламов яростно отвергает такую связь, но мы знаем, что злосчастное «Письмо» не отражает действительности, например, вопреки фактам отрицает передачу автором «Колымских рассказов» в Америку и вообще любые, сейчас известные, инициативы такого рода.

Поэтому стоит обратить внимание на некоторые ускользающие от глаза исследователей моменты.

По словам шаламоведа С. Соловьева, ссылающегося на до сих пор не опубликованные записи из архива Шаламова, там есть намек, что в передаче последним рукописей КР за границу принимал участие Александр Храбровицкий (не будем также забывать о сугубо подпольном характере этой деятельности, которая меньше всего располагала оставлять письменные свидетельства, то есть улики). Литературовед и архивист Храбровицкий поддерживал, в свою очередь, живые эпистолярные отношения с парижанином Александром Алексеевичем Сионским, литератором и бывшим белым офицером, активным членом Русского общевоинского союза и Центрального объединения политэмигрантов*. Основным печатным изданием РОВСа был журнал «Часовой», курировавшийся самыми воинственными кругами правой антисоветской эмиграции. Диссидент Сергей Григорьянц, долгое время занимавшийся эмигрантской периодикой, прямо характеризует Сионского как человека «из НТС и «Русской мысли»**. Известно, что Храбровицкий знакомил Шаламова с письмами Сионского, и к одному из ответных писем Шаламов своей рукой сделал весьма дружескую приписку***. Сионский с большой охотой содействовал переправке на Запад русской неподцензурной литературы, считая это, можно сказать, своей культурной и общественной миссией****.

Человек, связанный с НТС, логично предположить, будет и передавать полученные рукописи в близкую ему по духу организацию, вернее, ее издательство. Таким образом, выстраивается хрупкая, но не лишенная логики цепочка: Шаламов – Александр Храбровицкий – Александр Сионский – НТС и его издательство. В двух номерах альманаха «Грани», 1970 год, были опубликованы полтора десятка рассказов «колымского» и «вишерского» циклов. Как и когда они туда попали, до сих пор неизвестно. В семидесятых Шаламов уже не передавал рукописей за рубеж, но попасть туда они могли на полтора-два года раньше, и не в само издание, а в круги, близкие к НТС, к тому же Сионскому, и до альманаха добрались только к семидесятому.

Лично я не склонен думать, что Шаламов передавал «Колымские рассказы» в издательство «Посев», однако я могу заблуждаться. Во всяком случае, первое, что требуется сделать – это обнародовать записи Шаламова, в которых дается тот самый намек на роль Храбровицкого как связного: то, как это сформулировано, время записи и контекст могут прояснить обстоятельства и направить мысль по пути, который до сих пор представлялся бесперспективным.

Словом, нельзя отвергать возможность, что в какой-то момент автор «Колымских рассказов» был готов на издание своего труда и в издательстве НТС, слыш-

ком много общих мест о Шаламове уже оказались пыльным декорациями, за которыми скрывается противоположная, но неоспоримая – такое уж у нее свойство – реальность. «Живая жизнь», как несколько неуклюже именуется это Шаламов.

* См. статью литературного критика Олега Михайлова
<http://www.lgz.ru/article/N50--6350---2011-12-14-/Moy-Bunin17885/>

** См. интервью с Сергеем Григорьянцем
<http://www.colta.ru/articles/dissidents/5162>

*** См. воспоминания о Шаламове Храбровицкого
<http://ru-prichal-ada.livejournal.com/196238.html>

**** См. биографию А.А. Сионского
<http://www.dommuseum.ru/index.php?m=dist&pid=13271&PHPSESSID=da6e293f80df7744931d451004f6ae4b>

Полемический отклик на очерк из «Колымских рассказов». С. Курсанов, альманах «Грани», 1971

Опубликован в альманахе «Грани», №79, 1971, Франкфурт-на-Майне, изд. Посев, в разделе «Библиография: Письма. Отклики».

Первая (первая!), если это словосочетание здесь уместно, критическая статья о «Колымских рассказах» на русском языке. Напомню, что к 1971 году классический пятитомник КР из циклов «Колымские рассказы», «Левый берег», «Артист лопаты», «Очерки преступного мира» и «Воскрешение лиственницы» был давно завершен, издан самиздатским собранием сочинений (1965-68) и в разных вариантах по меньшей мере трижды передан Шаламовым для издания книгами на Запад. Книги эти, за исключением небольшого сборника переводов на французский, как известно, не вышли. Но даже без книг – к 1971 году в эмигрантских «Новом журнале», еженедельнике «Посев» и альманахах «Вестник РСХД» и «Грани» было напечатано больше сорока шаламовских рассказов и очерков, в целом – солидный том. И вот первый печатный отклик на этот труд! Блокада как на ладони. Впрочем, в СССР не было – а при жизни Шаламова и не будет – даже такого.

За скан статьи весьма благодарен Сергею Бондаренко.

О концлагерях в очерках В. Шаламова

С исключительной объективностью рисуют эти очерки черты такого существенного элемента социализма как концентрационные лагеря. Но в то же время автор допускает неточность, которая может быть использована в свою пользу партийной пропагандой КПСС при разговорах о так называемых «ленинских правовых нормах». Весьма важно поэтому установить факт, к о г д а возникли в Советском Союзе концлагеря: еще при жизни «Ильича», или только после его смерти? Но самое существенное – это решение вопроса, был ли вообще о т х о д от этих норм или только дальнейшее их развитие?

Очерк «Сергей Есенин и воровской мир»* начинается словами:

«Ранней грязной уральской весной двигался пеший «этап». Шел 1929 год, последний год, когда в России был всего один концентрационный лагерь, единственный СЛОН – Соловецкий Лагерь Особого Назначения. Открывалось четвертое отделение СЛОНа на Северном Урале. Остров Соловки, Кемь, Ухта-Печора еще в прошлом году бросили туда своих «опытных» заключенных».

Несколько дальше мы читаем в том же очерке:

«СЛОН был единственным тогдашним лагерем, но отнюдь не первым в послереволюционной России. Первый лагерь был открыт в 1924 году в Холмогорах, на родине Ломоносова. Там содержались матросы – участники Кронштадтского мятежа. Вернее, половина участников, точнее – чётные номера той страшной шеренги, в которую были построены все мятежники на Кронштадтском молу после подавления мятежа.

После расчета на «первый-второй», нечётные номера по команде шагнули на пять шагов вперед и были расстреляны.

...В 1925 году был на месте монастыря открыт концлагерь: уголовники, белогвардейцы и сектанты – вот три группы заключенных в этих первых лагерях».

Автору этих строк, правда, несколько позже, в конце 1931 года, пришлось пройти той же самой дорогой и в том же этапном порядке, что и дает мне основание внести необходимые коррективы.

Судя по датам, приводимым В. Шаламовым, получается, что первый лагерь возник тогда, когда «Ильич» уже сошел со сцены в Советском Союзе. Но это совершенно неверно, так как первые лагеря были созданы не только при жизни Ленина, но и при его непосредственном участии.

Декрет ВЦИКа о создании «Лагерьей Принудительных Работ» был опубликован 15 апреля 1919 года в газете «Известия». Хорошо известно, что без указания и санкции Ленина никакие декреты и иные правительственные акты не принимались и не публиковались. Таким образом, создание концлагерей лежит целиком на ответственности самого «Ильича».

Первые лагеря в Холмогорах возникли вскоре после опубликования этого декрета, а не в 1924 году, как пишет В. Шаламов. Также значительно раньше возник и лагерь на Соловецких островах. Например, Борис Ширяев в его книге «Неугасимая лампада», посвященной воспоминаниям о Соловецких лагерях, пишет, что он был осужден и сослан туда в 1922 г. Его воспоминания относятся к 1923 году, когда Соловки были не новым, а уже вполне обжитым лагерем. А ведь это было еще ленинское время.

Четвертое отделение СЛОНа (позже – УВЛОН, а затем – ВИТЛ**) также возникло значительно раньше, правда, в послеленинское время. Прибыв туда по этапу в конце 1931 года, я застал там еще некоторых старожилов, доставленных не в 1929 г., а в зиму 1926/27 г., то есть значительно раньше, чем указано В. Шаламовым. Этот более ранний срок открытия Вишерского лагеря подтверждается также и следующим: когда весной 1929 г. я приехал в качестве монтажного инженера на строительство ТЭЦ***, тогда еще вольного строительства расширявшегося Березниковского содового завода, то по Каме сверху уже сплавлялись плоты с маркировкой «Вишхимз» – надпись, камуфлировавшая перед внешним миром Вишерские лагеря. Лесозаготовительные командировки этих лагерей работали тогда уже полным ходом, так же, как велось и строительство Вишерского целлюлозно-бумажного комбината, который возводился руками вишерских каторжников.

Помимо этой главной ошибки в датах, хотелось бы отметить еще некоторые детали. Цитирую снова В. Шаламова:

«'Этап', который шел на север по уральским деревням, был этапом из книжек – так всё было похоже на читанное раньше у Короленко, у Толстого, у Фигнер, у Морозова...

Пьяные конвоиры... и поминутно – щелканье затворами винтовок... свежая солома на земляном полу сараев этапных изб...»

Сначала о самом этапном пути. Солома-то в избах была отнюдь не свежая, а тертая-перетертая предыдущими ночевавшими там этапами; конвоиры не только щелкали затворами, но использовали их и более эффективно, приводя в исполнение вступительную команду при трогании этапа с места:

«Шаг вправо, шаг влево считается попыткой к бегству. Конвою приказываю, в случае попыток к бегству, применять оружие самостоятельно, без предупреждения. Этап, следовать за мной!»

Такова была формула, произносимая начальниками этапов. Это можно дополнить еще тем, что шагом вправо или влево могло также считаться, если измученный этапник споткнется и упадет не перед собой, а в сторону. А зимой этап шел по глубокому снегу, по протоптанному следу, «гуськом», так что упасть внутри строя шансов было мало, и в особенности очень часто падали старики.

Далее, в сравнении с рассказами Короленко или Толстого есть одна небольшая, но существенная неточность. В этих описаниях и во всех опубликованных воспоминаниях тех времен никогда не фигурирует тема г о л о д а, а в ленинские, сталинские и теперешние времена это одно из основных переживаний и воспоминаний. Также в картинах, нарисованных и Короленко, и Толстым, и другими, обычно фигурируют сани или подводы для отстающих, больных и слабосильных. В наше время этой роскоши не знали, зато были с о б а к и и собаководы...

Я позволил себе сделать приведенные замечания только по тем соображениям, что вольные или невольные ошибки и неточности, оставаясь на будущее как показания очевидцев, искажают действительную картину, а в данном случае могут еще способствовать поддержанию мифа о «всеблагое Ильиче».

* «Грани» № 77, стр. 42-43. – Ред.

** УВЛОН – Управление Вишерскими Лагерями Особого Назначения. ВИТЛ – Вишерские Исправительно-Трудовые Лагеря. Последнее переименование произошло около 1930 г. – С. К.

*** ТЭЦ – тепловая электроцентраль. – С. К.

С. Кирсанов

Электронная версия – в блоге «Варлам Шаламов и концентрационный мир»
<http://ru-prichal-ada.livejournal.com/379584.html>

Фотографии статьи, RAR-архив с файлами PDF – здесь
https://dl.dropboxusercontent.com/u/9178411/Kirsanov_KR_grani_1971_79.rar.

О самом С. Кирсанове (настоящее имя Сергей Евгеньевич Крушель) информации на русском немного. Из статьи ясно, что он солагерник Шаламова по североуральскому отделению СЛОНа. Остался на Западе в годы второй мировой войны как «перемещенное лицо» («displaced person», Ди-Пи) или попросту беженец, впоследствии был одним из руководителей Закрытого Сектора белоэмигрантского Народно-Трудового Союза, имел конспиративную кличку. В книге К. Б. Соколова «Художественная культура и власть в послесталинской России...» сказано, что он инженер, изобретатель автомата по сбрасыванию груза с воздушных шаров, которые НТС использовал для переправки в СССР пропагандистских материалов. Автор «Лекций по курсу изучения СССР. Бад Гомбург. НТС. Сектор внутренней работы. 1952-1953 гг.»
http://www.statearchive.ru/assets/files/svodny_catalog_rz.pdf (в приложении к которым приводится список советских концлагерей), а также работ по экономике СССР. Фрагменты воспоминаний о жизни при немецкой оккупации см. на сайте Военная история <http://feldgrau.info/other/34-2010-09-01-06-28-34/2586-zhizn-v-okkupatsii> и в блоге ЖЖ <http://nordman75.livejournal.com/2801090.html>.

Мнение советского читателя «тамиздата», 1979

«Доктор технических наук с научно-исследовательского судна:

«Издаете никому не нужную дрянь видом и весом кирпича, в плохой бумажной обложке, таких авторов, которых никто и читать не будет. В крайнем случае прочтет – и в воду! А хорошие книги издаете с чудовищным опозданием. Шаламова надо было издавать 20 лет назад, а не сейчас, когда лагерная тема у всех на зубах завязла».

Эд. Эгин, «О чем мы говорим», статья распространителя среди советских моряков и туристов антисоветской и неподцензурной литературы, выходящей в эмигрантских издательствах.

Журнал «Зарубежье», (№№61-63) февраль-апрель-июнь 1979, Мюнхен
http://www.vtoraya-literatura.com/pdf/zarubezhje_61-63_1979_text.pdf

Что интересно, о самом лондонском издании «Колымских рассказов» (ОРИ, 1978) журнал не сообщал.

Имя Шаламова в хронике культурной жизни СССР семидесятых годов

Количество упоминаний имени Шаламова в хронике культурной жизни СССР семидесятых годов (В книге «Семидесятые как предмет истории русской культуры/ Ред.-сост. К.Ю. Рогов. М.-Венеция, 1998 [= «Россия/Russia». 1 (9)], составители И. Уварова и К. Рогов).

Напомню, что все пять авторских сборников «Колымских рассказов» и шесть сборников «Колымских тетрадей» к семидесятым были написаны, Шаламов работал над «Четвертой Вологдой», антироманом «Вишера» и другими вещами.

В хронике культурной жизни СССР семидесятых годов, охватывающей как официальную, так и неподцензурную культуру («Неподцензурная» литературная жизнь отражена преимущественно через публикации на Западе (в Тамиздате)» – поясняют составители), имя Шаламова встречается 9 раз, причем однажды ошибочно – к семидесятому году отнесено начало публикаций КР в «Новом журнале» (на самом деле – 1966). Для сравнения: имя Василия Шукшина упоминается 26 раз, Фазиля Искандера – 22 раза, Андрея Битова – 20 раз, Юрия Трифонова – 18 раз, Владимира Солоухина – 16 раз.

Электронная версия Хроники – на сайте Ruthenia
<http://www.ruthenia.ru/document/202590.html>.

Шаламов в «Лексиконе русской литературы» Вольфганга Казака, 1976

«ШАЛАМОВ Варлам Тихонович, прозаик, поэт (1.7.[18.6.] 1907 Вологда – 18.1.1982 Москва). Учеба на ф-те сов. права в Моск. ун-те (1926-29) была прервана, когда Ш. был в первый раз арестован и приговорен к трем годам лагеря. В 1932-37 он опубликовал несколько стихотворений и прозу. В 1937 Ш. был снова репрессирован и пробыл 17 лет в колымских лагерях. После реабилитации он опять начал писать стихи, которые с 1957 появлялись в журн. «Москва», «Знамя» и «Юность»; вышли также сб-ки его стихов, первый – Огниво (1961), четвертый – Московские облака (1972). Кроме того, Ш. писал небольшие очерки из лагерной жизни, которые распространялись в самиздате, а с 1966 – сначала под назв. Колымские рассказы – часто печатались в выходящем в Нью-Йорке журн. «Новый журн.» (см. письмо Ш. «Лит. газ.», 1972, 23.2.) В 1978 они вышли книгой в Лондоне. После реабилитации Ш. жил в Москве, 15.2.1973 был принят в СП. Только с 1987, благодаря перестройке, произв. Ш. вошли в сов. лит-ру и получили широкое признание. – Стихи Ш. в простой и не особенно сжатой форме отражают горечь его жизненного опыта. Горечь сказывается в некоторой уравновешенности отношения к злу в человеке, в тоске по человечности, но прежде всего – в образах мороза и снега (по контрасту с обманчивым утешением от огня). Точность в передаче конкретных событий и возрастающая по мере развития действия напряженность определяют силу воздействия его лагерных рассказов, о которых с большим уважением высказывались такие писатели, как Г. Айги и А. Синявский. Сюжет рассказа всегда ограничивается реалистически поданным, пережитым самим автором случаем, речь каждый раз идет о каком-либо одном событии; при этом Ш. намеренно избегает стилистических тонкостей и общее впечатление создается изображением самой жестокости, бесчеловечности происшедшего.

Соч.: Стихи: Огниво, 1961; Шелест листьев, 1964; Дорога и судьба, 1967; Моск. облака, 1972; Точка кипения, 1977. Проза: Три смерти д-ра Аустино, ж. «Октябрь», 1936, №1; Колымские рассказы, London, 1978; Воскрешение лиственницы, Paris, 1985; Двадцатые годы, ж. «Юность», 1987, №11-12; Проза, стихи, ж. «Новый мир», 1988, №6; Стихотворения, 1988; Анна Ивановна. Пьеса, ж. «Театр», 1988, №1; «Новая проза», ж. «Новый мир», 1989, №12; Левый берег, 1989, Из лит. наследия, ж. «Знамя», 1990, №7.

Лит.: Б. Слуцкий, «Лит. газ.», 1961, 5.10.; В. Приходько, ж. «Знамя», 1962, №4; В. Инбер, «Лит. газ.», 1964, 23.4.; Л. Левицкий, ж. «Новый мир», 1964, №8; Е. Калмановский, ж. «Звезда», 1965, №2; С. Кирсанов, ж. «Грани», №79, 1971; А.

Ростовцева, ж. «Москва», 1973, №9; М. Геллер, в кн.: В.Ш., «Колымские рассказы», 1978; G. Hosking, ж. «New Universities Quarterly», Spring, 1980; В. Перелешин, ж. «Russian Language Journal», №117, 1980; А. Синявский, ж. «Синтаксис», №8, 1980; V.S. Dunham, ж. «Slavic Review», 1982, №3; Г. Айги, В. Якубов, Л. Корнев, А. Якобсон, ж. «Вестник РХД», №137, 1982; А. Львов, «Новое рус. слово», 1983, 13.3.; А. Шор, ж. «Новый журн.», №155, 1984; Е. Сидоров, ж. «Огонек», 1989, №22; Ю. Шрейдер, ж. «Лит. обозрение», 1989, №1 и ж. «Советская библиография», 1988, №3; Е. Шкловский, ж. «Лит. обозрение», 1989, №8 и отд. изд. – 1991; В. Френкель, ж. «Даугава», 1990, №4; Л. Тимофеев, ж. «Октябрь», 1991, №3».

Вольфганг Казак. «Лексикон русской литературы XX века», М. РИК «Культура», 1996.

Год издания на немецком – 1976. Русский перевод 1996 года – с дополнениями.

От составителя

Приведенный текст за вычетом поздней правки явно взят из книги 1976 года – в основной части статьи среди поэтических сборников Шаламова отсутствует пятый – «Точка кипения», увидевший свет в 1977 году. Для Казака Шаламов-прозаик предстает реалистом и документалистом, который «намеренно избегает стилистических тонкостей». «Колымские рассказы» именуются «небольшими очерками из лагерной жизни».

Электронная версия – в блоге «Варлам Шаламов и концентрационный мир» <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/167198.html>

Из-под глыб

При жизни Шаламова на русском языке – в эмигрантских изданиях, естественно – было опубликовано четыре критических статьи о «Колымских расска-

зах»: Геллера, Мальцева, Иверни и Синявского, последняя написана для трехтомника Шаламова на французском (возможно также, Валерия Перелешина в американском журнале «Russian Language Journal», №117, 1980, но он для меня недоступен). Интересно было бы посмотреть, сколько критических статей о прозе Шаламова было опубликовано при его жизни на языках стран, читатели которых знали «Колымские рассказы» по многочисленным переводам. Это немецкий, французский, английский, итальянский, т.е. основные европейские языки. Нигде нет не то что их перевода на русский, но даже простейшей, школьного пошиба, библиографии. По косвенным данным можно судить, что этих статей было во много раз больше, чем на родном языке, иначе говоря, блокада Шаламова – явление специфическое именно для русской культуры шестидесятых-восьмидесятых, да и последующих годов, Шаламова убивала именно та культурная среда, в которой он жил и работал (отсюда – «лагерь мироподобен»). Не говорит ли это о принципиальной чуждости Шаламова современной ему русской культуре что в эмигрантском, что в советском изводах во всем их (скудном) разнообразии? В таком случае, нельзя ли видеть в нем представителя некоей третьей культуры, альтернативной и ненавистной двум господствующим? Что она собой представляет и в каких подземельях петляет ее течение?

Вологда и Москва двадцатых годов

Лариса Окунева. Семья Тихона Шаламова в Вологде двадцатых годов

Воспоминания вологжанки Ларисы Окуневой выложены на сайте «Данте XX века» <http://www.booksite.ru/varlam/article10.htm>.

Встреча с семьей

Осенью 1927 года мне довелось недолго жить в семье Шаламовых. Случилось это так. Сестра Варлама Тихоновича Наташа и моя родная сестра были замужем за братьями Сучковыми. Муж Наташи Шаламовой Николай Васильевич Сучков приезжал в деревню к моим родителям и я его знала. В ту пору мне было шестнадцать и я хотела учиться, хотела поступать после сельской семилетки в педагогический техникум. Приехала к Н.В. Сучкову, единственному человеку, которого знала в Вологде. Там впервые встретилась с Наташей, Натальей Тихоновной. Она была еще молодая, меньше тридцати лет, красивая, элегантная, добрая. Жили они на бывшей улице Калинина, где теперь спортивный зал политехнического института. У них была одна комната, тесно, я несколько дней ночевала на кухне, а потом они сказали, что есть возможность устроиться более удобно, поскольку мне нужно готовиться к вступительным экзаменам.

Наталья Тихоновна повела меня, куда я сама не знала. Помню величие большого храма и колокольни – так я в первый раз увидела Софийский собор. Мы пошли не туда, где теперь дом Шаламова, а напротив, в Воскресенский собор. Там было полуподвальное помещение, где жили родители Шаламовых. Как я понимаю, их тогда уже выселили из своей квартиры. В прихожую ко мне вышел среднего роста худенький, одетый в неношеную рясу человек с крестом на груди. Он был в темных очках. Показал мне жестом на дверь в комнату, где стояли кровать и деревянный диван с постелью. Сказал: «Вот диван для тебя, а кровать занимает квартирантка». Я помню какое-то чувство подавленности от его сурового

вида, от необычности обстановки – каменные своды, тишина, все это было в диковинку деревенской девушке. Но это чувство быстро прошло.

Я стала называть хозяина, как и квартирантка, «отец Тихон». Вначале я даже не заметила, что он слепой. Ходил он не спеша, но уверенно. Он сам ухаживал за козой – она была близко, в пристройке, сам доил ее, носил дрова к печке. С женой его Надеждой Александровной я общалась мало. Она была очень больна. Соседка мне сказала, что у нее водянка и порок сердца. Она почти все время лежала, а когда вставала и ходила, то сильно задыхалась. Я по ее просьбе приносила ей капли.

Жили они очень скудно. Я помню, что когда мой отец из деревни привез к ним мешок картошки и корзину с какой-то деревенской снедью, отец Тихон принимал это с растроганной благодарностью, но с достоинством. Он никогда не жаловался, хотя их всячески притесняли, унижали. Мой отец с большим почтением отнесся к нему, склонился над рукой для благословения. И сказал мне: «Не балуй, слушай отца Тихона».

Отец Тихон был молчалив, не навязывался для беседы. Я тоже вела себя сдержанно, робела, тогда шла борьба с религией, и я думала: «О чем можно говорить со священником?» Однажды отец Тихон пригласил меня к себе в комнату и подвел к огромному, до потолка, стеллажу с книгами. Я никогда раньше столько книг не видела.

– Ты любишь книги? – спросил.
– Я в школьной библиотеке все книги перечитала.
– Выбери себе, что хочешь. Только не трогай верхние полки – это книга сына-студента. А вот с этой полки можно. Здесь найдешь книгу в красном переплете.

Я взяла. Это оказался томик рассказов Чехова. Я очень увлеклась чтением. Прочла тогда впервые «Обломова» и другие вещи. Но больше всего полюбился Чехов. Когда отец Тихон узнал это во время нашего прощания, он подарил мне эту книгу в красном переплете.

Я прожила у Шаламовых недолго, недели две. После поступления меня поселили в общежитие и я больше к ним не заходила, стесняясь беспокоить. А Наталья Тихоновна с мужем вскоре уехала в Москву.

Опубликовано в газете «Свеча», Вологда, 1993 (или 1994), №1(5), см. <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/166745.html>

Вишера

Соликамск – Вижаиха

На Вишеру Шаламов был этапирован через Соликамск. Ниже отрывок из статьи А.В. Митраковой, «Соликамская земля в судьбе репрессированных писателей», помещенной в сборнике докладов научно-практической конференции «Неизведанные страницы истории Соликамска», г. Соликамск, 2012. Электронная версия – на сайте городской администрации http://adm.solkam.ru/documents/%D1%81%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA_%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D0%B2_%D0%9D%D0%B5%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D1%8B_%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B8_%D0%A1%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B0.pdf

---

В зимнее время заключенные шли под конвоем лесными тропами от Соликамска до Вижаихи 120 километров, путь длился 5 дней. Были установлены места ночевки: деревни Верхнее Мошево, Татарское, Губдор, командировка Чернушка (об этом свидетельствует запись в блокноте политзаключенного Ф.Д. Шишкина). Вот как пишет об этом Варлам Тихонович в рассказе «Первый зуб»: «Под крики команд этап вышел за околицу Соликамска и двинулся в низину. Небо было синее-синее. Солнце жгло, ветер охлаждал наши лица – они становились коричневыми к первой же ночевке в пути. Ночевка этапа, подготовленная заранее, проходила всегда по установленной форме. Для арестантской ночевки у крестьян снимали две избы – одна почище, другая – победнее – нечто вроде сарая, да иногда и сарай... Каждый вечер в сумерках всех пропускали мимо начальника конвоя, который взмахом руки показывал, где очередной арестант должен провести очередную ночь. Вся «пятьдесят восьмая» была вместе, и «тридцать пятая» также». Трудно представить, как в обыкновенной деревенской избе можно было разместить 100 арестантов. По свидетельству Ф.Д. Шишкина, еду выдавали только один раз – перед ночевкой. Это были селедка и хлеб, а иногда просто кипяток, зато оскорбления и побои пьяными конвоирами – без ограничений.

Шаламов на Вишере, фотография

Фотография из документального фильма режиссера Павла Печенкина о строительстве Вишерского целлюлозно-бумажного комбината, где Шаламов отбывал первый срок. По словам Печенкина, тождество человека с групповой фотографии работников комбината с Шаламовым было подтверждено криминалистической экспертизой, см. его интервью на пермском новостном сайте [http://perm-](http://perm-news.net/culture/2014/09/25/34069.html)

[news.net/culture/2014/09/25/34069.html](http://perm-news.net/culture/2014/09/25/34069.html)

Протокол допроса Шаламова от 17 мая 1931 года, Вишлаг

Пермский архивист Сергей Шевырин сообщает в своей книге «Топография террора: история политических репрессий», С.-Петербург, изд. «Маматов», 2012

http://www.mamatov.ru/doc/Top_ter.pdf, местонахождение протокола допроса Шаламова (в то время заключенного Управления Вишерских лагерей особого назначения) в Пермском государственном архиве новейшей истории:

ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14947. Л. 51.

К сведению историков и шаламоведов, занимающихся этим периодом шаламовской биографии.

Москва тридцатых годов

Франциска Тун-Хоэнштайн. Шаламов-журналист в 30-х годах

Отрывок из статьи литературоведа Франциски Тун-Хоэнштайн, Германия, «Работа Шаламова над поэтикой оперативности», опубликованной в сборнике материалов московской Шаламовской конференции 2011 года «Варлам Шаламов в контексте мировой литературы и советской истории», М, 2013. В статье прослеживаются связи Шаламова с т.н. «литературой факта» («лефовец» Сергей Третьяков – идеолог этого направления, см. о нем в шаламовских мемуарах «Двадцатые годы»), но здесь помещен отрывок чисто биографический, отвечающий тематике данного сборника. Шаламов между Вишерой и Колымой – персонаж довольно загадочный. Или как раз наоборот – вполне доступный для понимания и типовой для того времени.

<...> В 1932 году Шаламов вернулся в Москву [с Вишеры] и занялся журналистской деятельностью – с 1932 года до вторичного ареста в 1937 году последовали первые публикации очерков и рассказов¹³. Насколько мне известно, Шаламов нигде не высказывался подробно о своей собственной газетной работе в условиях все ужесточающегося идеологического и политического напряжения тридцатых годов (прежде всего в журналах «За ударничество» и «За промышленные кадры»)¹⁴. Однако ретроспективно он принципиально выступал против «газетного работника», называя его «помощником своих хозяев» и противопоставляя его писателям, «судьям своего времени»¹⁵. В письме Ирине Павловне Сиротинской в 60-е годы он упрекал «фактовиков» в предвзятом отборе фактов, не обращая при этом никакого внимания на то, что позиция Сергея Третьякова содержала в себе полемику с усиливающейся тогда в Советском Союзе сферой «ведения бытовой магии» (Е. Михайлик): «Но копить факты, «искать факты» в их газетном преображении, как это делали когда-то фактовики. Но ведь это – искажение, расчисленное заранее. Нет никакого факта без его изложения, без формы

его фиксации»¹⁶. Принципиальность шаламовской полемики против «фактофиков» можно, с моей точки зрения, прочесть как симптом имплицитного сведения счетов с собственной газетной работой 1930-х годов. Этот опыт не мог не наложить определенный отпечаток на тот образ «газетного работника» Третьякова, каким он предстает в воспоминаниях.

Шаламовские очерки тридцатых годов, некоторые из которых опубликованы под псевдонимами, вполне могут вызвать смущение у сегодняшних читателей, особенно после знакомства с «Колымскими рассказами». Апеллятивная форма многих названий – хотя пока не изучено, были ли они действительно даны Шаламовым, – нисколько не отличается от официальной пропагандистской риторики начала 1930-х годов: «Старые рабочие – воспитывайте молодежь» (1932), «Даем мясо» (1932), «Борьба за верное время. 2-й часовой завод» (1933), «Освободимся от «импортной зависимости» (1932). Последний из названных очерков обращен к московским рабочим и написан как призыв последовать примеру рабочих завода имени Молотова, которые разводят огороды при заводе и тем самым станут независимыми от дорогих овощей «кулачков-огородников». Рабочие и работницы завода, утверждает в тексте, «в 1932 году будут есть овощи своего огорода»¹⁷. Несмотря на явные юмористические ноты – огородные культуры, прикрепленные к разным цехам, обозначены как «солидные культуры» (картофель, капуста) или «молодежная овощь» (горох) – в тексте нет иронического или субверсивного подтекста. Логика и метафорика аргументации указывают на четкую дидактическую нацеленность текста и на плакативно-упрощенное видение мира в духе газетной пропаганды сталинского времени.

Сквозь утрированную и штампованную пропагандистскую риторику в очерках однако слышен отзвук надежды на быстрое революционное преобразование мира, которую Шаламов разделял в двадцатые годы. В статье «Старые рабочие – воспитывайте молодежь» молодому рабочему, жизненный путь которого привел его из деревни в город, к станку, указывается дорога, чтобы – с опорой на действительную помощь «старых рабочих» – согласовать свою жизнь с «интересами» заводского цеха, завода и всей страны: «Задача плановой работы переделки человека, отыскания наиболее прямой, наиболее короткой дороги к человеку нового социалистического качества, встает перед нами во весь рост»¹⁸.

Но всем этом трудно найти непосредственную связь с оперативностью Третьякова как «литературной фигурой» (Фриц Мирау). Хотя очерки призывают к действительному социальному вмешательству человека, утверждая при этом участие каждого советского человека в процессе строительства «нового мира», конкретные примеры в них чаще всего описаны с позиции наблюдателя-очеркиста и

осмыслены в соответствии с идеологическими постулатами. Необходимо провести более детальный анализ приемов организации этих текстов – языка описания фактов и технических процессов, также как анализ принципов введения в очерки таблиц, фотографий (машин, стенгазет и других материалов). Встает, в частности, вопрос о функции приемов художественного вымысла в некоторых текстах, например, в очерке «Три письма» (1933), в котором речь идет о борьбе с производственным браком. Можно ли говорить о том, что Шаламов, вводя вымышленного, но все-таки непосредственно участвующего в описываемых событиях рассказчика Андрея, автора трех писем к другу, обращается к принципам оперативного очерка – в смысле участия автора в производстве новых фактов? Однако, о каких фактах идет речь? И какой эффект речевого воздействия заложен в использованных риторических фигурах? В первом письме Андрей пишет другу: «И ты как профорг и хороший ударник должен без зазрения совести прогульщиков сдавать в брак. Это бракованные люди»¹⁹.

Опыт Бутырской тюрьмы и Вишерских лагерей в этих очерках, кажется, не оставил никаких следов.

---

13 Ср. список публикаций в первом томе шеститомного собрания сочинений

14 Может быть, утверждение Шаламова о том, что литература «менее всего футурология, к сожалению», косвенно является таким критическим отголоском. В. Шаламов – И. П. Сиротинской, без даты // Шаламов В.Т. Собр. соч., т. б. С. 499.

15 «Это – разные миры. Журналист, газетный работник – это помощник своих хозяев. Писатели же – судьи времени». Шаламов В.Т. Моя жизнь – несколько моих жизней // Шаламов В. Т. Собр. соч., т.4. С. 307.

16 В. Шаламов – И. П. Сиротинской, без даты, Шаламов В.Т. Собр. соч., т. б. С. 489.

17 В. Ш. Освободимся от «импортной зависимости»... // За ударничество, 1932, №2, с. 22.

18 В. Ш. Старые рабочие – воспитывайте молодежь // За ударничество, 1932, №3, с. 24-25.

19 Ал. Вестен: Три письма // За ударничество, 1933, №4, с. 15.

<...>

Электронная версия текста – в блоге «Варлам Шаламов и концентрационный мир» <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/305419.html>

Колыма

Письмо свояченицы Шаламова Марии Гудзь наркому НКВД Ежову, август 1937

Во время написания этого письма Колыма стояла в преддверии знаменитой «гаранинщины» – крайнего ужесточения режима и массовых расстрелов политзаключенных. Шанс Шаламова выжить стремительно падал до минимального. На «материке» катастрофически ломалась жизнь миллионов.

Документ с комментариями выложен на сайте общества Мемориал http://pkk.memo.ru/letters_pdf/002425.pdf

Примечание звездочкой – составителя.

ГУДЗЬ Галина Игнатьевна, родилась в 1910 (отец, Гудзь Игнатий Корнилович, работник Наркомпроса; мать, Гудзь Антонина Эдуардовна, урожд. Гинце)¹. Получила среднее образование. Проживала в Москве, работала в учреждении. В 1934 – вышла замуж за Варлаама Тихоновича Шаламова², в семье – дочь Елена³. 7 июля 1937 – после ареста и осуждения мужа выслана из Москвы в Туркмению на 5 лет.

В августе 1937 – Мария Игнатьевна Гудзь, сестра Галины Игнатьевны Гудзь, обратилась с заявлением к наркому Н.И. Ежову.

<1 августа 1937>

*«Наркому Внутренних Дел тов<арищу> Ежову
Гудзь Марии Игнатьевны Москва, ул<ица> Кропоткина, Чистый
пер<еулок>, 8 кв. 7
Тел<ефон> Г-6-65-65*

Заявление

Двухлетняя дочь гр<аждан>ки Гудзь Галины Игнатьевны, высленной из Москвы в Туркмению по распоряжению тов<арища> Радзивиловского (7.VII. дело Шаламова В.Т.), тяжело заболела, не доехав до пункта назначения. В настоящее время ребенок находится в Чарджуе в городской больнице – при

смерти. По утверждению врачей, использовавших все средства, включая переливание крови, спасти жизнь ребенку можно только перевезя его в привычный климат (жара в Средней Азии доходит до 50°-55°).

Просьба перевести гр<аждан>ку Гудзь Г.И. с больной дочерью в центральную часть России.

Выселение объявлено 7.VII.37.

Выехала из Москвы 13.VII.37.

М. Гудзь.

1.VIII.37»4.

На письме – помета рукой Е. П. Пешковой*:

«Сделан запр<ос> <по> делу. Е. П. 3/VIII-37».

Галина Игнатьевна Гудзь, благодаря вмешательству заведующего юридическим отделом Помполита, была переведена из Туркмении в европейскую часть СССР. В 1986 – скончалась⁵.

Елена Варламовна Гудзь, дочь Галины Игнатьевны Гудзь, выжила. Позднее получила высшее техническое образование, проживала в Москве, работала инженером-строителем в учреждении. Вышла замуж за Станислава Борисовича Янушевского, в семье – двое приемных сыновей. В 1990 – скончалась⁶.

1 Варлаам Шаламов. «Новая книга».

2 Шаламов Варлаам Тихонович, родился в 1907 (отец, священник). С 1926 – студент факультете советского права МГУ. В 1927 – вступил в партию большевиков-ленинцев (по версии следствия, троцкистов); участник демонстрации к 10-летию Октября под лозунгом «Долой Сталина!» В 1928 – исключен из МГУ «за сокрытие социального происхождения». Полностью отдался оппозиционной деятельности: напечатал в подпольной типографии «Завещание В.И. Ленина» и распространял его и другие документы оппозиции. 19 февраля 1929 – арестован, приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Вишерлаг. 11 октября 1931 – переведен на строительство химкомбината в Березняках, в январе 1932 – освобожден, вернулся в Москву, писал очерки в журналах, печатал рассказы, в 1934 – женился на Галине Игнатьевне Гудзь. В 1937 – арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Севвостоклаг (Колыма).

3 Шаламова Елена Варламовна, родилась в 1935.

4 ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1631. С. 53. Автограф.

5 Варлаам Шаламов. «Новая книга».

б Варлаам Шаламов. «Новая книга».

---

* Екатерина Пешкова, первая жена Горького, член партии эсеров, деятель Красного Креста, в 1922-37 гг. возглавляла организацию Помощь политическим заключенным (Помполит, Политпомощь, распущена в 1938 г.).

Дарья Алексеева. История больницы УСВИТЛА в поселке Дебин

Отрывок из статьи, посвященной Центральной лагерной больнице для заключенных в поселке Дебин на Колыме, где Шаламов работал фельдшером после окончания курсов. Доклад прочитан на Всероссийской заочной научно-практической конференции «Взаимодействие науки и практики в гуманитарных и социальных науках», организованной Северо-Восточным государственным университетом в ноябре 2013 года.

История Центральной больницы в поселке Дебин в послевоенный период. 1946-1953 гг.

Поселок Дебин знаменит тем, что там до сих пор стоит сооружение 1940-х годов, в котором когда-то базировалась Центральная больница УСВИТЛ (Управление Северо-восточных исправительно-трудовых лагерей). В послевоенные годы она считалась одной из главных больниц в Магаданской области по обслуживанию заключенных. В ее стенах работали люди, глубоко преданные своему делу.

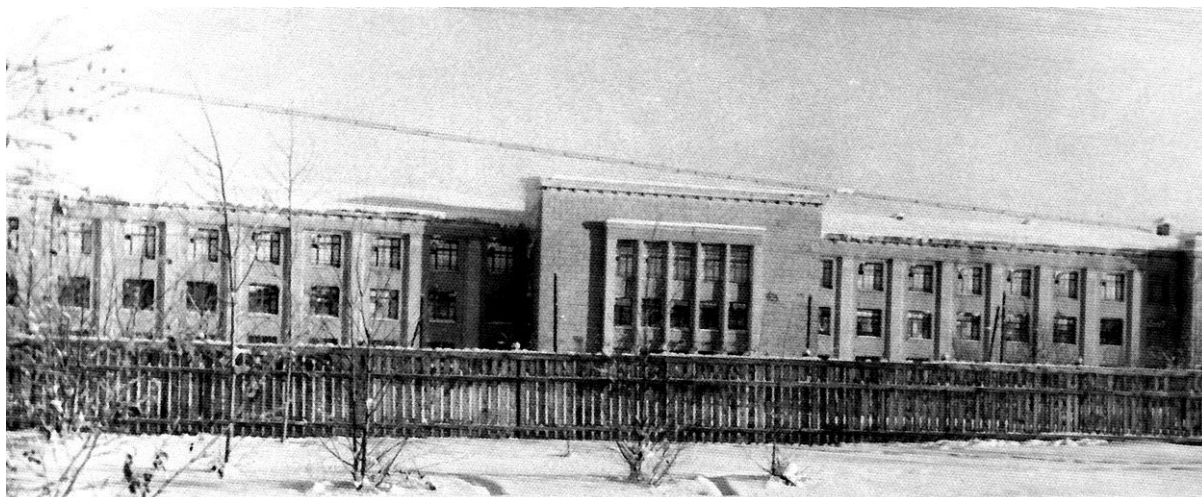
Заклученные и вольнонаемное население работали в одинаковых условиях, и первые могли рассчитывать на одинаковое медицинское обслуживание. Обеспечение медицинской помощи в равной степени к заключенным и вольнонаемным работникам является актуальной темой исследования.

Прямое упоминание об этой больнице можно встретить в сборнике рассказов Варлам Тихонович Шаламов «Колымские рассказы» [1]. Одной из первых публикаций, дающая представление о здравоохранении в Магаданской области, была книга А. Ф. Хорошева «Очерки истории здравоохранения Магаданской области» [2]. Достаточно хорошо тема истории здравоохранения в послевоенный период была раскрыта в работе А. Г. Козлова «Из истории здравоохранения Колымы и Чукотки (1941-1954 гг.)» [3]. К истории Дебинской больницы в своих работах обращался И. А. Паникаров [4], [5]. Следующие работы написаны И. А. Паникаровым. «История поселков Центральной Колымы» и «Колосс в тайге».

Источниковую базу исследования составили неопубликованные делопроизводственные материалы фондов Государственного архива Магаданской области: Р-23 «Главное управление строительства Дальнего Севера. Бухгалтерия», Р-119 «Магаданский областной отдел здравоохранения», Р-45 «Санитарное управление Дальстроя». Прежде всего, это делопроизводственные материалы.

Другой важной группой источников являются мемуары Г. А. Воронской [6], Елены Мамучашвили [7].

Основной целью исследования является историческая реконструкция истории больницы поселка Дебин в послевоенный период.

История Центральной больницы в поселке Дебин начинается с 29 июля 1946 года, когда начальник Дальстроя генерал-лейтенант И. Ф. Никишов издал приказ:

«Все здания бывшего Колымского полка на левом берегу, со всем инвентарем и оборудованием передать УСВИТЛ. Начальнику УСВИТЛ тов. Бондаренко на базе этих зданий немедленно приступить к организации окружной больницы Севвостлагерей» [8].

Во второй половине 40-х годов в центральной больнице УСВИТЛ работали: начальником больницы М. Л. Доктор. Позже его сменил М. А. Винокуров, заведующим хирургическим отделением – фронтовик, майор медицинской службы А. А. Рубанцев, фельдшером хирургического отделения – писатель В. Т. Шаламов. Весной 1946 года после пребывания в Сусумане будущий писатель возвращается в больницу «Беличья», откуда после излечения от дизентерии врач Андрей Максимович Пантюхов помогает ему получить направление на курсы фельдшеров в лагерную больницу (23-й километр от Магадана). После окончания курсов Шаламов попадает на работу фельдшером хирургического отделения в Центральную больницу для заключенных «Левый берег». С весны 1949 по лето 1950 гг. Варлам Тихонович работает фельдшером в поселке лесорубов «Ключ Дусканья». В 1950-м – снова больница «Левый берег», откуда Шаламов освобождается 13 октября 1951 года с должности фельдшера приемного покоя.

В воспоминаниях Елены Мамучашвили, работавшей помощницей Варлама Шаламова, говорит, что: «Это было тогда самое большое здание на Колыме, его строили солдаты для размещавшегося здесь после войны Колымского полка. По масштабам больницы, а она была рассчитана на 1200-1300 коек – можно было представить, сколько несчастных скрыто за колючей проволокой лагерей...» [9]. Так же Г. А. Воронская вспоминает, что: «В больнице были врачи почти по всем специальностям. Был рентгеновский кабинет, большая лаборатория. Больница помещалась в кирпичном здании, около нее размещался поселок с двухэтажными домами, где были даже канализация и водопровод. По тем меркам большая редкость для Колымы. В этих домах жил медперсонал и работники, обслуживающие больницу. При больнице находилось небольшое подсобное хозяйство. В теплицах выращивали помидоры и огурцы. Были коровы. Имелись небольшие поля с капустой и картошкой. Недалеко от больницы размещался лагерь» [10].

Галина Воронская также в своих воспоминаниях пишет, что: «Большинство заключенных работало по обслуживанию больницы, некоторая часть – в подсобном хозяйстве».

Заключенные также работали и в детском противотуберкулезном диспансере, открывшемся 20 июня 1948 года, который был при больнице поселка Дебин. Это подтверждает «приказ по Санитарному Управлению «О поощрении заключенных работавших по обслуживанию Детского Туберкулезного санатория в пос.

Дебин». Этот приказ дает положительный пример качеству работы заключенных [11].

Позже, 13 августа 1949 года начальник Санитарного управления Дальстроя А. С. Щербаков издает приказ «О преобразовании больницы поселка Усть-Таежный», в котором говорится: «В связи с переводом больницы Усть-Таежная в больницу УИТЛ пос. Дебин. Приказано: Открыть с 13 август 1949 года отделение для вольнонаемных при Центральной больнице УИТЛ на 120 коек. Утвердить временное штатное расписание отделения для вольнонаемных больных в количестве 30 человек. Определить специализацию больных: отделение для вольнонаемных в больнице УИТЛ пос. Дебин – мужская больница с госпитализацией по всем специальностям, неотложная помощь женщинам по всем специализациям» [12].

В 1951 году в Дебинской больнице числилось 140 мест, они использовались 38760 дней. Штат: всего – 75,75 ставок, врачей – 8,75, средний медперсонал – 27. А всего в Магаданской области в этом году было 58 больниц, общее число коек составляло – 2008, число врачей – 392, а число среднего медперсонала – 1205 [13].

7 февраля 1952 года Центральная больница УИТЛ поселка Дебин по приказу начальника Санитарного управления Щербакова была передана на баланс Санитарного управления Дальстроя и переименована в «Центральную больницу Санитарного управления для заключенных» [14].

В этом же месяце был утвержден комплексный план Санитарного управления Дальстроя по борьбе с туберкулезом на 1952 год, на основании которого Дебинская больница была расширена до 150 «туберкулезных» коек. В ней были организованы детское туберкулезное отделение на 10 коек и отделение больных костно-суставным туберкулезом на 5 коек [15]. Кроме того, при детском тубсатории «Левый берег» организовано отделение для детей больных костно-суставным туберкулезом на 15 коек.

Но в целом Магаданская область отставала с улучшение условий для борьбы с туберкулезом от остальных регионов СССР. Это можно увидеть в статье «Костно-суставной туберкулез» академика П.Г. Корнева: «Почти во всех областях создавались новые учреждения, благодаря чему уже через 3 года после войны количество специальных костнотуберкулезных коек почти вдвое превысило количество их, имевшееся перед войной. Возникла широкая дифференцированная сеть городских, областных и республиканских костнотуберкулезных учреждений с многочисленными кадрами специалистов.

Важнейшим событием послевоенного времени явился созыв в 1948 г. первого послевоенного Всероссийского совещания по костно-суставному туберкулезу, на котором, кроме важных научно-клинических вопросов, был поставлен и разрешен основной организационный вопрос о структуре костнотуберкулезного дела в РСФСР и о планах его развития.

В изданном Министерством здравоохранения РСФСР приказе № 305 были даны основные положения, на которых должна строиться костнотуберкулезная сеть на местах. Устанавливается тесная связь с туберкулезными организациями, в частности, с областными тубдиспансерами, являющимися ответственными за состояние организации помощи костнотуберкулезным больным; выделяются ведущие учреждения и ведущие специалисты, намечаются нормативы для развертывания новых коек и дифференцирования профиля санаториев и диспансерных отделений, устанавливается порядок первичной специализации и усовершенствования врачебных кадров.» [16].

Одним из важнейших событий в Дебинской больнице в начале 1950-х годов стали улучшения медицинской помощи личному составу военно-строительного отряда. Приказом начальника Дальстроя от 22 декабря 1952 года начальнику Санитарного управления Щербакову было предписано «организовать военный госпиталь на 75 коек на базе больницы «Левый берег» для заключенных, соответственно, сократив количество коек для заключенных, а также расширить больницу для вольнонаемного населения на «Левом берегу» до 225 коек» [17].

[...]

Библиография

1. Шаламов В. Т. Колымские рассказы. М.: ЭКСМО, 2011. 656 с.
2. Хорошев А. Ф. Очерки истории здравоохранения Магаданской области. Магадан: Кн. Изд-во, 1959. 65 с.
3. Козлов А. Г. Из истории здравоохранения Колымы и Чукотки (1941-1954 гг.). Магадан: Кн. Изд-во, 1991. 118 с.
4. Паникаров И. А. История поселков Центральной Колымы. 2-е изд., доп. Магадан: ОАО «МАОБТИ», 1997. 264 с.
5. Паникаров И. А. Колосс в тайге. Магадан : ООО «Новая полиграфия», 2005. 55 с.
6. Воронская Г. А. Воспоминания о В. Т. Шаламове // Литературное обозрение. 1990. №10.

7. Шаламовский сборник. Вып. 2. Сост. В. В. Есипов. Вологда: Грифон, 1997. 360 с.
8. ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1747. Л. 297.
9. Шаламовский сборник. Вып. 2. Сост. В. В. Есипов. Вологда: Грифон, 1997. С. 78-88.
10. Воронская Г. А. Воспоминания о В. Т. Шаламове // Литературное обозрение. 1990. №10.
11. ГАМО. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 9. Л. 123.
12. ГАМО. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 14. Л. 169.
13. А. Ф. Очерки истории здравоохранения Магаданской области. Магадан: Кн. Изд-во, 1959. С. 34.
14. ГАМО. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 25. Л. 25.
15. ГАМО. Ф. Р-119. Оп. 1. Д. 11. Л. 133-139.
16. П. Г. Корнев «Костно-суставной туберкулез» \ Электронный ресурс [<http://www.medchitalka.ru/kostno-sustavnoy/1067/31043.html>].
17. ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 4086. Л. 36.

Полностью статью можно прочесть в блоге «Варлам Шаламов и концентрационный мир» <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/305845.html>

О солагернике Шаламова ростовчанине Гаврииле Колесникове

Шаламов с его поистине поразительной памятью упоминает о нем в очерке «Дом Васькова» из Воспоминаний [о Колыме]:

«Страшная вещь вши. Особенно много было у меня на Джелгале в 1943 году. Шарф вязаный бумажный шевелился, столько их там было.

Колесников Гавриил Семенович, товарищ Косарева, один из немногих, которые сохранили «человечество», на Джалгале был санитаром, дневальным. Он говорил мне:

– Что главное в нашей жизни? Смещение масштабов. «Транзитки», «пересылки» всегда нравились мне, ибо здесь неуловимым образом жил дух свободы, которого никогда не бывает в лагере».

В краткой биографической справке в книге Григория Иоффе и Александра Нестеренко «Волчий камень. Урановые острова архипелага ГУЛАГ», ААНИИ, Санкт-Петербург, 2015, о Колесникове сказано:

«Колесников Гавриил Семенович, 1907-1991, писатель, автор 19 книг. Последняя, «Немые крики», вышла вскоре после смерти. В 1933 г. закончил экономический факультет Нефтяного института им. Губкина. С 1939 по 1948 г. – в колымских лагерях, участвовал в строительстве оловодобывающего комбината на Бутугычаге, где после войны добывали также и уран. Полностью реабилитирован в 1955 г.»

В статье, выложенной на сайте общественного архива «Ростов неофициальный», о Колесникове рассказывает Елена Джичоева*:

«Я думаю об этом человеке, и передо мной встают картины:

...как весной 1990 года вместе с Гавриилом Семеновичем пошли мы в музей краеведения, где экспонировалась выставка «Возвращение», посвященная Солженицыну. Мне хотелось видеть, как Г. С. воспримет фотодокументы из жизни Солженицына, тем более что рядом, в соседнем зале, экспонировалась выставка «Осужден по 58-й...», где были представлены материалы дела бывшего заключенного колымских лагерей Колесникова: его фотографии 35-го года и сегодняшняя, «гулаговская» справка об освобождении и странички из колымского дневника. Мне не пришлось спрашивать Г. С. о его впечатлении от выставки: по молчанию, по тому, как он смотрел на фотографии – не смотрел, а впитывал, вбирал в себя изображенное на них, по его сдержанным вздохам было понятно и так. Я только спросила потом, похож ли лагерь, который описывает Солженицын в «Одном дне Ивана Денисовича», на те, которые знал он. Ответ был лаконичным: «Похож. Но у Солженицына – курорт по сравнению с тем, что видел я». К тому времени я уже знала его колымские рассказы – в начале 80-х Г. С. дал прочесть их в рукописи, так что мне не надо было объяснять, что видел он... <...>

Лагерь – школа отрицательная для кого угодно, писал Варлам Шаламов, тоже прошедший колымские лагеря. Колесников с особым вниманием читал записки

Шаламова – сверял с тем, что пережил сам. Сверял, находил общее, обращал внимание на схожие ситуации и схожие оценки их. Но в одном, мне кажется, он не мог согласиться с Шаламовым. Тот писал, что его записки – не о духе победившем, а о духе растоптанном. Колесников же, который сумел выстоять, до конца дней своих не согнуться ни перед жизненными обстоятельствами, ни перед страшной болезнью (он умер от рака), утверждал со страниц книг торжество духа победившего».

* URL <http://anr.su/literatura/kolesnikov/dzhichoeva.html>

Н. Ю. Жигалова в статье «Лагерная проза Гавриила Колесникова» http://anr.su/literatura/kolesnikov/salsk_04.html пишет:

«Колесников был одним из писателей, попавших в мясорубку сталинских лагерей и затем написавший о пережитом книгу «Лихолетье. Колымские записки»*.

«Даже самое ужасное и самое отвратительное в этих рассказах не выдуманно. Всё это было.

Я сам пережил весь этот несмыаемый позор земли нашей.

Всё это было! И никогда, никогда не должно повториться – нигде, никогда, ни с кем». (Из предисловия к книге – сост.) [...]

В одной статье о Г. Колесникове я прочла, что годами, втайне от надсмотрщиков, он вёл записи на клочках бумажных мешков из-под цемента. С ворохом этих «дневников» Колесников прибыл в Сальск (Ростовская область – сост.) после освобождения. [...]

Наряду с Шаламовым, Домбровским, Солженицыным Колесников принял участие в создании эпоса Колымы. Когда я читала рассказы Колесникова, то невольно сравнивала его с В. Шаламовым. Например, если Шаламов, как повествователь, рассказчик, беспристрастен, то Колесников – эмоционален; если Шаламов не делает никаких выводов, то Колесников в своих рассказах подводит итог повествования и даёт оценку происходящему. В качестве примера можно привести отрывок из рассказа «Апофеоз бессмыслия»:

«Комья пустой породы, что валили мы под откос, были перемешаны с нашими телами. Работали мы с чёрного, не проснувшегося зимнего утра и до чёрного, полностью угасшего дня. И редкую ночь не волокли мы по ледяной колеетажной дороге теми же лямками труп или полутруп товарища, окоченевшего в забое.

Отвал рос вместе со штабелем мёрзлых тел в сарае.

Считалось, что мы вскрываем торфа и готовим площадки для летнего промывочного сезона. Мы готовили их с октября по май – семь месяцев, двести десять дней, двести десять трупов.

Мы работали прилежно, до изнеможения, до смерти.

И вот наступала весна, приходил тёплый колымский май. Начинались дожди. Буйно разрастались зелёные травы, стремительно оттаивала земля. Тех, кого не сумели похоронить, перегоняли в забой мыть пески. На наше место вскрывать торфа ставили два экскаватора. Машинам требовалось два дня, чтобы вскрыть площадку, на которую мы затрачивали семь месяцев, двести десять дней, двести десять жизней.

За два дня машина исполняла семимесячную работу толпы полуобмороженных, измождённых, обманутых и замордованных рабов.

Значит, не труд наш был нужен. Наш труд – это совершенная бессмыслица. Но тогда что же? Тогда остаётся только одно: двести десять трупов, остаётся методическое умерщвление, остаётся смертная казнь трудом.

Бессмысленное, казалось бы, расточение труда сотен людей становится холодно рассчитанным, осмысленным злодейством.

Забои Колымы встают в один ряд с Освенцимом, Майданеком и Бухенвальдом».

Здесь уместно привести цитату из В. Шаламова: «Лагерь – отрицательная школа жизни целиком и полностью. Ничего полезного, нужного никто оттуда не вынесет, ни сам заключённый, ни его начальник, ни его охрана, ни невольные свидетели – инженеры, геологи, врачи, – ни начальники, ни подчинённые. Каждая минута лагерной жизни – отравленная минута. Там много такого, чего человек не должен знать, не должен видеть, а если видел – лучше ему умереть». С ним согласен и Г. Колесников: «По-видимому, мы жили всё-таки в каком-то нереальном мире. Это был странный фантастический мир, в котором люди сами себе причиняли страшную боль, в котором исчезает чувство безразличия, отвращения, сострадания, укореняется тупое безразличие к смерти, возникает полное равнодушие к виду мёртвого тела...». [...]

Шаламов заявляет, что «Вор-блатарь стоит вне человеческой морали», «Самое мерзкое хулиганство выглядит по сравнению с рядовым развлечением блатаря – невинной детской шуткой». [...] К таким же выводам приходит и Солженицын, который утверждает, что ни о каком исправлении человека в лагере не могло быть и речи. Но самое страшное в блатных, по словам Солженицына, это осквернение того, что для нас олицетворяет человечность: «Абсолютная бесчеловечность, точнее сатанинская античеловечность, ярко выразилась в их афоризмах: «Сдохни ты сегодня – а я – завтра», «Чем больше делаешь людям гадостей, тем больше тебя уважают» и т.д.». Рассказы Колесникова о «блатных» подтверждают те же самые мысли: нахождение этих людей вне морали, античеловеческое отношение к жизни и ко всему живому описаны им в очерках «Бесы», «Цветное одеяло», «Сильнее боли». «Ни в малейшей степени я не склонен идеализировать блатных. С моей точки зрения, это оголтелая, полупомешанная каста человекоподобных. Их нужно или рассаживать по железным клеткам, или без пощады уничтожать. Это клан лишенных чести, жалости и благодарности, говорящих на человеческом языке животных. Впрочем, у них и язык-то свой, не человеческий... Это звери! Лагерь для них родной дом», – пишет Колесников в рассказе «Цветное одеяло».

* В книге «Немые крики: Проза и стихи», Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1991

Подробнее биографию Колесникова см. у Анны Бражкиной в посвященном Ростову ЖЖ-сообществе <http://rostov-80-90.livejournal.com/242629.html>

Библиография – на сайте Сальской межпоселенческой центральной библиотеки http://smzb.com1.ru/KPD_2012/19070611.htm

---

Еще один солагерник Шаламова, бригадир Парфентьев

«За плечи меня тряс человек. Это был мой приисковый бригадир Дмитрий Тимофеевич Парфентьев.

– Ты понимаешь что-нибудь?

- Ничего не понимаю. Когда тебя привезли?
- Три дня назад. На легковушке Атлас привез.
- Атлас? Он допрашивал меня в райотделе. Лет сорока, лысоватый. В штатском.
- Со мной он ехал в военном. А что тебя спрашивал капитан Ребров?
- Не знаю ли я Виноградова.
- Ну?
- Откуда же мне его знать?
- Виноградов – председатель Далькрайсуда.
- Это ты знаешь, а я – не знаю, кто такой Виноградов.
- Я учился с ним.

Я начал кое-что понимать. Парфентьев был до ареста областным прокурором в Челябинске, карельским прокурором. Виноградов, проезжая через «Партизан», узнал, что его университетский товарищ в забое, передал ему деньги, попросил начальника «Партизана» Анисимова помочь Парфентьеву. Парфентьева перевели в кузницу молотобойцем. Анисимов сообщил о просьбе Виноградова в НКВД, Смертину, тот – в Магадан, капитану Реброву, и начальник СПО приступил к разработке дела Виноградова. Были арестованы все юристы-заключенные по всем приискам Севера. Остальное было делом следовательской техники.

- А здесь мы зачем? Я был в палатке...
- Нас выпускают, дурак, – сказал Парфентьев. <...>
- Капитан Ребров арестован. Велено освободить всех, кто по его ордерам, – негромко сказал кто-то всеведущий».

Варлам Шаламов, «Заговор юристов»

В сборнике «Прокуратуре России – 290 лет. Прокуратура Республики Карелия» <http://prokuratura.karelia.ru/section.php?docId=12469>, Петрозаводск, Verse, 2011, о Д. Т. Парфентьеве сказано:

«Старший помощник прокурора Автономной Карельской ССР с марта 1935 г. по август 1936 г.

В 1936 г. был снят с работы и репрессирован «за участие в троцкистской контрреволюционной организации».

И, наконец, еще один, самозванец, но не доносчик

«Наравне со мной тогда подставлял свою глотку и Варпаховский, и такой субъект, как Шпринк, который говорил, что он поэт Всеволод Рождественский. Каждый спасается, как может. Разумеется, выдавать себя за Рождественского лучше, чем писать донос».

Шаламов, очерк «Ася» из Воспоминаний [о Колыме]

От составителя. Краткая справка:

Всеволод Эдуардович Шпринк (1900-1965), экономист, переводчик, отец киноактрисы Ариадны Шенгелая (Шпринк). Автор справочника «Библиографический указатель по вопросам хозяйственной конъюнктуры», Москва, изд. Новый агроном, 1926. Похоронен на Бабушкинском кладбище.

«Периодически в слободке [речь идет о Ярославском районе Москвы – сост.] появлялся чёрный «воронок». Кого-то увозили в лагерь <.>

Одним из тех, кого «воронок» забрал, оказался переводчик Всеволод Шпринк. Он 25 лет отсидел в лагерях, где у него родилась дочь – известная советская актриса Ариадна Шенгелая. На пересечении Палехской и Федоскинской он поселился после амнистии 1953 года. Сюда изредка приезжала навестить его знаменитая дочь».

Из статьи Анны Пестеревой, «На Ярославке была интеллигентская слобода», газета Северо-Восточного округа Москвы «Звездный бульвар». Электронная версия на сайте издания http://zbulvar.ru/wp-content/uploads/2015/11/19_2013.pdf

Почему-то журналист Юрий Чорней в статье «Гулаговский романтик Петер Демант», опубликованной в еженедельнике «Зеркало недели», Украина http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/gulagovskiy_romantik_peter_demant.html называет Шпринка «бельгийцем»:

«Едва ли не единственным преимуществом, которое Деманту давала его специальность грузчика, оставалась возможность покупать после разгрузки для местного книжного магазина столь дефицитные в Советском Союзе книги. <.>

Привилегией [этой] пользовался не только Демант. Компанию ему составляло на удивление изысканное общество. Чего только стоит отец известной киноактрисы, красавицы Ариадны Шенгелая, бельгиец Всеволод Шпринк, свободно владевший пятью языками и переводивший Сомерсета Моэма на русский <.>»

Иван Алексахин. Колымская повседневность, конец тридцатых годов

Из воспоминаний Ивана Павловича Алексахина, отбывавшего свой лагерный срок на Колыме примерно тогда же, там же и в тех же условиях, что Шаламов.

«Смертность в лагере росла, но машина НКВД работала исправно и методично: из Магадана регулярно подвозили все новые партии заключенных. Мертвецов хоронить не успевали, так как снимать людей на рытье могил начальство не хотело, чтобы не снижать добычу. Нашли выход: покойников складывали штабелями в пустовавшей брезентовой палатке.

Я очень похудел, ослаб, стал задумываться, как бы ухитриться сделать какую-нибудь передышку. Активированные дни разрешались только при морозах свыше 50 градусов. Когда было ровно 50, работы не прекращались. В один из таких «предельных» дней я сразу после завтрака пробрался в палатку с трупами и спрятался между ними. Примерно через час, когда, по моим расчетам, уже закончилась поверка оставшихся в зоне и водворение отказников в изолятор, я осторожно вышел и весь день отлеживался у себя на нарах среди законно освобожденных по болезни. Так удалось отдохнуть три дня. Мне повезло потому, что в нашей бригаде был нестабильный состав, менялись бригадиры, и моего отсутствия никто не заметил. А на четвертый день я промахнулся: спрятался между трупами недавно умерших. Это и сгубило. Нарядчик и каптер пришли проверять, не осталось ли на умерших хорошего обмундирования, и сразу меня обнаружили.

Последовал приказ по лагерю: «Трое суток штрафного изолятора с выводом на работу в штрафной роте». Это означало 12 часов работы в забое и затем ночлег

в бараке с непроконопаченными стенами и без отопления. Выручила находчивость. Войдя в изолятор, я спросил, кто староста. Отозвался детина огромного роста. Я предложил, если положит меня рядом, «тискать романы», пока не уснет. «Тискал» я часа полтора «Собаку Баскервилей» и «Жажду жизни» Джека Лондона. Этим и спасся: утром лежавшего с одного края отнесли в санчасть – сам он идти не мог, так заоченел, а лежавший с другого края оказался мертвым. На следующий вечер, прежде чем идти в изолятор, я выпросил у каптера списанные ватные брюки и телогрейку, заранее насобирав крепких щепок. Каптер сообразил о моих намерениях и просил, чтобы работать поосторожней, – увидят надзиратели, могут приписать нарушение режима. Когда нас заперли на замок, я предложил всем заняться конопаткой щелей. Староста поддержал, и за полчаса мы заткнули все щели. Стало куда легче, хотя бы не дул сквозной ветер.

Вероятно, от холода и постоянного недоедания у меня по всему телу пошли фурункулы, повысилась температура. Но у лекпома был лимит в 20 больных, больше освобождать от работы ему не разрешалось, и он ответил, когда я пришел на прием: «Терпи. Из-за тебя в забой я не пойду».

По окончании работы нас не запускали в зону без дров. А за ними надо было подниматься на сопку на обратном пути. Бывший военный атташе в Болгарии Василий Тимофеевич Сухоруков (о нем упоминает Ф. Ф. Раскольников в «Открытом письме Сталину») старался из последних сил быстрее других подняться, взять бревно и спуститься. Пока остальные проделывали то же, он успевал хоть немного полежать и передохнуть. В лагерь впускали только всей бригадой, и все дожидались последнего, нещадно его ругая. <...>

Однажды по забою проходил начальник МЧХ Можайский, тот, что брал меня на строительство ларька. Я кинулся к нему проситься на любую работу. Он внимательно посмотрел на меня, видимо, припомнил и сказал: «А что? Возьму не перевалку сторожем. Круглосуточным. Вижу, воровать не будешь».

Как он добился моего расконвоирования, не знаю, но через три дня я уже оказался на перевалочной базе прииска «Скрытый» в фанерной будке размером 3 на 2 метра. Дверь была укорочена сантиметров на 30, чтобы в этот просвет можно было наблюдать за местностью, охраняя штабеля муки, круп, горы ящиков с обмундированием, техникой и инструментами. Все это доставляли из Магадана, сгружали и по мере потребности перевозили на лошадях в лагерь или на место работ. Главное мое сокровище – большую сварную печь топил я непрерывно. Кругом тайга, полно сухостоя, топор и пила при мне, словом, счастливейший человек в мире, если б приходили вести из дома. Питание получал сухим пайком и кашеварил сам. Как-то, разгружая ящик со стеклом, взглянул на свое отражение

и поразился: на меня смотрел мой 60-летний отец. Понял, почему меня часто называли стариком, хотя мне минуло только 29 лет. За время заключения я постарел вдвое.

Стояли жесточайшие морозы, когда к будке подъехал грузовик. Шофер зашел погреться и сказал, что везет в Сусуман особый груз – 29 «мертвяков», как он выразился. Какая-то бригада отказалась от работы. Их не уводили из забоя, и они, все до единого, замерзли. Командование Заплага приказало доставить трупы в управление, для чего, шофер не знал. Я не поверил, подошел посмотреть: чуть прикрытые рваным брезентом лежали полураздетые мертвецы – кости, обтянутые синей кожей. На второй день другой шофер, ехавший навстречу из Сусумана, также зашел погреться и сказал, что на трассе, километрах в 10 от базы, стоит полузанесенная снегом машина, наполненная трупами. Потом выяснилось, что первый шофер не справился с заглохшим мотором, обморозил пальцы и уехал на попутной машине. А «катафалк» еще долго стоял на трассе.

Смерть косила людей бесперывно. Однажды, когда я шел ночью в зону помыться в бане, встретил четыре подводы, груженные трупами. Спросил, почему возят ночью? Один из возчиков ответил, что начали еще с вечера, делают третью ходку. Днем возить не велели, на неделю еще хватит. Куда отвозили, хоронили или где-то сбрасывали – не знаю.

Конец моей райской жизни пришел месяца через три. Начальник режима (забыл его фамилию, он был недолго на прииске) потребовал у меня заменить кирзовые сапоги на новые. Я сказал, что не имею права вскрывать ящики, я только охраняю и отвечаю за сохранность. Он рассвирепел: «Ты, мразь, будешь меня учить? Меня товарищи Сталин и Берия прислали сюда наводить порядок!» Я повернулся и ушел в свою будку. Через два дня я снова был в забое.

Вскоре у меня началась цинга. Появились безбелковые отеки – ткнешь пальцем в ногу или руку, вмятина остается и не проходит. На работу ходить не мог, лежал в бараке. Было в нем человек 80 цинготников, лечили нас настойкой кедрового стланика. На вкус – мерзость страшная, но помогала.

В один из дней в барак пришел нарядчик набирать из больных рабочих для стройцеха. Я, понимая, что в бараке меня ожидает неминуемая гибель, взбодрился из последних сил, размахивал руками, уверял, что потомственный плотник (отец действительно знал это ремесло), умею строгать и даже фальцевать, буду выполнять любую работу. В числе шести доходяг взяли и меня.

В стройцехе произошло чудо. Стал постепенно избавляться от своих хворей, приходит в норму, появился душевный подъем. Начальником стройцеха был Виктор Павлович Меженинов, вольнонаемный инженер, некогда закончивший

МВТУ, гуманный интеллигентный человек, не терпевший лжи, махинаций, обмана. Не знаю, как судьба забросила его на Колыму, но меня он спас, и благодарность к нему я буду испытывать до конца своей жизни».

Опубликовано в сборнике «Иметь силу помнить: Рассказы тех, кто прошел ад репрессий», М.: Моск. рабочий, 1991; Алексахин И. П. «Из записок колымчанина». Электронная версия <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=12208> на сайте Сахаровского центра.

Были ли они?

«Документы нашего прошлого уничтожены, караульные вышки спилены, бараки сровнены с землей, ржавая колючая проволока смотана и увезена куда-то в другое место. На развалинах Серпантинки процвел иван-чай – цветок пожара, забвения, враг архивов и человеческой памяти.

Были ли мы?»

Варлам Шаламов, «Перчатка»

От составителя

Евгений Крашенников работал в молодости вольнонаемным бульдозеристом на Колыме. Ниже отрывок из его книги воспоминаний <http://hunterpress.ru/upload/iblock/2b7/2b7c2afcd91c0eab81819b0db77b45.pdf> о том, как в конце пятидесятих годов уничтожали следы лагерей Дальстроя. Очистил текст от лирических отступлений.

«В середине лета меня послали на выполнение спецзадания по линии УСВИТЛа (Управления Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей).

В политической жизни страны в те годы шел период так называемой оттепели, и органы государственной безопасности занимались ликвидацией различных видов своей прошлой деятельности периода 30-50-х годов.

Так, ликвидировались многие лагпункты, а места их нахождения сравнивали с землей, на которой через два-три года не оставалось никаких следов присутствия здесь когда-то «лагерной зоны» – все зарастало травой и кустарником.

Мне выдали сухой паек на три дня, подцепили к бульдозеру волокушу с двумя бочками дополнительного горючего, указали обесточенную линию электропередачи, которая была проложена в глубь таежного распадка на двадцать километров и упиралась в один из таких ликвидированных лагпунктов.

Задание мое в кратком виде выглядело так:

«Весь лагерный комплекс развалить, разобрать и раскатать по бревнышку, после чего вернуться в поселок».

16 июля 1958 года, в день своего двадцатилетия, я отправился в эту необычную командировку.

Ориентируясь по столбам и еле видимым следам старой, заброшенной дороги, я вел машину все дальше в глубь угрюмого каньона. Вокруг спокойный и яркий зеленый цвет густого кустарника и невысоких, тоненьких деревьев. Сквозь их ветви временами можно увидеть бегущий навстречу ручей, шириной не более 3 метров.

Через два часа непрерывной езды я остановил машину, вылез на гусеницу, чтобы осмотреться. Обзор был небольшой: мешали заросли. Влез на крышу кабины и вытянулся – теперь все хорошо и далеко видно. Куда ни смотри, везде одна и та же зеленая равнина, что впереди, что сзади, а по сторонам – крутые, густо заросшие береговые откосы каньона. [...]

Лагерный комплекс открылся мне неожиданно за первым же поворотом дороги.

Высокие столбы, густо переплетенные колючей проволокой, сторожевые будки с ведущими к ним крутыми лестницами, и за всем этим – бараки в два ряда.

Приглушил мотор, остановился и вышел на гусеницу. [...]

Сходил к ручью, умылся, напился и сел на бережок с папиросой, глядя, как чистая, спокойная вода почти беззвучно убегает в ту сторону, откуда я приехал сюда.

Через полчаса вся прелесть раннего таежного утра была опрокинута ревом тракторного мотора – я принялся за порученное мне дело.

Вначале ринулся на бревенчатый домик лагерного КПП (контрольно-пропускного пункта). Бульдозерный отвал уперся в стену, мотор начал глохнуть, но,

кроме расколовшихся оконных стекол, все оставалось, как и было. Домик стоял как вкопанный.

Я отъехал назад, переключился с первой скорости на вторую и с небольшого разгона ударил ножом в середину стены. Результатов никаких!

Я отъехал назад еще дальше и переключился со второй скорости на третью. Бульдозер быстро побежал вперед и, нанеся удар по тому же месту, тут же заглох. Домик стоял как ни в чем не бывало.

Видя такое дело, я стушевался. Мне стало не по себе от одной только мысли, что я не смогу выполнить задание.

Кроме этого КПП, за колючей проволокой стоял целый лагерный комплекс из шести бараков, столовой, подсобных помещений.

Ну? И как тут быть?

Я твердо знал лишь одно, что вернуться назад с невыполненным заданием мне нельзя. [...]

Обошел с поникшей головой вокруг машины, а потом через проходную зашел внутрь лагеря и заглянул в ближайший барак: низкий потолок, полумрак, неприятный запах. По обеим сторонам двухэтажные нары, на них тряпье, на полу валяются алюминиевые ложки.

Был день, светило солнце, а мне вдруг опять стало страшно.

Но я не вышел наружу, а направился, медленно ступая по узкому проходу, в глубь барака. Стены были исписаны, но не карандашом и не чернилами, а, по-видимому, концами алюминиевых ложек.

Я попробовал читать эти надписи, но скоро убедился в том, что это была обыкновенная блатная пошлая лексика, какую можно найти на стенах любого сортира.

Страх как пришел, так быстро и развеялся. Ведь я здесь один. Один есть и один буду.

Смелое спокойствие повело меня по другим баракам и даже затащило на один из чердаков по приставленной лестнице.

Возвращаясь к машине и еще не зная, что предпринять, я зашел на КПП, который безуспешно пытался развалить.

Прихожая, за ней две комнаты. Первая по виду «дежурка» – письменный стол, оружейный уголок, на стене висит чистая доска для циркулярных материалов. Вторая – жилое помещение со сломанной кроватью и опрокинутой тумбочкой.

И вдруг мой взгляд наткнулся на угол стены, который был перекошен от моего удара бульдозерным ножом. Несколько бревен вверху немного разошлись, и в просвет проглядывал кусочек неба.

Не зная еще, что буду делать, я вышел из домика, забрался в машину и медленно, на первой скорости и малом газу, подъехал прямо к этому раненому углу дома. Остановился перед ним. Подумал. Потом подвел кончик ножа к еле видимому пролому и уперся им в него.

Мягко работая муфтой сцепления (то включая ее на секунду, то выключая), стал раскачивать весь угол дома, внимательно следя за тем, как пролом увеличивается, две стены все больше и больше расходятся, а крыша начинает сползать назад.

Внутри меня шевельнулась робкая надежда.

Отъехал немного назад. Подправил угол захвата бульдозерного ножа и, газанув мотором, с силой ударил в раненое место дома. Он завалился набок.

Все! Готово! Осталось его добить и раскатать по бревнышкам.

Начало положено! Ломать – не строить!

Чуть подрагивающей рукой достал папиросу. Так! Выход вроде найден! Нужно действовать не прямо в лоб, а сначала раскачивать бревна в их стыках, в углах.

Мысленно я аплодировал судьбе! Удачливый я человек!

Час шел за часом, а я без остановок и перерывов, вдохновленный азартом, подбирался к барачным углам и крушил одну стену за другой, заваливал барак за бараком.

Перед самым заходом солнца поел, вымылся по пояс в ручье и с папиросой улегся в кабине на отдых, чувствуя удовлетворение от проделанного.

Весь следующий день раскатывал стены по бревнышкам, подгребал их в одно место и к концу второго дня работы сам себе сказал: «Шабаш!»

Архимандрит Августин (Никитин). Миссионерская деятельность Тихона Шаламова на Аляске

Статья архимандрита Августина (в миру – Дмитрий Евгеньевич Никитин), выпускника физического факультета Ленинградского университета, впоследствии постригшегося в монашество и с 1975 года преподавателя Санкт-Петербургской Духовной академии. Опубликовано в петербургском журнале «Нева», №10, 2015 <http://magazines.russ.ru/neva/2015/10/16a.html>.

В приложении к статье напечатан «Ответ [Тихона Шаламова] на нападки на православную церковь в Аляске капитана S. P. Elliot», Американский православный вестник, 1900.

Миссионерская деятельность священника Тихона Шаламова (остров Кадьяк, 1893-1904)

По страницам «Американского православного вестника»

В представленной статье рассказывается о миссионерской деятельности выпускника Вологодской семинарии священника Тихона Шаламова на острове Кадьяк (Северная Америка), где он прожил десять лет. За это время отец Тихон совершил несколько миссионерских путешествий по своему миссионерскому округу, основал школу и два приюта для детей местных алеутов, Общество трезвости, что способствовало духовному просвещению жителей острова. На страницах «Американского православного вестника» (АПВ) отец Тихон опубликовал ряд статей, посвященных нелегкому труду русских миссионеров в Северной Америке. Один из его сыновей – Варлам Шаламов.

Русский север – это родина знаменитых первопроходцев, осваивавших Северную Америку. Имена таких просветителей, как Герман Аляскинский, архимандрит Иоасаф (Болотов), навсегда вписаны в историю Американской православной церкви. К их числу принадлежит и священник Тихон Шаламов, подвизавшийся на острове Кадьяк, лежащем близ южного берега Аляски.

Остров Кадьяк можно назвать тем краеугольным камнем, на котором было воздвигнуто здание Американской православной церкви. Кадьяк – это колыбель православия в Америке. Именно сюда в 1794 году прибыла Русская православная миссия и начала благовестие св. Евангелия населявшим остров жителям. А отсюда проповедь о Христе распространилась по Алеутским островам и Аляске. С течением времени дело православной проповеди было перенесено в Калифорнию, а отсюда распространилось по всей Северной Америке¹.

Отец Тихон прожил на острове Кадьяк десять лет (с 1893-го по 1904 год), и за это время он досконально изучил архив Кадьякской миссии. Его перу принадлежит подробное изложение истории Кадьякского прихода². В составленном им «Описании» отец Тихон упоминает о своих ближайших предшественниках: «В 1881 году на о. Кадьяк прибыл священник из креолов и учеников Ситхинского училища Петр Симеонов Добровольский и служил здесь до 1889 года. На место о. Добровольского был определен о. Александр Мартыш, уроженец Люблинской губернии и проходил эту должность до 1893 года. В этом же году в Кадьяк назначен был бывший воспитанник Вологодской семинарии Тихон Шаламов, который и проходит ныне это служение»³. За годы пребывания на острове Кадьяк отец Тихон совершил несколько миссионерских путешествий, посещая дальние уголки своего обширного прихода. Об одной из таких поездок он рассказал на страницах журнала «Американский православный вестник» (далее – АПВ)⁴.

Административным центром Аляски был город Ситха (до 1867 года – Новоархангельск). Здесь была и резиденция правящего архиерея – епископа Алеутского и Аляскинского. Отсюда он совершал свои пастырские поездки по своей епархии, посещая в том числе и остров Кадьяк. Об одном таком визите, имевшем место летом 1899 года, сообщалось на страницах АПВ.

«26 июля 1899 г. <...> Под мелодичный звук колоколов вошли мы в бухту, где у пристани встретить своего архипастыря собралось почти все православное население; были, впрочем, здесь и американцы, интересовавшиеся увидеть нового русского архиерея. Преподав всем благословение, Его Преосвященство в сопровождении всех здесь бывших проследовал в храм. Прекрасный внешний вид церкви, построенной чисто в русском стиле, и внутренняя чистота и порядок в ней произвели на нас приятное впечатление.

Вечером того же дня Владыка совершил торжественно, в сослужении священника Тихона Шаламова и протодиакона, всенощное бдение с литией и полиелеем св. великомученику Пантелеимону, а на следующий день – Божественную литургию... В этот же день Владыка предпринял поездку в селение Афогнак, а оттуда на о. Еловый, где лет десять не бывало архиерея. Ровно в два часа пополудни выехали мы из Кадьяка на парусной шлюпке о. Шаламова, прибуксировавшись к паровой шлюпке, нанятой у Аляскинской торговой компании. Имея в виду совершить в Афогнаке Божественную литургию, Его Преосвященство для большего благолепия в служении взял с собой, кроме постоянного своего спутника – протодиакона, священника Тихона Шаламова, псаломщика Кашеварова и 6 мальчиков.

На о. Еловом, в часовне, Владыка со своими спутниками совершил панихиду о упокоении душ усопших рабов Божиих: монахов Германа и Иоасафа и иеромонаха Никиты. При пении «Со святыми упокой» и «Вечная память» все как один пали на колени. После панихиды Его Преосвященство тщательно осмотрел все церковные вещи, причем особенное внимание обратил на камилавку, которая, как сообщают, осталась от блаженного Германа, и здесь же вручил ее о. Тихону Шаламову для хранения в Кадьякской церкви. По дороге из часовни заходили на место бывшей келии о. Германа; были также и в келии (маленькой) иеромонаха Никиты, где нашли немало старинных церковных книг, которые и были сданы о. Шаламову, для хранения при архиве Кадьякской церкви»⁵.

Отец Тихон был не только хранителем местночтимых реликвий; он знакомил читателей АПВ с содержанием архива Кадьякской миссии. Так, в 1899-1900 годах он опубликовал в АПВ «12 писем, частью принадлежащих перу первых миссионеров Алеутской епархии, частью адресованных к ним разными лицами»⁶. Особый интерес представляют письма, адресованные Герману Аляскинскому, иеродиакону Стефану и священнику Петру Митягину.

Кадьякская школа. Пастырская деятельность отца Тихона не ограничивалась лишь совершением богослужений и треб. В 1899 году в селе Кадьяк была открыта школа, которую назвали Иоасафатовской, – в честь архимандрита Иоасафа Болотова – одного из знаменитых просветителей Аляски⁷. В 1899 году исполнилось сто лет со времени священнической хиротонии архимандрита Иоасафа, и по этому случаю на Кадьяке было организовано большое празднество⁸. Отец Тихон

принял активное участие в юбилейных мероприятиях. Перу отца Тихона принадлежит статья, озаглавленная «Празднование столетней памяти Преосвященного Иоасафа на острове Кадьяке» (10 апреля 1899 года)⁹. В этом же выпуске АПВ был напечатан текст проповеди, которую отец Тихон произнес в день столетия хиротонии архимандрита Иоасафа Болотова во епископа Кадьякского¹⁰. В декабре того же 1899 года отец Тихон возглавил празднование Рождества Христова и Новолетия в стенах учрежденной им школы¹¹.

Кадьякский приют для мальчиков. К этому времени в селе Кадьяк уже существовал приют для мальчиков, учрежденный отцом Тихоном при школе. «Число детей, посещающих Кадьякскую Иоасафатовскую школу, определяется цифрой 53. При школе есть Германовский приют»¹², – отмечалось в АПВ в апреле 1900 года.

Летом 1898 года остров Кадьяк посетил архимандрит Анатолий, благочинный Кенайского, Кадьякского, Афогнакского и Нучекского приходов. Здесь он изучал состояние дел Германовского Кадьякского приюта и церкви. Вот что сообщал отец Анатолий в своем отчете: «Во время моего пребывания в Кадьяке в приюте помещалось 12 мальчиков. Произведенный экзамен приютским мальчикам в присутствии священника Тихона Шаламова и псаломщика Андрея Кашеварова указывает на некоторую степень знаний. При той обстановке, в какой приходится вести дело преподавания в приюте кадыакскому причту, больших знаний едва ли можно требовать. Жизнь воспитанников приюта пока еще не носит правильной организации. Нищета смотрит из всех углов и дает себя знать на каждом шагу. В пище, в одежде, в обстановке, – везде недостаток. Несмотря на это, желающих поступить в приют очень много. Алеуты имеют страстное влечение к церковному учению. Многих нужда и сиротство гонит...»¹³

В своем отчете отец Анатолий упоминает и о причинах этого неблагополучия: «Единственный почти источник содержания приюта – церковные средства местной церкви. Но на этот-то источник ныне менее всего можно рассчитывать. Церковные доходы в Кадьяке в полной зависимости от доходов в приходских часовнях. Эти же последние, по заявлению не только причта Кадьякской церкви, но также Афогнакской и Нучекской, за последнее время совершенно упали. Причина тому с одной стороны – упадок промыслов, правительственный запрет добывать морских бобров и особая политика в виду этого со стороны „Alaskan Commercial & North American Company“. Названные компании, владеющие всей

Аляской без всяких конкурентов, за последние два года во многих местах снимали свои лавки, а в других местах, где лавки еще стоят, перестали выдавать ино-родцам не только всякий товар, но даже провизию в одолжение или в счет уловов зверя»¹⁴.

Нищета местных алеутов бросалась в глаза каждому, кто посещал Кадьяк в те годы. Одним из таких «визитеров» был капитан рыболовного судна Элиот, впоследствии опубликовавший очерк о своих впечатлениях об увиденном на страницах местной печати. При этом вину за бедственное положение аборигенов он возложил не на американские власти, а на местного православного миссионера. И отец Тихон был вынужден дать отпор несправедливым нападкам; его письмо-протест было опубликовано на страницах АПВ (см. Приложение).

Кадьякский приют для девочек. Несмотря на те трудности, которые испытывал отец Тихон, обеспечивая деятельность школы и приюта для мальчиков, он решил учредить подобный приют и для девочек. Торжественное открытие женского приюта состоялось 3 октября 1901 года, и отец Тихон по этому случаю сказал речь¹⁵. Об этом событии сообщалось на страницах АПВ: «На остров Кадьяк открыт приют для девочек (12), в память блаженного старца Германа, валаамского монаха, подвизавшегося близ Кадьяка (на острове Еловом. – Авт.), при жизни своей учившего здесь детей»¹⁶.

Один из миссионеров – С. Самойлович, в 1902 году направлявшийся на Аляску, посетил остров Кадьяк и впоследствии опубликовал в АПВ свои впечатления об увиденном.

«В Кадьяке, в ожидании парохода, пробыл я с 13 октября по 30 ноября (1902 г.). Работал там один только о. Тихон Шаламов; псаломщика, помощника ему в прямом ведении дела миссии и просвещения юношества не было, если не считать временно исполняющего должность псаломщика старика Фомина, который проходил собственно обязанности чтеца и певца в церкви, надзирателя и эконома в приюте. В утренней школе занимался о. Тихон и воспитательница женского приюта; в вечерней же школе занимался один о. Тихон, что при 4-х отделениях было нелегко; тут и я немного разделял его труд во все время моего пребывания в Кадьяке»¹⁷.

В то время у отца Тихона появилась помощница – учительница женской школы-приюта М. фон дер Фур¹⁸.

Общество трезвости. Храм, школа, два приюта – казалось бы, огромная нагрузка была возложена на отца Тихона. Но в начале 1901 года ему было дано еще одно послушание: резолюцией Его преосвященства Преосвященнейшего Тихона, епископа Алеутского и Северо-Американского за № 90, утверждено было новооткрытое в селении Кадьяке Общество трезвости имени св. Тихона Задонского и св. Марии Египетской¹⁹. И пожертвовано им же на нужды общества 15 долларов²⁰. А вскоре на страницах АПВ была опубликована статья, повествующая о первых начинаниях Общества трезвости²¹.

Исполняя возложенные на него обязанности, отец Тихон довольствовался минимальным вознаграждением; жалованье, получаемое русскими миссионерами, перечислялось из средств Священного Синода. О размере ежемесячного жалованья отца Тихона можно судить по косвенным данным. Так, в феврале 1903 года в братскую кассу духовенства Северо-Американской епархии поступили взносы, образовавшиеся от вычета 2 % из жалований, получаемыми причтами от Северо-Американского духовного правления (всего 64 человека), в том числе: от епископа Алеутского и Северо-Американского Тихона 6,40 доллара... От священника Тихона Шаламова 6,80 доллара... От священника А. Ярошевича 2,25 доллара.

Размеры отчислений от жалованья епископа Тихона и свящ. А. Ярошевича приведены для сравнения. И казалось бы, отец Тихон (соименник епископа) получал сумму, сопоставимую с архиерейским окладом (и даже немного его превосходящую). Но если изучить «платежные ведомости» за январь и март того же 1903 года, то в этих списках имя отца Тихона отсутствует. Объяснение этому простое: отчисления производились сразу за три месяца – «за отдаленностью Кадьякского прихода». Таким образом, «архиерейские» 6,8 доллара нужно разделить на три части, после чего получим скромные «иерейские» 2 доллара и около 30 центов...

Пожертвования. Отчисления в братскую кассу производились в обязательном порядке. Но помимо этого бывали и добровольные пожертвования, поступавшие со многих приходов Северо-Американской епархии. Так, в 1901 году в пользу Палестинского общества от Кадьякской церкви было пожертвовано 13 долларов,

от Кадыякского братства – 3 доллара²². Пожертвования на Палестинское общество были перечислены и в 1904 году: от Кадыякской церкви – 14 долларов; от Кадыякского Иннокентьевского братства – 3 доллара²³. В том же 1904 году от Кадыякского прихода были произведены пожертвования и в пользу Красного Креста: от священника Тихона Шаламова – 20 долларов; от псаломщика А. Шадуры – 3 доллара²⁴.

Несмотря на свою занятость на приходе, отец Тихон не забывал своих подопечных, живших в дальних пределах Кадыякского округа. Летом 1903 года он совершил очередное миссионерское путешествие, посетив те селения, жители которых нуждались в духовном окормлении. Свой рассказ о пережитом отец Тихон опубликовал на страницах АПВ²⁵.

Награды. Активная миссионерская деятельность отца Тихона неоднократно отмечалась епархиальными властями. В 1896 году, в числе нескольких других священников, отец Тихон Шаламов награжден набедренником²⁶, а в 1898 году – скуфьей²⁷. В АПВ № 12 за 1901 год читаем: «Святейшим Синодом удостоен награждения камилавкой за заслуги по духовному ведомству Кадыякской Воскресенской церкви священник Тихон Шаламов»²⁸. Очередная награда последовала в 1904 году: «Государем императором, по всеподданнейшему докладу Синодального обер-прокурора, согласно определению Святейшего Синода, к 6-му дню сего мая, Всемилостивейше удостоен награждения за службу по епархиальному ведомству: Орденом св. Анны 3 степени церкви селения Кадыяка священник Тихон Шаламов»²⁹.

К этому времени на Аляске насчитывалось 17 приходов, в том числе собор святого архистратига Михаила в Ситхе³⁰. А на острове Кадыяк, кроме церкви Воскресения Христова, имелись часовни в семи селах³¹.

Отъезд в Россию. В 1904 году исполнилось десять лет с того времени, как отец Тихон впервые ступил на берег острова Кадыяк. В том же году последовала резолюция Его преосвященства преосвященнейшего Тихона, епископа Алеутского и Северо-Американского (за № 93) от 13 февраля 1904 года: «Настоятель Воскресенской Кадыякской церкви священник Тихон Шаламов, согласно прошению, по семейным обстоятельствам, уволен со службы в Алеутской епархии с 10 июня сего года. За 10-летнюю службу в Миссии священник Тихон Шаламов

представлен к пенсии. Замещение должности настоятеля церкви на острове Кадьяке предоставлено Его Преосвященством усмотрению Преосвященнейшего Иннокентия, епископа Аляскинского»³².

А семейные обстоятельства были таковы: к этому времени в семье отца Тихона было четверо детей-подростков, которых следовало определить в русские школы. И в июле 1904 года на страницах АПВ была опубликована статья, озаглавленная: «Отъезд отца Тихона Шаламова на родину». Вот ее текст.

«На днях Кадьякская миссия простилась со своим пастырем о. Тихоном Шаламовым, с которым по родному связали ее непрерывные труды и заботы о. Тихона о благоустройстве своей паствы в течение 10 лет. Назначенный в полном цвете юношеских сил священником к Кадьякскому приходу, о. Тихон горячо принялся за дело приведения в потребный порядок тех сторон приходского хозяйства, которые были неустроены, и с той же горячностью, не покладая рук, работал все 10 лет. Все усовершенствования в области этого хозяйства неразрывно связаны с личностью о. Тихона. Самым видным показателем преуспевания местного прихода является детский Кадьякский приют, который на первых днях своего существования немало доставил огорчений доброму пастырю, но зато теперь служит одним из украшений нашей Аляскинской миссии, и другое детище о. Тихона Шаламова – Общество трезвости, переродившее коренным образом все население.

Десять лет безвыездно проработать на одном месте, неся тяготы разъездов по громадной Кадьякской миссии, лишенной самых примитивных путей сообщения, среди условий несродных, среди людей другого племени, другого мировоззрения, и проработать с очевидной пользой, – это подвиг внушительный, и труд такого работника является ценным вкладом в историю создания нашей миссии.

Понятно, что и чувства провожавших о. Тихона паствы и знакомых его проникнуты были искренним сожалением по поводу разлуки с ним. Мы не входим в подробную оценку продолжительной деятельности о. Тихона Шаламова. Он нередко делился своими впечатлениями с читателями нашего „Вестника“, и по его миссионерским (путевым) журналам, точно отображавшим настроение и думы автора, читатели легко представляли себе условия его деятельности и те терния, которыми были усыпаны его путешествия. Еще недавно закончен на страницах

нашего издания миссионерский журнал о. Тихона, явившийся в то же время дневником последнего его путешествия по раскиданной на громадные пространства Кадьякской территории. Немало наблюдательности обнаруживает он в авторе и немало сочувствия пробуждает к его пасомым, одолеваемым окружающими паразитами. Видно, что не раз обливалось сердце о. Тихона кровью, когда приходилось ему то и дело наткаться на картины безотрадного обнищания и вымирания инородцев, униженных, оплеванных и брошенных на произвол судьбы своими американскими опекунами...

Мы не часто с достаточным вниманием пробегаем страницы этих скорбных летописей алеутско-аляскинского бытия; часто поэтому не в силах по достоинству оценить подвиги тамошних работников. К счастью, последние всегда находят справедливых ценителей в архипастырях наших, которые и сами проходили этой стезей страданий во время своих путешествий по Аляске. И о. Тихон Шаламов всегда был на отличном счету у начальства и возвращается на родину со многими знаками архипастырского внимания – кабинетным крестом, орденом Анны 3-й степени и камилавкой. Но самым лучшим памятником его полезного служения в Аляске остается, конечно, неувядающая любовь и благодарная память о своем пастыре его кадьякских пасомых. Провожаемый их любовью, о. Тихон ныне навсегда распрощался с ними. С женой и 4-мя детьми-подростками, которых надо определять в русские школы, он возвращается ныне домой, на родину, от которой был так далеко в продолжении десяти лет. В последнем своем дневнике, мечтая об этом возвращении и помышляя о своей родине, о. Тихон так восклицал: «Прощание в этом году было особенно задушевно, ибо приходилось прощаться не на год только, а навечно, до второго пришествия, до загробной жизни, так как будущим летом (1904 г. – Авт.) я намереваюсь оставить Кадьяк и возвратиться в дорогую и милую Россию, после 10-летнего скитания в далеких чужих краях, среди народа чуждого и враждебного. С каким трепетом и горячей любовью жду этого желанного часа! Молю, да примет родина-мать своего беззаветно любящего сына в свои матерние объятия, в лоно земли родной и народа родного. Да будет Божий покров над тобою, дорогая и святая земля!»

Надеемся, что родная Русь не откажет своему сыну в любви, привете и ласке, которые он заслужил своей ревностью о духовном благе далеких наших собратьев по вере, коим он посвятил первые лучшие годы своей жизни!»³³

Оставляя свой приход на острове Кадьяк, отец Тихон не сомневался в том, что ему на смену будет прислан достойный преемник. И действительно, резолюцией его преосвященства преосвященнейшего Иннокентия, епископа Аляскинского, от 15 июня 1904 года за № 105 настоятель церкви в селе Афогнаке Василий Мартыш был переведен настоятелем церкви на острове Кадьяке и вместе с тем смотрителем и законоучителем мужского и женского приютов и вечерней школы при означенной церкви с 1 июля 1904 года³⁴.

А за неделю до того, как на Кадьякский приход был назначен новый настоятель, отец Тихон совершил последнюю литургию в Кадьякской Воскресенской церкви. Вот что сообщалось об этом на страницах АПВ.

«6 июня сего года надолго останется в памяти прихода Кадьякской церкви. В этот день, в последний раз была совершена Божественная литургия нашим уважаемым пастырем о. Тихоном Шаламовым, который после 10-летнего своего служения в Кадьякском приходе, уезжает домой в Россию.

В церкви, как всегда, было полно народу. Всякий, от мала до велика, спешил присоединить свою молитву к молитвам своего любимого пастыря. Благоговейное служение шло чинно и торжественно. Хор, из мальчиков и девочек обоих приютов, и некоторых прихожан, под управлением псаломщика Павла Шадура, пел стройно и умирительно. На всех лицах было написано благоговение и тайная грусть, сказывающаяся вздохами и слезами. Все сознавали, что этот строгий и между тем добрый глас любимого и любящего пастыря слышат здесь в последний раз; но все и верили, что этот же голос в молитвах за них вознесется и там, откуда исходит свет истинной, православной веры, – в далекой Святой Руси.

По окончании литургии о. Тихон сказал прощальную, очень трогательную речь, в коей между прочим просил, чтобы не забывали наставлений, которые он говорил по вся службы; любили бы друг друга, якоже заповедал нам Господь Иисус Христос, и чтобы твердо стояли и держались того, яже прияли от отцов и первых благовестников веры Христовой на Аляске.

Затем, после целования креста, В. Стафеев, Т. Демидов и А. Петелин поднесли о. Тихону икону святителя Николая, купленную на собранные деньги усердием прихожан, и А. Петелин сказал прощальное слово.

„Отец Тихон!

Чем и как мы можем отблагодарить Вас за все труды, понесенные Вами за время Вашего 10-летнего служения в этой церкви! И подлинно, сам Бог послал Вас в такое время, когда требовался здесь сильный и ревностный пастырь, могущий оградить стадо от таких волков, которые с настойчивостью и лестью начинали ополчаться против нашей меньшей братии. Вы, как истинный воин Христов, не страшась раскаленных злобой стрел, облекшись в броню правды, выходили на проповедь, и мечом духовным рассеивали тьму, которая, надвигаясь на нас извне, заволакивала нас постепенно неверием. Вы, Вашими неусыпными бдением и проповедью, возжигали тлеющий огонь в сердцах своих пасомых и укрепили их в вере.

Вы, о. Тихон, исполнили все, что зависело от Вас, и вполне оправдали выбор нашего архиерея. Будем же молиться, чтобы Бог дал нам подобного Вам делателя, дабы не заглохло семя, посеянное Вами на ниве Христовой. Я не стану распространяться о том, какую духовную пользу Вы принесли нам своими добрыми делами, примером и учением, но, однако, не могу не упомянуть, что главное и самое вредное зло – пьянство – Вашим долгим старанием и терпением ослаблено; кроме того, сколько людей Вы пробудили от сна греховного и привели к свету познания и уразумения истины.

И за все это, один только Бог может воздать Вам мзду, как здесь на земле, так и в будущем веке. Мы же, от лица здесь стоящих и отсутствующих, Ваших прихожан, почтительнейше просим принять сию икону в молитвенную память о нас. Да будет тот, чей образ изображен на этой иконе, Вам и Вашему почтенному семейству, спутником во время Вашего путешествия на море и на суше.

О. Тихон благодарил за выраженные чувства и за икону, просил всех молиться за себя, обещая, что и он всегда и везде будет поминать их на молитве перед святым престолом Божиим“»35.

...Отец Тихон вернулся на родину в разгар первой русской революции. А в феврале 1917 года в России произошла очередная революция, после чего был совершен Октябрьский переворот. В годы большевистского террора семья отца Тихона претерпевала лишения; испить горькую чашу до дна довелось одному из его сыновей – Варламу Тихоновичу Шаламову...

1 Американский православный вестник (далее – АПВ). 1901. № 14. 15-28 июля. С. 297-298.

2 Шаламов Тихон, свящ. Описание Кадыякского прихода (По архиву Кадыякской миссии) // АПВ. № 7. 1897. 1-13 декабря. С. 230–231; № 8. 1897. 15-27 декабря. С. 265-266; № 9. 1898. 1-13 января. С. 292–293; № 10. 1898. 15-27 января. С. 321-323.

3 АПВ. 1898. № 10. 15-27 января. С. 322.

4 Из походного журнала за 1895 год священника Кадыякской Воскресенской церкви Тихона Шаламова // АПВ. 1896. № 2. 15 сентября. С. 22-24; № 4. 14 октября. С. 57-58; № 7. 1 декабря. С. 118-119; 1897. № 22. 15 июля. С. 163-164; № 23. 1 августа. С. 496-497.

5 Путешествие Его Преосвященства Преосвященнейшего Тихона, епископа Алеутского и Аляскинского по Аляске // АПВ. 1899. № 22. 17-27 ноября. С. 593-594.

6 Из архива Кадыякской церкви. 12 писем, частью принадлежащих перу первых миссионеров Алеутской епархии, частью адресованных к ним разными лицами. Сообщил священник Кадыякской Вознесенской церкви Тихон Шаламов // АПВ. 1899. № 17. 1–13 сентября. С. 467-470; № 18. 15-27 сентября. С. 492-496. Несколько писем из архива Кадыякской миссии // АПВ. 1900. № 6. 15-28 марта. С. 125-127.

7 АПВ. 1899. № 5. 1-13 марта. С. 138-139. Подробнее о школе в Кадыяке см.: АПВ. 1900. № 7. 1-14 апреля. С. 144; № 22. 14-28 ноября. С. 444-446.

8 Столетний юбилей // АПВ. 1899. № 6. 15-27 марта. С. 162-171.

9 АПВ. 1899. № 11. 1-13 июня. С. 314-315.

10 АПВ. № 11. 1-13 июня. С. 315-317.

11 О праздновании святков, святочная елка в Кадыякской школе 29 декабря 1899 г. Письмо священника Тихона Шаламова с Кадыяка. 18 января 1900 г. // АПВ. 1900. № 6. 15-28 марта. С. 129-131.

12 АПВ. 1900. № 7. 1-14 апреля. С. 145.

13 Анатолий, архимандрит. Из отчета о поездке для благочиннической ревизии приходов Кенайского, Кадыякского, Афогнакского и Нучекского летом текущего (1898) года // АПВ. 1899. № 3. 1-13 февраля. С. 90.

14 Там же. С. 91. Подробнее см. с. 91-92.

15 Участник торжества. Открытие Германовского приюта на Аляске // АПВ. 1901. № 23. 1-14 декабря. С. 495-496. Подробнее см.: Пашковский Ф., свящ. К

открытию женской школы-приюта в Кадьяке // АПВ. 1901. № 14. 15-28 июля. С. 297-300.

16 АПВ. 1903. № 3. 1-14 февраля. С. 35.

17 Самойлович С. К месту своего назначения – в Аляску // АПВ. 1903. № 3. 1-14 февраля. С. 44.

18 АПВ. 1904. № 1. 1-14 января. С. 18.

19 АПВ. 1901. № 4. 15-28 февраля. С. 86.

20 Там же. С. 86.

21 Общество трезвости в Кадьяке // АПВ. 1901. № 12. 15-28 июня. С. 254-256.

Подпись автора: «Один из трезвенников».

22 АПВ. 1901. № 10. 15-28 мая. С. 210.

23 АПВ. 1904. № 13. 1-14 июля. С. 264.

24 АПВ. 1904. № 10. 15-28 мая. С. 204.

25 Шаламов Тихон, священник. По миссии // АПВ. 1904. № 7. 1-14 апреля. С. 132-136; № 8. 15-28 апреля. С. 149-154; № 9. 1-14 мая. С. 165-172; № 10. 15-28 мая. С. 188-196.

26 АПВ. 1896. № 1. 1 сентября.

27 АПВ. 1898. № 20. 15-27 июня. С. 596.

28 АПВ. 1901. № 12. 15-28 июня. С. 257.

29 АПВ. 1904. № 11. 1-14 июня. С. 224.

30 АПВ. 1903. № 2. 15-28 января. С. 31.

31 АПВ. 1904. № 1. 1-14 января. С. 18.

32 АПВ. 1904. № 14. 15-28 июля. С. 284.

33 Х. (инициал). Отъезд о. Тихона Шаламова на родину // АПВ. 1904. № 13. 1-14 июля. С. 254-255.

34 АПВ. 1904. № 14. 15-28 июля. С. 284.

35 Последняя литургия, совершенная священником Тихоном Шаламовым в Кадьякской Воскресенской церкви, июня 6 дня 1904 года // АПВ. 1904. № 17. 1-14 сентября. С. 347-348.

Штрихи к прошлому первой жены Шаламова Галины Гудзь

О периоде, предшествовавшем знакомству Галины Гудзь с Шаламовым, известно всего ничего. Познакомились они якобы еще на Вишере, куда Галина приезжала к мужу, отбывавшему срок на той же великой стройке, рабсилу для которой обеспечивала вездесущая советская карательная система. Получается, Шаламов отбил ее у солагерника. Что ж, бывает. Это сфера частной жизни, в которой чего только не случается. А вот каковы объективные обстоятельства? Кем была Галина до знакомства с Шаламовым, где работала, где жила? Ничего не известно.

Случайно наткнулся на это имя на сайте Российского Государственного Архива Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Вот что можно извлечь из выложенных в Сети документов.

Галина Игнатьевна Гудзь числится среди персонала ЭПРОНа – Экспедиции подводных работ особого назначения при ОГПУ, 1923-1927, или Управления Экспедиции подводных работ особого назначения, 1927-1931.

До 1931 года (то есть весь период работы Гудзь) контора находилась в ведении ОГПУ, Объединенного государственного политуправления, оно же ГПУ, читай службы государственной безопасности, в другом подразделении которой, внешней разведке, служил ее брат Борис Игнатьевич Гудзь.

В «Описи 3. Личные дела» http://rgavmf.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3077:--1495-----5-&catid=102:--1451---1500&Itemid=70 она числится под номером 254:

<i>№ п/п</i>	<i>Заголовок единиц хранения</i>	<i>Крайние даты</i>	<i>Число листов</i>
254	<i>Гудзь Галина Игнатьевна</i>	<i>11.04.1930 - 21.03.1921</i>	8

Если это она (а смущают только «крайние даты» в относящейся к этой персоне документации: 1921-1930 гг., но в папке могли храниться просто свидетельства об образовании, какие-нибудь школьные аттестаты), то, вероятно, это и есть будущая жена Шаламова. Возможно, на этой работе Галина и познакомилась с первым мужем, арестованным той же организацией, в систему которой входил ЭПРОН, и отправленным на строительство туда же, куда в 1929 году этапировали Шаламова.

Интересно было бы узнать больше об этой молодой тогда женщине с незавидным будущим.

Александр Бирюков. Тюремно-лагерная судьба Александры Гудзь

Магаданский журналист и краевед Александр Бирюков проследил по нескольким источникам судьбу шестерых женщин, осужденных на лагеря Колымы, среди них – свояченицы Шаламова Александры Гудзь, героини очерка «Ася» из Воспоминаний [о Колыме].

Взято с сокращениями из книги Бирюкова «Колымские истории» http://www.belmamont.ru/index.php?action=call_page&page=product&product_id=343, выложенной на сайте Белый мамонт.

«Гудзь Александра Игнатьевна. 3-80447.

Евгения Гинзбург, «Крутой маршрут»:

“Когда заключенный врач Марков подавал начальнице рапорты с ходатайствами о применении сульфидина для зека, больных тяжелой формой крупозной пневмонии, она (Циммерман.– А.Б.) почти всегда накладывала своим четким почерком резолюцию “Отказать”. После такой резолюции умерла Ася Гудзь, талантливый литератор, обаятельная женщина (...) А сульфидин, как известно, на Колыме дефицитен и надо хранить запас на случай болезни ценных для фронта и тыла людей”.

Из материалов дела 3-80447.

Гудзь Александра Игнатьевна, 1897 г. р., г. Ульяновск (то есть Симбирск, конечно), из служащих, русская, образование незаконченное высшее, журналист, ответственный секретарь редакции журнала “Фронт науки и техники” с 1927 по июль 1936 года. Владеет французским и немецким языками. После прибытия в Магадан в форме № 13 УРО кроме специальности “журналист” будет указано: чертежник, маляр, раб. худож.

Мать Антония Эдуардовна, 71 г. (в 1939 году), персональная пенсионерка, отец член ВКП(б), при царском режиме подвергался репрессиям за участие в социал-демократическом движении.

А вот сведения биографического свойства из совсем другого источника – книги Михаила Ильинского “Нарком Ягода” (М., “Вече”, 2002). На обороте титульного листа этого издания автор следующим образом выражает свою признательность: “Особая благодарность старейшему ветерану Службы внешней разведки Борису Игнатьевичу Гудзю. Его заслуги считаю бесценными. Великий ему поклон”.

Сразу несколько обстоятельств: а) попавший в опалу советский разведчик Гудзь Б. И. [см. о нем и о его сыне в данном и основном сборниках – сост.] едва не станет в 1937 году сотрудником (вольнонаемным или в воинском звании – это еще, видимо, предстояло решить) Дальстроя, б) арест А. И. Гудзь в декабре 1936 года был, возможно, в числе причин этой опалы, в) Борис и Ася Гудзь были участниками того семейного совета, после которого Варлам Шаламов (а он был женат на их сестре Галине) напишет заявление в НКВД, в котором отречется от своих прежних троцкистских воззрений, и в том же декабре 1936 года будет арестован <...>

“Как далее сложилась ваша судьба, жизнь вашей сестры?” – спрашивает Ильинский у Гудзя.

– Сестру осудили на восемь лет каторжных работ (опять неверно – тюремного заключения, к тому же бывший работник ОГПУ-НКВД мог бы и знать, что каторжные работы были установлены советским законодательством только в 1943 году. – А.Б.) за контрреволюционную деятельность. В ее дневнике нашли имена “врагов народа”, на которых она не донесла сталинской охране (? – А.Б.), а это считалось тяжким преступлением. Она не выдержала мучений, покоится в братской могиле (откуда такие сведения? – А.Б.) где-то на Колыме. Говорят, что допрашивал ее сам Генрих Ягода (не могло такого быть: Ягода был отстранен от должности в октябре 1936 года, а Гудзь была арестована в декабре. – А.Б.). Он к силе не прибегал. Это делали другие. Он предпочитал “интеллигентные” методы допроса...

Дело сестры вел мой товарищ еще по КРО (контрразведывательный отдел. – А.Б.) Федор Дегтярев. Он сделал все возможное, чтобы спасти Александру. Позднее погиб и он при странных обстоятельствах. Прекрасный пловец утонул в реке. Это был смелый человек, кавалер ордена Красного Знамени...” <...>

В очерке “Ася”, помещенном в сборнике “Воспоминания” (М., 2001), Варлам Шаламов писал:

“Ася была арестована в 1936 году, за две недели до Нового года. За две недели до ареста у нее умер муж Володя, с которым она дружно прожила на Арбатской площади. На его поминках Ася сказала задумчиво:

- В сущности Володя был счастливый человек.
- Почему вы так думаете?
- Ну, никогда в тюрьме не сидел”.

А. И. Гудзь (жила в Москве: Никитский бульвар, д. 7, кв. 3, в другой анкете – кв. 2, одинокая – мужа, детей нет) была арестована 28 декабря 1936 года (то есть на десять дней позднее, чем сообщает Шаламов, позднее, я надеюсь, у нас будет возможность поразмышлять над тем, чем могло быть вызвано это несовпадение) по ордеру № 9593, подписанному Я. Аграновым, и по распоряжению начальника Бутырской тюрьмы капитана Попова помещена в общую камеру № 46. 30 декабря у нее были взяты отпечатки пальцев. На обороте дактилокарты штамп: “Москва, Новослободская ул., 45. Тел. Д-1-03-81”... <...>

При водворении Гудзь в Бутырскую тюрьму предписывалось изолировать ее от Моисеенковой Ольги Аристарховны – вероятно, будущей поделельницы.

Дело № 11120/ц о Гудзь Александре Игнатьевне, 1897 г. р., без определенных занятий (? – А.Б.), было заслушано Особым совещанием 16 августа 1937 года – постановили: “... за к/р деятельность – приговорить к тюремному заключению сроком на восемь лет, считая срок с 28/ХІІ-36г. (еще одно подтверждение того, что арест был произведен именно в этот день. – А.Б.). Дело сдать в архив”.

21 октября 1937 года начальник 10 отдела ГУГБ (Главное управление госбезопасности) НКВД СССР ст. майор Вейншток направил начальнику Ярославской тюрьмы ГУГБ лейтенанту ГБ Бобкову письмо следующего содержания:

“В ближайшее время к Вам согласно прилагаемого наряда для отбывания наказания придут заключенные в количестве 2 человек.

По прибытии разместите в общие камеры изолировав друг от друга (хотя какой в этом смысл после вынесения постановления? – А.Б.).

Прибытие донесите в 10 отдел ГУГБ...”.

В наряде указаны фамилии Гудзь и все той же Моисеенковой. 25 октября Гудзь была под №2 помещена в камеру 101 Ярославской тюрьмы (камера была, вероятно, двухместная).

Фамилия Моисеенковой мелькнет и еще раз в деле Гудзь. По прибытии в тюрьму надлежало сдать личные вещи. Был составлен “Список вещей сданных на склад заключенной Гудзь А. И.” – наименования... количество... Количество, кстати, довольно изрядное – 22 предмета, от одеял (двух байковых) до пудреницы. Но перед началом этого списка опять стоит фамилия Моисеенковой, она же и подписала его внизу листа. Поэтому неясно, чьи же это вещи и кто их сдавал – Гудзь вещи Моисеенковой или Моисеенкова вещи Гудзь? Изолировали, называется. Тут же, поперек листа: “Обыскивала Федорова”. Значит, хоть какой-то порядок был.

Еще в октябре А. И. дважды обращается к начальнику тюрьмы с просьбой разрешить ей переписку с родными – матерью Антонией Эдуардовной Гудзь и сестрой Галиной Игнатьевной Гудзь-Шаламовой, проживавшими по адресу: Москва, Чистый пер., д. 8, кв. 7. Разрешение было дано только на переписку с матерью.

“Разрешалось переписываться (в принципе, а конкретно требовалось индивидуальное разрешение начальника тюрьмы), – напишет Евгения Гинзбург в “Крутом маршруте”, – с ближайшими родственниками, к которым причислялись только родители, супруги и дети. Им можно было отправлять 2 письма и столько же получать. От этих же ближайших разрешалось получать не свыше 50 рублей в месяц и на эти деньги выписывать продукты из тюремного ларька”. <...>

Условия содержания в Ярославской тюрьме весьма подробно описаны в книге Е. Гинзбург. В полной мере их испытала на себе и А. И. Гудзь – вплоть до тех же мер наказания.

Основанием для первого из них послужил рапорт начальнику тюрьмы мл. надзирателя Лабутина (здесь и далее тексты документов приводятся без всякой правки):

“Довожу до вашего сведения что за время моей прогулки 15/II-38 г. выпустили на прогулку кам. 101/2 последним она стала нарушать правила прогулки ходить как ей хотелось. Мною была предупреждена после чего во весь голос стала говорить что так ходить не могу снимите меня в таком случае с прогулки. После чего было доложено старшему и сняли о прогулки”.

Резолюция Норина: “Лишить прогулки на 3 дня. 17/II-38”. Далее последовало “Объявление”: “Заключенная Гудзь за нарушение правил прогулки по распоряжению начальника тюрьмы ГУГБ лишена прогулки на 3 дня за неподчинение требованию надзора 18-19-20/II включительно”.

На обороте этого листка А.И. написала: “Пом. начальника тюрьмы. Я неоднократно обращалась к старшим (надзирателям? – А.Б.) с просьбой набить на новые подошвы казенных ботинок гвозди, чтобы на прогулках не падать. Мне было сказано, чтобы я ходила не кругом, а по середине, что я постоянно и делала, за что же я наказана?”.

Следующее “Объявление” последовало через месяц, 18 марта:

“Заключенная Гудзь кам. 101 за бросание в форточку хлеба и кормление птиц по распоряжению начальника тюрьмы перевести в карцер на 3 дня с 18 по 21/III-38 г. в 16 ч. 40 мин. Бросала хлеб 5/III-38”.

Обратите внимание, читатель, какая неотвратимость наказания проявилась в данном случае: то ли надзиратель проваландался и не подал в тот же день рапорт, то ли у нач. тюрьмы руки до него не доходили, но спустя две недели кара все-таки последовала.

О том, каким ужасом было пребывание в карцере Ярославской тюрьмы, читатель “Крутого маршрута” знает. Но ведь и нарушение правил было ужасным, не правда ли?

Еще одно наказание через три месяца, 15 июня. Двумя днями раньше с рапортом к нач. тюрьмы обратился библиотекарь: “Доношу до вашего сведения, что заключенная кам. 101 Гудзь писала положив бумагу на книгу Маяковского “За-граница” отчего остались в книге следы написанного”.

Последовало “Объявление”: “Заключенную Гудзь за порчу книг (заграница) по распоряжению начальника тюрьмы ГУГБ лишить книг на один месяц с 15/VI по 15/VII”. Приписка к этому “Объявлению”, сделанная рукой А. И.: “Книгу сдала 3/VI в том виде, как получила”. И тут та же неотвратимость наказания.

Следующий раз карцер настиг Гудзь уже в конце мая 1939 года после рапорта надзирателя Чужиной:

“Доношу до вашего сведения что во время дежурства 26/V-39 к. 101/2 распускала чулок и плела веревку я спросила для чего она говорит чинить старую тряпку. Я предложила отдать все то она стала пререкаться я доложила стар (шему надзирателю? – А.Б.) когда вошел Шабанов то она так закричала чтоб у нее не брали чулок что было слышно на всех постах”.

“Объявление”: “Заключенная Гудзь за крик в камере устроенный 26/V-39 по распоряжению начальника Ярославской тюрьмы ГУГБ НКВД перевести в карцер на 3 суток с 28/V-39 по 1/VI-39 год. Переведена в 18.20 мин”.

Справедливости ради следует заметить, что отношения заключенной Гудзь с администрацией Ярославской тюрьмы не были только вот такими – негативными

(хотя придирки применялись совершенно откровенные), но были отношения и положительного, что ли, свойства.

В январе 1938 года заключенная Гудзь обратилась к начальнику тюрьмы с заявлением, в котором писала:

“Прошу вашего распоряжения, если разрешите, – о приобретении, для меня за мой счет учебника истории Шестакова, который, судя по объявлению в газете, продается в ярославских книжных магазинах. Кроме того прошу разрешить мне приобретение грамматики по русскому языку (в объеме десятилетки)”.

Резолюция от 12.01 была положительной.

В начале февраля Гудзь подает новое заявление:

“Во время Вашего обхода 9/1 Вы разрешили мне выписать “Северный рабочий”, причем я поставила Вас в известность, что напарница (м.1) выписывает газету “Индустрия”. В подтверждение данного Вами разрешения – прошу указания старшему о принятии от меня подписки на газету “Северный рабочий”, которая будет оформлена”.

Еще одно заявление через месяц, 9 марта 1938 года: “По Вашему разрешению от 12/1-38 г. я подписывалась на учебник истории Шестакова, о котором была публикация в местной газете. Прошло около 2 месяцев, но учебника я не получила, несмотря на неоднократные напоминания. Прошу Вашего указания о приобретении для меня за мой счет разрешенного мне учебника по русской истории Шестакова. Кроме того, прошу разрешить мне приобрести: Историю ВКП(б) (по возможности новое издание) и Экономическую географию (по возможности новое и полное издание)”.

Резолюция начальника тюрьмы на последнем заявлении не совсем разборчива, но можно предположить, что в ней присутствует слово “приобрести”.

17 мая 1939 года в медицинском разделе личного формуляра заключенной Гудзь появляется запись: “Здорова. К физическому труду годна.” Первым из членов комиссии заключение подписал нач. тюрьмы Норин.

4 июня заключенной Гудзь были выданы вещи (арматурный список № 15): спецпальто, спецкофта, спецубка... В этап заключенные следовали в тюремной форме, отсюда и эти “спец”.

Во Владивосток этап прибыл 7 июля, еще через две недели, 21 июля, А. Гудзь была в Магадане (номер личного дела 238329). Здесь она и останется до конца года.

Обстоятельства жизни А. И. этого периода присутствуют в заявлении ее матери, зарегистрированном канцелярией ГУЛАГа в Москве 19 ноября 1939 года.

“Кроме того, – писала в этом заявлении “персональная пенсионерка” А. Э. Гудзь, – прошу перевести ее на другую работу: она работает на погрузке и разгрузке. Она очень подорвала свое здоровье и эта работа ей непосильна, она знает газетно-журнальную работу, языки немецкий и французский и поваренное дело. Прошу ее использовать по одной из этих специальностей, где она может принести больше пользы. Она культурный человек, может быть и счетным работником.

Работая же под дождем непосильную работу (переноска тяжестей) в одежде, которая не успевает просохнуть за время ее короткого сна, она может превратиться в инвалида, от которого нет пользы”.

Перевод (хотя едва ли его причиной стало это заявление) состоялся уже в конце года – Гудзь оказалась на Эльгене.

Характеристика, составленная за период с 1 января 1940-го по 1 января 1941 года, фиксирует пребывание А. И. на л/п [лагерном пункте] Эльген в качестве рабочей конбазы: “На производстве дисциплинированная, в лагере режим соблюдает. В быту аккуратна”.

Характеристику подписала нач. л/п Зайцева. А где же знаменитая Циммерман, обличению которой Е. С. Гинзбург посвятила столько страниц?

В 1939-40 гг. заключенной Гудзь трижды под расписку (расписки сохранились в деле) объявляли, что ее родственник Шаламов Варлам Тихонович, осужденный О/с 2.06.37, КРД, ср. 5 лет, находится со 2.04.39 в отделении Дальуголь СВИТЛ – несомненно, она разыскивала Шаламова, писала, не получала ответа и запрашивала снова... Почему В. Т. не отвечал? В очерке “Ася” тому дается такое вот косноязычно-лукавое объяснение:

“Но мы не встретились, не списались, ибо Колыма устроена еще и так, что за сорок километров рядом можно проехать через Москву, к тому же я доплыл еще в 1938 году навеки и продолжал доплывать многократно, то подплывая к спасению, то отталкиваясь от него”.

Как понимать возможность “за сорок километров рядом... проехать через Москву” и при чем тут Колыма, едва ли кто-нибудь сумеет объяснить. А лукавство автора мемуара состоит в том, что, как следует из его же рассказа “Апостол Павел”, в период пребывания на углеразведке “доходягой” он отнюдь не был, и если ему что-то и досаждало, так это вывих стопы. Достаточная ли это причина, чтобы не отвечать на письма?

Другие адресаты А. И. Гудзь были более аккуратными. Из прокуратуры г. Москвы 28.08.40 (получено в Магадане 23.10.40) – ДВК, совхоз “Эльген”, нач. ИТЛ:

“1-ый Спецотдел Мосгорпрокуратуры просит объявить заключенной Гудзь Александре Игнатьевне о том, что ее жалоба для рассмотрения направлена Прокурору Московского Военного округа Москва Арбат 37, куда она может обратиться за всеми справками по делу.

Пом. прокурора г. Москвы по спецделам Егоров”.

Видимо, это заявление А. И. Гудзь (но возможно, что было и еще одно) из прокуратуры МВО проследовало в НКВД. Из наркомата 23.04.41 нач. 2 отд. Севвостлага было направлено следующее письмо:

“Просим объявить з/к Гудзь А. И. (...) что его заявление рассмотрено и постановлением секретариата О/с НКВД СССР от 31.01.41 в пересмотре решения по его (ее) делу отказано”.

Это трагическое для А.И. извещение (наверняка она связывала со своим заявлением определенные надежды: время было такое – бериевская “оттепель”) двигалось – может быть, к счастью? – весьма неспешно: только 17 июня 1941 года оно было зарегистрировано в УСВИТЛ, 3 июля там же выявили номер личного дела з/к Гудзь – 238329, только 29 декабря 1942 года к номеру прибавилось слово “Эльген” (словно какой-то паралич сковал УРО УСВИТЛа после начала войны – на полтора года).

Можно предположить, что заключенной Гудзь это извещение было объявлено только в начале 1943 года.

Через год Александры Игнатьевны Гудзь не стало. Она умерла 17 февраля 1944 года в стационаре ОЛПа “Эльген”. Причина смерти, как записано в акте, крупозное воспаление легких.

“Ася умерла от крупозной пневмонии, – пишет в названном выше очерке Варлаам Шаламов, – захватив воспаление легких, пока она обливалась ледяной водой – ее всегдашний режим. Но лед Москвы, ветры Москвы – это вовсе не то, что лед Колымы, ветры Колымы. Там правят другие законы, чисто физические, и тем не менее не только физические”.

Туманная многозначительность последней фразы – этого в очерке Шаламова с избытком. Но и указание на конкретную причину заболевания – обливание холодной водой... И это где? – на Колыме, зимой, после тяжелых двух лет пребывания в Ярославской тюрьме, которые не могли не сказаться на здоровье заключенной, после “погрузочно-разгрузочных” работ в осеннем, дождливом Магадане, после нескольких лет пребывания на Эльгене... Шутит Варлаам Тихонович или всерьез полагает, что А. И. была железной?

В числе лиц, подписавших акт о смерти з/к Гудзь, врач Горицкая (а где же названный Е. Гинзбург врач Марков?), вр. нач. ОЛПа “Эльген” (что, вероятно, следует расшифровать как временно исполняющий обязанности начальника) Линькова А. И. (а как же злобная Циммерман? выходит, что она могла и не иметь отношения к смерти Гудзь?).

Из акта о предании трупа земле (форма 79-а):

“Л. д. 238329.

... предан земле на кладбище (пос. Эльген, на расстоянии 1,5 км. от зоны лагеря – рукописный текст) в могилу размером 2,0 на 1,0 на 1,5 м. Могиле присвоен № – . Бирка в гроб вложена (за № 47 – написано от руки)”.

Итак, могила № 47 на Эльгенском кладбище (а не братская, как рассказывал Б. И. Гудзь). Еще можно попытаться ее найти.

“ – У вас нет родственницы по фамилии Гудзь? Нет? Сейчас с вами будут говорить...” – это снова из очерка Шаламова “Ася”. Дело происходит в больнице Севлага, куда несколько дней назад доставили доходягу-автора. – Москва? Дальняя зимовка? Генеральный секретарь ВКП(б)? Санитар продолжал трясти меня за плечо, и как будто это имя было выше только что перечисленного – Москва, Антарктида, Генеральный секретарь: главный хирург центральной районной (? – А.Б.) больницы для зэка Валентин Николаевич Траут.

– У вас есть, отвечайте на вопросы, прямо и честно, глядя мне в глаза, у вас есть родственница, сестра, сестра вашей жены Александра Игнатьевна Гудзь? Слушайте меня внимательно! Родственница эта ищет вас, она находится в сорока километрах от вас (все те же 40! А от Эльгена до Беличьей более 80-ти. – А.Б.). Я могу отвезти ей записку от вас (...).

Я написал: “Ася, мне очень плохо. Перешли мне хлеба и табаку (...) В тот же день вечером поздно, еще не погас отбойный свет, лампочка мерцала трижды и запылала, и я еще не заснул, мне подали ответ, который мне привез с Эльгена Траут (...)

Письмо в белом самодельном конверте, не заклеено. Черной гуашью, разборчивым редакторским почерком Ася писала: “Я искала тебя с самого первого дня, как вступила на колымскую землю. В сороковом году я искала тебя вместе с Анатолием Василенко, который был твоим начальником на Черном озере (там стояла

углеразведка. – А.Б.). У нас он работал в ларьке. Из поисков тогда ничего не вышло. И вдруг такая неожиданность, узнаю, что ты просто рядом, ничего больше не пишу, жди меня завтра, и мы обо всем поговорим”.

“Через несколько дней после Полины умерла Аня (так в тексте. – А.Б.) Гудзь, – напишет Е. Гинзбург в “Крутом маршруте”, – от крупозной пневмонии. Врачиха хотела отправить ее в больницу на лошади или хотя бы на бычке. Но добиться этого не удалось, и я повела ее пешком. Я вела ее под руку, и нам обоим казалось, что врачиха ошиблась. Не может быть, чтобы это была пневмония...”.

В данном случае память подвела Е. С. [Гинзбург] – Полина, Полина Мельникова ушла из жизни через два с лишним месяца после Гудзь, 21 апреля 1944 года. <...>

Здесь, на Эльгене, у [другой заключенной] Рихтер состоялась встреча, которая может представить для нас особый интерес:

“Однажды у меня появилась идеальная партнерша: с новым эшелонем в лагерь приехала Ася Г., знакомая мне по Бутырской тюрьме. Нас послали косить сено на дальний луг. И работать с ней, и разговаривать во время перерыва было удовольствием, которого я так долго была лишена. В первый же вечер она сказала:

– Я попрошу маму прислать из Москвы “Фауста”, подарю его вам.

И правда, через несколько месяцев я получила немецкое издание “Фауста” в двух частях и разрешение хранить его в своих вещах”.

Знакомой, появление которой так обрадовало Гертруду Рихтер, могла быть уже известная нам Ася Гудзь. Что говорит в пользу такого предположения? В первую очередь, идентичность инициалов. Кроме того, Гудзь оказалась на Эльгене в конце 38-го – начале 40-го, то есть после того, как туда была доставлена Рихтер. А. И. была арестована в Москве в декабре 1936 года, а потому они могли оказаться вместе и в Бутырках. Ася знала немецкий язык и потому могла свободно разговаривать с Гертрудой, страдавшей от того, что в тот период еще слабо владела русским. Мать А. Гудзь, немка, жила в Москве и могла иметь немецкое издание “Фауста”.

Если “идеальной партнершей” Рихтер действительно явилась А. И. Гудзь, то следующий абзац из воспоминаний немецкой коммунистки содержит дополнительную информацию о пребывании Гудзь на Эльгене:

“Конечно, Ася относилась к тем, кто недолго оставался на физической работе. Скоро она поднялась до бухгалтерии, и мы стали видеться только по выходным дням, но наш контакт не прерывался”.

(И тогда, может быть, все-таки прав Варлам Шаламов: оказавшись спустя какое-то время после прибытия на Эльген в привилегированных условиях, Ася вернулась к “водным процедурам”, которые и стали причиной простуды?).

Из письма Надежды Мандельштам Ольге Неклюдовой, 1965

«У вас отличный сын, замечательный муж – первоклассный писатель и хороший человек. Чего еще? – в так называемом гедонизме – вы думаете, что жизнь создана для счастья. Вероятно, не находя его в чистом, беспримесном виде, вы чувствуете себя обиженной и не цените того, что у вас есть. Попробуйте оценить то, что у вас есть, и вы поймете, что у вас очень много.

Мне пришлось говорить с Варламом Тихоновичем о вас – когда я отдавала ему ваши рассказы. И он с большой нежностью и чуткостью говорил мне и о вас, и о вашем сыне. Как жаль, что вы этого не цените. И жаль, что, живя с таким замечательным писателем, как В. Т., вы не чувствуете от этого простой человеческой радости.»

Н. Я. Мандельштам в письме Ольге Неклюдовой, июнь 1965 года. Цитируется по книге «Посмотрим, кто кого переупрямит...». Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах», сост. П. Нерлер, изд. АСТ, М. 2015. Электронная версия в библиотеке Флибуста <http://flibusta.is/b/431226>.

На этом, после отповеди Неклюдовой за непрошенные советы, едва начавшаяся переписка угасла.

Ирина Сиротинская в судьбе Шаламова

Завещание Шаламова в пользу Сиротинской 1969 года – фальшивка?

Ниже отрывок из книги Лидии Анискович «Варлам Шаламов. Нельзя уйти от самих себя» (подробнее см. <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/305987.html>).

Случайно ко мне в руки попал дубликат завещания в пользу Сиротинской, из которого следует, что 14 июня 1969 года В.Т. Шаламов оформил завещание в её пользу и зарегистрировал его в Первой московской нотариальной конторе. За дубликатом завещания И. Сиротинская обратилась в нотариальную контору 3 октября 1990 года в связи с утратой оригинала. Как, интересно, она его утратила?

Как известно, дубликат – документ коварный, подписи завещателя в нём нет. Так вышло, что в моём личном архиве сохранились документы по наследственному делу со стороны моей двоюродной бабушки в пользу моей матери. Завещание было составлено в 1967 году, то есть на два года раньше, чем «шаламовское», и зарегистрировано в той же Первой московской нотариальной конторе. Его регистрационный номер – 1д – 6352. Я человек дотошный, а поэтому сверила свой регистрационный номер и «шаламовский». А, сверив, очень удивилась. Регистрационный номер «завещания» Шаламова оказался вот каким – 1д – 2799. Как говорится, почувствуй разницу: 6352 (1967 г.) и 2799 (1969 г.), при этом нумерация явно сквозная, так как впереди стоит один и тот же литер – 1д (Слава Богу – не КРТД). Как это можно объяснить, кроме того, что номер «шаламовского» завещания фальсифицирован, я не знаю. Во всяком случае, в нотариальной конторе мне ответили, что такого просто не может быть...

И вот ещё нюанс. Когда я в 1994 году обратилась в Первую московскую нотариальную контору с просьбой сделать мне дубликат вышеупомянутого завещания, я получила ответ, что наследственное дело, в котором оно хранилось, не сохранилось в связи с затоплением архива. Здорово. Возможно, что и Сиротинская имеет такую бумагу о затоплении. Но у меня-то сохранилось свидетельство о праве наследования. Такое свидетельство должно быть и у Ирины Павловны, только вот где оно и какого года? Ведь, в сущности, завещание, кроме нотариуса,

никому не интересно. После смерти завещателя оно меняется на право наследования, которое и является юридическим подтверждением права собственности. И если таковое право у Ирины Павловны было, зачем же ей понадобился дубликат завещания?

Думается, 1990 год в этой истории не случаен – 25 января 1990 года умерла Елена Варламовна Шаламова – главное препятствие в наследственных делах Ирины Павловны Сиротинской. После смерти дочери Шаламова она, вероятно, и решилась «узаконить» свои права.

Дабы не быть голословной, привожу в данной книге все вышеобозначенные документы: дубликат завещания Ирины Павловны и оригиналы моих документов.

Считаю, что у меня есть веские основания сомневаться в существовании юридического завещания Варлама Шаламова в пользу Ирины Сиротинской.

Мне известны случаи, о которых писать не хочу, дабы не подставлять людей под «святой» гнев Ирины Павловны, когда она (Сиротинская) использовала свой дубликат для изъятия шаламовских документов. Пострадавшим от Сиротинской следовало требовать от неё документ о праве наследования, так как, в конце концов, кто становится правонаследником далеко не всегда определяется завещанием.

От составителя

Сканы нотариально заверенного дубликата завещания Шаламова на сайте shalamov.ru – здесь <http://shalamov.ru/gallery/18/14.html> и здесь <http://shalamov.ru/gallery/18/15.html>.

В виде текста с моими комментариями – в блоге «Варлам Шаламов и концентрационный мир» <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/130912.html>, а также в основном томе сборника.

Скан завещания двоюродной бабки Анискович – на стр. 292-293 ее книги.

Относительно подозрений Анискович в фальсификации дубликата шаламовского завещания судить затрудняюсь, тут нужен квалифицированный нотариус, хотя регистрационные номера приведенных ею документов – 1д – 6352 (1967 г.)

и 1д – 2799 (1969 г.) – действительно вызывают недоумение. Кроме того, согласно Анискович, архив был затоплен – с чего же тогда делался дубликат для Сиротинской, если с архивом затонуло и шаламовское наследственное дело? И во-вторых. Согласно опять же Анискович, после смерти Шаламова его завещание должно было быть обменено на свидетельство о праве наследования, которое и является конечным «юридическим подтверждением права собственности» и при наличии которого само завещание, по существу, уходит на задний план. Кто-нибудь когда-нибудь видел или требовал у Сиротинской этот решающий документ? Сайту shalakov.ru следовало бы разместить фотоконии именно его, а не дубликата завещания, подлинность которого, как выясняется, под вопросом.

Для меня, оговорю, логика вещей и свидетельство директора ЦГАЛИ Натальи Волковой все же подводят к тому, что официальное завещание Шаламова в пользу Сиротинской существовало, но было передано ею госбезопасности.

И наконец, нечто очевидное, но при этом не артикулированное и как бы замятое для ясности: до получения документа, подтверждающего ее юридические права на «наследие Шаламова», то есть до октября 1990 года, Сиротинская не могла получать гонорары за публикации произведений Шаламова, будь то журнальные или книжные, их естественным порядком должна была получать его дочь. Получала ли их Елена Шаламова-Янушевская, я не знаю. Она могла просто не обращаться в журналы и издательства, характер у нее, судя по всему, был отцовский, но юридически тут все однозначно. Как на практике решался этот вопрос? И как в свете сказанного воспринимать заявление Сиротинской о том, что памятник на могиле Шаламова был установлен на полученные ею гонорары от первых публикаций «Колымских рассказов» (гонораров-то до конца 1990 года быть не могло, а памятник установлен значительно, значительно раньше). Впрочем, это уже тема следующей статьи.

P.S. Несмотря на полученную от Владимира Рябокonia-Рибопьера и из последнего интервью Елены Захаровой исчерпывающую информацию (см. раздел Воспоминания) относительно надгробного памятника, оставляю упомянутую статью в том виде, в каком была в первом издании тома – как пример того, насколько сложно доискаться правды у Сиротинской и в наследовавшей ей советском шаламоведении.

Людмила Зайвая и могила Шаламова

Л.В. Зайвая во время установки памятника Шаламову в 1983 году

Дата под фотографией Зайвой у могилы Шаламова – 1983 год. В основном томе сборника я уже задавался вопросом: когда именно на могиле Шаламова был установлен памятник работы Федота Сучкова и что было до него? В итоге пришел к ошибочному выводу, что памятник появился в конце восьмидесятых годов – Сиротинская в интервью газете «Московский комсомолец», 2007, прямо говорит:

«Там была бронзовая скульптура. Это Федот Федотович Сучков делал. [...] Свой первый гонорар за наследие Шаламова я истратила на это, я заплатила».

Первые гонорары «за наследие Шаламова» Сиротинская могла начать получать не раньше 1988 года, когда массовыми тиражами стали публиковаться проза и стихи Шаламова, и даже это сомнительно, ибо в качестве кого она могла получать гонорары? – ее права на наследование еще не были подтверждены юридически, а архив Шаламова едва рассекречен. Однако, при определении времени установки надгробия на могиле я принял ее слова на веру, следовательно, рассуждал я, памятник был установлен в конце восьмидесятых годов.

Теперь, если надпись под фотографией не обманывает, выясняется, что памятник был установлен значительно раньше – в 1983 году. Никаких гонораров «за наследие Шаламова» Сиротинская тогда иметь не могла – после смерти Шаламова была опубликована пара его стихов в одном или двух тематических сборниках, это не гонорары, даже если они почему-либо выплачивались Сиротинской. Вывод простой: либо дата под фотографией неверна (проверить я этого не могу, но о 1983-м говорит и Елена Захарова), либо Сиротинская по обыкновению лжет – работу скульптора и установку памятника оплатили совершенно другие людьми, и Сиротинская лишь приписала себе их доброе дело. Кто были эти люди, я не знаю, хотя знать, конечно, хотелось бы.

Кроме того, вспомнил, что говорит по этому поводу в интервью «Новой газете» от 08.11.2007 г. хорошо осведомленная в обстоятельствах Елена Захарова (см. ее воспоминания в основном сборнике):

«На могиле Шаламова установили памятник работы Федота Федотовича Сучкова – тоже бывшего заключенного. Он отлил в бронзе копию деревянного скульптурного портрета, выполненного им еще при жизни Шаламова, потратил собственные деньги при монтаже памятника. И множество людей собирали деньги для этого.

В 2000 году эту бронзовую скульптуру украли с могилы. Позднее усилиями Вологодского музея Шаламова и держательницы шаламовского архива И.П. Сиротинской там была заново установлена чугунная копия памятника*».

Могут спросить: зачем я в этом копаюсь, какое это имеет значение?

В будущем кому-то придется писать фундаментальную биографию Варлама Шаламова. Вот два предложения из этой гипотетической биографии:

«Памятник на могиле Шаламова был поставлен Ириной Сиротинской в конце восьмидесятых годов на гонорары, полученные ею от первых публикаций «Колымских рассказов».

«Памятник на могиле Шаламова был установлен в 1983 году по инициативе и на средства тех-то и тех-то».

Одно из двух. Но первое или второе и на каком основании? И уж в любом случае не на основании рассказней Сиротинской, которая вопреки собственным заверениям, что она «не врет», хотя и «о многом умалчивает», как раз постоянно врет.

На второй фотографии Людмила Зайвая в начале 2000-х

Фотографии из книги Лидии Анискович «Варлам Шаламов. Нельзя уйти от самих себя» <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/305987.html>.

* Относительно того, кто именно взял на себя труд установить чугунную копию украденного шаламовского надгробия, газета «Карелия», №42 (742) за 14 апреля 2001 года http://www.gov.karelia.ru/Karelia/742/t/742_3.html, пишет:

«Автору «Колымских рассказов»

Металлурги ОАО «Северсталь» безвозмездно восстановят памятник на могиле писателя Варлама Шаламова, варварски разрушенный похитителями цветных металлов.

После налета вандалов на Кунцевское кладбище группа московской интеллигенции обратилась за помощью на «Северную Магнитку», и гендиректор «Се-

верстали» Алексей Мордашов распорядился безвозмездно отлить новое изваяние. Образцом служит гипсовая копия надгробия, которую его автор Федот Сучков ранее передал в дар Вологодской картинной галереи. [...] Новый памятник, в отличие от утраченного оригинала, будет отлит не из бронзы, а из чугуна. Чугунные изваяния с кладбищ пока не крадут».

О предпринимателе Мордашове, со слов литературного работника и общественного активиста Артема Баденкова, говорил и В. Есипов на презентации своей книги «Варлам Шаламов» 26 апреля 2013 года. Цитирую здесь отрывки из поста, освещающего событие, и комментариев к нему в блоге «Варлам Шаламов и концентрационный мир» <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/238136.html>:

[Из сообщения http://vk.com/wall185352329_350 Баденкова]: «Был сегодня в филиале Литературного Музея в Трубниковском переулке на вечере, посвященном выходу в серии «ЖЗЛ» биографии Варлама Шаламова.

Ее презентовал автор книги – литературовед и историк из Вологды Валерий Есипов. [...]

Рассказал Есипов и историю в духе нашего времени.

На могиле Шаламова на Старокунцевском Кладбище был установлен бюст из бронзы друга Шаламова скульптора Федота Сучкова.

В начале 2000-х годов его утащили сборщики цветного металла.

Тогда такие случаи были не единичны.

Есипов обратился с письмом, кажется, к олигарху Лисину владельцу Череповецкого металлкомбината.

Письмо к олигарху подписали также Белла Ахмадулина, Борис Мессерер, Фазиль Искандер и еще ряд известных людей.

Олигарх распорядился отлить с гипсовой копии бюста Шаламова – новый бюст из чугуна.

Его и установили на могиле Шаламова».

В комментариях Григорий Гольдштейн (gg59) усомнился:

«Возможно, не Лисин, а Мордашов».

Баденков (messie_anatol) поправился:

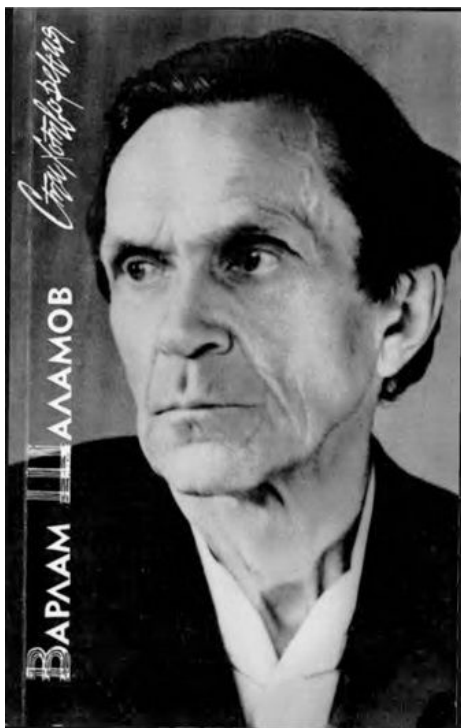
«Да, о Мордашеве шла речь.

Я путаю олигархов».

Даже в этой истории имя Сиротинской отсутствует, хотя, разумеется, Есипов всегда может сказать – и не вижу причин ему не поверить – что написал письмо Мордашову и собрал под ним подписи московских знаменитостей по поручению Сиротинской или кого-то еще. Как было на самом деле, не знаю, во всяком случае, совсем не так, как рассказывает Сиротинская, и не совсем так, как рассказывает Захарова, личного участия в этой второй истории с памятником на могиле Шаламова уже не принимавшая. Однако Сиротинская утверждает, что не только инициировала установку надгробья, но и заплатила за нее. Сколько же, кому и когда она заплатила?

Первая посмертная книга стихов Шаламова, 1988. Истоки приватизации

Варлам Шаламов, «Стихотворения» – М.: Советский писатель, 1988

Анонс издательства:

ВАРЛАМ ШАЛАМОВ

Имя Варлама Тихоновича Шаламова (1907-1982) хорошо известно читателям. В эту книгу вошли его стихотворения разных лет. Значительная часть их публиковалась в прижизненных сборниках поэта («Огниво» – 1961, «Шелест листьев» – 1964, «Дорога и судьба» – 1967, «Московские облака» – 1972, «Точка кипения» – 1977). Ряд стихотворений печатается впервые.

Москва
Советский писатель
1988

Здесь опять встает побочный теме, но первостепенный вопрос. Сиротинская уверяет, что заплатила за памятник на могиле Шаламова из первых гонораров за публикацию его произведений (конец восьмидесятых годов). Но в качестве кого она могла получать эти гонорары? Прав на гонорары за публикацию «наследия Шаламова» у нее было не больше, чем у того же Виктора Фогельсона, составившего и подготовившего посмертный сборник стихотворений Шаламова. Сиротинская как работник архива и публикатор делала ту же работу, что Фогельсон, которая и должна была оплачиваться как работа составителя и редактора. Разница в том, что Фогельсон, в отличие от Сиротинской, не утверждал, что получал гонорары «за наследие Шаламова». Права наследницы Сиротинская получила в конце 1990 года вместе с дубликатом нотариально заверенного завещания Шаламова на ее имя от 1969-го, причем аутентичность документа, с которого сделан дубликат, сейчас под сомнением. Так или иначе, все «права» Сиротинской в период восьмидесятых годов заключались в физическом обладании ею архива Шаламова, доступ к которому закрывала сначала госбезопасность, а после упразднения «спецхрана» – хозяйка кабинета, где пылились коробки с шаламовскими бумагами. На каком основании она отказывала в доступе к ним другим людям, например, Сергею Григорьянцу? На каком вообще основании Сиротинская до конца 1990 года владела монополией на архив писателя? Задаю этот вопрос по-

тому, что именно здесь берет начало некое дистанцирование от фигуры Шаламова озабоченного своей чистоплотностью литературоведческого истеблишмента (научного сообщества и либеральных литераторов-эссеистов) и присвоение «наследия Шаламова» – в дальнейшем окончательное – чуждыми литературной среде и литературе как таковой политическими манипуляторами вроде Есипова. Со всеми вытекающими для статуса шаламовской прозы в русской литературе последствиями.

Как резюме, могу повторить: около дюжины, а, может быть, и значительно больше, прозаических текстов Шаламова и массу его стихов впервые – в СССР, разумеется, на Западе публикации шли своим чередом – опубликовали в конце «перестроечных» восьмидесятых годов Геннадий Трифонов, Людмила Зайвая, Юлий Шрейдер, Александр Морозов, Виктор Фогельсон и Виталий Коротич (журнал Огонек, «Письмо старому другу», впервые анонимно: «Белая книга» по делу Синявского и Даниэля, составление Александра Гинзбурга). Претензия Сиротинской на монополию на Шаламова на этом этапе получала некоторый отпор.

Грант от гаранта

Оказывается, в 2003 году Сиротинская получила грант Президента Российской Федерации (Распоряжение Президента Российской Федерации от 13 декабря 2003 г. N 596-рп <http://www.rg.ru/2003/12/18/granty-dok.html>, опубликовано в «РГ» – Федеральный выпуск №3368, 18 декабря 2003 г.) Нигде об этом ни слова – кроме данного документа.

«1. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 1 июля 1996 г. N1010 «О мерах по усилению государственной поддержки культуры и искусства в Российской Федерации» присудить гранты Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства руководителям проектов по результатам конкурса, проведенного Минкультуры России в 2002 году: [...]

Сиротинской Ираиде Павловне, главному специалисту Российского государственного архива литературы и искусства (г. Москва), на подготовку к изданию сборника архивных документов В. Т. Шаламова «Воспоминания. Записные книжки»

Президент Российской Федерации В. Путин»

Т.е. для работы над «Новой книгой», М. 2004, ей был выделен президентский грант, кусок бюджетного пирога. Все-таки великая вещь хватка и монополия, тем более, мертвая хватка и абсолютная монополия.

Некролог работников РГАЛИ. Памяти И. Сиротинской

«Памяти И. П. Сиротинской»

11 января 2011 г. не стало Ирины Павловны Сиротинской, практически всю жизнь отдавшей работе в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР (ныне – РГАЛИ).

Выпускница Московского государственного историко-архивного института, она пришла в архив в 1964 г. на должность старшего научного сотрудника отдела комплектования. С 1975 по 1979 г. работала старшим инспектором по основной деятельности Главархива СССР, а затем вернулась в свой любимый архив сначала в качестве начальника отдела ведомственных архивов, комплектования и делопроизводства, позже – заместителя директора. В этой должности она проработала до 2000 г.

И. П. Сиротинская – автор множества статей о методике работы с документами личного происхождения и творческих организаций, неоднократно публиковавшихся на страницах журнала «Советские архивы». Ее имя неразрывно связано с судьбой и творческим наследием писателя В. Т. Шаламова. Познакомившись с ним как сотрудник отдела комплектования, Ирина Павловна впоследствии стала наследником, хранителем и популяризатором его творческого архива. Много времени, душевных сил и энергии она вложила в расшифровку рукописей и их обнародование, опубликовав большую часть литературного наследия писателя, в

том числе четырехтомное (1998 г.) и шеститомное (2006 г.) собрания его сочинений.

Ирина Павловна была замечательным человеком, мудрым руководителем и профессионалом своего дела. Архив потерял еще одного специалиста, которым он так славился.

Коллектив РГАЛИ»

Опубликовано в журнале «Отечественные архивы», № 1, 2011, электронная версия http://91.190.232.206:8080/period11/Otecharh/Otecharh_11_01.d

---

Из интервью Сиротинской ТВ-программе «Совершенно секретно», 1992

Интересно как выражалась Сиротинская в интервью Александре Свиридовой для программы Артема Боровика «Совершенно секретно» в 1992 году. Вот что значит не успеть выработать генеральную линию, от которой в дальнейшем ни на шаг в сторону.

«Он состоялся как личность и он – победитель. Он победитель, я так считаю. Победитель – не это государство [стучит пальцем по столу, за которым сидит, беседа происходит в ее кабинете в ЦГАЛИ – сост.], победитель – Варлам Тихонович. Огромное государство, армия, КГБ, куча стукачей... Государство единственное что могло – убить его физически. Ну вот это... Оно укоротило жизнь, сколько могло. Это да. Но он все равно победил. Им не удалось раздавить его. Не удалось ничего сделать, чтобы он не писал этих рассказов. И вот чего его лишили – это ему дожить не дали. А то что его погрузили и отправили в пансионат психохроников... Вы знаете, вот сказать, что злодейски кто-то непременно хотел его добить... Вы знаете, трудно сказать...»

Архив Шаламова в «спецхране» ЦГАЛИ и Сиротинской

В дополнение к статье в основном томе «Так все-таки, был Шаламов в «спецхране» или нет? Да, был!»

Очередное опровержение лжи Сиротинской о том, что ни в каком «спецхране» (иначе говоря, засекреченным) фонд Шаламова в ЦГАЛИ не был. Вот скан оглавления «Путеводителя, выпуск 9, Фонды бывшего спецхрана» Российского государственного архива литературы и искусства, М. РОССПЭН, 2010 <http://cnb.uran.ru/userfiles/210059.pdf>.

Раздел 2. Части фондов, находившиеся на специальном хранении.

а) Личные фонды [...]

Шаламов В. Т. 150

Стеллецкий И. Я.	136
Стражев В. И.	137
Суворин А. С.	138
Тагер Е. Б., Е. Е.	140
Тарасенков А. К.	141
Твардовский А. Т.	141
Тихонов Н. С.	141
Тренев К. А.	142
Тэффи Н. А.	142
Тяпкина Е. А.	142
Фадеев А. А.	142
Федоров Е. А.	142
Фельдман К. И.	143
Фигнер В. Н.	143
Хавские А. Н., Н. Н.	143
Херсонский Х. Н.	143
Ходасевич В. Ф.	144
Худков С. Н.	144
Цветаева М. И.	144
Цейтлин М. Э.	147
Цыпловские М. А., Т. Г.	147
Чернов Ф. И.	147
Чернышевский Н. Г.	148
Черняк Я. Э.	148
Чертков В. Г.	148
Чехов М. А.	149
Чижевский Д. Ф.	149
Чужак Н. Ф.	149
Чуковский К. И.	149
Чулков Г. И.	149
Шадрин И. Г.	150
Шаламов В. Т.	150
Шалапин Ф. И.	152
Шапорин Ю. А.	152

Что именно было засекречено (а практически все исключая печатавшееся в подцензурных советских изданиях), можно посмотреть в статье в основном томе.

Кому интересно, могут посмотреть также, фонды каких учреждений и персон засекречивала в Центральном архиве литературы и искусства советская политическая полиция (Geheime Staatspolizei), их многие сотни.

После рассекречивания архива Шаламова госбезопасностью он был закрыт правообладательницей Ириной Сиротинской, тщательно оберегавшей свою монополию на этот ценный природный ресурс. Закрыт совершенно официально. Вот цитата из аннотации недавнего проекта «Аутентичная электронная публикация рукописей В.Т. Шаламова», руководитель С. Небольсин:

«Рукописное наследие В.Т. Шаламова представляет собой уникальный источник по истории русской литературы XX века. Черновые автографы, планы и наброски произведений предоставляют исследователям возможность восстановить процесс создания художественного текста и проанализировать психологию творчества (почерк, графические, синтаксические и орфографические особенности записей, вычеркнутые и измененные фрагменты). К сожалению, находящееся в Российском государственном архиве литературы и искусства богатейшее собрание рукописных материалов В.Т. Шаламова закрыто для исследования по

воле наследников писателя. В 2010 г. между РГАЛИ, коллективом сайта shalamov.ru и наследницей В.Т. Шаламова И.П. Сиротинской достигнуто соглашение о создании цифрового архива писателя и размещения текстов и электронных копий рукописей на Интернет-портале «Варлам Шаламов: жизнь, творчество, эпоха» (www.shalamov.ru) и сайте РГАЛИ (www.rgali.ru)».

Из сборника «АННОТАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТОВ И ПРОЕКТОВ СОЗДАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ КОНКУРСОВ 2011 ГОДА» <http://www.rfh.ru/downloads/Board/032011/Anno2011.pdf>, Российский гуманитарный научный фонд. Выделено мной – сост.

Непонятно, правда, на каком основании Сиротинская хозяйски ограничивала доступ к архиву на протяжении двух с половиной лет, с 88-го по 90-й, когда он был уже рассекречен, а ее права обладателя (которые к тому же ставятся под вопрос, см. выше) еще не были нотариально подтверждены*. Непонятно также, почему мы должны быть ей благодарны, как этого навязчиво требует группирующееся вокруг Есипова и сайта shalamov.ru советское шаламоведение, за публикацию той части архива, которую она успела обработать и обнародовать, – при беспрепятственном доступе к нему исследователей с конца восьмидесятых годов архив был бы обработан и введен в научный оборот (подчеркиваю, в научный, потому что изданные Сиротинской дневники, письма и прочие бумаги Шаламова ничего общего с научным изданием не имеют) значительно раньше. Роль Сиротинской во всем этом деле заслуживает скорее негативной оценки, чем положительной. Она задержала настоящее изучение и публикацию шаламовского наследия на два с лишним десятилетия и создала вокруг него атмосферу, до сих пор эффективно препятствующую свободному научному поиску.

* Со стопроцентной уверенностью можно сказать, что к лету 1988 года, т.е. ко времени публикации в июньском номере «Нового мира» большой подборки «Колымских рассказов», архив Шаламова был рассекречен и переведен из «специального» в общий фонд. Ниже цитата из монографии Марины Константиновой «Перемены в русском литературном поле во время и после перестройки (1985 – 1995)», Amsterdam: Pegasus, 2011, электронная версия на сайте Амстердамского университета <http://dare.uva.nl/document/2/68734>.

«В «Записке Идеологического отдела ЦК с согласием секретарей ЦК КПСС о пересмотре списков общих и специальных фондов библиотек и книготорговой сети» (с пометой «секретно») от 31 декабря 1988 года сообщалось:

За период с марта 1987 года по октябрь 1988 года возвращено в общие фонды библиотек 7930 изданий, оставлено в спецфондах 462 издания явно анти-советского характера, содержащие клевету на В.И. Ленина, КПСС, Советское государство и советский народ, белогвардейские, сионистские, националистические издания.

(Цитируется по ИСПЦ, М., 1997, с.223)».

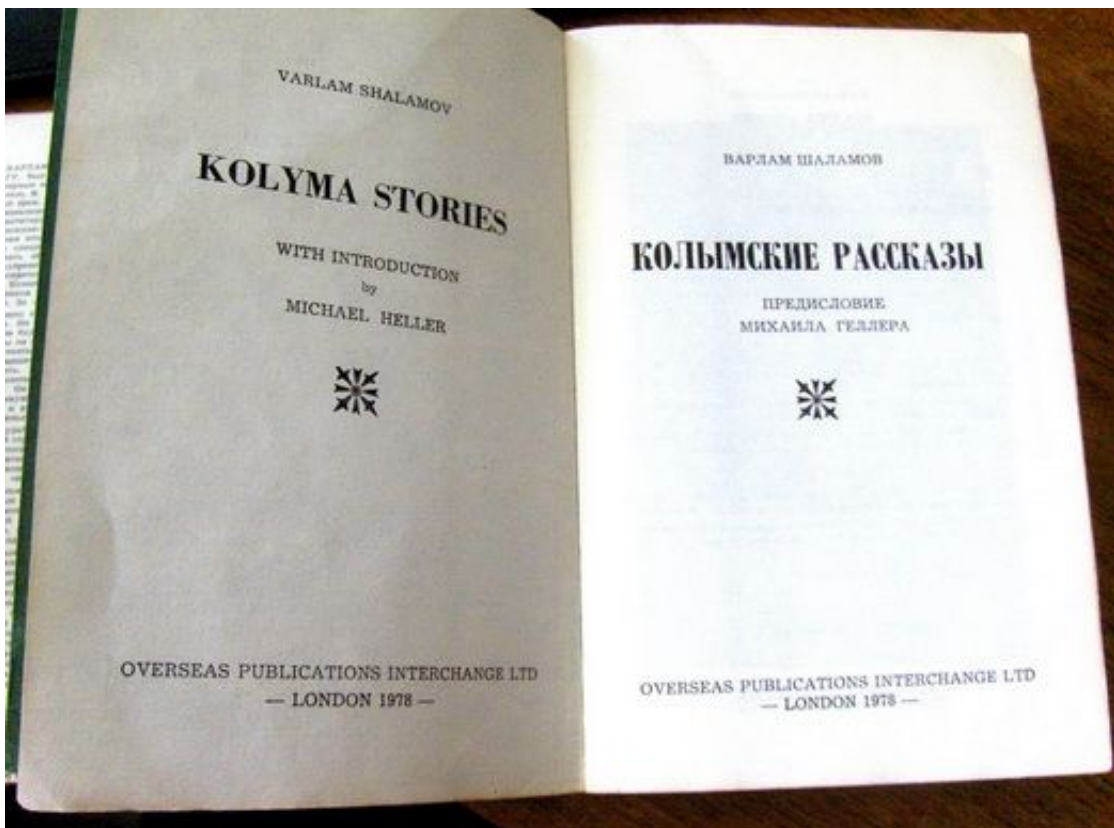
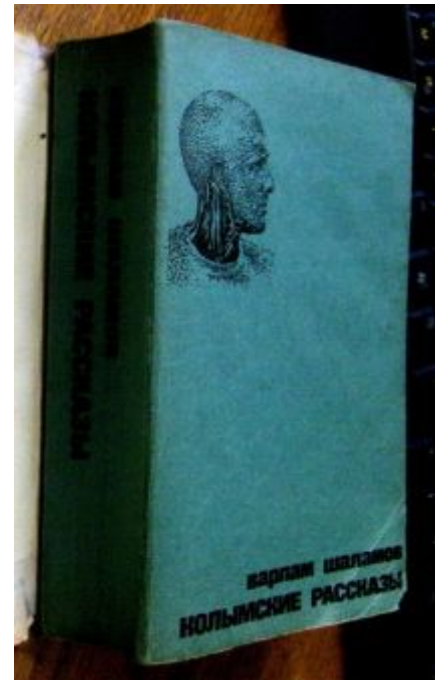
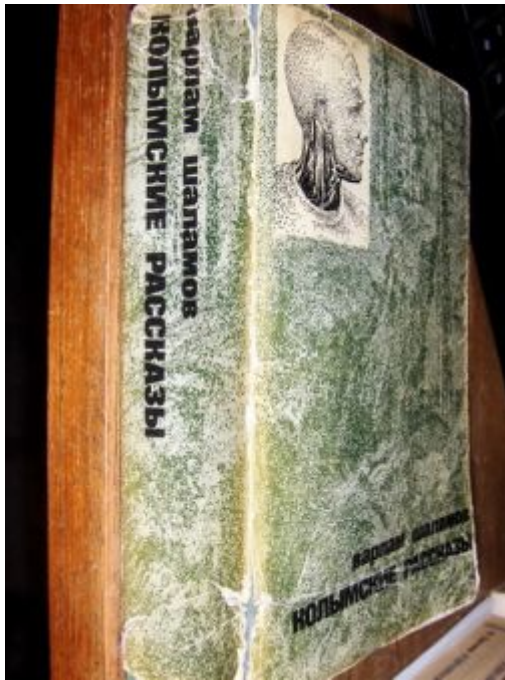

«Не увидел изданными»

В аннотации к книге «Воскрешение лиственницы» (сборник избранного из четырех циклов КР), М. «Художественная литература», 1989, в частности, сказано:

«Варлам Тихонович Шаламов (1907-1982) не увидел изданными свои колымские рассказы».

Никто этого вранья, предваряющего первое знакомство советского читателя с Шаламовым, не замечал и не опровергал. На самом деле – не только видел, но и держал в руках и даже на своей книжной полке. Однако составитель и публикатор (тогда еще не правообладатель) Сиротинская и издательство «Художественная литература» могли не опасаться, что их поймут на лжи – ложью больше, ложью меньше, кого это заботит, когда речь идет о Шаламове. И так до сих пор.

Загадочная контора под названием «Фонд Шаламова»

Оказывается, в течение пятнадцати лет (1996-2010) существовал «Фонд Шаламова» <http://www.creditnet.ru/info/?id=3650100>, Президентом которого была Ирина Сиротинская, а генеральным директором – ее сын Александр Леонидович Ригосик <http://www.fisinter.ru/~club6/persona/ind.htm?nmp=418>, руководитель Управления производственно-технологической комплектации СТРОЙТЕХНИКА. В мае 2010 года ликвидирован. Честно говоря, впервые о нем слышу. Что он финансировал? Единственное упоминание о нем («новинки «Фонда Шаламова») – в сообщении департамента культуры Вологодской области за 2008 год о проведении «Вечера памяти В. Т. Шаламова» <http://depcult.cultinfo.ru/index.php?id=229>. В чем тогда заключалась его роль на протяжении пятнадцати лет? Вопрос, по-видимому, к специалистам по налоговому законодательству.

Есть еще один фонд, который называется «Фонд сохранения, изучения и популяризации творческого наследия Варлама Шаламова» <http://iskalko.ru/1037739382570>, но это, оказывается, тот же самый «Фонд Шаламова» под другим именем. О нем Гуглу ничего, кроме адреса, неизвестно. Чудны дела твои, Господи.

Шаламовская послелагерная Москва: события, среда, быт

Ольга Неклюдова

Ольга Неклюдова, вторая жена (1956-66) Шаламова, советская детская писательница.

Ольга Неклюдова, середина 30-х годов

Неклюдова с сыном Сергеем, 1953

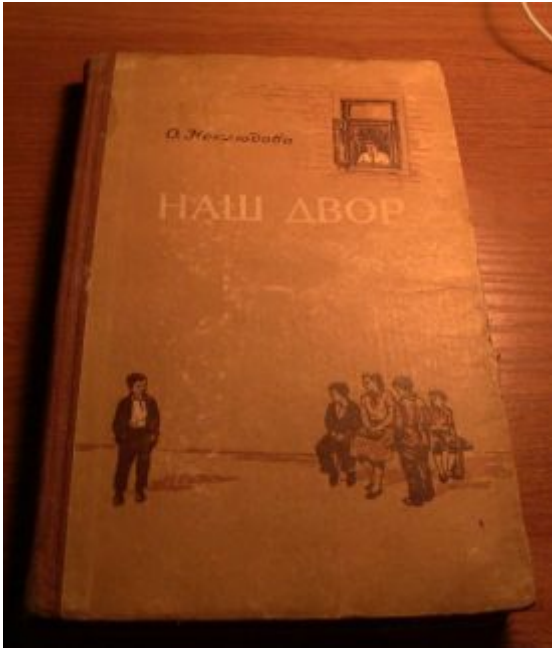

Неклюдова во второй половине шестидесятых

Фотографии взяты из книги Лидии Анискович «Варлам Шаламов. Нельзя уйти от самих себя».

Книги Ольги Неклюдовой

«Наш двор», 1955

«Повесть о школьном годе», 1953

«Питомцы музыки», 1969

«Последняя командировка», 1985

Это только половина, если не меньше, изданных книг Неклюдовой.

Рецензия Льва Левицкого на сборник стихов Шаламова «Огниво», 1961

Шаламов В.

Огниво. Стихи. – М.

«Конечно, горько, когда поэту уже за пятьдесят, а выходит только первая книга его стихов. Горько, что почти двадцать лет Варлам Тихонович Шаламов был насильственно оторван от литературной работы. Но настоящий поэт, какие бы тяготы ни выпадали на его долю, всегда остается самим собой. Его не оторвешь от поэзии, потому что поэзия для него – естественная внутренняя потребность. Подтверждение тому книга стихов Варлама Шаламова.

Эта книга вобрала в себя многолетний опыт ее автора. И хотя в нее, надо думать, вошло не все, что написано им, эта книга дает достаточно определенное представление о поэте – человеке вдумчивом, неторопливом, сосредоточенном. Он, этот человек, знает, почем фунт лиха, и не бросает слов на ветер. Он умеет не только глядеть, но и вглядываться. И потому-то он видит то, что не бросается в глаза. Он видит, что север Сибири (этому краю посвящены многие его стихи) не только пугает человека суровой и неласковой своей природой, но и дает ему возможность помериться силами с этой природой – и выходить победителем из этой борьбы».

Л. Левицкий. «Новый мир», №11

Лев Левицкий – критик, редакционный работник.

Электронная версия – на сайте Русский журнал
<http://old.russ.ru/krug/vek/20010731.html#4>

Александр Солженицын о «невидимке» Наталье Столяровой

От составителя.

Диссидентка Наталья Столярова, подруга Натальи Кинд, была тесно связана и с Шаламовым, и с Солженицыным. Шаламов посвятил ей стихотворение и – неявно – повесть «Золотая медаль» и рассказ «У Флора и Лавра». Рукописи обоих писателей она переправляла на Запад. О самой же ней известно меньше, чем следовало бы. Ниже часть солженицынского очерка под названием «Наталья Ивановна Столярова» из Пятого Дополнения («Невидимки») к автобиографической книге «Бодался теленок с дубом». В этой серии очерков Солженицын рассказывает о своих советских помощниках и связных, людях, которые, как сказано в журнальном анонсе, «были рядом с автором в его писательском подпольи».

Очерк был опубликован в парижском эмигрантском журнале «Вестник РХД», № 160 (3), 1990. В полном объеме его можно прочесть здесь https://dl.dropboxusercontent.com/u/9178411/Solgen_o_Stoliayrovoy.pdf, PDF, 0,7 МБ. Взято со страницы журнала <http://www.rp-net.ru/book/vestnik/index.php> на сайте Дома русского зарубежья. Примечания в квадратных скобках мои.

...Сестра ее Катя, оставшаяся во Франции, говорит: Наташа очень повторяла мать [террористку из эсеровской Боевой Организации Наталью Климову] – яркостью характера, благородством всеобъемных намерений, высокими движениями души и вместе – взбросчивостью к действию, дерзостью в совершении его. Так и свой замысел – вернуться на родину, она провела неуклонно, при трезвых отговорах и справедливых огорчениях парижского эмигрантского круга: когда не ехал никто, когда это было безумием явным – в декабре 1934, сразу после убийства Кирова! (И – никогда не пожалела, даже в лагерной пропасти, а тем более теперь, уже и свои руки приложив к возрождению духа страны. Если б, как она, миллионы теснились бы так – в огонь и в опасность, может текла бы наша история побыстрее.)

Отец Наташи уже был и сослан под Бухару в эсеровской куче, и вытащен оттуда Е. П. Пешковой (она и сама была эсерка в прошлом), теперь встретил дочь, – а на расстрел арестован уже после ареста дочери. Наташе дали все-таки два года

если не России, то советской воли, арестовали в 1937 (добровольное возвращение в Союз? конечно шпионка; ну, не шпионка, так контрреволюционная деятельность). В первой же лубянской камере она встретила... товарку своей матери по побегу из Новинской тюрьмы! прошла жестокий общий путь (и он – не соскользнул с ее души, не забылся, горел) – и особенно жестко достался ей слишком «ранний» возврат на волю, в 1946, когда еще никто не возвращался, еще это было непривычно слишком, не готова была советская воля принимать отсидевших зэков. После многих злключений она в 1953 сумела (и то – ходатайством Эренбурга и других влиятельных лиц) получить право поднадзорного житья в родной Рязани, откуда мать так легко ушла на революцию. Преподавала здесь французский. Годы ушли у нее и на бурную личную жизнь и, наверно, сама она еще не подозревала, что прикоснется ко взрывным действиям против советского режима.

Потом облегчалось время – разгибалась и Наталья Ивановна. В 1956 переехала в Москву; дочь Эренбурга (с которой Н. И. училась в одной школе в Париже) уговорила отца взять Н. И. секретарем. К нему как к знаменитости лились письма с просьбами, шли просители, и многие из них были бывшие зэки – так Н. И. пришлось очень к месту. (У Эренбурга и дослужила она до его смерти.)

В Рязани же бывший климовский сквер [парк, до сих пор называемый «Наташиным» в честь Климовой, о чем мало кто знает; здесь стоял небольшой бюст Климовой, который потом убрали], в угрожаемой близости от обкома партии, горожанами теперь избегаемый и обкому ненужный, я застал безымянным, никакого следа никакой Климовой. Я узнал всю историю от самой Н. И., когда она объявила мне о нашем двойном землячестве: по Архипелагу и по Рязани.

Это сделала она весной 1962, схитрив (и невинная хитрость, и решительность – все ее): передала мне через Копелева, что нечто важное должна мне сообщить (а просто – хотела познакомиться; он объяснил мне, что – бывшая зэчка). То было время таинственных движений рукописи «Денисовича», уже известно было, что в числе других, имеющих вес, читал Эренбург. (Никому только не известно, как он мог прочесть из первых, когда Твардовский меньше всего с ним собирался делиться. Все придумала Н. И. Прослышав о повести, она пошла в редакцию «Нового мира» и у Закса просила рукопись от имени Эренбурга. Закс поворчал, но такому имени отказать не решился. Посмотрела – а на первой странице новомирцами написанное: «А. Рязанский» – и ахнула. Тотчас отправилась к другу-фотографу – Вадиму Афанасьеву («Кожаная куртка», муж ее двоюродной сестры, он и для нас потом иногда работал, помогал). И лишь затем отнесла Эренбургу. – Бедный А. Т. не оценивал современных технических средств. И так запорхало по

самиздату, к его недоумению и тревоге, к моей глупой тогда радости, на самом же деле – губительно-опасно для судьбы повести.) Теперь сообщение Н. И., очевидно, с какими-то новостями о движении рукописи, о мнении важных лиц? – и я довольно нехотя позвонил ей по эренбургскому телефону, как она предложила. Наталья Ивановна тут же настойчиво пригласила меня в квартиру Эренбурга. (Ничего не сказано было прямо, но из ее оживления и настояния так можно было заключить, что ее патрон сидит там рядом и изнывает.) [Согласно справке-ориентировке госбезопасности, познакомилась она с Солженицыным в доме Шаламова].

Я пришел. Эренбург (которому повесть, кстати, сильно не понравилась) оказался ни при чем и за границей, но сидели мы в его кабинете. Н. И. сплетала какие-то новости, однако их явно не набиралось, чтоб оправдать мой визит. (А она, наверно, искала, как подбодрить автора?) На кого б другого я б рассердился тут, но на старую зэчку с сохраненным живым чувством нашего племени и памятью наших островов не мог. Да и она звала меня не просто подивоваться, но и – проверить, убедиться, насколько устойчиво во мне мое направление, насколько готов я к ближайшим для меня испытаниям, не отманят ли меня в сторону, не засиропят ли. Разговор наш сразу обминул литературные темы, стал по-зэчески прост, и я невольно переступил границы осторожности, обязательные для советского, а тем более литературного, передатчивого мира; коснулись восстаний в каторжных лагерях, услышал от нее: «Так об этом же всё написать надо!» – не смолчал, не плечами пожал, но приоткрыл: «Уже написано!» И в ответ увидел – вспышку радости. Уже на пороге, вполголоса от эренбургских домашних, напутствовала: не ослабнуть, не свихнуться на предстоящей славе. «Не бойтесь! – заверил я спокойно, – не свихнусь!» (Потом говорила: «Именно отсюда и пошла моя к вам преданность. Да с каким предчувствием? – выйду из квартиры, спущусь на марш – вдруг сильно тянет назад. Что забыла? вернусь – и ваш телефонный звонок. И так – несколько раз.») Уж это-то я знал твердо, что славой меня не возьмут, на стену советской литературы всходил напряженной ногой, как с тяжелыми носилками раствора, не пролить. А вот сегодня – не пролил? не сказал лишнего? Говорило сердце, что – нет, что наша. Так и оказалось.

С установившимся между нами сочувствием виделись мы мельком раза два, существенного не добавилось, но доверие у меня к ней укрепилось. Странные у нее были сочетания: самых путаных представлений о мировых событиях – и неколебимого отвращения к нашему режиму; крайней женской беспорядочности, нелогичности, в речи, в поступках, – и вдруг стальной прямоты и верности, когда касалось главного Дела, четкого соображения, безошибочно дерзких решений

(это я потом, с годами, все больше рассматривал). Превосходного воспитания, чуткотактичная, ненавязчивая, легкая – и надменно твердая перед ГБ (годами позже достались ей опять допросы, на Лубянке, только не нашу главную линию уследили).

Вдруг как-то через годок Н. И. со своими друзьями приехала в свою старую Рязань, заглянули ко мне. И почему-то в этот мимолетный миг, еще не побуждаемый никакой неотложностью (еще Хрущев был у власти, еще какая-то дряхлая защита у меня, а все ж не миновать когда-то передавать микрофильмы на Запад), – я толчком так почувствовал, отвел Н. И. в сторону и спросил: не возьмется ли она когда-нибудь такую штуку осуществить? И ничуть не поколеблись, не задумавшись, с бестрепетной своей легкостью, сразу ответила: да! только – чтоб не знал никто.

Первородное наше доверие сразу сделало скачок вперед.

Капсула пленки у меня была уже готова к отправке – да не было срочности; и пути не было, попытки не удавались. Но когда в октябре 1964 свергли Хрущева! – меня припекло: положение привиделось мне крайне опасным: острые зубы врага должны были быстро, могли и внезапно, лечь на мое горло. (Предусмотрительно приписывал я режиму его прежнюю революционную динамику, как рассчитывался он со многими до меня. Оказалось: динамика настолько потеряна, что для этого прыжка еще понадобится: до первого обыска – 11 месяцев, до первого решительного удара – 9 лет.) Известие застало меня в Рязани. На другой день я уже был у Н. И. в Москве и спрашивал: можно ли? когда?..

Отличали всегда Наталью Ивановну – быстрота решений и счастливая рука. Неоспоримое легкое счастье сопутствовало многим ее, даже легкомысленным, начинаниям, какие я тоже наблюдал. (А может быть – не легкое счастье, а какая-то непобедимость в поведении, когда она решалась?) Так и тут, сразу подвернулся и случай: сын Леонида Андреева [тоже шаламовский знакомый, швейцарский «старосветский помещик»], живущий в Женеве, где и сестра Н. И., они знакомы, как раз гостил в Москве.

Н. И. сощурилась и решила: попросит Вадима Леонидовича, уверена – не откажет!

Она назначила мне приехать в Москву снова, к концу октября. К этому дню уже поговорила с Вадимом Леонидовичем. И вечером у себя в комнатухе, в коммунальной квартире, в Мало-Демидовском переулке, дала нам встретиться. В. Л. оказался джентльмен старинной складки, сдержанный, чуть суховатый, отменно благородный человек, – и, собственно, это благородство уже и закрывало ему возможность выбора, возможность отказать в такой просьбе – для русской

литературы да и для советских лагерей, где и его родной брат Даниил [Даниил Андреев, автор «Розы мира»] долго сидел. (Уверяла меня потом Наталья Ивановна, что В. Л. считал такое предложение для себя и честью.) И жена Ольга Викторовна, падчерица эсеровского лидера Чернова, была тут же, весьма приятная сочувственная женщина, одобрявшая решение мужа и разделявшая все последствия. И вот они, формально такие же советские кролики, как мы, не защищенные не только дипломатическим иммунитетом, но даже иностранным гражданством (паспорта у них были советские, в послевоенном патриотическом энтузиазме части русской эмиграции В. Л. перешел в советское гражданство, отчасти чтобы чаще и легче ездить на родину), – они брались увозить взрывную капсулу – всё, написанное мною за 18 лет, от первых непримиримых лагерных стихотворений до «Круга»! Да не знали, не вникли они, что именно там есть, но достаточно вникли, что – взрывчатое. И – везли, такое решение уже состоялось прежде нашей встречи.

Этот вечер тогда казался мне величайшим моментом всей жизни! Что грезились еще в ссылке, что мнилось прыжком смертным и в жизни единственным – вот совершилось обыденно тихо, в вежливом негероическом разговоре. Я смотрел на супругов стариков как на чудо. О самой операции почти даже не говорили. Вынул я из кармана тяжелую набитую алюминиевую капсулу, чуть побольше пинг-понгового мяча, – приоткрыл, показал им скрутки – положил на чайный столик, у печенья, у варенья. И Вадим Леонидович переложил в свой карман. Говорили же – о синтаксисе, о месте прилагательного относительно своего существительного, о жанрах, о книге «Детство» самого В. Л., вышедшей в СССР и которую я читал. А Наталья Ивановна подбила меня рассказать о самом поразительном, что я в себе носил, – о лагерных восстаниях. Старики-женевцы слушали, изумленные.

И неужели вот так просто сбывается – вся полная мечта моей жизни? И я останусь теперь – со свободными руками, осмелевший, независимый? Уже такой остроты, такой опасности – никогда не повторится! Вся остальная жизнь будет уже легче, как бы с горки.

И дар такой принесла мне Наталья Ивановна! – Ева, как я стал ее вскоре зашифрованно называть. Случайность и даже лукавство было в нашей первой ненужной встрече у Эренбурга. А через такие неузнаваемые случайности врезалась лучами неизбежность: получить помощь от зэческого континента, и от осколков разметанной эмиграции, и от Рязани, – от России.

31 октября 1964 года, через 2 недели после воцарения Коллективного Руководства, моя маленькая бомба пересекла границу СССР в московском аэропорту.

Она просто лежала в боковом кармане пиджака В. Л., он не знал никаких приемов, – а таможенник, по паспорту, поинтересовался: вы не сын писателя? И дальше пошел разговор о писателе, досмотра серьезного не было. Капсула прошла как бы под сенью Леонида Андреева. (Казалось тогда – благоприятной.) Ева провожала друзей, и те еще успели дать ей понять об успехе – переговариваясь с одной воздушной галереи на другую.

Когда через год провалился мой архив у Теуша, и следа уже не было прежней легкости от отправки, но вся жизнь, казалось, была погребена под навалом черных скал, я мрел на даче Чуковского, – вдруг к ужину как ангел светлый (но в темном поблескивающем платье) приехала к Корнею Ивановичу по какому-то делу – Ева! – да только что из Парижа, еще овеванная тамошней легкостью, еще не адаптированная снова к нашей собачьей хватке. Она не ожидала меня здесь, я не ожидал ее! Ее приезд был просто сверхчудом (опасаясь дать след, я не мог бы ни позвонить ей, ни приехать, а так нужна была живая ниточка – туда, в свободный мир!). Мы сделали вид, что незнакомы, и Корней Иваныч снова знакомил нас. За ужином Ева слушала, слушала о нагроможденьи здешних преследований и вырвалось у нее: «Да, в этой стране не соскучишься!». Это – сразу после Парижа (где могла она остаться навсегда), – но вот удивительно: опять без нотки сожаления и о своем нынешнем возврате! Потом надумал К. И. провожать ее на станцию, а мне-то надо было говорить с ней в этой вечерней тьме, секретно; – еле убедил я с полдороги К. И. и Люшу [Елена Чуковская] вернуться. А мы с Евой брели дальше на станцию, какой-то счастливый дождь на нас лил, и мы говорили и уговаривались как всегда сбивчиво, с ней не сбивчиво нельзя, – и ощущение было просто небесной поддержки, такой всегда легкой, улыбочивой, бескорыстной.

Ева стала для меня – вторым воздухом. Только через нее моя подземная работа вдруг освещалась лучиком оттуда – как движутся там наши дела, перевод «Круга» на английский. Довольно было ей дать мне знать, выразить намерение, – мы встречались тотчас. И во всякий приезд в Москву я старался увидеть ее. Где только не вели мы с ней наших переговоров: то, встретясь будто бы случайно в книжном магазине в доме Эренбурга, бродили по проходным дворам и скверикам центра (так открыла она мне бахрушинский двор, где, не ведал я, с 70-го года будет жить моя будущая семья и откуда возьмут меня на высылку); то – бульварами; то – во дворе Петровского монастыря; то – приезжала она ко мне на дачу в Рождество, и мы отсаживались ото всех или уходили в лес, разговаривать привольнее. Необходимость стольких встреч, договоров, пере-уговоров и пере-пере-уговоров не столько диктовалась самим делом, сколько объяснялась свойствами

нашей (она уже и с Люшей была закорочена) подруги: в живом разбросчивом разговоре, сама же нарушая его систему, она постоянно упускала что-то важное, потом тревожно звонила, что надо встретиться, – и выясняла (и то не окончательно) это упущенное. Я постоянно упрекал ее (а она – меня) в неосторожности, в опрометчивости, но вот поразительно: она путала во второстепенностях, а как наступало решительное – действовала четко, смело, куда все промахи? В самые опасные моменты ее охватывало не только бесстрашие, но и крайняя «натуральность» поведения, – вероятно, как и у матери ее. (А как Ева читала готовый «Архипелаг»! – вот это ее стиль: потащила все три тома машинописи на свою службу – на квартиру Эренбурга. А он как раз в эти дни – да умер. Тут начнется – опись, комиссия? Кинулась уносить, жена Эренбурга задерживает: «Что выносите?» Вскипела: «Да неужели вы меня за столько лет не знаете, можете подозревать?!» Унесла.)

Напряженный темп дела очень гнал меня всегда, не хватало времени просто с ней поболтать или полюбоваться. Но эманациями ото всех, от многих встреч соединялось: какое прирожденное неусыпное благородство в ней (не допустить движенья на низшем уровне), как она пронизана щедростью, как соединяются в ней – гордость, и ненавязчивость, и совершенная дружеская простота. Только «под потолками» не разговоришься (квартиру Евы, теперь в Даевом переулке, я считал весьма ненадежной, Ева свободно встречалась со всякими иностранцами и перезванивалась часто – а в этом-то и была ее дерзкая тактика открытости: иностранцы и французские дипломаты знали ее, и это укрепляло ее против властей).

Много раз я сталкивался с Евой в шутку, а то и серьезно, в оценке Запада. Высказывался я о Западе, по ее мнению, слишком хорошо – она разуверяла меня, бранила Запад, еще и сегодня с тою страстью, которая когда-то швырнула ее покинуть европейское благополучие и добровольно ехать на муки в Россию. Другой раз я почему-нибудь был раздражен на Запад, высказывался слишком резко, – почти с той же горячностью и даже крайностями она кидалась его защищать. И всякий раз главный ее тезис был: что я совсем не понимаю Запада и никогда его не пойму. Ева, правда, не отличалась стройностью политических взглядов. Она уехала из Франции уже 30, потом и 40 лет назад, хотя бывала наездами, и в самой Москве вот встречалась теперь со множеством иностранцев, уверена была, что сохраняет живое чувство Европы. Я – не был там никогда, но, ежедневно слушая несколько западных передач, не мог не составить тоскливого представления, что Запад падает волею, духом, сознанием – перед большевизмом. Она высмеивала мои выводы, не допуская столь разительного изменения Европы.

Легкость руки Натальи Ивановны!.. В мае 1967, разослав 250 экземпляров «письма съезду писателей», я отсиживался в Переделкине у Чуковского. Вот 11 дней прошло от письма, уже и съезд кончился, а – нигде на Западе не напечатали, не объявили. Откуда ни возьмись – Ева, на другой даче в гостях, но позвонила и мне, вызвала погулять. И похожего плана у меня не было, во мгновение у нее родилось: «А у вас есть лишний экземпляр? Давайте, отправлю сегодня!» (Она не без этой мысли и привезла в Переделкино французского искусствоведа Мориса Жардо, а у него хорошие связи с «Монд», и она взяла с него обещание.) И через три дня письмо появилось в «Монд», загромыхало – и кампания была выиграна! – Произошел ли казус с телеграммой «Граней», надо было срочно понять, кто такой Виктор Луи, – являлась та же Ева, *deus ex machina*, и разъясняла: знала его по Карлагу, московский мальчик, предлагавший иностранцам обмен валюты, сомнительное поведение в лагере.

При самом начале не зря попросила Ева: только, чтоб никто не знал. Она определенно и именно имела в виду мою тогдашнюю жену Решетовскую. (Ева видела эту опасность несравненно раньше меня.) Однако веселые, дружеские, простецкие наши отношения с Евой не могли скрыться от жены. К тому ж наши непрекращаемые, никогда до конца не разъясненные дела все влекли нас пошептаться, отделиться, даже когда Ева приезжала просто к нам домой. Этого всего нельзя было ни достичь, ни объяснить иначе, как сказав жене, что мы занимаемся делами слишком серьезными, теми, то есть – заграничными. И Ева как будто это понимала. Но осенью 1965, когда уже разворачивалось следствие над Синявским, – Ева на скрытой встрече спросила меня: «Но ваша жена ничего не знает?». Да прямо, из моих уст, она не знала ничего, но имела глаза, но – видела. (Можно бы уверенно сказать, что только об участии Андреевых она не знает ничего, но и то: два года спустя у «Царевны» [Натальи Кинд] на квартире при семи-восьми собравшихся, среди них и моя жена, была такая встреча: привезенная Евою молодая Ольга Андреева-Карляйль из Соединенных Штатов вышла со мной шептаться на балкон.)

Над Евой уже тогда нависла тень опасности и, мрачна, черна, висит по сегодня. Предчувствие не обмануло ее за много лет вперед: в 1973 на Казанском вокзале Н. Решетовская прямо угрожала о Еве, назвала её, и только её одну, как пример, кому КГБ будет мстить за напечатанье «Архипелага». (Именно эта угроза и понудила меня высказаться открыто летом 1974 в интервью CBS.)

Правда, уже два года скоро с того. Перевисевшие тучи не дают грозы. Храни Бог!

...Шло через Еву и дальнейшее развитие с посланной пленкой «Круга». Она устраивала мои свидания то со стариками Андреевыми (те иногда приезжали в отпуск в СССР), то с Ольгой Карляйль, их дочерью, то с Сашей, их сыном [оба последние – знакомые Шаламова].

В первых числах июня 1968 мы в Рождестве допечатавали «Архипелаг», в Париже бурлили революционные студенты, восхищенный их подвигами Саша (Александр Вадимович) Андреев приехал на недельную командировку в Москву с группой ЮНЕСКО. Весело звонил он Еве, что везет ей подарки, вот расскажет о славных студенческих волнениях, которым москвичи так обывательски не сочувствуют («чего бесятся? пожилы б у нас, узнали!», – а у нее враз составилось, лишая покоя и сна: не судьба ли? не послать ли сейчас с Сашею «Архипелаг» на Запад?

Об этих нескольких грозных днях она тогда же написала короткие заметки, потом сожгла их; в 1974, уже после моей высылки, снова написала, Аля вывезла их, теперь я использую. И вот: и до и после этого Ева много рисковала с моими делами, но по запискам так рисуется, что всех прочих опасностей она не ощутила в меру, была ли внутренне беспечна? Нет, это манера у нее такая беспечная, внешняя. Но «Архипелаг» занимал для нее размеры выше всех наших судеб, размеры самой России. Эта операция далась ей десятидневным сверхнапряжением, не забываемым и сегодня.

Сперва: не дать же «Архипелагу» пропасть. Остаться ему вечно здесь – погибнуть. Но в сашиних руках попасть на таможне – еще большая гибель и книге, и автору, и всем, – сколько имен в «Архипелаге» названо, еще живых! – и ему самому. И опять – Андреев, допустимо ли его просить? И – согласится ли? Зато – руки чистые: не корыстные люди, с русским подлинным чувством, не используют дара во вред. Упустить этот случай – а когда представится сходный потом?.. Ева уже загорелась и остановиться ей было трудно. Приехала в Рождество, вызвала меня в лес. Из заметок видно, как трудно ей решение давалось, еще и не далось вполне, – мне же, помню, говорила с такой убежденностью (всегда победоносная!), что быстро поборол мои сомнения. И правда, такое стечение: в самый день окончания «Архипелага» (и с запасом дней на пересъемку пленки), – и в чистые руки! Как отличить свободу нашего решения от Божьего начертания? Решили, без юноши: да! Впрочем, вспоминает Ева, я сказал ей: «Действуйте, только если будет 99% на успех, не иначе». В операции этот процент был, пожалуй, сильно не достигнут.

Саша принял вопрос обреченно-спокойно, он, оказывается, и предчувствовал, что его будут просить. – Тебе не страшно? – Страшно. Но я все-таки русский. –

Через день предложил он такой вариант: киномеханик будет отправлять контейнер с киноматериалами их группы, его и попросить сунуть туда и капсулу с нашей пленкой, сказать: «Это рукописи моего деда. Вывозить их из Союза официально – слишком хлопотно. Помогите». (Второй раз тень Леонида Андреева сопровождала мой рулон.) Но контейнер ехал даже не опломбированный, не охраняемый дипломатическим статутом. В Троицк субботу должна была вся группа улететь в Париж. Механик должен был ехать поездом на Духов день; во вторник Саша надеялся встретить его в Париже и вынуть из контейнера сам.

И, пожалуй, все прошло бы спокойно, если бы в четверг вечером не возникло впечатление, что за Сашей следят. Мы приняли слежку как несомненность, и задало это нам лихорадки на пять дней. Сперва – самой Еве: продолжать ли операцию или покинуть? Кто не жил в конспирации, даже не вообразит этого отягощенного изматывающего состояния, когда, может быть просматриваемый, прослушиваемый, в недостатке времени, при невозможности советоваться, иногда в изнеможении от подступающего провала, ты не можешь освободить свою волю от ответственности и должен принять решение, от которого зависят будут и многие дорогие тебе люди – и дело. Решила: «принять бой за родину в этой доступной нам форме, и именно теперь!». После этого Ева дозвонилась до московского родственника Саши, наполнила разговор пустяками и вставила скороговоркой по-французски: «вчера вечером, когда вы возвращались домой, за вами следили». (Уж если вплотную следят – то и эта фраза взята...) Тот (хотя не знал никаких тайн) понял и на ночь увел Сашу ночевать в глухое место. Потом – размышления Евы с Люшей (пришла к ней брать капсулу). Чем больше раскладывали – тем казалось все опаснее. И, не выводом из того, а все своим напором чувства, Ева забрала «бомбу».

На утро субботы под Троицу было у них уговорено так: в Кировском метро на условленном месте Ева встретила Сашу и передала ему – не «бомбу», нет, – пакет игрушек для детей: если заметят и схватят эту передачу, то и – выкусят. Поговорили о вчерашней слежке. Сейчас как будто никого. Условились: во вторник утром, как только вынет капсулу из контейнера, Саша звонит в Женеву евиной сестре Катерине Ивановне [Екатерина Анзи] (раненная в Сопротивлении, она стала инвалидом, и почти всегда дома), и та условную фразу передает по телефону Еве в Москву. А саму «бомбу» сейчас получит Саша не от нее, а на следующей станции, «Дзержинской»... (Все разыграно не хуже, чем у Климовой-матери.) Но когда на «Дзержинской» к Саше подошли сзади и взяли за руку – тот слишком вздрогнул. И передающий изменил решение: побыть с Сашей дольше, сделать поспокойнее. Он вывел его из метро на тихую улицу к своей машине. (И

тут еще происшествие: какое-то такси стояло впритирку с поднятым капотом; тронулись – и тронулось оно вослед... Вослед?.. Не лишние ли подозрения? Отстало.) Не нарочно, так получилось: делали круг перед Большой Лубянской, вокруг «бутылки» Дзержинского – водитель, руки на руле, объяснил Саше, как ему руку протянуть и взять «бомбу» из сумки. Передали «Архипелаг» на Лубянской площади!..

Итак, хорошо ли, худо, дело было сделано, оставалось ждать. Но тут-то и ослабли уязвленные нервы всех: неразряженные угрозы теперь давили тупо. Пленка ушла из наших рук – но никуда не дошла, висела без контроля и в опасности. Люша кинулась за мной в Рождество, я уехал в закрытую квартиру «Гадальки» (очерк 10), всегда для меня готовую, ключ у меня. Ева, чтоб не томиться праздничные дни в городе, уехала за город. А Люша звонила, не зная, Еве, а Гадалька из автомата звонила Люше, и отсутствие Евы пугало нас как уже начавшийся провал. (Теперь видно, что вся операция наша была любительски и шатко построена.) И на солнечном речном берегу солнце было Еве – черным пламенем. Беспомощное бездействие – тяжело.

Воротясь в Москву, Ева нашла путь дозвониться до того сашиного родственника по нейтральному телефону и выяснила, что Саша уехал без задержек. Сперва облегчилось, протянули понедельник.

Но вот уже вторник, середина дня, давно пора быть звонку из Женевы от сестры – а нет его, и нельзя позвонить первой самой: станет невозможен звонок с условным текстом.

Так промучились вторник – и отзыва не было. И похоже было – на разгром: уже читают «Архипелаг» на Лубянке.

Только в среду утром пришло освобождающее известие. (Оказалось: парижская забастовка, полуреволюция – парализовала связь из Парижа, пересеклась враждебно с нашим «Архипелагом»!)

В среду днем, уже не очень скрывая мою укрытую квартиру, друзья приехали освободить меня. Они ликовали.

Но обидно оказалось, что избранные руки, от пары к паре меняясь, смазали всю нашу отправку – и не выручила она нас в грозный момент. Саша Андреев, не имея никакой советской тренировки, вел себя геройски. Вадим Леонидович дрожал над этой книгой, даже закупил набор шрифтов, чтобы быть самому первым издателем «Архипелага» по-русски. А дальше у Карляйлей влипла наша капсула – и многие годы американский текст «Архипелага» не был готов (об этом в другом месте). Стоило нам так торопиться, рисковать и гордиться! – все равно как и

не отправляли. Лежал «Архипелаг» на Западе – и как будто не лежал. Понадобилось делать немецкий перевод, Бетта (очерк 12) попросила у В. Л. копию русского текста от дочери – он перепугался: разгласится (а он же – с советским паспортом), – и пришлось нам всю отправку «Архипелага» из СССР – п о в т о р я т ь , очень тяжело и опасно. А не отправили бы снова, весной 1971, «Архипелаг» на Запад, то к моменту провала в 1973 у нас не было бы немецкого и шведского переводов; а русское издание, недоступное западному читателю, прозвучало бы как одиночный пушечный выстрел в ночи.

В последние годы Ева уже перестала быть единственной нашей связью с Западом [появился канал, предоставленный Солженицыну отцом Александром Менем] (но то и дело что-нибудь перекидывала с изящной легкостью), однако неистощимо находила, в чем еще может быть полезной, на это у нее острый был взгляд. Вела себя Ева до конца по своей привычке и смелости – нисколько не прячась, не прикрывая дружбы с Алей [Наталья Дмитриевна Солженицына] она была тесно дружна, несмотря на разницу в возрастах), открыто звоня и приходя хоть в самые тяжелые осадные моменты.

А после нашей высылки Ева – первая же из подозреваемых (да просто засеченная ГБ, облепленная доносами) – не только не замерла, не затихла в тот год, но с прежней самоуверенной отвагой вела свою свободную жизнь внештатной переводчицы, встречалась с иностранцами, а меж ними – с нашими, и, в месяцы перебоев, смены лиц, высылки корреспондентов, нарушения каналов, – возобновила с новой энергией пересылку нам целых сумок и чемоданчиков из архива. Теперь, весной 1975, это куда пристальней проглядывалось, куда опасней прежнего, и иностранцы робче. А с конца 1974, после выхода «Из-под глыб», открытую почту нам Москва обрубил в оба конца (ни даже открытку ко дню рождения ребенка не пропускает), – так Ева взяла на себя и нашу «левую» связь со всеми друзьями.

С осени 1974 в культурном отделе французского посольства появилось новое лицо – корсиканка Эльфрида Филиппи. Я никогда ее не видел, Ева так описывает: «Красивая, стройная, когда любит – обаятельная, когда не жалуется – ледяная. Мы подружались с первого взгляда, сразу в чем-то синхронны, без слов. Ее быстрая решительность, готовность испытать все страхи, опасение подвести кого-нибудь, живой интерес к России... Пронесла в опасных местах, обезоруживая улыбкой и грацией. Гениально быстра: топтун не успеет рта разинуть – а уже все сделано». Так, хотели пакет для меня разделить на три поездки, она взвесила рукой, сказала:

«Беру все сразу!», очень тем облегчив. (С ней вместе перебрасывала кое-что и Б. Л., – каждой паре помогающих рук спасибо.)

Этот огромный пакет от Евы и через Эльфриду Степан Татищев (см. очерк 13) принес нам в парижскую гостиницу D'Isly на рю Жакоб, на мансарду – и тут произошло совпадение более чем символическое, как умеет ставить только История. Принесший ушел, на диване грудой еще лежала неразобранная посылка от Наташи Климовой-младшей, – а по той же узкой чердачной лесенке через две минуты к нам взошел Аркадий Петрович Столыпин [учредитель «Премии Свободы французского ПЕН-Клуба», присужденной Шаламову в 1981 году] – тот маленький сын Столыпина, едва не убитый во взрыве на Аптекарском острове Наташей Климовой-старшей, – да и пришел ко мне обсудить эскиз моей главы о Петре Столыпине. С этим милым человеком мы сидели дружески, а рядом лежали пакеты, так же дружески присланные от дочери несостоявшейся его убийцы.

Так за две трети столетия повернулась Россия. Дочь с тем же талантом и порывом, как мать, теперь работала и рисковала в противоположную сторону. (Хотя и не свернув далеко с эсеровского стержня мышления: всё проклиная и Столыпина, и видя в советском строе прямое продолжение царского.) Все силы здоровой России вот уже соединились, вот уже действуют заодно.

(ДОБАВЛЕНИЕ 1978 г.)

Осенью 1976 Еву даже выпустили в Швейцарию к сестре. Она никак не могла просить в советском посольстве визу в Штаты: и запрещено менять страну, и ясно будет, что – к нам. Но с нашей помощью (американцы выдали временный вкладыш в паспорт) счастливо приехала к нам в Вермонт, жила у нас весной 1977. Она тяжело переживала, что ею привлеченная Ольга Карляйль – вывихнулась, и книгу враждебную пишет, но и все уверяла, что ерунда. Читала «Невидимок» – и попросила этот 9-й очерк с собой (оставить копию в Париже – и еще взять в Москву, прочесть друзьям-Невидимкам, тогда сжечь).

Объясняя свой переезд в Россию в 1934: «Я – не на муки ехала, что вы, я терпеть их не могу, я ехала на радость. Но перетерпленные муки не притупили моей любви к России, а обострили ее». А сейчас заманная перед ней стояла возможность: остаться на Западе навсегда. Она долго мучилась, долго выбирала. Ее решающее письмо передает, я думаю, лучше, чем мой пересказ.

ДОБАВЛЕНИЕ 1986 г.

Наталья Ивановна и дальше продолжала конспиративные операции, и даже с отчаянностью. С 1975 и по 1984 год на ней держался не только весь наш скрытый почтовый и книжный канал с друзьями в СССР, но и важней: помощь нашего Русского Общественного Фонда в СССР, – и вряд ли без ее смелости и находчивости могли бы мы наладить такую полнокровную артерию. (О работе Фонда когда-нибудь кто-нибудь, я надеюсь, напишет подробней.) ГБ изо всех сил следило за ней – и все никак не поймало.

Н. И. в последние годы болела панкреатитом. В конце августа 1984 она внезапно почувствовала сильные боли, легла в больницу – и через неделю умерла. (Перед смертью успела передать для нас: «Сейчас надо на время замереть!» – видно чувствовала, как грозно сгущалось. Ускользнула из лап – может быть, в последний момент.)

Гебешники в штатском в немалом числе толпились на ее похоронах, высматривая. Из них же несколько пришли описывать квартиру под видом «стажеров нотариуса». Двоюродному брату Н. И. на допросе сказали: «Мы всё о ней знаем, давно ее пасем, и знаем, где лежала у нее каждая вещь».

Хвастают! Знали, да не всё.

Неуловимая! – ушла от них... И с поздним оскалом лязгали о ней в газетах. ...

Александр Солженицын о «невидимке» Наталье Кинд

Из мемуаров Солженицына «Бодался теленок с дубом»:

«...Н. В. Кинд, закодированная мною как Царевна, манерой держаться – такая русская статья, ясный месяц во лбу – чем-то внутренним весьма оправдывала случайную конспиративную кличку. Она была душевно очень богата, с развитым умом, талантливый геолог, доктор наук, с большой душевной устойчивостью, заочно переносила невзгоды. Но разве все эти качества и чувства было время оценить, их излучение принять в нашей борьбе и гонке? Для нас важно было – тверда, верна и квартира ее чистая, живет обособленно от московского кишения. А значит, у нее можно встречи устраивать с иностранцами... От Царевны не было у меня запретных книг, конечно, она была одной из первочитателей машинописного «Августа», еще раньше одна из немногих читала «Архипелаг», пока еще он

не был кончен, помогала нам сделать карту «Архипелага». Последние наши темно-грозные месяцы на родине Царевна нередко бывала у нас с Алей [Наталья Солженицына – прим. составителя], все более становясь родной. Успела прийти и когда повестка прокуратуры уже лежала у нас, и много раз бывала у Али после моей высылки. Нависал, кажется, полный разгром – а я к ней приходил обсуждать сырые главы «Октябрь». Доканчивая подготовку «Из-под глыб» – мои друзья в Союзе, а я на Западе, мы с Шафаревичем обменивались рукописями через нее: они жили рядом. Так Царевна включилась в основной канал. К тому времени, когда эти очерки опубликуются, уже не все соотечественники наши будут понимать, какая решимость требовалась включиться в «канал».

Текст цитаты выложен на сайте Семейные истории <http://www.famhist.ru/famhist/kind/00029a5c.htm>

Согласно книге воспоминаний «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов», в сентябре 1967 года Солженицын встречался у Натальи Кинд с дочерью шаламовских знакомых супругов Вадима и Ольги Андреевых Ольгой Карлайль, через брата которого, Александра Андреева, на следующий год передал на Запад фотокопию «Архипелага ГУЛАГ», а в декабре – с еще одним связным, близким другом Натальи Столяровой французом Степаном Татищевым.

Скульптурный портрет Варлама Шаламова работы Федота Сучкова, гипс, 1966

Экспонировался на выставке «Чего изволите? Художник на госзаказе» в московской «Галерее 9/1» на Таганке весной-летом 2014 года. В анонсе выставки сказано, что работы взяты из музеев и частных коллекций <http://gallery9-1.ru/#vystavka>.

Портрет и его подобие

Тот, кто хочет увидеть, каков на самом деле Шаламов на прижизненном скульптурном портрете работы Федота Сучкова, должен посетить не Вологодский музей писателя, а библиотеку <http://library.sakharov-center.ru/> Сахаровского центра в Москве. Разница та же, что между оригиналом картины и ее репродукцией в журнале «Работница».

Слева: портрет Шаламова работы Сучкова в библиотеке Сахаровского центра (фотография из блога центра). Справа: его копия в экспозиции музея Шаламова в Вологде (фотография с официального сайта администрации города). Крупным планом см. в блоге «Варлам Шаламов и концентрационный мир» <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/373642.html>

«В Сахаровский центр эта скульптура поступила в 2003 году от друга Сучкова, Леонида Новака, как дар вместе с еще несколькими работами Федота Сучкова»*.

«Деревянный Шаламов», блог Сахаровского центра <http://www.sakharov-center.ru/blogs/main/all/derevyanny-shalamov/>

Леонид Новак – историк, журналист, сотрудник общества Мемориал.

*URL: <http://www.sakharov-center.ru/blogs/main/all/derevyanny-shalamov/>

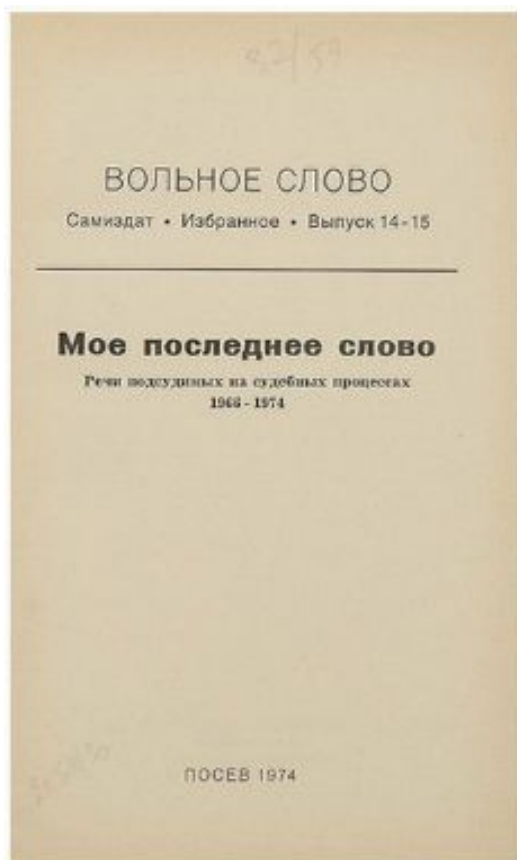
«Письмо старому другу». Александр Гинзбург, из последнего слова на суде, 12.1.1968

В 1968 году Александр Гинзбург был осужден на пять лет за составленную им «Белую книгу» по делу Синявского и Даниэля, куда он с согласия Шаламова включил и его «Письмо старому другу» (см. воспоминания Гинзбурга в основном томе сборника). Суд квалифицировал «Письмо...» как антисоветское, с чем подсудимый не согласился. «Антисоветский» характер материалов сборника автоматически отягощал вину составителя.

Шаламовскому «Письму...» в сборнике предпослана короткая аннотация:
«Но наиболее точно и полно отношение интеллигенции к происшедшему выразилось в сугубо частном письме, автор которого неизвестен.

Письмо это написано, вероятно, еще в феврале, но и сейчас оно не утратило своей правоты и силы.

Оно и заключает книгу».

Из последнего слова на суде (опубликовано в книге «Вольное слово. Самиздат. Избранное. Выпуск 14-15. Мое последнее слово: Речи подсудимых на судебных процессах 1966-1974», изд. «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1974 http://antology.igrunov.ru/authors/ginzb/1_word.html):

«Меня обвиняют в том, что я включил в свой сборник материалы, которые суд считает антисоветскими. Я говорю о листовке, подписанной «Сопrotивление» и о «Письме к старому другу». К сожалению, защитники почти не пытались опровергнуть это мнение обвинения суда. Я вынужден говорить об этом, потому что если суд признает эти документы криминальными, то в дальнейшем они не могут быть никем защищены, как это получилось со статьей Синявского «Что такое социалистический реализм».

Именно поэтому я, как составитель этого сборника, считаю своей обязанностью говорить об этих двух документах. [...]

Теперь о «Письме к старому другу». Я уже говорил, что не знаю, кто его автор, но думаю, что это человек, переживший ужасы сталинских концлагерей. Он пишет: «И ты, и я – мы знаем сталинское время». И об этом времени автор говорит в резкой форме. Но это недостаточное основание для объявления этого документа антисоветским. В речи председателя КГБ Андропова, посвященной 50-летию КГБ говорится «Мы не должны забывать то время, когда к руководству нашими органами пробрались политические авантюристы». К тому же призывает автор «Письма к старому другу». Здесь приводилась и другая цитата из этого письма: «Горький выдвинул людоедский лозунг – если враг не сдастся, его уничтожают». Во-первых, это относится к тому времени, о котором я только что говорил. Во-вторых, критика одного, даже крупного, писателя, не является критикой всей власти. Человек, переживший ужасы этого времени, не может не волноваться, когда ему вдруг кажется, что в теперешней жизни он видит рецидивы прошлого, и тогда выражение этого беспокойства в резкой форме вполне правомерно. Я утверждаю, что в «Письме к старому другу» не содержится клеветы на советский строй и призыва к его свержению, и прошу суд не квалифицировать это произведение как антисоветское».

Подборки стихов и проза Шаламова в журнале «Юность», 1966, 1967, 1968, 1970, 1974, 1980

В дополнение к статье в основном томе о подборках стихов Шаламова в журнале «Юность», 1969, 1971, 1973, 1976 гг.

Шаламов был постоянным автором этого многотиражного молодежного журнала, редактор которого, опытный аппаратчик и верный слуга режима Борис Полевой, не без расположения исполнял по отношению к нему роль «доброго следователя». По словам В. Есипова, в период 1960-80 гг. в журнале было напечатано около восьмидесяти шаламовских стихотворений.

«Юность», №9, 1966

*«Не спеши увеличить запас ...»
«Нынче я пораньше лягу...»
После поездки
Над старыми тетрадями
Баратынский*

Страницы журнала с подборкой стихов Шаламова, pdf-файл

https://dl.dropboxusercontent.com/u/9178411/Shalamov_Unost_1966_9.pdf

Источник http://www.unost.org/downloads/library/1966_09_text.pdf

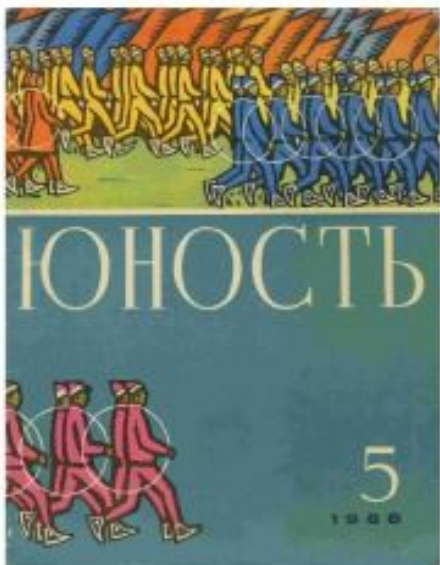

«Юность», №5, 1967

*«Не старость, нет, – все та же юность...»
Инструмент
Наверх
«Больного сердца голос властный...»
Устье ручья
«Не удержал усилием пера...»
«Мне горы златые – плохая опора...»
«Жизнь – от корки и до корки...»*

Интересно, что на одной странице соседствуют стихи Шаламова и Твардовского.

Смотреть сканы страниц, RAR-архив с файлами
https://dl.dropboxusercontent.com/u/9178411/Shal_Unost_1967_05_1.rar

Юность, №5, 1968

«Рассказано людям немного...»
Прощание
Рязанские страдания
«Мне снова жажда вяжет губы...»
Пушкинский вальс для школьников
«Вчера я кончил эту книжку...»
«В воле твоей – остановить...»

Смотреть страницу с подборкой стихов в хорошем качестве в расширении PDF

https://dl.dropboxusercontent.com/u/9178411/Shal_Unost_5_1968.pdf

Номер журнала целиком на сайте «Юности» в расширении pdf
http://www.unost.org/downloads/library/1968_05.pdf

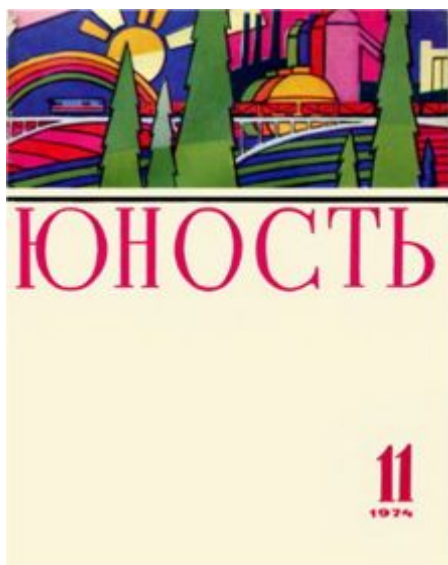

Юность, №7, 1970

«Весь гербарий моей страны...»
У окна
«Оглушительна капель стук...»
«Орудье кружевницы...»,
«Я устаю от суеты...»
«Озерная вода прозрачней, чем глаза...»
«Клен, на забор облокотясь...»
«Избушка крыта финской стружкой...»
«В лесу листок не шелохнется...»

Смотреть сканы страниц, RAR-архив с файлами
https://dl.dropboxusercontent.com/u/9178411/Yunost_1970_07.rar

Электронная версия журнала целиком в расширении pdf
http://www.unost.org/downloads/library/1970_07.pdf
в расширении djvu
https://cloud.mail.ru/public/b25a115b01d6/Yunost_1970_07.djvu

«ЮНОСТЬ», №11, 1974

Блок

«Не суеверием весны...»

«Измерены звездные леты...»

«Выкиньте все гипотезы...»

«Она ко мне приходит в гости...»

Смотреть крупным планом в хорошем качестве сканы страниц (JPG) с подборкой стихов
https://dl.dropboxusercontent.com/u/9178411/Yunost_1974_11_1.jpg содержание номера https://dl.dropboxusercontent.com/u/9178411/Yunost_1974_11_2.jpg

Номер журнала целиком в расширении djvu на файлообменнике Mail.Ru
https://cloud.mail.ru/public/d013039cc909/Yunost_1974_11.djvu

«Юность» категорически не хотела печатать прозу Шаламова, т.е. вообще игнорировала его как прозаика, однако после долгих мытарств ему удалось, наконец (см. переписку с Борисом Полевым), опубликовать в журнале, в рубрике ЖИЗНЬ-ПЕСНЯ очерк об ортодоксально-советском татарском поэте, погибшем в немецком плену, Мусе Джалиле. Шаламов пишет о соученике по университету с несколько отчужденной симпатией. Пикантный момент в том, что подпись сту-

дента Залилова стоит под доносом, послужившим основанием для изгнания Шаламова из МГУ, чего он, разумеется, не знал – все было засекречено и обнаружилось в самое последнее время.

Очерк «Студент Муса Залилов», журнал «Юность», № 2, 1974

Смотреть скан журнальной страницы с очерком в хорошем качестве в расширении PNG

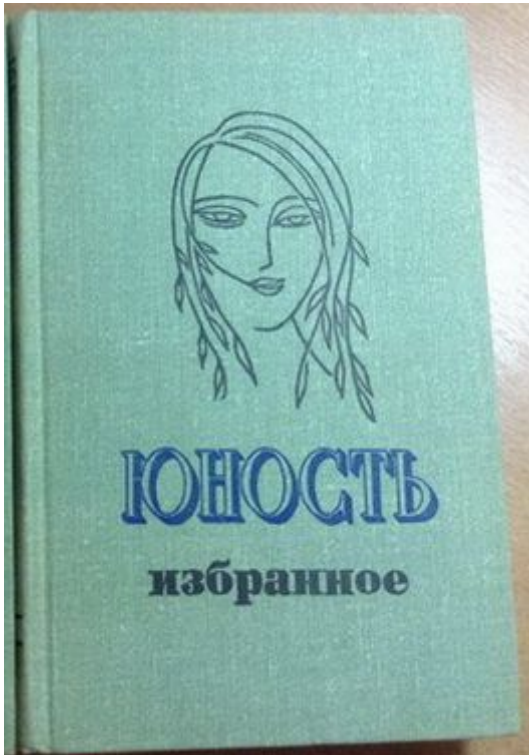
https://dl.dropboxusercontent.com/u/9178411/Shalamov_Jalil.png

Номер журнала целиком – в электронной библиотеке Вадима Ершова
<http://publ.lib.ru/ARCHIVES/YU/%27%27Yunost%27%27%27/%27%27Yunost%27%27,1974,N02.%5Bdjv-fax%5D.zip>

*

Стихи Шаламова в антологии журнала Юность, 1980

Одна из последних костей, брошенная Союзом советских писателей умирающему Шаламову – двухстраничная подборка стихов в XXV выпуске «Избранного» журнала «Юность», изд. Правда, М. 1980 (сборник избранных произведений прозы, поэзии и юмора, опубликованных на страницах журнала «Юность» за годы его существования, 1955-1980 гг.).

Подписано к печати 15.05.1980. Интересно, получил ли Шаламов гонорар и на что израсходовал его в богадельне?

Георгий СОАНЦЕВ	376
Леонид СОРОКА	377
Валентин СОРОКИН	378
Николай СТАРШИНОВ	379
Амврий СУХАРЕВ	380
Максим ТАНК	381
Александр ТВАРАОВСКИЙ	382
Татьяна УЛЬЯНОВА	383
Николай УШАКОВ	384
Илья ФОНЯКОВ	385
Аллаберд Хандов	386
Игорь ХАЛУТСКИЙ	387
Олег ХЛЕБНИКОВ	388
Евгений ХРАМОВ	389
Григор ЦАГАРАЕВ	390
Владимир ЦЫБИН	391
Мария ЧАКЛАЯС	392
Евгений ЧЕПУРНЬХ	393
Ольга ЧУГАЙ	394
Феликс ЧУЕВ	395
Олег ЧУХОНЦЕВ	396
Аманжол ШАМКЕНОВ	397
Варлам ШАЛАМОВ	398
Олег ШЕСТИНСКИЙ	399
Вадим ШЕФНЕР	400
Игорь ШКАЛЯРЕВСКИЙ	401
ШУКРУЛЛО	402
Александр ЩУПЛОВ	403
Петер ЭЙЗИН	404
Георгий ЭМИН	405
Октем ЭМИНОВ	406
Сулейман ЭРАЛИЕВ	407
Александр ЮДАХИН	408
Евгений ЮШИН	409
Маргарита ЯРОВАЯ	410
Александр ЯШИН	411
САТИРА И ЮМОР	
(«Зеленый портфель»)	
Михаил ВОЛЬФОН. Дети одной бедн	412
Сергей ДНК. Кожосаый орех	413
Александр ИВАНОВ. Литературные пародии	414
Михаил КАТЮШЕНКО. Струна	415
Аварей КУЧАЕВ. Жуткий случай	416
Олег ПОДУШКО. Перспективная помойка	417
Марк РОЗОВСКИЙ. Слово	418
Дина РУБИНА. Беспокойная натура	419
Виктор СЛАВКИН. Союда по вертикали	420
Варлен СТРОНГИН. Спасибо Федькиной жене!	421
Зульфар ХИСМАТУЛЛИН. «Наказание»	422
Галка ГАЛКИНА. Каков вопрос — таков ответ	423

Здесь https://dl.dropboxusercontent.com/u/9178411/Yunost_1980_Izb_Shal.jpg
разворот содержания сборника крупным планом.

Геннадий Айги – Шаламову

К ЗАРЕ: ПОСЛЕ ЗАНЯТИЙ

В. Ш.

о чудо-камера и волшебство-вселенная:
секунда перед сном:
открыта
словно зала –
как яркий свет
в которой помещают:
сверхжизненно и ярко – бить в лицо! –
о чудо сверхпонятное о камера:
секунда-зала: словно сверхживого
раскрытый – до разрыва мозга – свет!.. –
убийцы-двойника: тебя: в тебе же – даль!

1967

Стихотворение посвящено В. Шаламову. (Примечание автора)

* * *

ДВА ПОРТРЕТА

1. Л. В.

ц и к л о н о м Б дыша как будто
живет в ы д е р ж и в а ю щ и й этот
он странно-легок: говорит он пустяки все время
а сам – собранье ран

2. В. Ш.

итальянская гибкость

человека из родины Батюшкова!
в нем затеряны суставы разбитые
как жерди в реке

1967

Два портрета – бывших зэков. В. Ш. – Варлам Шаламов. (Примечание автора)

Из книги Геннадия Айги «Отмеченная зима. Собрание стихотворений в двух частях», изд. «Синтаксис», Париж, «Syntaxis», 1982. Электронная версия в библиотеке ImWerden

http://www.vtoraya-literatura.com/pdf/aygi_otmechennaya_zima_1982_text.pdf

Еще несколько стихов Айги, посвященных Шаламову – в блоге «Варлам Шаламов и концентрационный мир» <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/5536.html>

«Шаламовские» стихи Яна Сатуновского

От составителя

Поэт и публикатор неподцензурной литературы советского периода Иван Ахметьев нашел у поэта-лианозовца Яна Сатуновского «шаламовские» стихи. «Колымские рассказы» в 1967-68 гг. можно было прочесть только в сам- или тамиздате.

516

Физики,
схватившие тебя за горло,
и химики,
воззвавшие: «судью на мыло», –
это не исключение,

это –
норма,
так оно испокон века было.

Божий страх,
гребущий
слух и дух –
бредни
полудурошных старух.

14 июля 1967

557

Шаламовское

Гражданин начальник,
тут какая-то ошибка,
я не тот, которого надо убивать,
я сам умею убивать.

Бахилы,
короба,
грабарки,
фанерные бирки,
чем ты болен, такой здоровый лоб?
Обзовись!

8 февраля 1968

911

Друг у друга кольца крали,
часы воровали,
тут и Валя Португалов,

нет, Варлам Шаламов...
что ты, ветер, это враки,
вралейшие враки,
это рифма, сволочь, гадит,
ты не верь ей, братик!

7 ноября 1975

Комментарии:

Физики, схватившие тебя за горло... 516

Физики и химики – очевидно, навеяно рассказом Шаламова «Букинист»: «Химики и физики – так назывались эти две школы следствия. Физики – это те, что во главу угла полагали чисто физическое действие, видя в побоях средство обнажения нравственного начала мира». («Химики» использовали фармакологию для подавления воли подследственного.)

[«Шаламовское»] Гражданин начальник... 557

Использованы цитаты из рассказов Варлама Шаламова (в СССР не публиковались, в тамиздате только с 1966).

«Термометр Гришки Логуна»: «Тут какая-то ошибка, я не тот, которого надо убивать для пользы государства, я сам умею убивать!».

«Две встречи»: « – Чем ты болен, такой здоровый лоб?».

«Тишина»: «“Обзовись!” – при выходе на работу для так называемого труда»; «короба, грабарки [это такие тележки]».

Текст и комментарии по книге: Ян Сатуновский. Стихи и проза к стихам. – М.: Виртуальная галерея, 2012.

Электронная версия на литературном сайте-библиотеке «Вавилон» <http://www.vavilon.ru/texts/satunovsky4.html>

Аннотации, предпосланные прижизненным поэтическим сборникам Шаламова

К первому сборнику, «Огниво», 1961, аннотации нет.

* * *

«Шелест листьев», 1964

«Шелест листьев» – вторая книга Варлама Шаламова.

Главная тема этой книги – природа. Поэт относится к ней как к первооснове всего живущего на земле. Природа у него живет в согласии с человеком, преобразующим ее.

В книге много стихов о новой Москве, о труде, о творчестве».

* * *

«Дорога и судьба», 1967

«Дорога и судьба» – третья книга стихов Варлама Шаламова.

Поэзия В. Шаламова привлекает глубоко заложенным в ней философским началом, достоверностью наблюдений, «взвешенностью» слова.

Круг интересов поэта разнообразен: в книге – стихи о природе, которая для В. Шаламова неотделима от человека, раздумья о поэзии, о судьбе художника, стихи о Москве, о Севере.

Большинство стихов новой книги поэта было опубликовано в периодике».

* * *

«Московские облака», 1972

«В книгу «Московские облака» В. Шаламова вошли произведения поэта последних лет. В основе каждого произведения В. Шаламова лежит напряженная, действенная мысль. Раздумья о наших днях, о жизни, быт, природа – во всем этом мы ощущаем голос подлинного поэта, утверждающего единство человека с живым, полнозвучным миром».

* * *

«Точка кипения», 1977

«Варлам Тихонович Шаламов принадлежит к старшему поколению советских поэтов. Ему всегда была особенно близка тема человеческого умения, мастерства, – и в новой книге поэта читатель найдет немало стихотворений, связанных с этой темой. Здесь же – стихи о природе, она для В. Шаламова – живая собеседница человека, соучастница его радостей и тревог. В ряде произведений автор обращается к прошлому, к традициям мировой культуры».

Последний прижизненный сборник стихов Шаламова, издательство «Советский писатель», 1977. За содержание этого сборника, в отличие от прошлых, Шаламов, судя по дневникам, уже не боролся – это целиком продукт издательства и редакторов, то есть всех видов сочетающей брутальность дикаря с изощренностью декадента поздней советской цензуры.

Гиперссылки на электронные версии (в расширении PDF) пяти этих книжек даны в статье в данном сборнике, которая так и называется: «Электронные версии прижизненных поэтических сборников Шаламова».

Александра Свиридова. Белое пятно: прием Шаламова в ССП, 1972-73

Короткое воспоминание режиссера Александры Свиридовой отсылает к практически нетронутому «белому пятну» в биографии Шаламова – его приему в Союз советских писателей. Этот несомненно кафкианский процесс, длившийся больше года, был положен заявлением Шаламова в комиссию по приему в члены СП, которое провокатор Георгий Марков отредактировав превратил в известное публичное «Письмо в ЛГ», сделавшее Шаламова объектом почти тотального ostracism в среде либеральной московской интеллигенции, надо сказать, совершенно не представлявшей, в каком контексте следует рассматривать скандальное «покаяние».

В день написания заявления Шаламов обращается с просьбой о рекомендации к литературному функционеру Сергею Наровчатову и поэту Арсению Тарков-

скому. Наровчатов, похоже, просьбу проигнорировал, а Тарковский, о чем свидетельствует письмо к нему Шаламова, рекомендацию дал. Вторым поручителем был поэт Виктор Боков, что тоже известно из частного шаламовского письма с благодарностью. Сколько требовалось рекомендаций, я не знаю. Во всяком случае, потребовалась еще одна, ее дал поэт Александр Межиров, о чем он и рассказывает Свиридовой. Никаких документов, связанных с самим процессом приема, в открытом доступе нет, хотя никаких секретов они, вроде бы, не содержат – обычные протоколы, «слушали – постановили», извечная бюрократическая блевотина. Та же история, что с присуждением Шаламову «Премии Свободы» французского ПЕН-Клуба – казалось бы, ничего секретного и при этом никакой информации.

Что уместилось в эти тринадцать месяцев – с 15 февраля 1972 по 15 марта 1973, когда Шаламова, наконец, официально признают советским писателем (до этого он, по крайней мере, согласно меморандуму КГБ, составленному для партийной верхушки, считался антисоветским) – никто не знает.

Странно, что советское шаламоведение обходит этот вопрос – ведь это краеугольный камень для квалификации Шаламова как советского писателя, о чем оно неустанно печется. Пусть, наконец, найдут и обнародуют документы – интересно же, как происходит алхимическое превращение антисоветского в советского, какие тут взаимодействуют реактивы, какие используются катализаторы, кто подбрасывает дровишек в печь, где преображается душа грешника. У Кафки все описано довольно подробно, особенно в «Исправительной колонии», а вот в советском шаламоведении – стыдливые пустые страницы. Пора уже начать заполнять, отрабатывать гранты и ученые степени.

Ниже свидетельство Александры Свиридовой.

Чтобы был понятен уровень доверительности нашего разговора с Александром Петровичем Межировым, поясню некоторые обстоятельства места и времени.

Российско-советская эмиграция Америки вообще и Нью-Йорка в частности имеет ряд особых примет, вдаваться в которые я не буду. Важным в данном случае является одно – всеобщая подозрительность: все подозревают друг в друге засланных гэбэшников. Зачастую не напрасно. Не только эмигранты могут быть в их числе – хватает американцев, американских славистов-симпатизантов, которые не всегда на зарплате у Лубянки, но всегда готовы к обеду в посольстве или генконсульстве России. Потому процесс вхождения в общение у вновьприбывших имеет несколько уровней тревожности.

Осенью 1993-го, когда я неожиданно осталась в Америке, мне было проще, чем ординарным людям: меня узнавали на улице те, кто смотрел ТВ, и людям, имеющим мозг, относительно меня все было ясно. Тем, кто видел мой фильм о Шаламове и полтора десятка телепрограмм «Совершенно секретно», снятых мною до апреля 1993-го, – что важно помнить. Только мерзавцы, в задачу которых входило топить меня как неожиданно возникшего конкурента на пятачке русской прессы Америки, писали, что я неблагонадежна, т.к. ТВпрограмму делала с Артемом Боровиком.

Тех, кому доверяешь безоговорочно, было немного, и мы дорожили возможностью повидаться, т.к. без этого ты забывал звук собственного голоса.

В нелегкий период моей адаптации, в город приехала любимая Майя Туровская, с которой мы были дружны. Мы отправились по музеям. В музее к нам присоединился друг ее юности поэт Александр Петрович Межиров, которому в начале семидесятых я была представлена девушкой юной Вадимом Кожиновым. Я не верила, что он меня узнал, т.к. минуло 20 лет, но Майиной рекомендации было достаточно, чтобы мы стали откровенно разговаривать. Его положение в Америке было не из лучших – с одной стороны, он не владел английским, с другой – был нерукопожатным для некоторого числа русскоговорящих, т.к. выехал в Америку, чтобы не сесть в тюрьму в России. Историю с несчастным случаем, в результате которого он убил близкого человека, описывать не хочу.

Майя уехала, а мы с А. Межировым изредка встречались и бражничали в кафешках Манхеттена. Обсуждали беды современной литературы. После того, как он посмотрел фильм [снятый для телепрограммы «Совершенно секретно» – сост.], он задал несколько вопросов о том, что осталось за кадром. И я, в частности, сказала, что мне не удалось выяснить обстоятельства того, как В. Шаламова приняли в СП.

Рассказала, как я писала официальные запросы от Союза кинематографистов и студии в Останкино, где просила дать возможность снять для фильма протоколы заседания – кто пришел, кто представлял его, кто рекомендовал Шаламова в Союз писателей, как голосовали... Ничего у них не было найдено. Союз распался, бумаги были неизвестно где. И я сказала, что все это выглядит, как туманная история, похожая на спецоперацию КГБ, в стиле традиционной игры – тут холодно, а тут – тепло. Так как в одно время Солженицына выдворили из страны, а В. Шаламова, напротив – приняли в СП и издали.

Потому, наверное, и нельзя установить имена тех, кто его рекомендовал, т.к. их, по-видимому, не было.

Мы неторопливо шли, покуривая, по Амстердам авеню в районе семидесятих улиц, когда А. Межиров остановился, и сказал: – Нет, были. Хотите знать, кто?

Я кивнула.

– Я, – сказал он, ткнув себе пальцем в грудь.

И рассказал, как ему позвонили в неурочное время – то ли рано утром, то ли в ночи, – я не запомнила имени – кто-то из секретариата СП, – и велел срочно написать рекомендацию В. Шаламову.

На что АП ответил: – Кто я такой, чтобы рекомендовать ВШ?

Имея в виду, что он – меньше такой крупной фигуры, как Шаламов.

Но ему строго было велено срочно это сделать, и он подчинился – дал рекомендацию...

Написал ли он ее, отпечатал и отнес на следующий день – не знаю. Осталось смутное ощущение, что он просто дал согласие по телефону на то, что его именем будет подписана рекомендация...

Еще осталось ощущение, что он читал и знал тексты Шаламова той поры, когда ничего еще не было напечатано. Но допускаю, что речь могла идти о стихах.

К теме «Шаламов и Паустовский»

От составителя

Этой теме посвящена пространный статья украинского литературоведа Софии Шоломовой (см. в блоге «Варлам Шаламов и концентрационный мир», здесь <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/331273.html> и здесь <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/331685.html>). Во вступительном слове к электронной публикации статьи я вкратце обрисовал отношение (весьма негативное) Шаламова к этому тогдашнему «властителю дум» и кумиру либеральной интеллигенции. Вот, к примеру, одна из записей в дневниках Шаламова: «Паустовский там [в Березниках, где Шаламов на строительстве солевого комбината отбывал первый срок – сост.] писал и написал «Кара-Бугаз», прячась от бурливой, кипящей толпы в березниковской гостинице и не высывая носа на улицу». Сохранилось, впрочем, неопубликованное письмо Шаламова Паустовскому от 1967 г., содержание которого могло бы внести коррективы, вот только некому обратиться за его копией в архив Паустовского, многочисленные шаламоведы заняты тусовкой и саморекламой на фестивалях и в СМИ.

Короче. В самый тяжелый год Шаламова – 1968, год краха всех его многолетних инициатив по изданию сборников КР за границей, год, предшествовавший разрыву с московским «прогрессивным человечеством» (сторонниками Солженицына и фрондирующей интеллигенцией, так и не помогшей ему прорвать блокаду русских эмигрантских издательств), в канун губительной самоизоляции, словам, в «проклятый год» (Шаламов) – Паустовский на 77-м году жизни умирает, и похороны его превращаются во впечатляющую демонстрацию духа времени, в котором Шаламову места не оказалось. Шаламов наверняка слышал об этих похоронах, и это не могло не добавить горечи к его самоощущению отверженного и не подтолкнуть к скорейшему разрыву с продвинутым интеллигентным читателем, на которого он перестал возлагать надежды.

Ниже отрывок из апологетической статьи Наталии Логуновой из нью-йоркской газеты «Новое русское слово» от 24.11.1968, посвященной Паустовскому и, в частности, его похоронам. Описанное можно по контрасту соотнести с похоронами самого Шаламова в январе 1982 года.

«Если при Сталине у всех писателей был зажат рот, то в послесталинский период Паустовский безоговорочно встал на путь свободы слова. В 1956 году он первый выступил в защиту Дудинцева... [автор «оттепельного» романа «Не хле-

бом единым» – сост.]. В 1967 году подписал письмо, солидаризируясь с требованием Александра Солженицына об отмене цензуры печати. Делу раскрепощения слова послужили и изданные под покровительством Паустовского «Тарусские страницы», где печаталась произведения писателей, забракованные партийными издателями.

Злая болезнь оборвала его жизнь. Паустовский умер в Москве 14 июля 1968 года. Гроб его, перенесенный в Центральный Дом Литераторов, был засыпан цветами и венками. Народ оценил утрату большого писателя. Никто из литераторов не решился произнести большой речи над его гробом, ограничились несколькими, ничего не говорящими фразами. Только его друг Шкловский, чуть не плача, сказал прочувствованное слово. Зал не мог вместить всех желавших попрощаться со своим писателем, огромная толпа осталась ожидать выноса на площади. Из ее рядов то и дело слышались возгласы: «Умер великий русский писатель». – «Мы потеряли человека, который был совестью России». Вся площадь была оцеплена отрядами милиции, сдерживавшей напор толпы. При выносе гроба народ бросал в машину и под ее колеса цветы.

Погребение состоялось в Тарусе на берегу Оки, где Паустовский провел последние годы своей жизни и где завещал себя похоронить среди любимейшей ему природы, вдали от шума и суматохи человеческой так им нелюбимыми. В самом городе и в близлежащих деревнях на всех домах были вывешены траурные флаги. При появлении процессии в городе оркестр играл «Реквием» Моцарта.

Огромная толпа деревенских жителей, многие из которых пришли издалека, отдала последний долг писателю. Из Москвы прибыло немало людей старого поколения, но известных советских писателей не было видно. Путь к могиле лежал через овраг, который люди, дружно работая, за ночь засыпали и проложили тропу».

Полностью статью Логуновой можно прочесть в библиотеке ImWerden http://imwerden.de/pdf/logunova_konstantin_paustovsky_1968_text.pdf. Здесь же упоминается, что Паустовский неоднократно бывал за границей – во Франции, Италии, Греции, Бельгии, Польше, а также, добавлю, в Болгарии, Швеции, Чехословакии, Турции, Нидерландах и других странах, преподавал в Литературном институте им. Горького, в 1965 был номинирован, параллельно с Михаилом Шолоховым, на Нобелевскую премию по литературе, премию получил Шолохов. Награжден, кроме прочего, орденами Ленина и дважды орденом Трудового Красного Знамени. Книги Паустовского в огромных количествах выходили в СССР –

и отдельными сборниками, и собраниями сочинений, переводились на многие языки.

Людмила Скорино, Василий Гроссман, Варлам Шаламов

Моя характеристика Людмилы Скорино («литературная вошь») в книге «Московский рассказ. Жизнеописание Варлама Шаламова, 1960-80-е годы» вызвала негодование шаламоведа С. Соловьева, который возмутился, как можно написать такое о человеке, которого Шаламов назвал своей «дважды крестной матерью» – имелось в виду, что она дважды, в тридцатых и в пятидесятых годах, помогла протолкнуть первые журнальные публикации стихов Шаламова. Сергей Григорьянц, впрочем, замечает: «В журнале «Знамя» главным сторонником публикаций Варлама Тихоновича, как и Наташи Горбаневской и некоторых других преследуемых людей, была, конечно, не Скорино, а Галя Корнилова, другая сотрудница отдела поэзии, бывшая жена Володи Корнилова [поэта Владимира Корнилова], которой иногда и удавалось уговорить Скорино напечатать что-то мало-проходимое в других журналах. Я был в это время внутренним рецензентом отдела поэзии в «Знамени» и в журнале «Москва» у Евгении Самойловны Ласкиной и все это видел изнутри».

Так вот об этой Людмиле Скорино, вернее, о ее, так сказать, нравственно-политической ориентации, к сведению Соловьева.

Дело происходит во второй половине 1960-го года.

Примечания в квадратных скобках и звездочкой мои.

«Кожевников [Вадим Кожевников, редактор журнала «Знамя», куда Гроссман передал для публикации рукопись романа «Жизнь и судьба», вскоре арестованную госбезопасностью] попросил, чтобы рукопись Гроссмана отрецензировали заведомыми критиками журнала Людмила Скорино, член редколлегии Александр

Кривицкий [и другие]. Ему нужны были закалённые в идеологических битвах союзники, но никак не попутчики.

Надо ли сейчас подробно говорить о Скорино и о прочих отобранных Кожевниковым деятелях? В постсоветское время их имена упоминались в литературной печати, как правило, только в отрицательном контексте.

Между тем это были не такие уж глупые люди или какие-то марионетки. Скорино, к примеру, до войны изучала западную литературу и прекрасно понимала, что советским литераторам далеко до уровня Марселя Пруста или Флобера. Но обстоятельства заставили её потом переключиться на Павла Бажова, который, конечно же, и рядом с европейскими классиками не стоял. Но особенно сильно напугал Скорино 49-й год (ведь её второй муж – писатель В. Важдаев* – имел еврейское происхождение и формально попадал под космополита). Чтобы самой уцелеть и сохранить жизнь близкого человека, она предала свою мечту и стала писать никчёмные статьи. Когда же ей вручили рукопись Гроссмана, Скорино пришла просто в бешенство. Она ведь обо всех судила по себе. Раз её судьба сломала, то и другие априори не могли остаться честными. А тут оказалось, что нашлись люди, которые долго шли на компромиссы, а иногда тоже и подличали, но потом опомнились и бросили вызов системе. Критикесса Скорино понять и оценить такое не смогла. Поэтому её отзыв просто кипел злобой. Она написала:

«Мною прочитан поступивший в редакцию «Знамени» роман В. Гроссмана – «Жизнь и судьба» (свыше тысячи страниц). Считаю, что его невозможно ни печатать в настоящем виде, ни перерабатывать, дописывать или переделывать, так как речь идёт не о частных ошибках, неверных положениях или сюжетных линиях, а о всей концепции произведения – ошибочной и вредной, – определяющей сюжет, образы героев, самую ткань романа. [...]

Поразительно, что писатель – участник Сталинградской битвы, написавший о ней во время Великой Отечественной войны патриотические очерки, теперь начинает уравнивать так сказать по линии гуманизма, по части страданий защитников Сталинграда и фашистов. Это вызывает глубокий душевный протест у всякого читающего роман, и если говорить напрямик, без профессиональной редакционной мягкости с автором, то и возмущение <...> В результате всех этих «уравнений» картина героического сражения под Сталинградом оказывается искажённой, а между тем она священна для каждого из нас, – и этот «новый взгляд» на события нашей недавней истории – у меня лично вызывает глубокое отвращение.

Искажена картина и внутренней жизни страны. Автор всё своё внимание направил на «теневые стороны», связанные с «культом личности» <...>

Каков «положительный идеал», выдвигаемый романистом? Идеал этот ничтожен – «гуманистическая», «добрая», а по сути этакая сладко-идиллическая буржуазная демократия, – без «начальства», без руководства, без какой-либо партийности и т.д. <...>

Василий Гроссман по существу встал на позиции идейно враждебные советской идеологии, дал тенденциозно-искажённую картину советской действительности. Исправлять роман невозможно» (РГАНИ, ф. 5, оп. 36, д. 120, лл. 76-77).

Позже говорили, что Скорино якобы раскаивалась. Мол, не зря она стала всячески продвигать в журнале колымские стихи Варлама Шаламова, и потом помогать Андрею Вознесенскому. Но как было в реальности, достоверно не известно**».

Из статьи Вячеслава Огрызко, «Кто и почему запрещал роман «Жизнь и судьба», газета «Литературная Россия», №35-36, 05/09/2014 <http://www.litrossia.ru/2014/35-36/09040.html>

* См. статью Важдеева об Александре Грине «Проповедник космополитизма», журнал «Новый мир», №1, 1950.

** Как было в реальности, известно из свидетельства Григорьянца.

Кстати, за все пятидесятые-семидесятые годы в журнале «Знамя» было напечатано только шесть подборок стихов Шаламова, по две на десятилетие.

Письмо Шаламова Владимиру Приходько, январь 1961

От составителя

Не публиковавшееся ни в сборниках, ни в семитомном собрании сочинений письмо Шаламова критику Владимиру Приходько. Пространная эпистола, где Шаламов высказывает свои мысли о сути и технической стороне поэзии. Сопровождается небольшим введением публикатора и его комментариями. Судя по всему, в архиве Приходько имеются и другие письма Шаламова, тоже никогда не печатавшиеся.

Архив Приходько находится в РГАЛИ, поступил на хранение в 2006 году вместе с архивами других литераторов. Номер фонда 2871, название фонда «Собрание архивов деятелей литературы (1860-2006)», описание фонда «Материалы писателей О.Н.Анстей, Б.С.Ямпольского, поэта и критика В.А.Приходько, переводчика А.П. Простосердова: рукописи произведений, записные книжки, переписка, биографические документы, фотографии», количество единиц хранения – 9 920. Сведения взяты с сайта Федеральные архивы. Информация о новых поступлениях документов в Российский государственный архив литературы и искусства за 2006 год <http://www.rusarchives.ru/federal/rgali2006.shtml>

Владимир Александрович Приходько (1935-2001) – поэт, переводчик, литературный критик. Автор литературоведческих работ (книги «Поэт разговаривает с детьми», 80 г., «Постижение лирики», 88 г., «Елена Благинина», 71 г.), более ста предисловий, предваряющих книги разных авторов, в том числе сборники Державина, Боратынского, Некрасова, Случевского, Бунина, Саши Черного, Набокова.

Варлам Шаламов: пророк, а не мастер

Мало кто нынче пишет письма. И почта работает хуже, чем три-четыре десятилетия назад. Письмо по Москве, посланное с улицы 1905 года в район Нахимовского проспекта, идет, случается, более трех недель (сам накололся). Какая уж тут переписка.

А я сегодня хочу предложить читателю письмо, написанное сорок лет назад. Вынул из драгоценной папки с надписью «Шаламов». Тот самый, «Колымских рассказов», известных миру как великая литература и потрясающий документ эпохи.

Под карающий меч доблестных органов Варлам Тихонович Шаламов (1.7.1907, Вологда – 18.1.1982, Москва) попал в 1929-м, сидел до 1932-го. Без вины. Вновь арестовали в 1937-м. Еще 17 лет провел в тюрьмах и лагерях. Выжил, в конце 50-х стал печатать стихи.

Первая книга «Огниво» – 1961-й. Если заглянете в словарь русской литературы Вольфганга Казака, увидите, что первый газетный отзыв об «Огниве» написал Б. Слуцкий, первый журнальный – В. Приходько («Знамя», 4, 1962). Под названием: «Характер мужественный, цельный».

Я переписывался с Шаламовым в 1959 – 1961 гг. Пока не переехал в Москву, где дружеские отношения продолжились.

Итак, обещанное (публикуется впервые и в точности, как написано).

«Москва, 30 января 1961 года.

Дорогой Владимир Александрович.

Вы вовсе не виноваты в этом недоразумении. Виноват я сам. Я утратил, по видимому, способность выражаться ясно и недвусмысленно. Вот и моя точка зрения на мастерство для Вас не вполне ясна. Я не хотел сказать, что «главное в Пушкине – не мастерство». Я думаю вовсе не так. Мне кажется, что слово «мастер» в отношении большого поэта звучит оскорбительно. Большие поэты – пророки, а не мастера. «Мастер» – т.е. не поэт.

Мастерству можно научиться. Научиться писать стихи нельзя. Поэта создает глаз, талант, «свернутая душа», предельная искренность, самоотдача. Если бы имя-рек видел, как Пушкин, – он бы и писал как Пушкин. Конечно, нужно быть грамотным, знать и любить стихи, остро чувствовать фальшь поэтической речи. Но все это не мастерство. Болтовня вокруг «мастерства» увела в сторону от поэзии многих возможных поэтов, а некоторых – более честных и искренних, более поэтов – привела и к смерти. Стихи рождаются не от стихов. Почему меня сердят «корневые окончания»? Потому что русское стихосложение не нуждается в новой поэтике. В русском стихе так мало использованного, а возможности его безграничны.

Разве Ходасевич, Цветаева, Пастернак, Мандельштам, Бунин не доказывают вам этого повседневно и повсечасно? Разве вы не чувствуете, что такой поэт, как Хлебников, с величайшим трудом удерживается в русле поэзии и притом в немногих своих вещах.

Существуют рамки языка – за которыми стиха нет. И только внутри этих рамок создается вечное, важное, необходимое людям. Что касается ассонанса, то я бы мог сказать Тихонову, что ассонанс – это рифма для глухих. Скрепление слов с помощью ассонанса исторически сложилось раньше рифмы. Рифма родилась в средние века (трубадуры) и сменила ассонанс. Это – дальнейшая ступень культуры стиха и нет нужды возвращаться к расхлябанной поэтической речи далекого прошлого. Мне жаль способных людей, теряющих время напрасно.

Есть в этом и еще опасность, пострашней. Вот я держу в руках первое издание Пастернаковской книги «Поверх барьеров». Это – удивительное издание, где типографские ошибки выдавались за поэтические открытия – вот какие были времена. Но дело не в том.

В книжке этой много вечных стихов – Марбург, Я клавишей стаю, Пурга и многое, многое другое. Но вместе с тем сборник полон словесного хлама. За каждым стихотворением сборника, за каждой его строкой стоят острые, глубокие наблюдения, вызвавшие к жизни стихи. Но эти наблюдения, эти озарения тонут в словесном мусоре, в расхлябанном размере, в неточных рифмах. Эти стихи пропали для читателя. Их никто не читает кроме Вас и меня. И Пастернак это видел и знал и с болью говорил и писал о невозвратимой этой потере.

Конечно, в моих стихах есть следы его руки. Но я старался всегда избавиться от любого формального влияния. Вы отметили схожесть интонаций и я исправляю эти строки. Что касается «Пня», то «Пень» написан лет на пять раньше «Вакханалии», а лет десять назад в том же музыкальном ключе написано стихотворение «Мы несчастье и счастье Различаем с трудом».

Эренбург в мемуарах рекомендует себя настойчиво (с полным основанием) поэтом. Еще бы! «За что же пьют? За четырех хозяек// За цвет их глаз, за встречи в мясоед// За то, чтобы поэтом стал прозаик// И полубогом сделался поэт».

Вы не обижайтесь на меня, Володя, что я не пишу о Ваших стихах. Я слишком мало их знаю, чтобы иметь суждение.

За стихотворение Цветаевой благодарю. У меня есть эти стихи.

Посылаю Вам несколько стихотворений прошлого-позапрошлого года.

Желаю Вам и Вашей семье всякого добра. Пишите, приезжайте.

О.С. приветствует Вас. Ваш В. Шаламов».

Как видите, это реплика в споре о поэзии. Об уникальности дарования. О традиции. О «корневой» рифме, модной в 50 – 60-е и отчасти обновившей поэзию. Позиция Шаламова понятна. Между прочим, Цветаева из его перечня традиционалистов явно выпадает.

Тихонов помянут в связи с эффектной фразой: рифмовать для глаз – все равно что рисовать для носа (если не ошибаюсь, в речи на I съезде писателей). Эренбург, считал Шаламов, истинный поэт (второго ряда). По-моему, это очевидно. «Вакханалия» – стихи Пастернака. «За что же пьют?..» – неточная цитата из поэмы Пастернака «Спекторский».

О.С. – Ольга Сергеевна Неклюдова, в эти годы жена Шаламова.

Сегодня я думаю, что литература вряд ли развивается по прямому пути, и «провалы» Хлебникова должны быть объяснены по-другому. В главном Шаламов неоспорим: поэзия – пророчество, а не ремесло.

Опубликовано в газете «Московская правда» от 14-09-2001, электронная версия на сайте НИА «Наследие отечества»
http://pressa.viperson.ru/main.php?G=127&ID=172796&id_ext=567739

Наталья Солженицына о переписке Солженицына и Шаламова

«История «запрета» Солженицыным публикации его переписки с Шаламовым мифологизирована»

Окончание полемики вдовы Александра Солженицына Натальи Солженицыной с философом Кириллом Мартыновым («Новая газета», 26.04.2014
<http://www.novayagazeta.ru/comments/63375.html>).

«Александр Солженицын запретил публиковать свою переписку с Варламом Шаламовым, хранящуюся теперь в его архиве. Историческая правда требует, чтобы эти письма были наконец опубликованы».

К. Мартынов в номере «Новой газеты» от 21 апреля 2014-го <http://www.novayagazeta.ru/comments/63274.html> продолжает настаивать на противопоставлении позиций Шаламова и Солженицына. Надеюсь, уяснению подлинных позиций и взаимоотношений писателей будет способствовать публикация их переписки, которая непременно должна быть подготовлена и осуществлена в возможной полноте.

Даже история «запрета» Солженицыным такой публикации искажена и мифологизирована. В 1989 году И.П. Сиротинская, наследница авторского права В.Т. Шаламова, обратилась к Солженицыну за разрешением опубликовать его письма к Варламу Тихоновичу. В том году Солженицын все еще жил в изгнании, ни одна его запрещенная книга еще не была разрешена к печати в СССР, не были отменены ни указ о лишении гражданства, ни уголовная статья. Довольно дико писателю при жизни начинать возврат в печатность с переписки: вся история литературы, да и обычный такт учат, что письма публикуют спустя годы после смерти корреспондентов, не так ли? К тому же, писал Солженицын Сиротинской, «я не хочу поощрять начавшуюся лавину печатания моих писем, обычно без спроса»; но против ее намерения опубликовать письма покойного В.Т. Шаламова не возразил (этот ответ Сиротинская напечатала, предваряя публикацию писем Шаламова к Солженицыну: см. журн. «Знамя», 1990, № 7). После же 1989 года никто и никогда не обращался к Солженицыну за разрешением печатать его письма к Шаламову.

Теперь разбор огромного эпистолярного архива Солженицына начат, и уже выявлено, что напечатанные Сиротинской по черновикам письма Шаламова (и все дальнейшие перепечатки) содержат существенные разночтения с теми оригиналами писем, которые Шаламов посылал Солженицыну. Кроме того, в архиве найдено почти в два раза больше писем Шаламова, чем до сих пор опубликовано. Нет ясности и в отношении количества писем Солженицына к Шаламову, хранящихся, судя по описи, в закрытом архиве Шаламова в РГАЛИ, – необходимо сопоставить их с копиями, обнаруженными в архиве Солженицына.

Публикация двусторонней переписки В.Т. Шаламова и А.И. Солженицына, которую мы намерены подготовить и осуществить, требует тщательного исследования и комментирования, что предполагает, в частности, работу в архиве В.Т. Шаламова, если она будет разрешена его наследниками.

Наталия СОЛЖЕНИЦЫНА

23 апреля 2014

От составителя. В качестве дополнения или, скорее, к слову.

Н. Солженицына в комментарии <http://www.novayagazeta.ru/society/63170.html> к статье <http://www.novayagazeta.ru/comments/63037.html> Кирилла Мартынова в «Новой газете» от 19.04.2014 называет «попытку автора» «столкнуть и противопоставить Солженицына и Шаламова... нравственно уязвимой – но ставшей вульгарно модной».

Чем же, интересно, такая попытка «нравственно уязвима»? И чем «нравственно неуязвима» попытка не допустить такого противопоставления? А то я запутался в словоблудии.

Мартынов в рамках полемики отвечает (выказывая полное незнание предмета):

«Известно, что Солженицын рассматривал Шаламова в качестве потенциального соавтора «Архипелага ГУЛАГ», признавая несравненно более тяжелый личный лагерный опыт автора «Колымских рассказов». Но договориться о соавторстве не получилось. Шаламов утверждал, что спор тогда шел о том, может ли христианство стать основанием для преодоления тоталитарного проклятия.

Это желание создавать тексты, «которые поймут там», и дальнейшая карьера Солженицына как писателя и проповедника, высланного из России, но ожидающего триумфального возвращения и действительно осуществившего его (знаменитая поездка через всю страну на поезде в 1994 году), резко контрастируют с судьбой и текстами Шаламова. [...]

... я не могу согласиться с Наталией Дмитриевной в принципиальном вопросе о том, можно ли противопоставлять позиции Шаламова и Солженицына, что это вульгарно и модно. Это противопоставление наметилось еще в начале 1960-х, когда во внутренних рецензиях для издательства «Советский писатель» обсуждалась возможность или скорее невозможность публикаций «Колымских рассказов» в СССР. Сам Шаламов достаточно ясно высказывался о характере своей размовки с Солженицыным.

Мне не ясно, как в этом контексте можно совмещать намерение публиковаться, иметь влияние и успех на Западе (в чем нет, конечно, ничего плохого), и не предполагать при этом, что брежневский СССР постарается избавиться от вас. Солженицын не боролся за выезд из страны, но для него принципиально важно было вывозить и публиковать свои тексты».

Конец цитаты. А мне неясно, почему «намерение публиковаться, иметь влияние и успех на Западе, и не предполагать при этом, что брежневский СССР постарается избавиться от вас» не распространяется на Шаламова, в течение нескольких лет передававшего списки «Колымских рассказов» на Запад именно в силу понимания того, насколько «принципиально важно вывозить и публиковать свои тексты».

Позиции Солженицына и Шаламова в вопросе публикации в «тамиздате» не просто совпадают, но накладываются – Солженицын шел по стопам Шаламова, хотя и много успешнее.

«Варлама Шаламова, – пишет Мартынов в статье, критикуемой Н. Солженицыной, – невозможно представить в роли человека, собирающего документы на выезд, и в роли эмигранта вообще».

А мне очень легко представить Шаламова в роли эмигранта, его не обременяли ни пастернаковская дача, ни комплексы Солженицына. Очень легко представить его в Париже в обществе Эжена Ионеско, например, или Георгия Адамовича. Или в Женеве в гостях у четы Андреевых. В хорошем костюме, с хорошим зубным протезом и хорошим слуховым аппаратом.

Письма Шаламова Грейнему Ратгаузу и Виктору Бокову

Отрывок из письма Шаламова Г. Ратгаузу от 7 июля 1967 года. Письмо приложено к посланному в подарок сборнику стихов «Дорога и судьба».

«Дорогой Г. Р.! Вы были бы польщены гораздо более, если бы книгу подписал не я, а Бертран Рассел. Однако Вам нужно помнить, что в каждой стране своя цена на кровь и на протест».

* * *

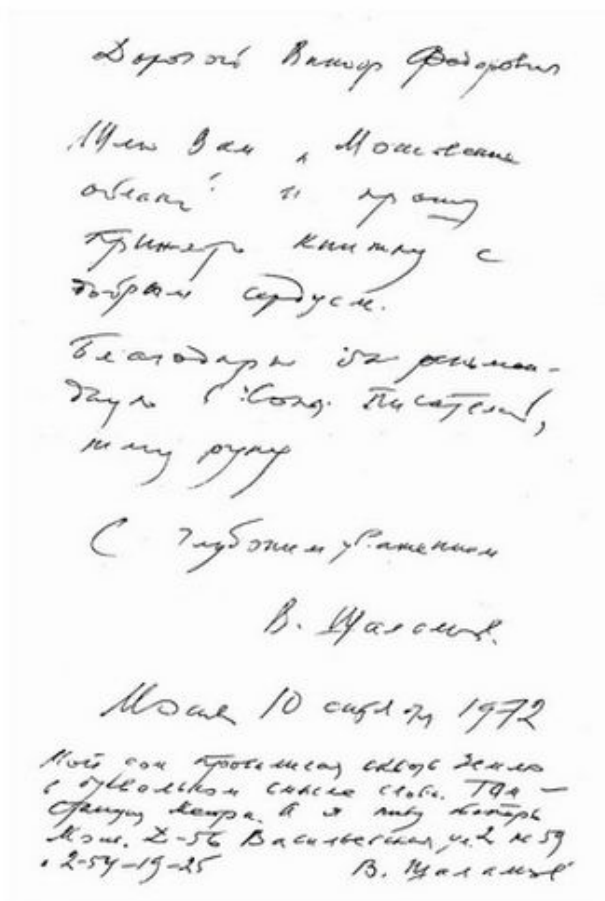
Автор книги литературных очерков «Далекое и близкое» ставропольский литературовед Вячеслав Головки прислал мне по моей просьбе электронную версию своей книги, в которой приводится письмо Шаламова поэту Виктору Бокову от сентября 1972 года. Весьма благодарен Вячеславу Михайловичу. Оказывается, Боков наравне с Арсением Тарковским дал Шаламову рекомендацию в ССП.

По словам шаламоведа С. Соловьева Боков – автор «единственной целиком отрицательной (внутренней) рецензии» на один из поэтических сборников Шаламова, выпущенных издательством «Советский писатель». «Из анализа рецензий видно, что многие из их авторов опасались даже отголосков колымской темы в стихах (в том числе сам бывший лагерником Виктор Боков), причем перестраховывались даже в большей степени, чем редакторы издательства» <http://shalamov.ru/events/78/>.

*

*«Шлю Вам «Московские облака» и прошу принять книжку с добрым сердцем. Благодарю за рекомендацию в Союз писателей, жму руку.
С глубоким уважением. В. Шаламов.
Москва, 10 сентября 1972.*

Мой дом провалился сквозь землю в буквальном смысле слова. Там – станция метро. А я живу теперь: Москва, Д – 56, Васильевская ул. 2, кв. 59, т. 2 – 54 – 19 – 25. В. Шаламов»

Шаламовское письмо хранится в мемориальном Доме-музее В. Ф. Бокова в подмосковных Язвицах Сергиево-Посадского района. Впервые опубликовано в книге Вячеслава Головки «Далекие и близкие. Литературно-критические очерки», Ставрополь, изд. Северо-Кавказского федерального университета ООО Издательский Дом «ТЭС-ЭРА», 2015.

*

Дарственная надпись Шаламова на книге «Московские облака»:

«Виктору Фёдоровичу Бокову с величайшим уважением и симпатией. Автор».

В хорошем разрешении см. здесь
https://dl.dropboxusercontent.com/u/9178411/Shlamov_Bokovu1.pdf

***

Тексты письма и дарственной надписи Шаламова пианистке Марии Юдиной приводятся в книге Софии Шоломовой «Сердечный отклик. Этюды о Варламе Шаламове», Харьков: «Права людини», 2015, со ссылкой на фонд М. Юдиной (ф. 527) в Российской государственной библиотеке, Москва.

Письмо от 28 июня 1967 года:
«Дорогая Мария Вениаминовна!

Болезнь не позволяет мне лично привезти Вам «Дорогу и судьбу». Прошу принять почтой с добрым сердцем. С уважением В. Шаламов».

Дарственная надпись на книге:

«Дорогой Марии Вениаминовне – обломки Колымских тетрадей с глубоким уважением и благодарностью за все то настоящее, что внесено и вносится Вами в нашу жизнь. В. Шаламов».

Письмо Вадима Кожинова Шаламову, 1976

В московском журнале «Наш современник», №8, 2015, в подборке материалов о литературоведе и идеологе советского «славянофильства» Вадиме Кожинове опубликовано его письмо Варламу Шаламову <http://nash-sovremennik.ru/archive/2015/n8/1508-19.pdf>. До сих пор были известны только письма самого Шаламова.

Источник публикации: РГАЛИ, ф. 2596, оп. 3, ед. хр. 320.

Ниже журнальный текст.

3.1.76

Глубокоуважаемый и дорогой Варлам Тихонович!

Когда-то мы обменялись с Вами письмами¹. Меня зовут Вадим Кожинов, я автор книги «Как пишут стихи», которая Вам нравилась. Потом у нас был эпистолярный спор о поэзии Голенищева-Кутузова², причём, в конце концов, Вы дали ей в своём письме высокую оценку.

Сейчас я написал книгу о русской поэзии, где, в частности, идёт речь о забытом Голенищеве-Кутузове. Было бы очень хорошо подкрепить мою оценку поэта Вашей. Посему я обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой разрешить процитировать в моей книге Ваши высокие слова о поэзии Голенищева-Кутузова (из Вашего письма ко мне от 9 января 1972 года)^{3*}.

Буду очень благодарен за согласие.

Книгу скоро нужно сдавать, поэтому проще всего было бы, если бы, получив это письмо, Вы позвонили мне по телефону 2916728, чтобы сообщить своё решение.

Если Вам это неудобно, напишите, пожалуйста, по адресу: Москва, Г-19, ул. Мясковского 35/37 кв. 14.

Примите самые добрые приветствия и пожелания.

Искренне Ваш

Вадим Кожинов.

1 Предыдущее письмо В. В. Кожинова пока не обнаружено. Ответное письмо В. Т. Шаламова было напечатано в его Собрании сочинений в 6 тт. (т. 6. М., 2005, с. 588-592).

2 Ото всего «эпистолярного спора» осталось вышеуказанное письмо В. Т. Шаламова, в котором он, в частности, писал: [следует обширная цитата из письма Шаламова – сост.]

3 Речь идёт о книге В.К. «Книга о русской лирической поэзии XIX века» (М., «Современник», 1978). В ответном письме В.Т. Шаламов писал: «Цитировать из моего письма, я разумеется, разрешаю сколько угодно, хотя и не надеюсь замолить грех перед Аполлоном (Григорьевым – С. К.) и Голенищевым-Кутузовым за свой проступок. В вечных сожалениях за свой просчёт. Ваш В. Шаламов» (Письмо от 5 января 1977 года). Одна из частей заключительной главы «Лирика “безвременья” (Конец века)» посвящена поэзии А.А. Голенищева-Кутузова. Но никаких цитат из письма В.Т. Шаламова в ней не содержится.

* В опубликованной переписке Шаламова это письмо датируется <1973> – сост.

Шаламов в советском самиздате

Письма Шаламова Пастернаку в советском самиздате

Наткнулся в интернете на опись архива* новосибирского геодезиста и страстного поклонника поэзии Серебряного века Геннадия Абольянина**, а в ней – на единицу хранения под названием «Варлам Шаламов. Мыслимый разговор с Борисом Пастернаком». Естественно, заинтересовался – вещи с таким названием у Шаламова нет. Попросил участника сообщества «Варлам Шаламов и концентрационный мир» Михаила Немцева, как раз проживающего в Новосибирске, узнать об этом тексте подробнее и, если можно, сфотографировать его или отсканировать. Он выразил готовность помочь, за что весьма ему благодарен. На его запрос куратор культурного центра Дом Цветаевой при Новосибирской областной научной библиотеке, где хранится коллекция материалов по Серебряному веку, собранная Абольяниным, Лариса Гельшерт, которой я тоже весьма признателен, прислала сканы текста, а Немцев переслал их мне с припиской, что чуда не произошло, и перед нами, очевидно, выписки из уже известных писем Шаламова Пастернаку.

Да, это понятно с первого взгляда. Но с первого же взгляда понятно, что перед нами самиздатский список, появившийся на свет задолго до публикации этих писем в легальных советских изданиях. Это очевидное обстоятельство нуждается, тем не менее, в доказательствах, которые я приведу ниже.

Итак, что представляет собой этот старинный текст объемом в семь машинописных страниц?

«Мыслимый разговор...» – компиляция отрывков из писем Шаламова Пастернаку от 24 декабря, 25 мая, 20-го и 27-го декабря 1953 года, в сущности, бурный монолог Шаламова от первого лица: «Я видел Вас один раз в жизни...», «Я всей душой согласен...», «я верю давно в страшную силу искусства», – многократно повторяемое «я» делает этот разговор, протекающий в русле напряженной духовной общности, без реального собеседника, который бы отвечал, возражал, уточнял, очень личным, граничащим с исповедью. Шаламов сообщает о себе массу подробностей, от своих эстетических предпочтений до семейных обстоятельств, обусловленных тяжелой судьбой оторванного от родных лагерника и ссыльного. Все это современный читатель может прочесть глазами читателя советского самиздата, дышавшего, по выражению Мандельштама, «ворованным воздухом» (от

российского читателя эпохи интернета для такого самоотождествления требуется, пока, во всяком случае, некоторое внутреннее усилие).

«Варлам Шаламов. Мыслимый разговор с Борисом Пастернаком»
https://dl.dropboxusercontent.com/u/9178411/Shalamov_Mislmiy_razgovor_s_Pasternakom.pdf, сканы машинописного текста в расширении PDF, 0,7 МБ, источник: культурный центр Дом Цветаевой НГОНБ

Теперь о самиздатском происхождении списка.

Впервые письма Шаламова Пастернаку в достаточно полном объеме были опубликованы в журнале «Юность», 1988, №10 <http://www.rulit.net/books/zhurnal-yunost-1988-10-get-175688.html>. Излишне молвить, что мысль перестукивать на машинке текст из журнала, расходившегося тогда тиражом в 3 100 000 экземпляров, может прийти в голову только безумцу. Но есть и прямое доказательство того, что новосибирский список никак не связан с этой журнальной подборкой. В «Мыслимый разговор...» вставлен отрывок из письма Шаламова от 27 дек. 1953 года, и как раз этого письма в журнальной подборке нет, впервые оно появляется в книге «Переписка Бориса Пастернака», составленной Евгением и Еленой Пастернак, М. изд. Художественная литература, 1990.

Итак, материалом для текста служили письма, хранившиеся в архиве Шаламова – в виде копий и вариантов, в то время по занятости, видимо, еще не обнаруженных правообладательницей, – и в архиве сына Пастернака Евгения («В свое время В. Т. Шаламов ознакомил нас с полученными им письмами Пастернака и позволил снять с них копии. [...] Письма Шаламова хранятся в семейном собрании и были нами предоставлены Сиротинской для публикации» – из предисловия составителей вышеуказанной книги).

Второй вопрос. Кто автор этого по-своему вполне законченного произведения?

Создателями текста могли быть сам Шаламов, Евгений Пастернак или кто-то из узкого круга имевших доступ к хранившемуся у него архиву отца. Авторство Шаламова если не опровергнуть, то доказать, как мне представляется, довольно легко. По свидетельству Сергея Неклюдова, печатная машинка появилась у Шаламова в начале шестидесятых годов. Наверняка на ней напечатана масса материалов. Первым делом, стоило бы попытаться определить по особенностям шрифта, не напечатан ли «Мыслимый разговор...» на машинке Шаламова. Если да, то вопрос об авторстве решается сам собой.

Если же текст скомпонован Евгением Пастернаком или кем-то из его круга, то, вне всякого сомнения, авторизован автором писем – очень трудно представить, что глубоко уважавший Шаламова и щепетильный в таких вопросах Евгений Пастернак без разрешения воспользовался бы чужими эпистолами для создания самиздатского, то есть предназначенного для чужих глаз текста. Рано или поздно это дошло бы до Шаламова, и мог разразиться скандал, которого, как мы знаем, не разразилось.

Итак, текст, по моему разумению, создан Шаламовым или Евгением Пастернаком с ведома и согласия первого, причем не исключаю, что готовился он для публикации за границей – в советской печати такая подборка писем заведомо не могла быть опубликована.

К сожалению, о времени создания и циркуляции этого текста в самиздате узнать удалось очень мало. В статье Анатолия Соколова «О Геннадии Абольянине», журнал «Сибирские огни», 2010, №3 приводятся слова Абольянина: «В процессе этого «собираания» мне доводилось встречаться и беседовать с очень многими интересными для меня людьми, вот далеко не полный перечень их имен: Михаил Гаспаров и Сергей Аверинцев, Сергей Юрский и Иннокентий Смоктуновский, Андрей Синявский и Юлий Даниэль, [...] Евгений Рейн и Анатолий Найман, Варлам Шаламов и Надежда Мандельштам...». Если Абольянин встречался с Шаламовым, то почти наверняка в шестидесятых – трудно представить, что в семидесятых оборвавший либеральные знакомства полуглухой Шаламов стал бы принимать постороннего человека, регулярно отказывая при этом во встречах таким добрым знакомым как Юлий Шрейдер и Елена Лопатина.

Я спросил в письме Ларису Гельшерт, не осталось ли сделанных Абольяниным каталогов поступлений материалов в его коллекцию с датами и именами дарителей? Она обратилась к вдове Геннадия Михайловича Татьяне Ивановне, и та сообщила, что муж «дружил и общался (переписывался) с Евгением Пастернаком, сыном Бориса Пастернака от первого брака с художницей Евгенией Лурье. Скорее всего эта рукопись получена от него». Что же до каталога, то вел и каталог, и дневник, но увы, ничего не сохранилось. Со слов Татьяны Ивановны, «такое ощущение, что Г. М. по каким-то причинам уничтожил часть своего архива». Будем надеяться, что, во-первых, этот текст есть (или будет найден) в неразобранном до конца фонде Шаламова в РГАЛИ и даст возможность как-то его датировать, а во-вторых, обнаружится в еще чьей-нибудь коллекции самиздата или будет упомянут в дневнике кого-то из современников. Чисто интуитивно я определяю время его создания первой половиной шестидесятых годов. В этот период

имя Пастернака в связи с «Доктором Живаго» и историей с Нобелевской премией еще не сходило с уст, а к середине десятилетия его понемногу оттеснил новый кумир либеральной интеллигенции – Солженицын. Связка Пастернак-Шаламов очень успешно и оправданно работала в то время на репутацию Шаламова, выделяя его из носителей уже чисто советского менталитета, таких как Солженицын и его сверстники, и укореняя художественную родословную автора «Колымских рассказов» в самой сердцевине русских Афин эпохи модерна. Напоминаю, репутация Шаламова в московском либеральном и диссидентском мире середины шестидесятых была высока, и он отнюдь не пренебрегал тем, чтобы ее упрочить.

И наконец. По ходу моего ознакомления со списком обнаружилась любопытная вещь. Оказывается, письма – или, во всяком случае одно письмо, другие я не сличал – напечатанные Сиротинской в «Новой книге», 2004, а потом в шеститомном собрании сочинений – это не те письма Шаламова, которые читал Пастернак. Письма, полученные Пастернаком, хранились в архиве его сына, были предоставлены им Сиротинской и публиковались в журнале «Юность», 1988, сборнике «Переписка Бориса Пастернака», 1990, и в четвертом томе собрания сочинений Шаламова, 1998. В последующих, начиная с «Новой книги», 2004, изданиях по крайней мере одно письмо публикуется в другом варианте. Для сравнения.

Из письма, полученного Пастернаком:

«Теперь о том, что мучает меня, что так дисгармонично книге, что почему-то существует наряду с важнейшими мыслями, с тончайше-чудесными наблюдениями природы, покоренной и подчиненной настроениям героев, с единством нравственного и физического мира, блестящим образом достигнутого, осуществленного многократно в романе. О явлении грубом, резко кричащем, выпадающем из всего музыкального ключа романа. Я говорю о языке простого народа в Вашем романе. Именно о языке, а не психологической оправданности поступков этих людей. Ваш язык народа – все равно, рабочий ли это, крестьянин ли или городская прислуга, Ваш народный язык – это лубок, не больше. Кроме того, у Вас он одинаков для всех этих групп, чего не может быть даже сейчас, а тем более раньше, при большей разобщенности этих групп населения.

Я знаю этот язык и знаю слишком».

Из письма, публиковавшегося Сиротинской в двухтысячных:

«Теперь подойдем к вопросу, который мучает меня, который так дисгармоничен книге, который наряду с важнейшими мыслями, с тончайше-чудесными наблюдениями природы, плотно увязанными с настроениями героев, с единством

«нравственного и физического мира», наиболее блестящим образом достигнутого, осуществленного в романе, представляет собой грубое, резко кричащее, выпадающее из всего строя романа явление, и от которого мне больно за Вас, художника.

Я говорю о языке простого народа в Вашем романе.

Именно о языке, а не психологическом оправдании поступков этих людей. Ваш язык народа – все равно – рабочий ли это, крестьянин ли или городская прислуга. Кроме того, он одинаков для всех этих групп, чего не может быть даже сейчас, а тем более раньше, при большей разобщенности этих групп населения. Ваш народный язык – это лубок, не больше. Я знаю этот язык, и знаю слишком».

Чем объясняются расхождения, публикатор объяснениями не удостоила.

-----

*URL

http://www.ngonb.ru/docs/%D0%94%D0%BE%D0%BC%20%D0%A6%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B9/o_abol.pdf

** О нем см. по ссылке <http://magazines.russ.ru/sib/2010/3/so8.html>

Самиздатские списки КР как источник информации о лагерях для ученых в СССР

«О состоянии тюремных учреждений царской России мы можем получить достаточно полное представление из работ отечественных авторов [перечисляются имена], а также из обширной мемуарной и художественной литературы.

Что касается советского периода российской истории, то длительное время единственным доступным источником информации о пенитенциарных учреждениях (под страхом оказаться там же) был «самиздат» авторов-«диссидентов», начиная с «Одного дня Ивана Денисовича» и «Архипелага ГУЛАГ» А.И. Солженицына, а также «Колымских рассказов» В. Шаламова.

Официальная и научная информация появилась первоначально с грифом «ДСП» («Для служебного пользования»), а затем в открытой печати в 70-80-е годы XX столетия».

Доктор юридических наук, профессор Яков Гишинский, «Социальное насилие», Изд. Дом «Алеф-Пресс», СПб., 2013

На сайте Девиантология http://deviantology.spb.ru/etc/publications/Gilinsky-Sotsialnoe_nasilie.pdf

* * *

От составителя

Нижеследующая цитата из книги Роя Медведева имеет только косвенное отношение к заголовку статьи, но решил включить ее сюда для экономии места.

«В эти месяцы [зима-весна 1967 года] Сахаров жадно читал имевшиеся у меня материалы «самиздата». Особенно сильное впечатление произвели на него роман-мемуары Евгении Гинзбург «Крутой маршрут», роман А. Солженицына «В круге первом», рассказы Варлаама Шаламова. Некоторые из этих работ он приобретал для себя, оплачивая труд машинистки. [...]

Хорошо помню, что уже с января 1968 года Андрей Дмитриевич стал значительно больше читать материалы самиздата».

Из книги историка Роя Медведева «Солженицын и Сахаров», изд-во «Права человека», Москва, 2002, электронная версия в библиотеке ImWerden http://www.eduspb.com/public/books/byograf/medvedev_r.a._-solzhenicyn_i_saharov_-_2002.pdf

---

Разыскивается Шаламов в самиздатских списках

Какие-то неглупые букинисты разыскивают самиздатские списки произведений Шаламова <http://www.alib.ru/mail2bf.php4?id=207776>, по ценам, надо сказать, грошовым.

Неплохо бы эту инициативу перехватить Обществу Мемориал или РГАЛИ. Очень жалко, если разойдется по аукционам и частным коллекциям, это научный и мемориальный материал.

Ищу книгу:

Шаламов - Колымские рассказы. Машинописная копия - 1967-1978. 1000руб.+

Шаламов. Самиздаты на печатной машинке 1960-80х годов. 1000руб.+

Шаламов. Самиздаты на печатной машинке. Только машинопись. Фото. 1000руб.+

Варлам Шаламов. Самиздаты на печатной машинке. 1000руб.+

Варлам Шаламов. Самиздаты на печатной машинке 1965-80х годов. 1000руб.+

Варлам Шаламов. Стихотворения. Самиздаты на печатной машинке 1950-80х годов. Состояние: хорошее. 500руб.+

Варлам Шаламов. Самиздаты на печатной машинке 1960-85х годов. 2000руб.+

«Колымские рассказы» в Новосибирске, 1965

В комментарии <http://www.svoboda.org/content/article/27095799.html> к интервью Сергея Григорьянца на Радио Свобода правозащитник, литератор, автор книги «Время года – война», М.: «Волшебный фонарь», 2007, Станислав Божко пишет:

«Машинописный, самиздатский том «Колымских рассказов» впервые получил от друзей в новосибирском академгородке в 1965. Читал несколько ночей. Тяжесть этой прозы останется со мной до конца, как дополнительное измерение земной гравитации».

В автобиографическом предисловии к книге «Зеркала», М.: «Волшебный фонарь», 2015 <http://bdn-steiner.ru/modules/Books/files/Bojko-Mirrors.pdf> говорится о фотокопиях:

«Колымские рассказы» я впервые прочёл шестнадцатилетним в новосибирском Академгородке. Тяжесть этого чемодана с фотокопиями до сих пор в памяти, как дополнительное измерение земной гравитации».

Поскольку Станислав Божко рождения 1947 года, то, надо думать, КР он прочел не в шестнадцать, а в восемнадцать лет.

Напомню. К 1965 году (или, вернее, за три года до этого) Шаламов придал сборнику «Колымские рассказы» окончательный вид и, полагаю, собирался передать для издания за границу, но помешал арест Синявского и Даниэля. Инициатива была перенесена на следующий год, когда КР оказались в монопольном владении редактора нью-йоркского «Нового журнала» Романа Гуля.

Довольно обширная получается география распространения «Колымских рассказов» в советском самиздате шестидесятых годов.

Письмо в «Литературную газету», 1972

Михаил Геллер. Стойкость духа: Солженицын, Шаламов и «Письмо в ЛГ», 1974

Отрывок из статьи-рецензии Михаила Яковлевича Геллера «Воскрешение духа. («Архипелаг ГУЛаг», ч. III и IV)» http://www.rp-net.ru/tools/d_cnt.php?IBLOCK_ID=47&ID=6968, опубликованной в журнале «Вестник русского христианского движения», 1974, №112-113 (II-III)

«Через весь второй том проходит спор Солженицына с Варламом Шаламовым. Автор «Архипелага» почти исключил Колыму из «охвата своей книги», ибо ей «повезло»: там выжил Варлам Шаламов»... Солженицын пишет о Шаламове очень доброжелательно, положительно оценивая его 60 лагерных рассказов о Колыме и исследование о блатных: «кроме нескольких частных пунктов между нами никогда не возникало разногласия в изъяснении Архипелага. Всю туземную жизнь мы оценили в общем одинаково. Лагерный опыт Шаламова был горше и дольше моего, и я с уважением признаю, что именно ему, а не мне досталось коснуться того дна озверения и отчаяния, к которому тянул нас весь лагерный быт». Но расхождения между Солженицыным и Шаламовым есть. И касаются они прежде всего проблемы принципиальной: Солженицын возражает против основного вывода, сделанного после многих лет колымских лагерей: «...лагерь – отрицательная школа жизни целиком и полностью. Ничего нужного, полезного оттуда никто не вынесет». Солженицын пишет: «Благословение тебе, тюрьма!» Жизнь разрешила этот исключительной важности спор. В 1972 г. Варлам Шаламов печатно отрекся от своих рассказов. Через полтора десятка лет после освобождения из лагеря сломался автор правдивых «Колымских рассказов», ибо не сумел найти внутреннего освобождения. Для того, чтобы по-настоящему освободиться, оказалось недостаточным перейти из «малой зоны» в «большую».

Спор между Солженицыным и Шаламовым выходит далеко за рамки дискуссии о поведении заключенных в лагере. Касается он души народа, ее возможностей. Спор этот о будущем страны – может ли она найти в себе силы для внутреннего освобождения».

«Письмо в ЛГ» и жилищный вопрос

Григорий Гольдштейн, ведущий в ЖЖ дневник под ником gg59, после публикации в блоге «Варлам Шаламов и концентрационный мир» воспоминаний о Шаламове Александра Запольского обратил внимание на следующий пассаж:

«В 1970 г. у нас под окном стали рыть котлован будущего метро, и в стенах нашего дома образовались приличные трещины. [...]

В 1972 г. наш дом, наконец, снесли, всем его жителям дали новые квартиры в Чертанове и Бирюлёве, а Шаламов получил комнату в центре».

В комментарии Гольдштейн написал:

«В 1972 г. наш дом, наконец, снесли...»

А о том, что он будет снесен, известно с 1970-го.

Я все про письмо в Литературку: мы как-то не связываем его появление с перспективой переезда в Чертаново или Бирюлево. А по-моему, такая связь есть. Понимаю, что доказать это невозможно. Но надо совсем ничего не понимать про советскую власть, чтобы не испытывать сомнений. Письмо к Шрейдеру, где Шаламов рассказывает, что получил комнату в центре, потому что отказался от Чертанова по медицинским показаниям, мне тоже слышится лукавством, ему ли не знать глубину бесправия».

Я согласился, что Чертаново, пожалуй, «занижало цену» «Письма в ЛГ», и попросил Григория как москвича высказаться полнее. Он пояснил:

«Чертаново – спальный район, очень далеко. Шаламов совсем не может пользоваться метро и такси. Другим общественным транспортом тоже. Как он сам пишет Шрейдеру, садясь в троллейбус или трамвай, он «выходит на следующей остановке и бредет домой пешком». В Чертаново он получил бы отдельную квартиру, но она ему не нужна, ему нужно в центре, пусть и комнату. Близость к центру для него гораздо важнее удобств и размеров.

Жилье стало решающим аргументом, важной частью предложенной Шаламову сделки.

Откуда, почему возникли подобные подозрения?

Комнату на Васильевской, равно как и предыдущую комнату на втором этаже дома на Хорошевке, он получил непонятным, странным образом, вопреки существующим правилам.

«Вселение в новую комнату сопровождалось инцидентом: оказалось, что Фрунзенский исполком вселил В.Т. на площадь другого района. Ордер не регистрировали в исполкоме. В.Т. не прописывали недели две, я ходила по инстанциям. В.Т. был просто в истерике – он потеряет прописку в Москве, его выселят. В конце концов я пошла в исполком и сказала, что не уйду отсюда, пока дело не решится – я не могу сказать В.Т., что прописка еще откладывается. И бесславно расплакалась, просто убитая всеми проволочками. Дело решилось тут же. Ордер приняли» (Сиротинская, «Мой друг Варлам Шаламов», Москва, 2006, стр. 33).

Убедительно?

Кто она ему, чтобы «ходить по инстанциям»? Он выписал ей нотариальную доверенность?

Вот так – поплакала, и все решилось».

Я возразил, что Авербах, благодаря которому Шаламов получил отдельную комнату на Хорошевской, ходатайствовал за него как член общественной комиссии Моссовета, занимавшейся в том числе проблемами жилья реабилитированных, а вот в качестве кого ходила по инстанциям Сиротинская, действительно непонятно. Но речь в данном случае не о Сиротинской. Речь о том, что сбрасывать со счетов надвигающееся выселение и переселение, о чем известно с 1970 года, никак нельзя, а оказаться на выселках было для Шаламова абсолютно реально, при прочих равных условиях никто с его инвалидностью считаться бы не стал – как пишет Гольдштейн, «надо совсем ничего не понимать про советскую власть». Нахожу его соображения достаточно здравыми, чтобы учитывать их, говоря о пресловутом «Письме в ЛГ».

Полностью пост Гольдштейна и комментарии к нему – в блоге «Варлам Шаламов и концентрационный мир» <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/317109.html>

Еще об отношении современников к шаламовскому «Письму в ЛГ»

«Да любого инакомыслящего в СССР и без поездок обвиняют в связях с Западом, и нет обвинения весомее не только в глазах «правосудия», но и в представлении общества – так уж приучили. Вас напечатал «Фонд Герцена», «Посев», Гедройц* – и уже Шаламов или Окуджава спешат откреститься от публикации, а то и от самих произведений».

А. Марченко, М. Тарусевич**, «Tercium datur» – третье дано», журнал «Континент», №9, 1976

http://www.vtoraya-literatura.com/pdf/kontinent_009_1976_text.pdf

От составителя

* Ежи Гедройц – редактор и основатель польского эмигрантского журнала «Kultura», ежеквартальника «Исторические тетради» и издательства «Instytut Literacki», где печатались и русские авторы.

** Марченко – это, понятно, Анатолий Марченко, а «М. Тарусевич» – псевдоним Ларисы Богораз, известной правозащитницы, жены Марченко и первой жены Юлия Даниэля.

Спустя несколько лет Марченко выразится намного резче:

«Я знаю людей, кто достойно прошел через Колыму, Воркуту и прочие подобные места в 30-х, 40-х, 50-х годах, но не сумел сохранить это достоинство на воле в уже почти либеральное наше время.

Из известных имен достаточно вспомнить В. Шаламова: не только достойно жил – и, к счастью, выжил – на Колыме, но и создал нерукотворный памятник ее жертвам – «Колымские рассказы». А в 70-е годы отрекся от них: «Проблематика «Колымских рассказов» снята жизнью!»! Предал себя, предал дело своей жизни, предал сотни, нет – тысячи мучеников... Чего ради? Не могу понять. Говорят, что поманили публикацией сборника его стихов».

Анатолий Марченко, из «Открытого письма академику Капице П.Л.» от 1 марта 1980 г.

Опубликовано в «Сахаровском сборнике», Khronika Press, США, 1981 г., репринтное воспроизведение: Москва, изд. «Книга», 1991. Электронная версия <http://maxima-library.org/knigi/genre/b/302892/readhtml> в библиотеке Maxima Library.

Шаламов об Анатолии Марченко из записи-рецензии «для себя» (не датировано) на книгу «Мои показания» (1967):

«Прочел рукопись и вижу, что есть хороший, настоящий человек. <...> Учиться, учиться, получить специальность, диплом. Читать, читать! За два года сделать из него человека и без диплома, но всеми возможностями получить диплом».

Марченко умер в тюрьме в 1986 году вследствие объявленной голодовки, продолжавшейся 117 дней.

* * *

Речь идет о шаламовском «Письме в ЛГ»:

«Страшное это было письмо.

Прочитав его тогда, я – не только я, все мы, кто знал, кто такой Шаламов, – не могли поверить своим глазам. Но упрекать, а тем более осуждать его мы не смели. Кто посмел бы кинуть камень в человека, за плечами которого было двадцать лет каторги, Колыма, – в старого каторжанина, который, прочитав «Один день Ивана Денисовича», об авторе этой пронзившей нас повести высказался так:

– Интересно, где это он нашел такой лагерь? Ведь это же санаторий!

Мы, конечно, не сомневались, что письмо это было вырвано у него под пыткой (в наш вегетарианское время, конечно, уже не физической, но для него не менее страшной).

Но сам Варлам Тихонович это отрицал. [...]

Читая это тогда, я, грешным делом, сперва даже подумал, что всей этой гнусной лексикой и фразеологией Шаламов решил воспользоваться нарочно, чтобы читатели «Литературной газеты» сразу увидели, поняли, что это не он, что это его письмо вынужденное, вымученное, что его заставили всё это написать».

Бенедикт Сарнов, «Красные бокалы» <http://www.litmir.net/bd/?b=200421>, М.; изд. АСТ, 2011

* * *

«Этих «опровержений» в те годы было, увы, немало. В ноябре 1972 года «Литературная газета» напечатала письмо Булата Окуджавы, в котором он отказывался от вышедшего на Западе сборника своих стихов с «антисоветским» предисловием. Тогда же было опубликовано покаянное письмо Анатолия Гладилина. Более того, 23 февраля в «Литературке» появилось письмо Варлама Шаламова, где он отрекался от публикации «Колымских рассказов» журналом «Посев» и говорил, что проблематика этих рассказов «давно снята жизнью».

[...] публикация такого «опровержения» в тех условиях могла означать только одно: признание своего поражения».

«В поисках Высоцкого», научно-популярное периодическое издание (ежеквартальный журнал), издательство Пятигорского государственного лингвистического университета (ПГЛУ), Пятигорск, 2012

<http://vv.mediaplanet.ru/static/upload/W%20poiskax%20WW%20N6.pdf>

* * *

Из выступлений на обсуждении книги В. Есипова «Варлам Шаламов» в Музее ГУЛАГа, Москва, сентябрь 2012.

Расшифровка составителя.

Валерий Есипов:

«Я вчера буквально беседовал с одной дальней родственницей Шаламова, и она сказала, что за это письмо его, Варлам Тихоновича, осуждала даже его жена, первая жена, Галина Игнатьевна [Гудзь]. Представляете, какой парадокс: женщина, которая была напугана сталинской эпохой, она тоже была в ссылке, в Чарджоу, она всего боялась... когда Шаламов вернулся, из-за чего, они, собственно говоря, расстались, она говорила: «Давай поживем тихо, нормально, как все». [...] И вот потом эта женщина его осуждала за то, что он выступил против публикаций несанкционированных на Западе – что, якобы, он сдался властям и прочее и прочее».

Елена Захарова:

«Тогда, в том числе на кухне у Надежды Яковлевны Мандельштам, это все обсуждалось: вот так он написал это письмо и сяк он написал это письмо».

Видеозапись выступлений выложена на сайте «Гэфтер»
[http://vk.com/video_ext.php?oid=-49825663&id=166635317&hash=4e8c6b6f10786fa2.](http://vk.com/video_ext.php?oid=-49825663&id=166635317&hash=4e8c6b6f10786fa2)

A handwritten signature in black ink, consisting of a long horizontal stroke followed by a smaller, more complex mark.

Дом престарелых, психушка, смерть

«Шерри-бренди». Об обстоятельствах перевода Шаламова в психушку и его смерти

Хочу остановиться на четырех последних днях жизни Шаламова.

В двух документах, опубликованных непосредственно после смерти писателя ухаживавшими за ним волонтерами – в отчете Александра Морозова в «Хронике текущих событий» (1982) и письме Елены Захаровой-Хинкис в редакцию журнала «Вестник РХД» (№1, 1983), то есть наиболее аутентичных свидетельствах, датой перевода (отправки) Шаламова в психушку называется 14 января. Раньше у меня имелись сомнения – благодаря воспоминаниям Елены Захаровой, писавшей, что отсутствие Шаламова в доме престарелых другая добровольная сиделка, Татьяна Уманская, обнаружила на день позже. Отсюда дата 15 января, в отличие от 14-го врезающаяся в память известием о беде из уст звонящей в панике женщины. 14-е число в этом смысле ничем не отмечено – голая цифра, и в поздних рассказах Захаровой она не упоминается.

О переводе Шаламова в психушку 14-го, согласно Морозову, стало известно так:

«ШАЛАМОВ давно просил ХИНКИС позвонить от его имени И.С. ИСАЕВУ, редактору, на помощь которого он рассчитывал, собираясь готовить книгу стихов к своему 75-летию. ХИНКИС позвонила как раз 14 января. ИСАЕВ разговаривал сухо, помощи не обещал и только под конец разговора сообщил новость: – Его уже перевели. Мне позвонила какая-то женщина.

Этой женщиной была работник ЦГАЛИ И.П. СИРОТИНСКАЯ, которой, по ее словам, ШАЛАМОВ завещал свой литературный архив».

Захарова не опровергает морозовской версии, получившей для меня дополнительный вес после того, как я узнал, что Иван Исаев, не будучи редактором, действительно пытался в то время «протолкнуть» сборник стихов Шаламова в издательстве «Советская Россия» (поэтому Морозов и называет его «редактором» –

что поначалу делало для меня неправдоподобной всю ситуацию). Согласно Морозову, Сиротинская была извещена о переводе Шаламова в психушку в тот же день, если не заблаговременно; она тоже, кстати, датирует перевод то 14-м, то 15-м января, что сбивает с толку. Не опровергая морозовской версии, просто умалчивая о ней, Захарова двадцать лет излагала собственную, где, повторяю, фигурирует только 15-е число. Сейчас, однако, можно сказать с полной уверенностью, что Шаламов был отправлен в психушку именно четырнадцатого.

Шестнадцатого Захарова и Анис едут в богадельню, где с трудом узнают адрес заведения, куда помещен Шаламов.

Семнадцатого они находят этот «интернат для психохроников» («это не лечебное учреждение», подчеркивает Захарова) и в нем – Шаламова уже в состоянии предсмертной агонии.

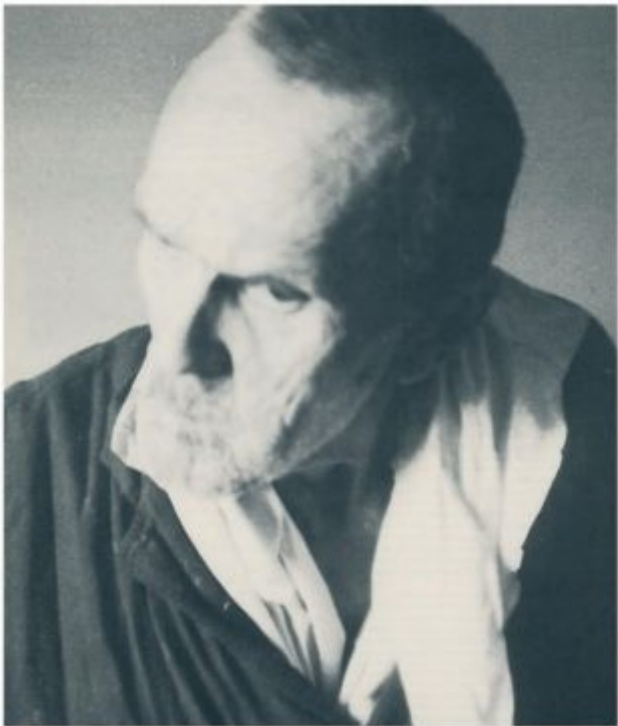
Если опираться на рассказ Морозова, который я считаю вполне достоверным и подкрепленным деталями, извещенная о происшедшем Сиротинская так и не посетила в психушке своего «великого друга». Она и сама этого не скрывает: «...его непрочный бедный рай разрушили – перевели в другой, психо-неврологический дом инвалидов», «Все мы пришли, но было уже поздно». Куда пришли непонятные опоздавшие «все», среди которых Сиротинская? Не в морг же они пришли? На похороны – куда еще... Тем отвратительнее читать ее лицемерные lamentации: «Умер на руках чужих людей, и никто не понял его последних слов», «Страшно, что я не слышала его последних слов, мне рассказывали, что он пытался что-то сказать». А что, собственно, мешало Сиротинской услышать последние слова Шаламова? Что ей мешало провести несколько часов (про дни я уже не говорю) у постели умирающего «великого друга»? Что мешало ей хотя бы навесить его в этом ужасном месте?

Почему я на всем этом останавливаюсь? Потому что здесь столь ценимая Шаламовым «символическая деталь».

Если Шаламов был взят из богадельни 14-го, скажем, в обед, а умер 17-го под вечер в «интернате для психохроников», то пролежал он там с воспалением легких и в состоянии тяжелой душевной травмы, а под конец и беспомощности, полных три дня – в одиночестве, в общей палате, без помощи и ухода. Это чисто колымская смерть, такая же, как у Осипа Мандельштама из рассказа «Шерри-бренди», в котором Шаламов, как оказалось, предвосхитил собственную кончину, только уже в Москве. Тюремное помещение, полное одиночество, скотские условия,

дистрофия; некому сказать последних слов, даже если бы их захотелось сказать. Смерть в тридцатых, смерть в восьмидесятых.

Так умирали в СССР великие писатели и поэты.

В. Шаламов. 1982 г. Одна из последних фотографий.

Одна из последних фотографий Шаламова, 1982

Фотография опубликована в литературном альманахе «А-Я», №1, 1985, Париж, где печатались очерки Шаламова «Осколки двадцатых годов». Автор не указан. Если дата под фотографией верна, то сделана она между 1 и 14 января 1982 года.

Постскриптум.

Уже после написания и публикации этой заметки в блоге «Варлам Шаламов и концентрационный мир» <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/318308.html> наткнулся на поразительные слова Надежды Мандельштам, сказанные ею в беседе со славистом Кларенсом Брауном весной 1966 года (журнал «Октябрь», №7, 2014, расшифровка магнитофонной записи и публикация Павла Нерлера <http://magazines.russ.ru/october/2014/7/7p.html>). Рассуждая о степени достоверности шаламовского рассказа о смерти мужа, она говорит: «...вероятно, Шаламов представлял, как он сам будет умирать и как эта смерть придет к нему – со стихами или без стихов». Формулировка без преувеличения ясновидческая – сказано в шестидесятых годах о рассказе, написанном в пятидесятых, и сказано не в сослагательном наклонении: «представлял, как бы он сам умирал», – а в будущем

времени: «как он сам будет умирать». Если это не пророчество, то что тогда называть пророчеством? В Москве второй половины шестидесятых годов очень трудно было представить, а тем более предвидеть, возвращение обстоятельств лагерной смерти Мандельштама в приложении к реабилитированному, находящемуся на пике творческих сил и, как казалось, стоящему на пороге мировой известности Варламу Шаламову. Надежда Яковлевна, подобно персонажу «Божественной комедии» Данте, поверх туманного настоящего видела и предвещала будущее как преддрешенное, причем видя это будущее глазами безотчетно ведающего Шаламова.

Магнитофонная пленка с поминок по Шаламову, 1982 год, в архиве Радио Свобода

Решил, несмотря вполне исчерпывающую информацию, полученную от Владимира Рябокonia-Рибопьера, повторить, что в архиве Радио Свобода имеется самиздатская магнитофонная запись поминок по Шаламову, состоявшихся в день его похорон в доме Натальи Кинд. О ней говорит и сотрудник радиостанции Иван Толстой <http://www.svoboda.org/content/transcript/401018.html>.

Из этой записи обнародован только небольшой кусок выступления опекуна Шаламова в доме престарелых Александра Морозова (см. в основном томе в разделе Воспоминания).

Не мешало бы кому-нибудь из многочисленных шаламоведов запросить на Радио Свобода или в московском Мемориале копию этой магнитофонной записи и сделать ее посредством интернета достоянием широкой публики и исследователей. А будущему биографу Шаламова не упустить из виду этот важный источник.

Виктор Некрасов о смерти Шаламова, 1982

«Три года идет эта позорная, постыдная, кровопролитная война [в Афганистане – сост.], хотя и немного, но о ней здесь пишу, а мы что-то узнаем.

А советский человек? Что он знает о ней? Да ничего! Кроме тех матерей, которым (я очень этому верю) доставляют гробы с останками погибших сыновей. Да и они-то, эти матери, что они знают? «Погиб при исполнении воинского долга» – и всё. Но это война. Там убивают. Одни об этом пишут, другие нет. Советские газеты, в частности, помалкивают. Наши солдаты там не воюют, упаси Бог, помогают афганцам убирать урожай... Иной раз отбиваются от обнаглевших, подосланных американцами и китайцами, басмачей...

Но, вот, не на войне, а в Москве умер один из замечательных, талантливейших русских писателей Варлам Шаламов. Куда до него Кочетову или Симонову. Но о тех некрологи во всех газетах, с десятками подписей во главе с самим Леонид Ильичом. А о Шаламове, авторе воистину потрясающих «Колымских рассказов», переведенных чуть ли не на все европейские языки, всего несколько строк в «Литгазете» через две или три недели после его смерти, и то, как об ушедшем поэте – о рассказах ни звука.

И о причине смерти тоже ни звука. Западная пресса, мол, любит обсасывать все детали шумных сенсаций. И в каком платье лежала в гробу Грейс Келли, и как одет был шедший за гробом князь Ренье – над всем этим иронизирует прожженный советский газетчик типа Юрия Жукова, Мелора Стурра или Генриха Боровика, но вот детали кончины В. Шаламова старательно обходятся. А ведь умер-то он от побоев, когда дюжие санитары перевозили его из дома престарелых в психушку. Избили, а на следующий день он умер. Один из крупнейших писателей России. И последней четверти XX века. В Москве...

Из статьи Некрасова «О смерти... по обе стороны Берлинской стены» <http://nekrassov-viktor.com/Books/Nekrasov-O%20smerti.aspx>, октябрь 1982 года, с сайта, посвященного автору.

См. статью Виктора Некрасова о «Колымских рассказах» «Сталинград и Колыма (Читая Шаламова)» <http://nekrassov-viktor.com/Books/Nekrasov-Stalingrad%20i%20Kolima.aspx>. Написана в эмиграции в 1986 году для радио, какого, не сказано, напечатана во Втором Шаламовском сборнике, Вологда, 1997, и в однотомнике избранного «Виктор Некрасов. Сочинения», изд. Книжная палата, М., 2002.

Об использовании авторитета диссидентов для «раскрутки» Шаламова в посткоммунистической России Ириной Сиротинской и командой ее совков см. в

блоге «Варлам Шаламов и концентрационный мир» <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/341626.html>.

«Поминальное слово» Сергея Григорьянца как криминал

Бюллетень «Вести из СССР» о суде над Сергеем Григорьянцем, 1983

«ВЕСТИ ИЗ СССР (USSR NEWS BRIEF) <https://kronid.wordpress.com/> – периодический правозащитный бюллетень, издававшийся в 1978-91 гг. Кронидом Любарским в Мюнхене. Наполненный информацией, полученной с большим трудом из-за “железного занавеса”, бюллетень был одним из главных источников информации о нарушениях прав человека в СССР».

Кронид Любарский – участник правозащитного движения, политзаключенный, с 1977 года политэмигрант.

Сообщения <https://kronid.wordpress.com/category/1983/> в бюллетене о суде на Сергеем Григорьянцем, 1983 год.

«19/20-11. 24-26.1983 Калужский областной суд рассмотрел дело С. Григорьянца (1983,17-12), обвинявшегося по ст.70 УК РСФСР. В обвинительном заключении было 36 пунктов, включая, прежде всего, составление и редактирование 10 выпусков самиздатского бюллетеня экспресс-информации “В” (1983,6-33) а также произнесение надгробной речи при похоронах Варлама Шаламова, писателя, многолетнего узника сталинских лагерей. С. Григорьянец подтвердил свое участие в издании бюллетеня “В”, но заявил, что бюллетень ставил своей целью сохранение информации для потомства, а не подрыв советской власти. С. Григорьянец приговорен к 7 г. лагерей строгого режима (с отбывание первых двух лет в тюрьме) и к 3 г. ссылки. <...>

К суду над Сергеем Григорьянцем

22-2. Дело Сергея Григорьянца (1983,19/20-11) рассматривалось в Калужском областном суде 24-26.10.1983. Защищал С. Григорьянца по назначению суда председатель Калужской (областной?) коллегии адвокатов Тарасов. Мать С. Григорьянца обратилась к суду с просьбой допустить ее в качестве второго защитника ее сына, но в этом ей было отказано. Жену С. Григорьянца в зал не допустили, т.к. ей предстояло выступить последним по счету свидетелем. Друзья С. Григорьянца также не смогли попасть в зал. Здание суда и вход в зал охранялись милицией, дружинниками и агентами в штатском.

С. Григорьянц обвинялся по ст.70 УК РСФСР. В обвинительном заключении содержалось 36 пунктов, в частности: ряд эпизодов, связанных с изданием и редактированием бюллетеня “В” (NN 85-88; 90-93; 95, 97, 98); написание и передача за рубеж статьи о смерти В. Т. Шаламова (см. http://www.vtoraya-literatura.com/publ_637.html); создание литературно-лингвистической картотеки, “собранный С. Григорьянцем с умыслом написания антисоветского романа”; распространение “антисоветской” литературы; устная “пропаганда”.

С. Григорьянц виновным себя не признал. Он отрицал наличие клеветы в бюллетенях “В”, допуская возможность отдельных неточностей, отрицал антигосударственные цели издания. На вопрос прокурора, для кого предназначался бюллетень “В”, С. Григорьянц ответил, что “прежде всего, для наших детей и внуков, а в настоящее время – для узкого круга лиц”. С. Григорьянц отрицал, что написал статью о смерти В. Шаламова, указав, что он составил лишь набросок надгробной речи, которую не произнес, т.к. узнал, что В. Шаламов выразил желание, чтобы над его могилой речи не произносились. Набросок этот позднее был утерян. Наличие изъятой у него картотеки и тетради с текстами лагерного фольклора С. Григорьянц объяснил своими профессиональными интересами журналиста. По поводу изъятых у него книг зарубежных изданий С. Григорьянц пояснил, что они ему оставлены уехавшим за рубеж Б. Мухаметшиным.<...>

По просьбе С. Григорьянца были зачитаны показания начальника тюрьмы г. Верхнеуральска Титова о том, что С. Григорьянц в Верхнеуральской тюрьме “писал антисоветские произведения”. Зачитана была также выписка из тюремного личного дела С. Григорьянца (по первому сроку), из которой явствует, что из 140 дней, проведенных в Верхнеуральской тюрьме, 121 день С. Григорьянц провел в карцере. С. Григорьянц указал, что всякому ясно, что в карцере невозможно “писать произведения”. С. Григорьянц сказал, что если он чем-то и гордится в своей жизни, так это тем, что он выдержал карцер Верхнеуральской тюрьмы, не

сойдя с ума и не потеряв совести. После этого ему стало ясно, что возврат к благополучной жизни для него более морально невозможен, почему он и решил стать составителем и редактором "В".<...>

Прокурор просил у суда для С. Григорьянца 7 лет лагерей с отбыванием первых 4 лет в тюрьме. Защитительную речь С. Григорьянц произнес сам (видимо, отказавшись на этой стадии от услуг адвоката). В последнем слове С. Григорьянц вновь напомнил о мотивах, приведших его к изданию "В", настаивал на законности своих действий и на своей моральной правоте.

Приговор уже сообщался (1983,19/20-11): 7 л. лагерей строгого режима с отбыванием первых 2 л. в тюрьме и 3 г. ссылки."

Архив, библиография

Варлам Шаламов. «Мыслимый разговор с Борисом Пастернаком»

От составителя

Самиздатский список из коллекции Геннадия Абольянина, подробности см. в данном сборнике в статье «Переписка Шаламова и Пастернака в советском самиздате».

Варлам Шаламов. «Мыслимый разговор с Борисом Пастернаком»

Пастернак и Шаламов.

... Я видел Вас один раз в жизни. Не то в 1933 или в 1932 году в Москве в клубе МГУ Вы читали «Второе рождение», а я сидел, забившись в угол, в темноте зала, и думал, что счастье – вот здесь, сейчас – в том, что я вижу настоящего поэта и настоящего человека – такого, какого я представлял себе с тех пор, как познакомился со стихами. Всего за несколько лет я был огорошен и подавлен строками: «Февраль. Достать чернил и плакать. Писать о феврале навзрыд.» и т. д. Я волновался и не понимал, какую силу и глаз надо иметь, чтобы написать такие стихи. И с того времени каждая Ваша строка, бывшая в печати, привлекала и тревожила меня. ...

... Позднее, когда я встретился со стихами Анненского и они стали очередным откровением для меня, мне было ясно, что поэтические идеи Анненского близки Вашим. Вы пишете о влияниях. Я никогда как-то не доверял этому понятию. Мне казалось, что в ряде случаев (и в моем также) дело не во влиянии, а в исповедовании одной и той же веры. Влияние – это порабощение, а единоверие – это свобода.

Я всей душой согласен с Вами, что писание стихов как самоцель – чушь. Но ведь как рождалось-то и росло: игра, в которой ощущаешь силу, голос старых мастеров, слушая который перехватывает дыхание, топотанье стихов в мозгу –

такое неотвязное, что легче становится только тогда, когда запишешь их, мир, который с каждым годом все покорнее ложится на бумагу.

А потом – ведь с юности думалось, как бы послужить людям, принести хоть какую-нибудь пользу, недаром прожить жизнь, сделать что-то, чтобы люди были лучше, чтобы жизнь была теплей и человечней. И если чувствуешь в себе силу сделать это стихами, в искусстве – тогда все другие пути теряются в тумане и все становится не важным, подчас и сама жизнь. Так много растеряно, брошено, убито, не достигнуто, и только самое дорогое пронесено через всю жизнь: любовь к жене и стихи.

К тому же я верю давно в страшную силу искусства, силу, не поддающуюся никаким измерениям и все же могучую, ни с чем не сравнимую силу. Вечность этих Джиоконд и Инфант, где каждый находит свое смутное, не осознанное и волнующее, и художник, умерший много веков назад, силой своего искусства воспитывает людей до сих пор, – что может быть завидней такой силы и какое счастье может ощущать тот, кто положил свой камень в это вечное здание. Я никого ни с кем не сравниваю, я снимаю понятие масштабов.

И как бы ни была грандиозна сила другого поэта – она не заставит меня замолчать. Пусть в тысячу раз слабее выражено виденное мной – это впервые сказано. Я счастлив оттого, что я понимаю, ощущаю, как писалась эта картина, я понимаю волнение художника и завидую ему, понимаю его душу, понимаю, как он говорил с жизнью и как жизнь говорила с ним. И больше того: я глубоко убежден, что искусство – это бессмертие жизни. Что то, чего не коснулось искусство, – умрет рано или поздно.

Может быть, Вам смешно читать эти наивные строки. Я ничего не понимаю в теоретической стороне дела. Я просто объясняю Вам – почему я пишу стихи. Притом я уже ничего не могу с собой сделать – то, что заставляет брать карандаш и бумагу, – сильнее меня. Притом я смею надеяться, что все написанное мной – меньше всего литература.

Я пишу и не вижу конца всему тому, что мне хочется сказать и рассказать Вам. Вижу у себя тысячи недостатков, кроме указанных Вами, но все же написанное мною – стихи, и общение с жизнью на этой дороге – оправдано.

Вы говорите много верного, но кое в чем я не могу согласиться с Вами. И прежде всего – о зачеркивании прошлого, Ваших прошлых работ. Этот мотив переполняет Ваши последние сборники, и, стало быть, я знал это и раньше Вашего письма. Не чересчур ли жестоко это отречение? Я понимаю, что строгий мастер растет и живет, отрицая и уничтожая самого себя, но я помню, знаю и другое. Ведь я знаю людей, которые жили, выжили благодаря Вашим стихам, благодаря

тому ощущению мира, которое сообщалось Вашими стихами – именно теми, которые предаются сейчас сожжению. Думали ли Вы об этом когда-нибудь? О людях, которые остались людьми только потому, что с ними были Ваши слова, Ваши рисунки и мысли? Что стихи читались, как молитвы. Не в том дело, что «ученики» брошены: стихи-то ведь живут и без Вас. К тому же это вовсе не ученики. Но была же в стихах этих такая жизнь и сила, которая, повторяю, людей сохранила людьми. ...

... За эту переписку задет такой большой кусок моей жизни, что и не писать Вам я не могу, хотя и чувствую, как я врываюсь в Ваше спокойствие, в Ваши здоровье и силы и чересчур жадно и беззастенчиво пользуюсь Вашим вниманием, деликатностью и сердечностью. Я чувствую себя как-то виноватым перед Вами. И все-таки пишу.

Я слишком давно оторван от общественной жизни, от культурной жизни, чтобы жалеть об этом. И чтобы желать чего-либо другого, кроме прояснения вопросов этих всех для себя.

Я продолжаю тот, наверное, бесконечный список вопросов, который я начал разворачивать перед Вами в прошлых письмах.

Нет слов с одинаковым значением для каждого, с одинаковым смысловым содержанием. Даже такое, казалось бы, универсального значения слово, как «смерть», отнюдь не воспринимается всеми людьми одинаково. В нашем вопросе поэтическая интонация сообщает слову (за которым стоит понятие) смысловые оттенки. Это обстоятельство, бесспорность которого очевидна для поэта (да и не только для поэта), определяет то, что поэт пишет для самого себя, хочет, по Флоберу, «нравиться самому себе», ищет ясности ощущения в самом себе, находит ее и увлекает других собственным ощущением слова, события, темы. Подлинная поэзия, конечно, всегда земная поэзия. Но не арифметическая поэзия. Подлинная поэзия предстает как некий алгебраический ряд, алгебраическая задача, куда каждый читатель может вносить свою арифметику, делать свои жизненные, арифметические подстановки.

Именно эти находки – теоремы и формулы – делают гениев, и в этом одна из главнейших причин вечности, скажем, Шекспира.

Есть другая поэзия – оперирующая арифметическими величинами, когда читательской работы не требуется и приводится цифровая выкладка, дается однократное и тем самым не вечное, а временное решение задачи. Примеров этой второй, арифметической поэзии приводить не надо.

Алгебраическими величинами поэт может сделать любые слова, ибо поэтических слов, как таковых, нет. Но есть поэтический ряд, расположение слов. Зачем ходят в театр смотреть Шекспира? Зачем (почему) его читают? Почему «Ромео и Джульетта» даже в кино, искусстве, по сравнению с театром, второсортном, волнует до слез людей, которым, казалось бы, вовсе и всячески чужда жизнь Вероны, итальянского города, о котором написал англичанин, никогда не видевший ни ее, ни ее людей в глаза? Не быт же хотят изучать по Шекспиру? Я еще не видел в исторических музеях плачущих людей, я видел их только в художественных галереях. (...)

«Алгебра» в поэзии – это, конечно, не «символы» русских поэтов начала двадцатого века. Она трижды, четырежды земная, из земли родившаяся, но не возвратившаяся в землю, а продолжающая жить на земле.

Это касается ощущений «Гефсиманского сада» – я горжусь Вашей внутренней свободой и благоговею перед ней.

Удивительно и больно то, что слишком часто люди принимают за стихи вовсе другое. Стихи эти, поэтически безупречные, полны необычайной силы, прелести и задушевности. А книга эта – родник чистоты, и кто обойдется без образов этого мира? И кем бы был, например, Толстой (весь от ранних вещей до последних) без нее? ...

... Сердечно поздравляю Вас и Вашу жену с Новым годом. Хочу, чтобы Ваш Новый год был творчески сильным, чтобы в новом году была открыта Вам дорога к свободному общению с читателем. Чтобы Вы попрежнему были совестью нашего времени, чтобы не пришлось снова писать Магдалин. Чтобы Вы хранили верность своему великому искусству – с той неподкупной чистотой, как Вы это делали всю жизнь. ... [Это письмо от 27 дек. 53, оно позже последующего, а в тексте предшествует – сост.]

... Я прочел Ваш роман. Я никогда не думал, не мог себе даже в самых далеких моих чаяниях последних пятнадцати лет представить, что я буду читать Ваш не-напечатанный, неконченный роман, да еще получаемый в рукописи от Вас самих. Всего два месяца назад, чужой всем окружающим, затерянный в зиме, которой вовсе и нет дела до людей, вырвавших у нее какие-то уголки с печурками, какие-то избышки среди неизбежного камня и леса, среди чужих пьяных людей, которым нет дела ни до жизни, ни до смерти, я пытался то робко, то в отчаянии стихами спасти себя от подавляющей и растлевающей душу силы этого мира, мира, к которому я так и не привык за семнадцать лет.

Затерянный, но не забытый. Я вернулся и пришел в Лаврушинский. Встретился с Вами. Поймите, чем это было для меня. Поймите даже мою немоту. Ведь от встречи после разлуки с городом можно плакать на подъезде вокзала, а тут была встреча с моей женой, женщиной, подвиг которой я не могу поставить в ряд ни с чем слыханным или читанным. Ведь ожидание мужей с войны (...) – ребячество, даже по времени ребячество. Когда все искусство, все газеты, доклады – все кричат на каждом шагу, увязывая ее с мужем и провозглашая ее героизм, и совсем, совсем другого масштаба дело, когда все ей кричат: «Твой муж – преступник, порви с ним, и ты будешь свободна от дискриминации», ее лишают службы, ей мстят всей силой государства. Она годами бедствует и плакать уже разучилась. На руках ее полуторагодовалый ребенок. И какую нужно иметь душевную силу и веру в человека, чтобы семнадцать лет писать по сто писем в год, встретить его на вокзале. Вот на другой день после этой встречи я и был у Вас впервые. И эту встречу, зная, чем она является для меня, она подготовила.

И встреча с дочерью, второе ее для меня рождение, а меня для нее – первое – я ведь оставил ее ребенком полутора лет, а сейчас ей 18, и она студентка второго курса.

И, наконец, в эти же два дня – эта необыкновенная встреча с Вами. Кем Вы были для меня, чем были Ваши стихи для меня целых двадцать лет – об этом надо и рассказывать и писать отдельно.

Не правда ли – не слишком ли много событий для двух дней одного человека. Простите меня, что я пишу не о романе, это тоже о романе, впрочем – это состояние, созданное его чтением, это фразы, подсказываемые Вашими героями, – так что они толкнули меня на исповедь.

Видите ли, Б. Л., я никогда не выступал в роли литературного критика. И никогда не пробовал писать роман. Это казалось мне каким-то первовосхождением на какой-то Эверест, восхождением, к которому я вовсе не подготовлен. Но рассказы я писал и даже лет 18 назад печатал – рассказы плохие. Я напряженно работал тогда над коротким рассказом, лет пять, кажется, учился понимать, как сделан рассказ Мопассана «Мадемуазель Фифи», а потом понял, что вовсе не это знание нужно для писателя.

Я понял, что писателя делает поэтический напор прочувствовать впечатление, как будто слова спасаются от пожара, возникшего от случайной причины где-то внутри, и вырываются, выбегают на бумагу.

Я не задаю вопроса, для чего роман написан, и не отвечаю на этот вопрос. Он написан потому, что нечто тревожащее Вас требует выхода на бумагу, требует записи, и притом не стихотворной. Сильны какие-то чувства, которые поэт не

вправе или не в силах выполнить в стихах и не вправе удержать в себе. Они живут рядом со стихами, они в сущности своей то же самое, что стихи. Остаются идеи, требующие трибуны не стихотворной.

Ваш роман поднимает много вопросов, слишком много – для того, чтобы перечислить и развить их в одном письме. И первый вопрос – о природе русской литературы. У писателей учатся жить. Они показывают нам, что хорошо, что плохо, пугают нас, не дают нашей душе завязнуть в темных углах жизни. Нравственная содержательность есть отличительная черта русской литературы. Это осуществимо лишь тогда, когда в романе налицо правда человеческих поступков, т. е. правда характеров. Это – другое, нежели правда наблюдений. Я давно уже не читал на русском языке чего-либо русского, соответствующего адекватно литературе Толстого, Чехова и Достоевского.

«Доктор Живаго» лежит, безусловно, в этом большом плане.

И знаете что? Я могу следить за организацией, за композицией романа, обращать на нее внимание только тогда, когда у автора оказывается мало силы, чтобы увлечь меня своими ощущениями, мыслями, образами, словарем. Но когда мне хочется с автором, с его героями спорить, когда их мысли я могу противопоставить свою – или, побежденный ими, согласиться, пойти за ними или их дополнить, – я говорю с его героями как с людьми у себя в комнате – что мне за дело до архитектуры романа. Она, вероятно, есть, как эти «внутренние своды» в «Анне Карениной», но я встречаюсь с писателем, как бедный читатель лицом к лицу с его мыслями и чувствами, – без романа, забывая о художественной ткани произведения.

Вот почему нет мне дела – роман ли «Д. Ж.» или картины полувекового обихода, или еще что. Там много таких мыслей (высказанных Веденяпиным, Ларой, самим Живаго), о которых мне хочется думать, и все это отдельно от романа живет во мне, и душевная тревога, поднятая этими мыслями.

Обратили ли Вы внимание (конечно, Вы ведь все видите и знаете), что в сотнях и тысячах произведений нет д у м а ю щ и х г е р о е в! Мне кажется, это потому, что нет д у м а ю щ и х а в т о р о в. Это в лучшем случае.

К мыслям Веденяпина. Лары, Живаго я буду возвращаться много раз, записывать их, вспоминать ночью. (...)

Но уж лучше по порядку, от страницы к странице.

Великолепен рыдающий мальчик на свежем могильном холме, протягивающий руки в повествование.

Сейчас отвыкли от такой прозы, весомой, требующей внимания. Это я не о мальчике, а обо всем романе.

Никем вслух не уважается то, что тысячелетиями волновало человеческую душу, что отвечало на самые сокровенные ее помыслы. Выработан, м. б., лучшими умами человечества и гениальными художниками язык общения человека со своей лучшей внутренней сущностью – всеми этими апостолами и позднее таким писателем, как Иоанн Златоуст, умевший управлять всеми тайнами человеческой души. (...)

Я читывал когда-то тексты литургий, тексты пасхальных служб и богослужения Страстной недели и поражался силе, глубине, художественности их – великому демократизму этой алгебры души. А в корнях своих она имела Евангелие. Толстой понимал всеконечность Христа хорошо, стремясь со своей страшной силой поднять из той же почвы новые гигантские деревья жизни. А Лютер?

И как же можно любому грамотному человеку уйти от вопросов христианства?

И как можно написать роман о прошлом без выяснения своего отношения к Христу. Ведь такому будет стыдно перед простой бабой, идущей ко всенощной, которую он не видит, не хочет видеть и заставляет себя думать, что христианства нет.

А как же быть мне, выдавшему богослужения на снегу, без риз, среди тысячелетних лиственниц, с наугад рассчитанным востоком для алтаря, с черными белками, пугливо глядящими на таежное богослужение. (...)

Так что же такое роман, да еще доктор Живаго, которого долго-долго, до половины романа, нет, нет еще и тогда, когда во весь рост и во весь роман развернулась подлинная героиня первой половины картины – во всем своем обаянии (только отчасти – тургеневско-достоевском) – чистейшая, как хрусталь, сверкающая, как камни ее свадебного ожерелья, – Лара Гишар. Очень Вам удался портрет ее, портрет чистоты, которую никакая грязь никаких комаровских не очернит и не запачкает. Я таких Лар, ну не таких, а поменьше, помельче, знавал. Она живая в романе. Она знает что-то более высокое, чем все другие героини романа, включая Живаго, что-то более настоящее и важное, чем она ни с кем не умеет поделиться (хотя бы и хотела).

Имя Вы ей дали очень хорошее – это лучшее русское женское имя. Это имя женщин русской горестной судьбы – имя Бесприданницы, героини удивительной пьесы, необычайной для Островского, и в то же время имя женщины, героини моей юности, женщины, в которую я по-мальчишески был влюблен без памяти, и эта влюбленность очищала, поднимала меня – если можно влюбиться, раза два видел ее издали на улицах, сотни раз перечитывая каждую строку, которую она написала, и видеть, как ее в гробу выносят из Дома печати. На похороны Ларисы

Михайловны Рейснер я не имел силы идти. Но обаяние ее и теперь со мной – оно сохраняется не памятью ее физического облика, не ее удивительными книгами, начисто изъятыми давно из всех библиотек, не ее биографией, короткой, блестящей и стремительной, – оно сохраняется в том немногом хорошем, что все-таки, смею надеяться, еще осталось во мне противу всяких естественных законов. Вы-то знали ее, Вы даже стихотворение о ней написали.

Но я не о ней, а о Ларисе Гишар. Все, все правдиво в ней. И труднейшая сцена падения Лары не вызывает ничего, кроме ощущения нежности и чистоты (61 стр.). И даже в воспоминании о мерзком она «шагает, словно по воздуху, гордая, воодушевляющая сила». (...)

Женщины Вам удаются лучше мужчин – это, кажется, присуще самым большим нашим писателям. (...)

Теперь подойдем к вопросу, который мучает меня, который так дисгармоничен книге, который наряду с важнейшими мыслями, с тончайше-чудесными наблюдениями природы, плотно увязанными с настроениями героев, с единством «нравственного и физического мира», наиболее блестящим образом достигнутого, осуществленного в романе, представляет собой грубое, резко кричащее, выпадающее из всего строя романа явление, и от которого мне больно за Вас, художника.

Я говорю о языке простого народа в Вашем романе.

Именно о языке, а не психологическом оправдании поступков этих людей. Ваш язык народа – все равно – рабочий ли это, крестьянин ли или городская прислуга. Кроме того, он одинаков для всех этих групп, чего не может быть даже сейчас, а тем более раньше, при большей разобщенности этих групп населения. Ваш народный язык – это лубок, не больше. Я знаю этот язык, и знаю слишком. Словарь там беден, бедность словаря компенсируется преимущественно интонациями за счет пересыпания речи матерщиной, а без нее он не представляет никаких «блезиров». В крестьянском быту больше поговорок, обыкновенных, широко известных, язык городской прислуги скуден, но в общем чист, рабочие тоже говорят обыкновенным языком и даже не любят словесных узоров, всяких художественных расцветок. (...)

Может быть, лучшее место книги – это кусок на 59 стр. о Риме и Христе – дневник Веденяпина. Я переписал себе этот чудесный кусок и, может быть, его выучу.

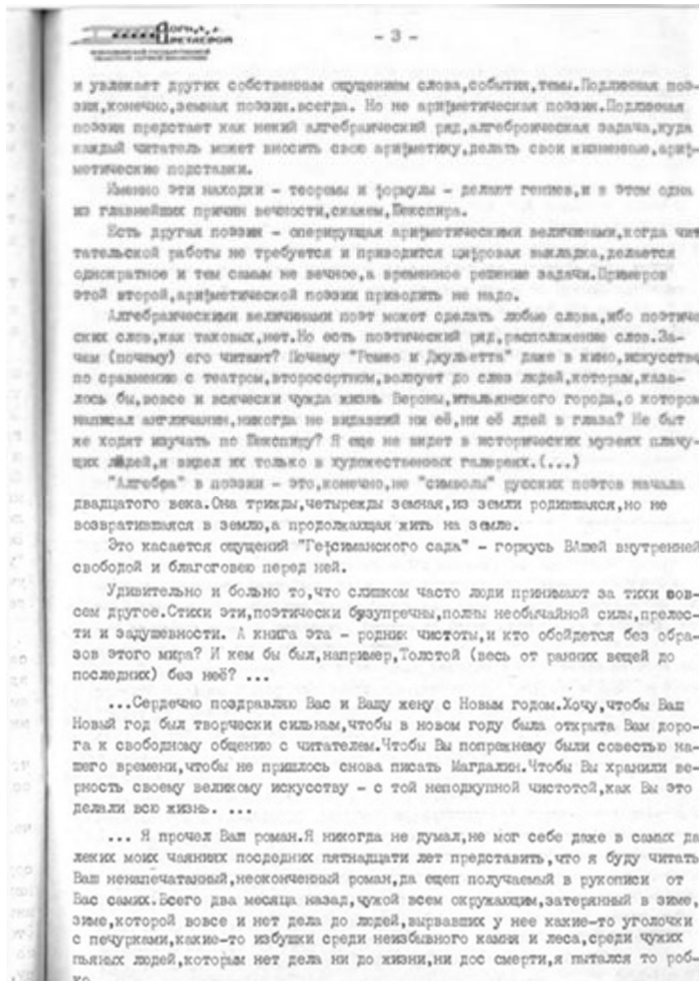
И вот еще что: когда солдатчина, военщина начинает править миром, мне кажется, что если это пойдет так дальше – будет третье пришествие и начнется история нового, второго христианства. (...)

В христианстве все дело в пришествии, в перемещении в быт.

Не палка, а музыка, сила безоружной истины – правильно.

Вот обо всем таком и надо говорить, думать, писать романы. Я раньше, до знакомства с Вами, поражался, случайно встречаясь с кем-либо из печатающихся, – никто не интересовался таким вопросом, как что такое искусство. Я думал, они притворяются, должны же они хотя бы хотеть понимать такое.

Еще один момент важный, отличающий со всей положительностью «Д. Ж.», – это с п о к о й с т в и е повествования. Оно иного характера, чем библейский язык или, скажем, военные отчеты, и далеко от того и другого – при обилии мест высокой лиричности голос никогда не повышается. Это я считаю огромным достоинством и драгоценной особенностью языка, знакомого мне и по «Детству Люверс». (...)

Страница рукописи

Архив Варлама Шаламова у Солженицына

Письмо, из которого взята цитата, относится к корпусу материалов о Феликсе Федоровиче Перченке <http://www.felixbook.ru/ff.php>, учителе и одном из создателей советского (вернее, «антисоветского») нелегального исторического альманаха «Память» (увидело свет пять сборников, 1976-1981, шестой был подготовлен, но не вышел).

Обратил внимание на информацию, проскользнувшую в одном из писем составителей альманаха Добкина или Перченка (1983) в Париж Владимиру Аллою, выпускавшему московский самиздатский альманах «Память» за рубежом в издательстве ИМКА-Пресс. Это издательство Владимир Аллой возглавлял в 1978-81 гг., затем ушел, вступив в конфликт с реальным хозяином издательства А. Солженицыным, которого позже обвинил в получении денег от ЦРУ. Речь в письме, насколько я понимаю, идет о формировании следующего, шестого, выпуска альманаха «Память».

Ниже цитата с комментарием публикатора (примечания в квадратных скобках составителя):

«Ксива от 14 ноября 1983г.

Это письмо от 14 ноября 1983г., пересылаемое Володе Аллою в Париж, в обиходе называлось ксивой...

Авторы – Саша Добкин [друг Владимира Аллоя] или Феликс Перченок.

4 машинописные страницы. Хранится в Бременском архиве. Присланы Габриэлем Суперфином.

«[...] 1. Просят навести справки о возможном печатании рассказов В.Т.Ш-ва, автобиографических, но не Колымских. Но в том случае, если это не собирался сделать алиса [Александр ИСАевич – конспиративное поименование Солженицына] сам (архив Варлама Шаламова у А.И. Солженицына)».

Опубликовано <http://www.felixbook.ru/book.php?page=20&count=34#footnote-29461-18-backlink> на сайте, посвященном Ф.Ф. Перченку.

Никогда не слышал об архиве Шаламова у Солженицына, хотя по логике вещей он наверняка должен быть – в нем как минимум взаимная переписка и, возможно, тексты КР, которые давал ему на прочтение автор. В письме, однако, упоминается совершенно другое: автобиографические – не колымские – рассказы. Возможно, речь идет о «Четвертой Вологде» или тех рассказах «о детстве», которые в 1985 году опубликовал в сборнике «Воскрешение лиственницы» (ИМКА-Пресс) Михаил Геллер: «Белка», «Монах Иосиф Шмальц», «Берданка» и др.

Меня интересует, главным образом, сам факт наличия у Солженицына архива Шаламова. Что в нем? Кто-нибудь имел к нему доступ? Существует ли его опись? В восьмидесятих годах (и позже, и поныне) именно здесь могли храниться рукописи пятитомника «Колымских рассказов», переданные Хенкиными в Париж в 1968 году и с тех пор исчезнувшие – ведь, повторяю, фактическим хозяином издательства, куда были адресованы рукописи, с середины семидесятих был именно Солженицын, крайне заинтересованный, чтобы КР не увидели свет в период мировой «раскрутки» «Архипелага ГУЛАГ». Словом, советую не забывать шаламововедам тот факт, что у Солженицына есть, оказывается, некий «архив Варлама Шаламова», закрытый или открытый, не знаю, но требующий по меньшей мере ознакомления и описания, как это принято в отношении всех архивов. Обращаться с этим вопросом следует, по-видимому, к вдове Александра Исаевича Наталье Дмитриевне Солженицыной, которая совсем недавно осуждающе и с полным на то основанием назвала фонд Шаламова в РГАЛИ «закрытым», чему логика цивилизованного отношения к культурным ценностям требует противопоставить естественную открытость.

Кроме того, из письма следует, что некие «автобиографические» рассказы Шаламова циркулировали в начале восьмидесятих годов в самиздате.

Электронные версии прижизненных поэтических сборников Шаламова

На сайте Вологодской областной научной библиотеки выложены электронные версии всех пяти прижизненных поэтических сборников Шаламова в расширении PDF. Сделано это по инициативе зав. отделом редкой книги Натальи Фарутиной. Прекрасная инициатива и прекрасная женщина.

Читать и скачать можно по следующим ссылкам:

«Огниво», 1961 <http://www.booksite.ru/fulltext/ognivo/text.pdf>

«Шелест листьев», 1964 <http://www.booksite.ru/fulltext/shelest/text.pdf>

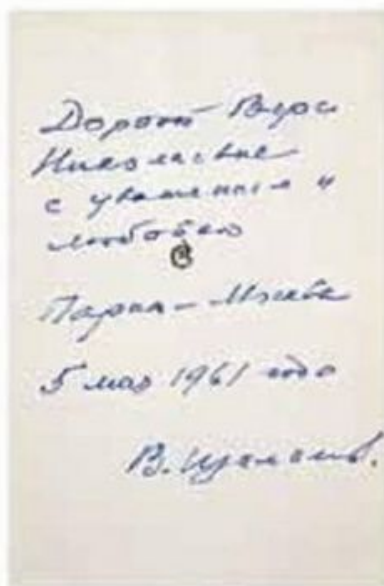
«Дорога и судьба», 1967 <http://www.booksite.ru/fulltext/doroga/text.pdf>

«Московские облака», 1972 <http://www.booksite.ru/fulltext/oblaka/text.pdf>

«Точка кипения», 1977 <http://www.booksite.ru/fulltext/tochka/text.pdf>

Несколько дарственных надписей Шаламова

Автограф Шаламова на авантитуле книги:

«Дорогой Вере Николаевне с уважением и любовью

Париж – Москва

5 мая 1961 года

В. Шаламов».

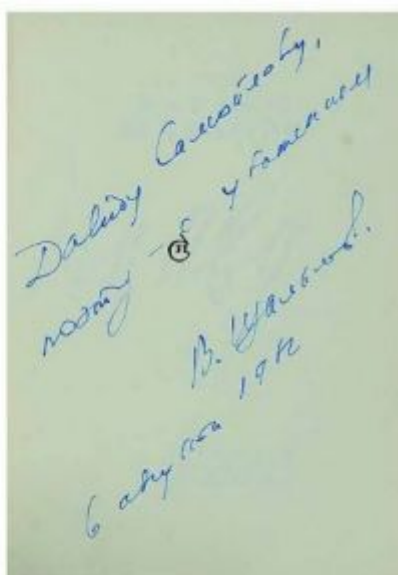
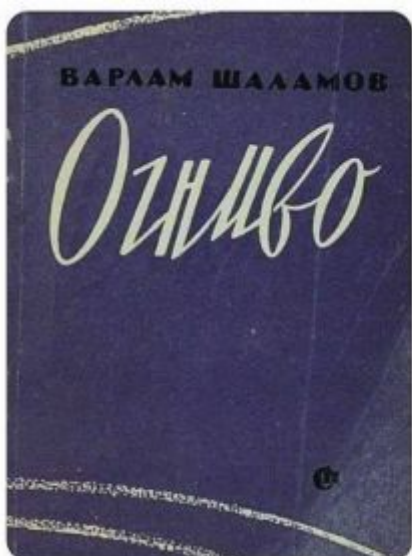
Вера Ключева (1894-1964), филолог, поэтесса, переводчица (см. о ней в основном томе).

Автограф Шаламова на авантитуле книги:
«Виталию Сергеевичу Сомову с глубоким уважением – автор
Месяц [а может быть, Москва?] 5 октября 1972
В. Шаламов».

Кто такой Виталий Сомов, не знаю.

Взято из каталога на сайте Аукционный Дом «Империя» <http://www.auction-imperia.ru/all-small35.pdf>

«Давиду Самойлову,
поэту – с уважением
В. Шаламов
6 августа 1962»

Дарственная надпись
на авантитуле книги
«Огниво».

Письмо Шаламова Пастернаку от 30.12.1953 года в Литературном музее, Тбилиси

«Государственному музею грузинской литературы имени Г. Леонидзе повезло – здесь хранится архив Бориса Пастернака, принадлежавший Ольге Всеволодовне Ивинской, музе поэта в последние годы его жизни. В 1980 году ее зять, Игорь Козовой, продал архив в музей Дружбы народов Академии наук Грузии. Позже музей был реорганизован в Центр национальных взаимосвязей, а уже после его распада материалы архива поступили на хранение в Литературный музей.

– Зять Ольги Ивинской договаривался с нами и в то же время рассматривал возможность вывоза архива, – рассказала профессор Тбилисского государственного университета имени И. Джавахишвили, доктор филологических наук Мария Филина. – Но мы сказали: «Нет! Пастернаковский архив обязательно должен быть в Тбилиси!» [...]

В архиве Б. Пастернака находится письмо автора «Колымских рассказов» Варлама Тихоновича Шаламова с подробным разбором первой книги романа «Доктор Живаго». Переписка писателей началась в 1952 году. Тогда Варлам Шаламов писал из поселка Оймякон (Якутия), где отбывал ссылку. Вернувшись оттуда в конце 1953 года, он сразу встретился с Пастернаком в Москве и взял у него рукопись романа «Доктор Живаго». 30 декабря того же года Шаламов написал Пастернаку длинное, обстоятельное письмо, в котором дал произведению очень высокую оценку. Автограф этого письма бережно хранится в тбилисском архиве».

Из статьи Инны Безиргановой «Вы – моя душа!», журнал «Иные берега», 3(35), 2014 http://www.inieberega.ru/files/berega_335-web.pdf

---

Неизданные записи Шаламова о Валентине Португалове

В статье Валерии Португаловой «Только слово воскрешает мертвых» http://litrossia.ru/ms/2010/MS_2010_56.pdf (журнал «Мир севера», № 5-6, 2010), написанной племянницей героя статьи и посвященной колымскому товарищу Шаламова поэту Валентину Португалову, приводится адрес единицы хранения из фонда Шаламова в РГАЛИ, т.е. рукописи под названием «Воспоминания о В. Португалове»:

Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 133

Не мешало бы владельцам архива опубликовать этот шаламовский мемуар.

Португалов отбыл на Колыме два срока, после освобождения занимался собиранием туземного фольклора, потом вернулся в Москву, где вел курсы литературного мастерства. Существуют глухие намеки на то, что он был осведомителем госбезопасности.

Александра Свиридова. Архив Шаламова в ЦГАЛИ в 1988 году

Я попросил автора первого документального фильма о Шаламове «Несколько моих жизней» Александру Свиридову рассказать, как она познакомилась с тогда еще секретным или находившимся в процессе рассекречивания архивом Шаламова. Александра с замечательной отзывчивостью ответила и, кроме того, поведала о своем давнем разговоре с поэтом Александром Межировым, также касающимся Шаламова, см. в разделе Послелагерная Москва.

Когда я прочел, в каких условиях хранился шаламовский архив в конце восьмидесятых (ну и, понятно, все десятилетие с 1979 года), я посмотрел, каковы нормативы хранения архивов и отвечали ли им условия, созданные в ЦГАЛИ Сиротинской. В некоторых отношениях, по-видимому, отвечали (температурный режим, влажность), в других же совершенно не соответствовали. Например, архив Шаламова хранился в той самой транспортной таре, в которой был доставлен в хранилище, а это запрещено. Кроме того, по словам самой же Сиротинской, архив в течение десяти лет оставался неразобраным.

«5.2.5. Документы постоянного хранения хранятся в картонных коробках, папках или других контейнерах, изготовленных из безвредных для документов материалов; дела с документами временного (свыше 10 лет) хранения – в связках.

Дела временного (до 10 лет включительно) хранения разрешается хранить на полках, поставленными вертикально, без связок.

Зазор между полкой стеллажа и верхней крышкой коробки (связки), обеспечивающий циркуляцию воздуха, должен быть не менее 5 см.

К коробкам приклеиваются ярлыки, а к связкам прикрепляются ярлыки, в которых указываются: название организации и структурного подразделения, номер фонда и описи, год (годы) и крайние номера дел, включенных в данную коробку (связку). Коробки (связки) нумеруются порядковыми номерами в пределах каждого фонда или описи.

Связки формируются толщиной не более 20 см.

5.2.6. Заключенные в коробки (связки) дела могут размещаться на стеллажах горизонтально или вертикально. Порядок размещения дел устанавливается в зависимости от условий хранения.

Газеты и другие документы нестандартных размеров, превышающие по высоте 0,41 м, хранят в горизонтальном положении.

Коробки и связки не должны выступать за пределы полок стеллажей.

Не допускается хранить документы в транспортной таре, в штабелях, складывать на полу, подоконниках, лестничных площадках и других, не предназначенных для этих целей местах».

Из «ОСНОВНЫХ ПРАВИЛ РАБОТЫ ВЕДОМСТВЕННЫХ АРХИВОВ» (утв. ПРИКАЗОМ Главархива СССР от 05.09.85 N 263) <http://zakonbase.ru/content/part/257637> с сайта Законодательная база Российской Федерации.

Ниже рассказ Александры Свиридовой. Весьма ей признателен.

АРХИВ

В ЦГАЛИ я пришла в 1988 году. Прямым из Отдела рукописей Ленинки, где работала с архивом Федора Ильина-Раскольниковца. Известного революционера, дипломата, погибшего в тридцатые годы в Париже, чье письмо, обвиняющее Сталина в убийствах, ходило в списках. После объявленной Горбачевым перестройки возникло ощущение, что теперь можно попробовать рассказать об этом человеке. Его архива не существовало – документы о нем уничтожались несколькими поколениями историков. Но, как рассказал мне один, были рассыпаны по параллельным биографиям, а не сожжены. Я полгода собирала эту мозаику, прикидывая, где искать. Архив Ларисы Рейснер, которая была его первой женой, хранил львиную долю его бумаг. А далее – шли общие друзья, от Блюмкина до Ленина. Каждая прозрачная бумажка, датированная 1917-1937 гг., хранилась в отдельной тонкой папке с небольшим формуляром-вкладышем, на котором следовало ставить дату и свое имя каждому, кто дотрагивался до нее. «Мои» документы хранили только один автограф, после которого я ставила свою подпись. Старательным школьным почерком в каждом формуляре было написано «Шаламов», и стояла дата конца семидесятых. Я подивилась, что бывают такие однофамильцы у писателей, но впустила в себя на уровне бреда мысль о том, что это может быть автограф самого Шаламова. Я в ту пору знала его «Колымские рассказы», которые начала слушать по «вражескому» радио, а потом добирала в самиздате.

Исчерпав все возможности найти еще что-нибудь о ФФР [Раскольниковце], я отправилась в ЦГАЛи с тем же вопросом – нет ли у них каких его бумаг. Бумаги у них были. И когда я пересмотрела все, что хранил ЦГАЛи, я пришла к Наталье Борисовне Волковой – директору архива. Именно ей я относилась прошение Союза кинематографистов допустить меня до работы с документами, находящимися на специальном хранении. В ту пору у меня уже был подписан договор на написание сценария о Раскольниковце. Волкова была расположена ко мне и сотрудники архива помогали мне, как могли. В последний визит я спросила у нее, нет ли у них архива Шаламова. Волкова напряглась, спросила, что именно меня интересует, и я изложила историю с обнаружением его автографа. Сказала, что допускаю, что это мог быть не однофамилец, и в таком случае, хотела бы уточнить, не писал ли Шаламов о Раскольниковце.

Волкова велела ждать мне, и вышла из своего кабинета. Вернулась минуты через три вместе с худощавой женщиной. Представила мне ее, как своего зама, и сказала, что архив Шаламова есть. Так я познакомилась с И. Сиротинской. Она присела у стола Н. Волковой, еще раз спросила, что меня интересует, и на мое

подозрение о том, что ВШ мог писать о ФФР, глубоко кивнула. Сказала, что да, он писал. Что он знал лично Ларису Рейснер. Может быть, встречался с Раскольниковым, и хотел сделать о них пьесу, но не успел. Я спросила, не могу ли я увидеть эту пьесу. На что ИС снова спросила, что я хочу там увидеть. Я сказала, что главное, что мне интересно, как ВШ считал – ФФР убит или покончил жизнь самоубийством.

– Конечно убит! – возмущенно и безапелляционно сказала ИС.

Я кивнула.

– А вы что – считаете иначе? – она была почти возмущена.

Я снова кивнула.

В ту пору второй волны развенчания Сталина позволять себе думать, что были люди не убитые им, считалось крамолой. Но я и тогда и сейчас была и остаюсь убеждена, что Раскольников покончил с собой и у меня есть достаточно оснований так считать.

Сиротинская была глубоко возмущена моим ответом и именно на волне этого полемического задора пригласила меня в свой кабинет, который был дверь в дверь с кабинетом Волковой. Если войти из общего коридора в их тамбур – дверь Волковой была слева, а Сиротинской справа. Она сказала мне, что сотрудники ЦГАЛи, у которых они навели справки о том, как я работала, отрекомендовали меня, как трудолюбивого вдумчивого исследователя, а потому она готова уступить мне и дать возможность познакомиться с рукописью ВШ. Но как-то сразу было оговорено, что архив ВШ находится на закрытом хранении, так как он не разобран. И разбирает его она лично. А потому читать я смогу только в ее кабинете.

Кабинет был небольшим – сегодня его можно видеть здесь – в моем видеорепортаже о смерти Шаламова*.

Сиротинская сидит за столом. Справа от нее была та самая дверца, за которой в стенном шкафу стояли картонные ящики стандартного размера, как были у всех у нас – из-под сливочного масла они назывались. Стояли они один на другом и высились до потолка в этом шкафу. На полу – по горизонтали – у основания пирамиды – это было ящиков 6-8, не вплотную прижатых друг к другу. В высоту – три-четыре прижатых к стене – удерживали на себе 8-10 других коробок. Некоторые были сдвинуты к стене в глубину, некоторые – влево, некоторые – вправо. Все были надписаны, но надпись была ясна только Сиротинской. Она бережно и трепетно относилась к этим коробкам и перемещала их, как драгоценность. Помочь подвинуть было нельзя – она все делала сама, входя в этот стенной шкаф. Только когда она сняла несколько коробок, поставила на пол, и извлекла нужную

ей, она позволила мне подать ей с полу те коробки, которые следовало поставить на место.

Открыла коробку она сама, перебрала «единицы хранения», извлекла тетрадь с рукописью и позволила мне ее читать. Я сидела на стуле у окна. На чем я раскладывала тетради – сейчас не помню, но было некий стол, как мне кажется.

Так началось мое знакомство с Шаламовым в ЦГАЛИ.

Я прочла его пьесу. Разочарованно поблагодарила и намеревалась уйти, когда Сиротинская сказала мне, что когда я закончу сценарий о Раскольникове, она приглашает меня подумать о сценарии фильма о Шаламове. Я поблагодарила и мы расстались. Вскоре я сдала сценарий и его быстро закрыли, обвинив меня в том, что я отмываю Сталина. В обыденном сознании версия того, что Раскольников обвинил Сталина и был злодейски убит в Париже, выглядела более убедительной, чем моя, из которой следовало, что его письма к Сталину были опубликованы только через две недели после его гибели.

Я вернулась в ЦГАЛИ и предложила свои услуги Сиротинской.

Она сама подавала мне коробку за коробкой, выбирая, что я могу читать, а что нет.

То, на чем писал Шаламов, было разным – в фильме у меня мельком показаны крепкие амбарные книги формата А8, на которых он писал на Колыме. Они произвели на меня большое впечатление. Это были рецептурные книги той поры, когда Шаламов стал работать медбратом в лагерной больнице. На одной стороне эти разлинованные страницы хранили имя больного и название лекарства, которое ему было дано, а на другой – Шаламов писал стихи. Крупным стремительным почерком с хорошим школьным нажимом. Чернила вылинялы, но были хорошо видны.

Период после освобождения – когда он писал Колымские тетради – это были тетради. Не всегда школьного формата, иногда – крупные, как амбарная книга. Были ранние публикации – до посадки. Были машинописные страницы. Некоторые очень хорошо отпечатанные – как Перчатка, или Четвертая Вологда. Осталось ощущение даже, что это перепечатывала машинистка. Но плохо себе представляю такую, кому он мог бы это доверить. Правку он вносил от руки. Помню чернила, а не карандаш. И общее впечатление от рукописи – если не читать ее, а отодвинуть на расстояние вытянутой руки – что это партитура и ее

можно исполнить. И так это и осталось – Хованщина Мусоргского, исполненная в буквах и страданиях.

Очень сожалею, что мало и мельком снимала рукописи. Они должны были выполнить функцию некоего вещественного доказательства в фильме, а потому самоценность их была вынесена куда-то на периферию кадра.

Знаю, что архив и сегодня хранит неопубликованные тексты, хоть нынешние распорядители наследия и гордятся тем, что издали семитомник. Точно мне известно, и я читала это, – что там были письма Солженицына к Шаламову, которые ныне находятся под запретом – АИС запретил их печатать. Я отказываюсь понимать, почему следует исполнять волю покойного АИС, который о существовании этих писем узнал от меня и Сиротинской, и очень надеюсь, что их не уничтожат и не украдут. А также любовная лирика ВШ, адресованная Ольге Ивинской.

URL: https://www.youtube.com/watch?v=XdH_1ISPTpc

София Шоломова. Архив Шаламова в ЦГАЛИ в 1990 году

Из книги украинского литературоведа Софии Шоломовой «Сердечный отклик. Этюды о Варламе Шаламове», Харьков, «Права Людини», 2015 <http://library.khpg.org/files/docs/1442522007.pdf>.

«Июнь 1990 года. После выступления в музее Блока – поездка в Москву. Работа в ЦГАЛИ. Отказ дежурного показать опись фонда В.Т. без разрешения Ирины Павловны Сиротинской. Даже состав архива нельзя было узнать без ее разрешения. Знакомство с ней.

Когда я вошла в ее кабинет и взглянула на нее, я поняла, что Варлам Тихонович эту женщину искренне любил. Для меня этого было достаточно, чтобы принять ее. Закон любви перекрывал первый негатив по отношению к ней. На шкафу

в ее кабинете я увидела гипсовую копию надгробья В. Шаламова. Он словно смотрел на нас, беседующих.

Я рассказала о своей работе и закончила словами: «Мне жизненно важно посмотреть рукописи В.Т., связанные с именем А. Блока». Произошло чудо! Ирина Павловна выдала мне опись на один день.

Работа над описью фонда длилась всю ночь. Трудно передать то волнение, состояние эйфории и напряжения, которые я пережила в ту ночь. Мне важно было ничего не упустить. Это происходило в уютной квартире Северцевых. Ирина Константиновна вообще не поверила, что такое возможно, что сама наследница архива Варлама Тихоновича пошла на такой шаг.

Рано утром я поехала в ЦГАЛИ, чтобы вернуть опись и попросить у Ирины Павловны разрешение просмотреть нужные единицы хранения. И вот, наконец, я увидела заветные тетради и пляшущий почерк Варлама Тихоновича».

От составителя

Интересно, что Шоломова употребляет здесь слово «наследница». Летом 1990-го Сиротинская не была правонаследницей, копией завещания Шаламова она обзавелась только в конце года, т.е. юридически никаких исключительных прав на бумаги Шаламова у нее не было. На каком тогда основании она держала уже рассекреченный архив писателя в своем личном «спецхране»?

Николай Ларинский. История болезни Шаламова

«Я собираю материалы о писателе Варламе Шаламове. Трагическая судьба. 17 лет отсидел в лагере. История его болезни очень интересна с медицинской точки зрения. У него было редчайшее сочетание двух болезней – синдрома Меньера и сенильной хорей, проявляющейся судорогами без потери сознания. Схожим недугом страдал Салтыков-Щедрин... Шаламов годами принимал тяжёлые снотворные. И в итоге закончил жизнь в психиатрическом интернате. Знаю имена врачей, которые его лечили. Тяжёлый случай, но многое объясняет. И здесь историку надо быть очень бережным...»

Из интервью Николая Ларинского «Медицинской газете», номер 27 от 11 апреля 2014 г. <http://www.mgzt.ru/article/3471/>

Ларинский Николай Евгеньевич, кандидат медицинских наук, специалист по истории диагностики, публицист, главврач санатория «Солотча», Рязань <http://uzrf.ru/persons/one-person/?id=24>

«Унизительная вещь – жизнь...» История болезни Варлама Шаламова

Болезнь! ... Да ведь дело прежде всего в том, кто болен, кто безумен... – средний дурак, у которого болезнь лишена духовного и культурного аспекта, или человек масштаба Ницше, Достоевского...

Т. Манн

*Чтоб торопиться умирать,
Достаточно причины,
Но не хочу объектом стать
Судебной медицины.*

Я все еще люблю рассвет

*Чистойшей акварели,
Люблю луны латунный свет
И жаворонков трели...*

В. Шаламов

Принцип моего века, моего личного существования, всей жизни моей, вывод из моего личного опыта, правило, усвоенное этим опытом, может быть выражено в немногих словах. Сначала нужно возмездием пощечины и только во вторую очередь – подаяния. Помнить зло раньше добра. Помнить все хорошее сто лет, а все плохое – двести. Этим я и отличаюсь от всех русских гуманистов девятнадцатого и двадцатого века.

В. Шаламов

В выпущенном в 1886 году словаре «Русские врачи-писатели», составленном Л. Ф. Змеевым, сотни имен врачей, очень известных и никому неизвестных, из-под пера которых вышли книги или статьи. И это только российские врачи и только I и II выпуски издания! В наше время называется более пятисот врачей-писателей (медицинские работы не в счет) (В. Кузнецов-Казанский, 2003). Около пяти сотен имен значится и в числе «литераторов-врачей» (М. Коган-Пономарев, 2007). Как раз в эту категорию попал В. Т. Шаламов, о котором пойдет речь. Но он стоит особняком, поскольку не только был медиком-писателем, но и страдал двумя (так до конца и не определенными!) тяжкими болезнями, которые в конце концов лишили его возможности заниматься творчеством. И еще: он почти двадцать лет провел в сталинских лагерях...

1. «И все это я ненавижу...»

Пожалуй, Россия является единственной страной в истории, где, по крайней мере в XIX веке, значительную часть интеллигенции составляли поповичи, точнее говоря, сыновья представителей церковного причта. Многие из них, допустим, академики М. В. Яновский и И. П. Павлов, получили сначала образование в духовной семинарии, но стали врачами, Н. А. Добролюбов – учителем, Н. Г. Чернышевский – историком. Вообще, среди врачей поповичи составляли тогда львиную долю. Немало было среди них и возмутителей общественного спокойствия, бунтарей и еретиков.

В период 1905-1917 гг. процесс отторжения детей священнослужителей от отцовской стези еще больше усилился. Вот и в семье вологодского священника, протоиерея Тихона Шаламова ни один из сыновей не пошел по его стопам, но самым известным – и по таланту, и по печальным жизненным обстоятельствам – стал младший сын, Варлам Шаламов. Родители его, Тихон Николаевич (1868-1933) и Надежда Александровна, урожденная Воробьева (1870-1934), тяжело болели и не оказались долгожителями. Варлам Шаламов и унаследовал от отца болезнь, которая сделала его жизнь, и без того тяжелую, до предела невыносимой, – глаукому. Он писал об отце, что тот «никак не хотел согласиться на операцию при своей глаукоме, болезни мучительной, сводящей больного с ума. Достаточно было перерезать нерв, и боли исчезли бы. Время операции, когда можно было рассчитывать на успех, он прозевал, и, хотя объехал буквально всех главных специалистов Москвы – Страхова, Головкина, вылечить его было нельзя. У меня хранится письмо Страхова ко мне – я просил его написать по поводу отцовской болезни. Почему отец не согласился на операцию – не знаю. Исход, наверное, был неясен, и решил, преодолевая боли, прожить в полуслепоте. Очки отец носил с юности. Но это решение ждать совпало со смертью сына Сергея, и процесс слепоты полетел под откос. Отец ослеп в 1920 году, а умер в 1934. Четырнадцать лет слепоты. Надежда была, наверное, наивная – что вот-вот найдут какое-нибудь средство против глаукомы. Средство такое не найдено и сейчас». Поразительно, Шаламов называет имена двух виднейших тогдашних российских офтальмологов: Сергея Селивановича Головина (1866-1931) (у Шаламова неправильно – «Головкин») и Владимира Петровича Страхова (1868-1946). С. С. Головин был профессором кафедры офтальмологии Московского университета и главным врачом Московской глазной больницы, считался главным отечественным специалистом по глаукоме. После революции был арестован по делу «Ордена русских фашистов», по которому был расстрелян приятель Есенина фельдшер А. А. Ганин. С. С. Головин тогда уцелел, но вскоре умер от грудной жабы. Это был один из ведущих отечественных офтальмологов начала XX века. С. С. Головин разработал операцию, от которой опрометчиво отказался отец Шаламова, – оптикоцилиарную неврэктомию с сохранением глазного яблока, устранявшую боль при терминальной болезненной глаукоме. В. П. Страхов был профессором Московской клинической глазной больницы, первым директором глазной клиники Моники, директором глазной клиники Института стоматологии, одним из лечащих врачей слепшего М. А. Булгакова.

«В Вологде он (отец – Н. Л.) вмешался в мою болезнь, – продолжает В. Шаламов, – не понял ее, и я промучился целую жизнь с хроническим насморком, да не пустяковым, а таким, что заполняет нос. Я навсегда лишен обоняния, слух мой испорчен бесповоротно и безнадежно. Только потому, что меня не показали в раннем детстве врачу. У меня природное искривление носовых перегородок – пустячная операция, и мне возвратился бы орган обоняния. Мать много раз просила показать меня врачу-специалисту. Ответом был только презрительный хохот. Именно отец дал мне в семье прозвище «тяптя» – ты сопля – из-за вечного насморка. Сопли эти не вылечились и на Колыме и заливают мой нос и по сей день. В день я трачу два носовых платка. Отец все толковал слишком просто: «Не хочет высушить ноги, дрянь. Пройдет». Но сопли и потеря обоняния – это еще не все». Примечательно, что уже в пожилом возрасте В. Шаламов даже с гордостью писал: «У меня – своеобразное устройство глаз: правый близорукий, а левый дальнозоркий – редчайшее сочетание, которое без очков позволяет и читать, и глядеть вдаль. У меня нет очков и сейчас. Эту мою особенность открыл мне доктор Страхов – бывший главный врач Алексеевской больницы, тогда мне было уже 27 лет, и я явился к нему за советом. Страхов проверил, лучше ли я вижу обоими глазами, чем одним, при добавлении на другой глаз усиления или уменьшения, убедился, что зрение мое при любом добавлении стекол остается тем же самым, и предсказал мне всю мою редчайшую глазную судьбу. Это пророчество – на сей раз научное пророчество – исполнилось самым абсолютным образом. Я до сих пор, до 65 лет, читаю без очков и хожу без очков, не обращаюсь к глазным врачам. Но у Страхова я побывал после смерти отца. А все мое детство я прожил под градом оскорблений. – Не хочет стрелять! Врешь, что не видишь мушки! Ведь ты читаешь? Как же ты можешь не видеть мушки? ...Вот к какому тяжелому, многолетнему конфликту привела медицинская неграмотность и самоуверенность отца». Однако гордыня наказуема – всего несколько лет спустя у Шаламова началась глаукома (вероятно, и катаракта), и к концу жизни он совершенно ослеп. Но все это было много лет спустя, а в детстве Шаламов сполна познал на себе отцовский деспотизм.

Т. Н. Шаламов был не обычный православный священник, а «поп с рубанком», «поп с охотничьим ружьем», «поп, режущий скотину», и потом, В. Шаламов писал: «...отец был у нас главный лекарь, лечил всех без врачей, полистав модный лечебник, терапевтический справочник и ограничившись визуальным осмотром. Лечить бы ему по-алеутски, по-шамански, – успехов было бы больше. Лечение давало плачевные результаты...» Варлам не любил отца, который и дал

ему это архаичное имя (сразу вспоминается Григорий Отрепьев из «Бориса Годунова» Пушкина и его спутник, отец Варлаам. Помните, о нем говорится: «...когда я пью, так трезвых не люблю; иное дело пьянство, а иное чванство; хочешь жить, как мы, милости просим – нет, так убирайся, проваливай: скоморох попу не товарищ», «у нас... одна заботушка: пьем до донушка, выпьем, поворотим и в донушко поколотим», «А росту он среднего, лоб имеет плешивый, бороду седую, брюхо толстое»). Больше других детей Тихон Шаламов любил старшего сына, Сергея, который был спортивным, хорошо плавал, любил охотиться и вообще рисковать. Во время Первой мировой войны Сергей, надежда и любимец отца, неосторожно вступил в перепалку с пленным немецким солдатом, находившимся в Вологде, и тот ударил его штык-ножом в живот. Это была нашумевшая история и тем более страшная, что ранения в живот в доантибиотическую эпоху были равносильны смертному приговору. Но Сергей Шаламов был спасен благодаря мастерству местного хирурга. Спасен, чтобы нелепо погибнуть в 1920 году. Кстати говоря, именно его смерть ускорила катастрофическую потерю зрения Т. Н. Шаламовым. Варлам тоже получил травму в детстве: «...тяжелой дверью в мальчишеской драке мне оторвали палец – палец попал в самый замок и был оторван, как срезан, и мне слепили в больнице и кое-как срастили» .

2. «Клейменный, да не раб!»

...Что толкнуло двадцатилетнего Шаламова, который по определению не мог быть даже комсомольцем, не говоря уже о членстве в ВКП(б), принять участие в знаменитой троцкистской демонстрации 1927 года? Что привлекательного нашел он в Троцком? Один из диссидентов 70-х годов самокритично сказал о себе: «Из таких формируется разная революционная сволочь, готовая не только сама сгореть в костре политических страстей, но и подпалить все вокруг себя, поскольку утробный девиз худших из таких натур: все или ничего!» (Л. И. Бородин, 2003). Был ли таким молодой Шаламов, неясно, но заплатился он за это очень жестоко. Современный литературовед не без яда пишет: «...чистая, романтическая европейская революционность нисходит в родимое болото; и сразу сияние гаснет, захлебывается в гниющей вони. Огнь Фрейлиграта (Герман Фердинанд Фрейлиграт (1810-1876) – немецкий революционный поэт XIX века – Н. Л.), погружаясь в нашу пьянь и дурь, смердит «углекислыми» газами и шипит, угасая» (Л. А. Анненский, 1982). Что общего было у Шаламова с «молодой гвардией» Троцкого, которую умело направляли из-за кулис опытные политики, все еще примери-

вавшие на себя вакантный «кафтан» Ленина? Эти «вожди» потом десять раз каялись и валялись в ногах у Сталина, но не помогло – пуля их не миновала, как и многих тогдашних друзей Шаламова – С. Гезенцевей и др. Ему повезло, если это можно считать везением: его осудили в 1929, 1937 и 1943 гг. по не «подрасстрельным» пунктам статьи 58 УК РСФСР, и ему посчастливилось выжить на Колыме в то время, когда синяя полоса на формуляре в лагере («троцкист») означала смерть (было негласное указание троцкистов уничтожить не только расстрелами, но и голодом, тяжким трудом). Неслучайно один из знакомых Шаламова по лагерю называл Колыму «Освенцим без печей». Уже после назначения третьего срока Шаламов «попал в больницу как тяжелый дистрофик и полиавитаминозник». Он красноречиво описал свои ощущения «живого трупа», с которого пластами сходила кожа (от истощения и полиавитаминоза, называемого также пеллагрой). Потом он написал: «Я – доходяга, кадровый инвалид прибольничной судьбы, спасенный, даже вырванный врачами из лап смерти. Но я не вижу блага в моем бессмертии ни для себя, ни для государства. Понятия наши изменили масштабы, перешли границы добра и зла. Спасение может быть благо, а может быть и нет: этот вопрос я не решил для себя и сейчас. Все окончилось пустяками, и кожа опять выросла. Выросли на скелете мышцы, пострадали немного кости, искривленные остеомиелитами после отморожений. Даже душа выросла вокруг этих поврежденных костей, очевидно».

«...Глубокой осенью 1943 года, вскоре после нового десятилетнего срока, не имея ни силы, ни надежды жить – мускулов, мышц на костях было слишком мало, чтобы хранить в них давно забытое, отброшенное, ненужное человеку чувство вроде надежды, – я, доходяга, которого гнали от всех амбулаторий Колымы, попал на счастливую волну официально признанной борьбы с дизентерией. Я, старый поносник, приобрел теперь веские доказательства для госпитализации. Я гордился тем, что могу выставлять свой зад любому врачу – и самое главное – любому не-врачу, и зад выплюнет комочек спасительной слизи, покажет миру зеленовато-серый, с кровавыми прожилками изумруд – дизентерийный самоцвет... От первого удара конвоира, бригадира, нарядчика, блатаря, любого начальника я валился с ног, и это не было притворством. Еще бы! Колыма неоднократно испытывала мой вестибулярный аппарат, испытывала не только мой «синдром Меньера», но и мою невесомость в абсолютном, то есть арестантском, смысле. Я не думал тогда о больнице. «Боль» и «больница» – это разные понятия, особенно на Колыме. «Справка. Заключение Шаламов в амбулаторию №1 спецзоны Джелгала не обращался. Заведующий медпунктом врач Мохнач». Где-то

писались циркуляры, трещали телефоны селекторной связи. Где-то кто-то за что-то отвечал. И как ничтожный результат казеннейшего медицинского сопротивления смерти перед карающим мечом государства рождались инструкции, приказы, отписки высшего начальства. Волны бумажного моря, плещущие в берега отнюдь не бумажной судьбы. Доходяги, дистрофики колымские не имели права на медпомощь, на больницу по истинной своей болезни.

Даже в морге патологоанатом твердо искажал истину, лгал даже после смерти, указывая другой диагноз. Истинный диагноз алиментарной дистрофии появился в лагерных медицинских документах только после Ленинградской блокады, во время войны было разрешено называть голодом голод, а пока доходяги клали умирать с диагнозом полиавитаминоза, гриппозной пневмонии, в редких случаях РФИ – резкое физическое истощение. Даже цинга имела контрольные цифры, дальше которых врачам не рекомендовалось заходить в койко-днях... Высокий койко-день, окрик высшего начальства, и врач переставал быть врачом.

Дизентерия – вот с чем было разрешено госпитализировать заключенных. Поток дизентерийных больных сметал все официальные рогатки. Доходяга тонко чувствует слабинку – куда, в какие ворота пропускают к отдыху, к передышке – хоть на час, хоть на день. Тело, желудок заключенного – не анероид. Желудок не предупреждает. Но инстинкт самосохранения заставляет доходягу смотреть на амбулаторную дверь, которая, может быть, приведет к смерти, а может быть, к жизни».

...Шаламову повезло, он выжил, но болезни его уже не оставляли...

3. «Голова болела и кружилась при малейшем движении...»

«...Вторым моим позором в глазах отца была моя болезнь, нарушение моего вестибулярного аппарата, то, что называется болезнью Меньера, – пишет В. Т. Шаламов. – У меня – боязнь высоты. На вологодской колокольне – триста ступеней непрерывного ежедневного страха, шатаний. А ведь колокольня – единственное развлечение вологжан, да еще ребят вологодских. Каждое воскресенье колокольня открывается – такие виды на весь город, и весь город тянется пролезть к железным перилам, весь город, кроме сына отца Тихона, который шарается от высоты, плачет и бежит вниз. Все это было расценено как заговор про-

тив доброго имени отца – вырастил неженку. Болезнь Меньера не дала мне побеждать на гимнастическом бревне, прыгать через ручьи, переходить по бревнам лесные рвы, лазить за яблоками, зорить птичьи гнезда, пробегать по одной доске, прыгать на одной ноге, гонять железное колесо по городу. Во всех этих играх я был самый последний. Ничего, кроме многолетних издевок, я не услышал от отца. Мать тоже не понимала моей болезни и тоже плакала, что я не хочу зорить гнезда, хотя это истинно мужское занятие для мальчишек и Шаламовского, и Воробьевского рода». Это очень важный момент, если учесть, что один из авторитетных специалистов, к которым обращался по поводу своей болезни В. Т. Шаламов, считал, «что причиной этого заболевания (болезни Меньера – Н. Л.) является врожденная недостаточность кохлеарного и вестибулярного аппарата» (Г. С. Циммерман, 1952). Не изменил он свою точку зрения и двадцать лет спустя: «Нарушение развития вестибулярного анализатора в эмбриональном периоде развития – дизэмбриогенез – может выявляться дисфункцией кохлеарного и вестибулярного аппарата, которая проявляется как болезнь Меньера» (Г. С. Циммерман, 1974). «Болезнь Меньера – довольно редкое заболевание, но она встречается даже в детском и юношеском возрасте. Частота встречаемости увеличивается к 30-40 годам, затем снижается и сравнительно редко встречается у пожилых людей», – считает современный исследователь (А. W. Morrison, 1984). Но болезнь проявилась у Шаламова в возрасте пятидесяти лет! В ноябре 1957 года, когда он работал в читальном зале Ленинской библиотеки, его настиг первый приступ болезни Меньера.

А что же было в детстве? Сто шестнадцатый пункт Миннесотского личностного опросника (MMPI) сформулирован так: «Я боюсь, когда смотрю вниз с высоты». Шаламов, безусловно, ответил бы положительно, но что за этим стояло? Осторожно предположу, что речь шла о невротической акрофобии. Многие люди испытывают физиологическое высотное головокружение, которое выражается в виде субъективного ощущения неустойчивости позы и движения, сопровождаемого страхом перед возможным падением и вегетативными симптомами, которые спонтанно исчезают после прекращения провоцирующей ситуации. Акрофобией это становится тогда, когда возникают панические приступы фобического головокружения у людей с невротическим статусом. Если физиологическое высотное головокружение чаще неприятно, то фобическое головокружение непереносимо! Подобным головокружением, как известно, страдал И. В. Гете (J. W. von Goethe), но он набрался мужества и лечил свою акрофобию еще в XVIII веке (1771 г.) ежедневными подъемами на колокольню Страсбургской монастырской

церкви. Современные психотерапевты называют такую методику самоконтролируемой десенситизацией. Примечательно, что у 90 % больных акрофобией нарушен и слух. Акрофобия – невроз страха, который сейчас связывают с психосоматическими заболеваниями (гипертензия, язва) и депрессией. В наше время существуют акрофобические опросники, а в детстве Шаламова издевки отца могли лишь усугубить у ребенка проявления невроза, и порочный круг замкнулся. Нет сомнения, что в дальнейшем Шаламов избегал как мог ситуаций, когда акрофобия могла проявиться, а потом его на семнадцать лет от таких ситуаций насильно изолировали! Уже после первого приступа болезни (Шаламов еще не знает, что это такое, ведь у него во время заключения были неоднократные травмы головы с потерей сознания) его госпитализировали в неврологическое отделение больницы имени С. П. Боткина, которое было клинической базой кафедры неврологии ЦИУ врачей. Вот как он описал этот приступ в рассказе «Припадок»: «...Качнулась стена, и горло мое захлестнуло знакомой сладкой тошнотой. Обгорелая спичка на полу в тысячный раз проплывала перед глазами. Я протянул руку, чтоб схватить эту надоевшую спичку, и спичка исчезла – я перестал видеть. Мир еще не ушел от меня вовсе: там, на бульваре, был еще голос, отдаленный, настойчивый голос медицинской сестры. Потом замелькали халаты, угол дома, звездное небо... Я вспомнил чужие настойчивые пальцы, умело пригибавшие мою голову и плечи к постели. Все стихло, и я остался один на один с кем-то огромным, как Гулливер. Я лежал на доске, как насекомое, и кто-то меня пристально рассматривал в лупу. Я поворачивался, и страшная лупа следовала за моими движениями. Я изгибался под чудовищным стеклом. И только тогда, когда санитары перенесли меня на больничную койку и наступил блаженный покой одиночества, я понял, что Гулливерова чума не была кошмаром – это были очки дежурного врача. Это обрадовало меня несказанно. Голова болела и кружилась при малейшем движении, и нельзя было думать – можно было только вспоминать, и давние пугающие картины стали являться как кадры немого кино, двуцветные фигуры. Сладкая тошнота, похожая на эфирный наркоз, не проходила. ...руку мою держал врач. Аппарат Рива-Роччи для измерения кровяного давления стоял здесь же. И я, поняв, что я не на Севере, обрадовался. – Где я? – В институте неврологии. Врач что-то спрашивал. Я отвечал с трудом. Мне хотелось быть одному. Я не боялся воспоминаний». Почти в это же время в Боткинскую больницу попал и поэтический кумир Шаламова – Б. Л. Пастернак. Но там они не встретились. Вот несколько «зарисовок» Шаламова больничного периода:

- Как Вы мне ставите клизму?! Я научу Вас честно относиться к своим обязанностям!
- Буфет – раздаточная.
- В физиотерапевтическом отделении лечебные процедуры не делаются, а отпускаются.
- Тихий час – бывший мертвый час.
- Врачи приходят и уходят, а больные остаются.

Кафедрой неврологии ЦИУ тогда заведовал академик АМН СССР профессор Н. И. Гращенко, но специалистом по болезни Меньера считался доктор медицинских наук Генрих Соломонович Циммерман (1888-1969), оториноларинголог и нейрохирург, основатель отделения отоневрологии в московском НИИ им. Бурденко. В 1952 году вышла его монография «Клиническая отоневрология» («Ухо и мозг», 1974). Г. С. Циммерман исчерпывающе знал болезнь Меньера, но вот что интересно: он подробнейшим образом описал состояние внутреннего уха при артериосклерозе и гипертонической болезни. В то время снижение слуха (на фоне гиперхолестеринемии), ушные шумы, резко выраженное головокружение, спонтанный нистагм, или нистагм положения, нарушения походки и тонических отклонений рук и другие нарушения вестибулярных реакций описывались у 40-50-летних гипертоников и больных «артериосклерозом» («атеросклеротической отопатией»). Г. С. Циммерман говорит о необходимости дифференциальной диагностики кохлеовестибулярного синдрома у страдающих артериосклерозом и отоневрологического синдрома при болезни Меньера. Интересно, что в качестве признаков отличия он приводит наличие при болезни Меньера тошноты и рвоты во время приступов, нормальную продолжительность нистагма при экспериментальных пробах и периодичность приступов. У артериосклеротиков не было тошноты, была гипорефлексия нистагма, менее бурное головокружение, а приступы не имели четкой периодичности. Нет сомнения, что Шаламову была проведена диагностика страдания на уровне того времени: отоларингологическое исследование, пробы Ринне и Швабаха с камертоном, статокINETическая, вращательная и калорическая проба и т. д. после чего склонились все же к болезни Меньера. Современные неврологи полагают, что, «подобно головной боли, синдром Меньера может возникать едва ли не при любой форме церебральной и соматической патологии. Наиболее регулярно, однако, синдром Меньера наблюдается в рамках вертебробазилярной недостаточности и вегетативной дистонии» (Д. Р. Штульман, Н. Н. Яхно, 1995). При вертебробазилярной недостаточности может быть

даже лабиринтный ангиовертебральный синдром, от стертых форм до частых меньероподобных кризов с развитием тугоухости, внезапной пространственной дискоординации с коротким помрачением сознания, утратой равновесия и непредсказуемыми падениями или стойких длительных вестибулярных кризов, но в то время это даже не обсуждалось, хотя у 50-летнего Шаламова и атеросклероз, и патология вертебробазилярной системы вполне могли быть. Примечательно, что данные о состоянии носа (наличие нарушений обоняния, искривления носовой перегородки и т. д.) у Шаламова нигде не фигурировали, несмотря на очевидную патологию. В наше время известно, что патология носа у больных болезнью Меньера существенно отягощает течение страдания, поэтому пациентам «с искривлением перегородки носа II и III степени следует одновременно с общепринятой терапией основного заболевания проводить хирургическое лечение деформации перегородки носа» (М. И. Седых, 2005). Вообще, тут остались неясности в диагнозе, хотя Шаламов пролежал в стационаре шесть месяцев (с ноября 1957 по апрель 1958 г.). Слух у него уже в 1957 г. был снижен (сразу после первого приступа болезни). Спустя несколько лет известный рижский невропатолог, лечивший В. Т. Шаламова, доктор медицинских наук, специалист по проблеме паркинсонизма П. Д. Перли (1911-1977) в письме к писателю (1965 г.) говорил о методе лечения неврита слухового нерва, хотя это не синоним болезни Меньера! А вот диалог писателя с П. Д. Перли: «Перли: «Вы боитесь смерти?» Я: «Нет». П.: «Конечно, семнадцать лет в обнимку с ней лежали». Я: «Да не потому, а как-то не было у меня боязни, страха никогда. Нет и сейчас. Говорят, это замедленные рефлексы. Вот боли я боюсь»».

...Шаламов сделал по поводу своей глухоты интересное наблюдение: «Зрение помогает слуху. Феномен освещенного телефона. В темноте не слышу звонок телефона, но если аппарат освещен – слышу. В чем тут дело? В напряжении нервов?» Окончательная глухота у писателя наступила спустя двадцать лет после дебюта болезни. 15 мая 1978 г. Шаламов пишет в дневнике: «Ушки мои полетели к чертям»... В 50-е гг. для лечения болезни (синдрома) Меньера применялись атропин с йодом внутрь, гистамин, кальций-диуретин с люминалом, стрихнин в каплях, препараты брома, какая-то примитивная физиотерапия. В общем, все это было одинаково бесполезно. До хирургического лечения (перерезки слухового нерва) дело не дошло. Известным эффектом обладал комплекс упражнений при болезни Меньера, предложенный в 1941 году Г. С. Циммерманом и В. Н. Мошковым, который Шаламов применял и много позже. После стационарного лечения ему была установлена сначала III, а затем II группа инвалидности. Кстати

говоря, сохранилась выразительная запись Шаламова о Г. С. Циммермане: «Циммерман берет триста рублей (старыми деньгами) за визит, за приезд домой. Черт с ними, с ушами, если их надо спасти такой ценой». Биограф В. Т. Шаламова пишет: «Основной диагноз, поставленный... в 1957 году в Боткинской больнице, – болезнь Меньера, был подтвержден в 1970 году профессором Л. Н. Карликом, который... выписал ему специальную справку на случай происшествий на улице: «...Шаламов Варлам Тихонович, 1907 года рождения, страдает болезнью Меньера, выражающейся во внезапно наступающих приступах: внезапное падение, головокружение, тошнота, иногда рвота, резкое снижение слуха, нарушение равновесия. В случае появления приступа на улице... просьба к гражданам оказать больному помощь: помочь ему лечь, положить его в тень, голову обливать холодной водой, ноги согреть. Вынести на свежий уличный воздух..., только не на солнце. Не усаживать и не поднимать головы. Вызвать скорую помощь!». Лев Наумович Карлик заведовал кафедрой патологической физиологии Рязанского медицинского института. Он ни одного дня не был врачом, тем более неврологом, так что его заключение – жест доброй воли, который должен был избавить Шаламова от задержания милицией и попадания в вытрезвитель. Писателя укачивало в метро, у него развивалось головокружение и рвота, и вызванные стражи порядка расценивали это как опьянение и действовали по инструкции. Примечательно, что В. Т. Шаламов был косвенно связан с Рязанью не только справкой Л. Н. Карлика. Шаламов был в Рязани в 1963 году, правда, проездом, а потом три дня прожил в Солотче, в доме А. И. Солженицына. Кстати говоря, В. Т. Шаламов оставил замечательный афоризм по поводу нашей литературы: «Вот в чем несчастье русской прозы, нравоучительной литературы. Каждый мудака начинает изображать из себя учителя жизни».

4. «Одиночество – оптимальное состояние человека...»

...Резкое ухудшение состояния В. Шаламова началось в 1977 году, сразу после выхода сборника его стихов «Точка кипения». Клинику его состояния лучше всех описал не врач, а... поэт:

И вспомнил Шаламова я,
как враскачку он шел по Тверской,
руки за спину круто заламывая,
макинтош то и дело запахивая
и авоськой плетеной помахивая

с замороженной насмерть треской...

На винтах, на шарнирах, на слове честном,
на пределе, на грани сознания и тьмы,
и мычит, и клекочет орлом, и хрустит
и хрустит, как кустарник в костре...

и – о ужас кромешный. И стыд.

Скоро на улицу он уже не выходил, а 21 февраля 1979 г. бригадой скорой помощи Шаламов был доставлен в первое неврологическое отделение московской городской клинической больницы № 67. Там он находился до 5 апреля 1979 года. Речь уже не шла о болезни Меньера, но появился новый диагноз – «хорея Гентингтона, системный артериокоронарокардиосклероз, мерцательная аритмия, глаукома обоих глаз». В отделение Шаламов был доставлен с насильственными движениями «во всех конечностях, голове», у него было «затруднение речи». Из документа явствует, что насильственные движения у писателя начались в 1971 году. Он был доставлен в отделение в связи с усилением гиперкинеза и невозможностью самообслуживания. А дальше начинается наша обычная несуразица: в диагнозе фигурирует мерцательная аритмия, а при осмотре врач описывает ритмичные тоны сердца, АД 160/80 мм рт. ст. На ЭКГ – «признаки рубцовых изменений миокарда» (даты нет). Окулист ставит диагноз ангиосклероза и глаукомы, но нет цифр ВГД и остроты зрения, а ведь это для такого больного принципиально. Возможно, что из-за гиперкинезов ВГД просто не измеряли, а диагноз поставили по аналогии: отец болел. Известно, что Шаламову назначали витамин В6, аминазин, меллерил, дигоксин, панангин, пилокарпин в оба глаза. Интересно, на чем основывался лечащий врач М. И. Левин, когда поставил Шаламову диагноз хорей Гентингтона (Хантингтона) (в выписке – «хорея Гетингтона»)? Из родословной писателя не следует, что его родители были ею больны (в истории болезни написано, что у Шаламова «память на прошлые события хорошая», значит, и анамнез можно было собрать), а ведь это семейное, доминантно наследуемое заболевание, передающееся только от больных родителей (М. Б. Кроль, Е. А. Федорова, 1966). Классик отечественной неврологии подчеркивал «резко наследственный» характер хорей Гентингтона (С. Н. Давиденков, 1932), да и описание Джорджа Хантингтона (George Huntington, 1850-1916), сделанное в 1872 г., говорило именно о семейном характере страдания (D. Lanska, 2000). Второе утвер-

ждение М. И. Левина, что хорей именно неврологическое, а не психоневрологическое страдание, не соответствует истине: психика при этом заболевании редко остается сохранной, и развитие деменции в исходе неизбежно, чего нельзя сказать о «хантингтоновских эквивалентах», по крайней мере, этот процесс не так заметен и развивается медленнее. Но я не об этом. Болезнь В. Т. Шаламова представляется совершенно загадочной, но биографы умалчивают об очень существенном обстоятельстве, которое многое объясняет. Известно, что он умер в интернате для психохроников от пневмонии с констатированным диагнозом слабоумия. Гиперкинез появился у Шаламова в 1971 году, последнее произведение цикла «Колымские рассказы» написано в 1973 году, какое-то время он еще писал стихотворения. В конце 70-х он иногда еще ухитрялся диктовать стихи. Значит, интеллектуальная деградация произошла за 2-3 года! Не было ли здесь другой причины?

5. «Жизни в искусстве учит только смерть...»

Удивительное дело, как легкомысленно биограф В. Т. Шаламова замечает, дескать, подумаешь, писатель принимал этот простой препарат (В. Есипов, 2012). Сам Шаламов едва ли не с гордостью говорил: «Я каждый день принимаю снотворное (нембутал) и не делал ни одного перерыва за восемнадцать лет... За эти восемнадцать лет я написал немало, и так как я никаких лекарств, кроме нембутала, не принимал и не принимаю, то все отношу на его благодетельный счет» (выделено мною – Н. Л.). Возникает вопрос: значит, никаких лекарств по поводу болезни Менъера писатель не принимал?! И своим творчеством Шаламов обязан «благодетельному» нембуталу?! Не говоря уже о том, что десятки писателей и поэтов покончили с собой с помощью этого «простого» препарата, что у погибшей М. Монро была обнаружена в крови огромная его доза, систематический прием нембутала, дешевого и доступного (раз Шаламов мог принимать его десятилетиями), с одной стороны, представлял большую наркологическую проблему, а с другой – многое объяснял в судьбе писателя. Ясно, что у него быстро сформировалась психическая зависимость от снотворного. Эту зависимость сначала можно расценивать как ритуал, привычку. «В рассматриваемом случае психическая зависимость – своего рода «костыль инвалида». Человеку не спится без снотворного, как ему не спится в чужом доме, не в постели, к которой он привык», – пишет нарколог (И. Н. Пятницкая, 1995). Но на этом дело не кончается: «Уже спустя несколько месяцев после приема малых доз пациент может отметить нарушение запоминания, рассеянность. Он становится несобранным, медлительным,

качество работы снижается. Возникают периоды сниженного настроения... Через 1 год регулярного или через 3-6 мес. нерегулярного приема на фоне уже увеличившейся толерантности, иногда при резком подъеме дозы до 4-5 таблеток («чтобы поскорее заснуть»), возникает особое состояние – поднимается настроение, больные ощущают прилив бодрости, желание что-то делать, двигаться, говорить; ускоряется мышление, смена представлений; обостряются влечения (либидо, аппетит). Пациенты не оценивают это состояние как опьянение. В дальнейшем стремление ощутить его повторно больные объясняли желанием «повысить работоспособность». ...в группе симптоматической наркомании долгое время сохраняется социально положительная мотивация наркотизации». Вот он, «благотворительный» характер нембутала! Важно и другое: «Способность оптимального психического функционирования в интоксикации наглядна у наркоманов интеллигентных профессий: они строго контролируют свои дневные дозы, боясь разоблачения, и разрешают себе передозировку вечером, дома... Примечательно, что умеренная интоксикация делает больного внешне более здоровым, чем он казался, будучи трезвым. Наступившие к этому времени осложнения хронической интоксикации... тяжелые. Дизартрия, дискоординация, отупение постоянны; они слегка купируются приемом снотворного. ...у больных резко падает работоспособность. Работают они короткими периодами при условии приема достаточной дозы (состояние психического и физического комфорта в интоксикации). Утомляемость, истощаемость внимания, недостаточная способность к концентрации, невозможность интенсивной деятельности начинают появляться и при режиме регулярной достаточной наркотизации. Сужается сфера интересов. Психическое истощение проявляется и в эмоциональной неустойчивости даже вне состояний дисфории.... Осложнения при наркомании снотворными проявляются очень рано, показывая, насколько злокачествен этот наркотик. ...осложнения ... при наркоманиях снотворными средствами приближены к началу заболевания. ...Самая brutальная патология, развивающаяся как осложнение злоупотребления снотворными средствами, может быть определена как состояние энцефалопатии. ...Барбитуровой энцефалопатии свойственны все клинические признаки энцефалопатии любой этиологии: неврологические симптомы и изменение психики органического характера. ...по своему развитию барбитуровая деменция представляет особый тип инвалидизации». Зависимость от снотворных гораздо сильнее алкогольной или опиатной!

...В конце жизни, и это всех поражало, В. Т. Шаламов, который и в лагере старался, насколько было возможно, сохранять человеческий облик, совершенно

деградировал. Описание его облика во время пребывания в интернате для престарелых ужасает, как и сама обстановка там: «...такого рода заведения – это самое страшное и самое несомненное свидетельство деформации человеческого сознания, которое произошло в нашей стране в XX веке. Человек оказывается лишенным не только права на достойную жизнь, но и на достойную смерть».

«Это инвалидный дом! Вы находитесь внутри картины Босха – без преувеличения... Это грязь, смрад, разлагающиеся полуживые люди вокруг, какая к черту медицина там?» Но ни этим, ни снижением слуха и зрения когнитивные нарушения, которые возникли у Шаламова «обвально», объяснить нельзя. А вот постоянным приемом снотворных препаратов можно: «Происходит глубокое, ядерное изменение личности. Если в больном алкоголизмом еще можно разглядеть следы прежнего воспитания, интеллигентности, то при первом общении с барбитуроманом это не всегда удастся. Больные грязны, неряшливы; этические представления, нормы поведения для них не имеют значения – это тот случай, когда нравственная деградация обусловлена биологическим фактором. Обычным является состояние отупения – сниженная сообразительность, затруднения в продолженном умственном усилии, медлительность осмысления, медленная речь с ограниченным запасом слов, лицо маскообразно. Грубо нарушена память: страдают запоминание и воспроизведение недавних событий. Практически барбитуроман не может полностью и последовательно сообщить свой анамнез. Апатобулическое состояние сменяется периодами дисфории или депрессии. Постоянный фон настроения – злобно-враждебный, с готовностью к агрессии». Возможно, вот откуда постоянно нарастающая у В. Т. Шаламова склонность к разрыву отношений, причем в какой-то особенно раздраженной манере, с самыми разными людьми: с Н. Я. Мандельштам, А. И. Солженицыным, с редакторами или, например, с людьми, вместе с ним находившимися в лагере, «коммунальная война» с соседями по квартире, терроризирование продавщиц в местных магазинах и скрупулезное перевешивание продуктов и т. д. Один из знакомых Шаламова вспоминал, какие возмущенные и раздраженные письма писал тот по поводу задержки с рецептами на нембутал. Рецепты на него в 50-60-е гг. действовали в течение 10 дней, хотя выписывались не на розовом бланке, как наркотические препараты, но были с двумя печатями и подлежали «предметно-количественному учету». Какой человек станет устраивать скандал из-за отсутствия рецепта на снотворное? Что стоит за таким скандалом? Уже сформированная психическая зависимость от препарата. Для неврологической картины энцефалопатии при злоупотреблении

снотворными препаратами и вне их приема характерны снижение (вплоть до выпадения) поверхностных и глубоких рефлексов, признаки пирамидной недостаточности, неустойчивость в простой позе Ромберга, мышечная гипотония, шаткая походка, атаксия, грубо измененный почерк, мелкий тремор рук, нарушение тонких движений, дизартрия (временами речь Шаламова понять было совершенно невозможно), нистагм, иногда диплопия и страбизм, затруднение аккомодации и гипомимия. У В. Т. Шаламова шаткость походки преобладала над другими проявлениями гиперкинеза. Изменения ЭЭГ у злоупотребляющих снотворными препаратами такие же, как у больных эпилепсией. И еще: при злоупотреблении снотворными больные могут стать слабоумными за 4-5 лет! И слабоумие развивается сразу, без предшествующей, как у алкоголиков, многолетней психопатологической симптоматики. Вот как раз быстрая деградация, наступившая у Шаламова, заставила биографа предположить, что в 1980-1981 гг. он перенес инсульт. Но никаких документальных подтверждений госпитализации В. Т. Шаламова по этому поводу до сих пор не найдено, как не найдено и объяснений катастрофическому течению его болезни (болезней). То, что не смог сделать с Шаламовым лагерь, сделал этот «простой» препарат...

Тем, кто любит вопить «Слава товарищу Сталину!», надо почаще читать рассказы Шаламова: это поможет охладить воспаленную голову...

Н. Ларинский, 2013

Опубликовано в ноябре 2013 г. на Портале учреждений здравоохранения Российской Федерации – здесь

http://uzrf.ru/publications/istoriya_i_bolezni/Nikolay-Larinskiy-ynizitelnaya-vesh-jizn/

и далее: http://uzrf.ru/publications/istoriya_i_bolezni/Nikolay-Larinskiy-ynizitelnaya-vesh-jizn-2/,

http://uzrf.ru/publications/istoriya_i_bolezni/Nikolay-Larinskiy-ynizitelnaya-vesh-jizn-3/

Семья Елены Шаламовой-Янушевской

Немного информации о семье порвавшей с отцом дочери Шаламова Елены Варламовны. Текст и фотографии взяты из книги Лидии Анискович «Варлам Шаламов. Нельзя уйти от самих себя».

«Елена Варламовна вышла замуж за Станислава Борисовича Янушевского, который учился вместе с ней в Московском инженерно-строительном институте, где они и познакомились. В начале 60-х Янушевские работали в Ухте на строительстве. Там они с мужем усыновили двух близнецов 1960 (21 января) года рождения – Вадима и Константина. Своих детей Елена иметь не могла. У Вадима 26 октября 1986 года родилась дочь Анна, у Константина 20 сентября 1986 года – сын Кирилл. Более ни о Елене, ни о её семье почти ничего не известно.

Однако в Интернете на сайте «Одноклассники» мне удалось разыскать несколько фотографий членов семьи Янушевских».

От себя добавлю, что, по сообщению режиссера Александры Свиридовой, Станислав Янушевский «запретил употреблять имя Шаламова в доме» (составитель).

Станислав Борисович Янушевский.
Из фотоархива В.Я. Давыдова

Лагерные сборы
1957 года.
С.Б. Янушевский и
Ю.К. Севенард.
Из фотоархива
В.Я. Давыдова

Вадим Янушевский

Константин Янушевский с семьей

Семья Гудзей. Выражи искупления

Сын шурина Шаламова чекиста Бориса Гудзя (см. о нем в основном томе) Юнак Гудзь, приходившийся жене писателя Галине племянником, а дочери Елене – двоюродным братом, служил на фронте переводчиком в звании младшего лейтенанта и в 1944 году покончил самоубийством под Будапештом. Ему было двадцать лет.

- 2 -

Форма № 2

ИМЕННОЙ СПИСОК 255

БЕЗВОЗВРАТНЫХ ПОТЕРЬ ОФИЦЕРСКОГО, СЕРЖАНТСКОГО И РЯДОВОГО СОСТАВА ВОЛКА ДИВЗИОН " " " " 19 г.

Фамилия, имя и отчество	Воевое звание	Должность и специальность	Партийность	Место и год рождения	Какие РВК и какой объект призыва	Когда и по какой причине выбыл	Где похоронен	Сведения о родственниках	
								Имя, отчество и фамилия матери или родителей	Адрес места жительства
КАШКОВСКИЙ Иван Степанович. № 000001 8011111	Ст. серж.	Полк. тех. взв. в 1-й арт. бригаде	Член ВКП/б	Рязань 1926 г.	Рязань Чкаловской обл.	11.11.44 года	г. Гродно	Отец: Иван Степанович	г. Чкалов ул. Советская дом 55
АНДРЕЕВ Иван Степанович	Сержант	Командир взвода	Член ВКП/б	Ленинградская обл. Чудовский район 1900	Ленинградская обл.	" "	" "	Мать: Анна Степановна	г. Ленинград ул. Мухоморова дом 10
ЛЕПЕХИН Валентин Григорьевич № 0100001	Сержант	Полк. тех. взв. в 1-й арт. бригаде	Член ВКП/б	Калужская обл. Калужский район 1917	Калужская обл.	0.11.44 года	г. Гродно	Мать: Анна Григорьевна	г. Гродно ул. Советская дом 1-й этаж
ГУДЬ Юнак Борисович.	Младший лейтенант	Переводчик	ч/п	Москва 1924 г.	Москва	самоубийство 30.11.44 г.	г. Гродно	Отец: Борис Иванович	Москва ул. Мухоморова дом 10
					НАЧАЛЬНИК ШТАБА 5 ГРОДНОСКОГО ГРАДНИ ПОЛКОВНИК		/ЛЮДИН/		
					ПОМОЩНИК НАЧАЛЬНИКА ШТАБА КОРПУСА ПО БЕДРАМ		/ИВАНОВ/		
					ГЛАВНЫЙ ЗАПОР		/ИВАНОВИЧ/		

Штаб 5 Гродно
№ 1-й див.
№ 2-й арт. бригады 1-й арт. бригады
№ 3-й арт. бригады 1-й арт. бригады
№ 4-й арт. бригады 1-й арт. бригады
№ 5-й арт. бригады 1-й арт. бригады

Фото: ОБД (обобщенный банк данных) «Мемориал» <https://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=5052123>

Прописан по адресу: Москва, Чистый переулок, д.8, кв.7. Сейчас на этом доме установлена мемориальная доска Варламу Шаламову.

Сведениями обязан гродненскому журналисту и краеведу Юрию Комягину (Беларусь), статья которого выложена в его блоге в ЖЖ <http://jurikan.livejournal.com/9657.html>

Астероид имени Шаламова, 1977

3408 Шаламов (3408 Shalamov)

[http://wapedia.mobi/ru/\(3408\)_%D0%A8%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%B2](http://wapedia.mobi/ru/(3408)_%D0%A8%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%B2) – астероид в главном поясе астероидов, открытый Н. С. Черных 18 августа 1977 года в Крымской астрофизической обсерватории. Назван в честь В. Т. Шаламова, возможно, по указанию сверху к 70-летней годовщине писателя. Свидетельств о том, был ли Шаламов извещен о присвоении его имени астероиду, нет.

На сайте НАСА <http://ssd.jpl.nasa.gov/sbdb.cgi?sstr=3408+Shalamov>

*

Николай Степанович Черных <http://www.sai.msu.su/EAAS/rus/doc/80ch.htm>, биография, мемуары.

«Первооткрывателем малой планеты считается астроном, получивший первое наблюдение в серии, послужившей для определения предварительной орбиты и последующих отождествлений. Ему предоставляется право предложить имя для новой занумерованной планеты.

Мы получили возможность выразить в названиях малых планет благодарность своим учителям и наставникам, которым мы многим обязаны... В названиях малых планет запечатлены памятные нам места, имена любимых писателей, артистов, художников, имена великих представителей отечественной и мировой науки и культуры, география и история нашей страны, и многое-многое другое».

Из воспоминаний Н. С. Черных на сайте Государственного астрономического института им. П.К. Штернберга

Посвящается Шаламову

Анатолий Головков

Памяти В. Шаламова

Ты с последним конвоем табак поменял
на сегодня, вчера, и отныне.
Не анапест, апостол заполнил провал
от линиялого неба к полыни.

Сын песочных часов, хоть пыли не пыли,
а строка не берется измором:
не с хулой, а с халвой мне посылку пошли,
не забудь положить «Беломору»,

ну, а я сукровичный закат покажу,
ржавый гвоздь, что от сырости ломок,
и где было начертано имя твое, –
голубой штукатурки обломок.

Опубликовано в журнале «Дети Ра» 2014, №5 (115)
<http://magazines.russ.ru/ra/2014/5/10g.html>. Здесь же, по ссылке, биографические
данные автора, поэта, прозаика, кинодраматурга.

Приложение. Беседа составителя с Сергеем Бондаренко для сайта Международного Мемориала «Уроки истории. XX век»

Варлам Шаламов. Серая зона / Интервью с Дмитрием Ничем

Одно из рабочих определений искусства, каким его понимает философ Борис Гройс, состоит в предположении, что это может быть пространство, где исчезают границы между победой и поражением. Другой философ – афинянин Солон – предлагал не называть человека «счастливым» до того момента, пока тот не умрёт, и его жизнь можно будет считать законченной. Где-то между двумя этими определениями мы можем поместить историю Варлама Тихоновича Шаламова и его «Колымских рассказов».

Во всём, что принято считать жизненно важным для писателя, Шаламов проиграл – за годы в лагерях и в постлагерной блокаде (когда рассказы не публиковались, поэтические сборники выходили небольшими тиражами, предварительно искалеченные цензурой). Последние годы его жизни превратились в жуткое специфически советское медленное умирание, у которого, в отличие от системы, предложенной Элизабет Кюблер-Росс[1], были свои собственные зачатки – разочарование, ярость, отчуждение, забвение и смерть в состоянии, максимально приближенном к тому самому потустороннему лагерному опыту, невербальному и почти нечеловеческому.

Но странным и, одновременно, понятным образом, именно после смерти Шаламова, его творчество перенесло всё, что он сделал и всё, что пережил, в то пространство, где уже нет никакой необходимости судить его с точки зрения проигравшего, или «неудачника». Его личная история как будто была рассказана заново в его «прозе, пережитой как документ».

Посмертная судьба произведений Шаламова напоминает о термине, который в описании лагерной действительности использовал Примо Леви – «серая зона». Для кого-то Шаламов по-прежнему остался «ещё одним хорошим писателем, взявшимся за солженицынскую тему», для кого-то «истинным летописцем Колымы», несущим в себе «опыт свидетеля». Но, со временем о нём всё чаще стали говорить как о большом художнике, изобретателе сложной и своеобразной поэтики «новой прозы». Он превратился в обязательное чтение для студентов-славистов по всему миру, крупную, дискуссионную фигуру.

Распорядителем наследия Шаламова после его смерти стала близкая подруга писателя с 1960-х годов, Ирина Сиротинская. С конца 1980-х она была главным издателем произведений Варлама Шаламова и, как следствие, ключевой фигурой, вокруг которой сформировалась школа современного шаламоведения, представленная сообществом вокруг сайта shalatom.ru.

В 2010-х определенная тематическая замкнутость и ангажированность «официального шаламоведения» стала предметом критики со стороны Дмитрия Нича – автора нескольких книг о Варламе Шаламове (важнейшей из которых является «Московский рассказ. Жизнеописание Варлама Шаламова, 1960-1980-е гг.») и модератора сообщества «Варлам Шаламов и концентрационный мир». По его мнению, сообщество shalatom.ru, хотя и ведет большую работу по сохранению и популяризации наследия писателя, представляет публике упрощенную и «сглаженную» картину жизни Шаламова, способствует созданию в корне неверного образа его творчества.

«Уроки Истории» поговорили с Ничем о биографии Шаламова, политических взглядах писателя, отношениях с Солженицыным, сообществе shalatom.ru и тех контекстах, в которых можно рассматривать творчество автора «Колымских рассказов».

Беседовали Сергей Бондаренко (С.Б.) и Дмитрий Нич (Д.Н.).

I.

С.Б.: Как Вам кажется, почему Шаламов с течением времени все категоричнее просил говорить о себе как о поэте, авторе стихов, а не как о писателе? Понятно, что частично это связано с трагической судьбой публикации рассказов и хотя бы физическим существованием его поэтических сборников, но главная ли это причина? Вероятно, это часть более фундаментального вопроса: а видел ли Шаламов-писатель творческую ограниченность Шаламова-поэта? И если не видел, то почему? Нет ли здесь сознательного решения, выбора определенного акцента в восприятии собственной работы, творческого метода?

Д.Н.: Я думаю, Шаламов видел себя одновременно и писателем, и поэтом. Сказанное им о поэзии и прозе в эссе, письмах, заметках занимает примерно равный объем. Конечно, он видел себя поэтом, но не забудьте, что роль поэта (причем советского поэта) ему навязали безвыходные обстоятельства, и он частично

эту роль еще и принял, по безысходности, а его самоощущению она не противоречила, это облегчало задачу.

Но вот Вам факты. Ни в одном из как минимум трех случаев, когда он передавал на Запад свои творения (в 1966 через Надежду Мандельштам и Кларенса Брауна, в 1968 через Ирину и Кирилла Хенкиных и тогда же для перевода на французский через Леонида Пинского и, возможно, Наталью Столярову), он не передавал стихов, хотя «Колымские тетради» из шести циклов были им окончательно оформлены для публикации и выпущены в виде двух самиздатских машинописных сборников весной 1966 года, чуть раньше, чем первые тома его самиздатского колымского пятикнижия. При этом единственная рецензия, появившаяся на Западе и принадлежавшая не кому-нибудь, а Георгию Адамовичу, была рецензией на его стихи, то есть как поэт – независимо от масштаба – он на Западе был уже признан, это, казалось бы, должно поощрять, однако «Колымских тетрадей» он «за бугор» не передавал, первоочередной задачей он ставил издание своей прозы, КР.

Думаю, он не видел творческую ограниченность себя как поэта, он просто с горечью констатировал в дневниках, что как поэта его не ценят. Почему не видел? Не знаю. В прозе – за исключением очерков и мемуаристики – он тоже видел себя поэтом, считал, что рассказы – это часть стихов, некая неявная форма поэзии. Не вижу тут какой-то манипуляции с самовосприятием, какого-то насилия над собой. Скорее, чистосердечное заблуждение.

С.Б.: Как, с Вашей точки зрения, Шаламов решал проблему выбора рассказов внутри разных циклов? Трансформируется, меняется ли поэтика этих рассказов внутри различных циклов-сборников? В чем основные причины такой эволюции, если она вообще имеет место?

Д.Н.: Эволюция, безусловно, была. Рассказы первого цикла (всего их пять, шестой – «Перчатка или КР-2» – я не отношу к «Колымским рассказам», его к ним отнесла Сиротинская, составитель и публикатор – по-моему, совершенно неправоммерно) написаны в основном в течение 1954-1960 гг., а три других цикла, я имею в виду художественную прозу, один цикл составляют «Очерки преступного мира», нон-фикшн, написаны в течение следующих семи лет. Уже одно это говорит, что эволюция была, причем стремительная, Мандельштам предпочитал слово «рост».

Два, самых ранних, из этих пяти сборников Шаламов составил сам – «Колымские рассказы» и «Очерки преступного мира», три других – в сотрудничестве с

Леонидом Пинским. Следовательно, при рассмотрении поэтики циклов «Артист лопаты», «Левый берег» и «Воскрешение лиственницы» нужно искать влияние Пинского, профессионального филолога и философа, а в «Колымских рассказах» этого влияния нет, здесь одна шаламовская интуиция.

Мне кажется, в сборнике «Колымские рассказы» несколько преобладает натурализм, бытописание, этнография, дальше этого становится меньше. Есть вещи очевидные, например, «Красный крест» явно написан для цикла «о ворах», но помещен почему-то в сборник «Колымские рассказы». Мне кажется, эволюция заключается в постепенном увеличении беллетристической составляющей над тем, что Шаламов называл «документом» – безыскусным запечатлением какого-то факта, события, которое, вроде бы, должно говорить само за себя, но часто этим и ограничивается. К примеру, «Ягоды» – зарисовка с натуры или, во всяком случае, оформлены под зарисовку с натуры, а «Сентенция» – целая поэма о человечности, а могла быть тоже зарисовкой с натуры, фиксацией поведения дистрофика и отношения к нему окружающих.

В смысле выбора рассказов для циклов сначала должна быть реконструирована задача, которую ставили Шаламов и Пинский, а потом нужно смотреть, насколько полно она решена. Вот общий принцип для рассмотрения и оценки КР как архитектурного целого.

С.Б.: Есть ли в «Колымских рассказах» ирония, черный юмор?

Д.Н.: Есть. Смотря что понимать под иронией и черным юмором. Ну, «Калигула» – это очевидная ирония с черным юмором. Но, например, конец рассказа «На представку» – это тоже своего рода черный юмор: «Теперь надо было искать другого партнера для пилки дров».

«Прокуратор Иудеи», «По лендлизу», «Берды Онже», «Город на горе» (Акрополь, другими словами, «стольный град» и даже Новый Иерусалим, апостольская община и свет миру) – все это злая ирония.

Дистанция, которую рассказчик у Шаламова берет от происходящего, не бесстрастна, она заполнена отношением, в том числе злой иронией. «Да, Голубев принес эту кровавую жертву. Кусок мяса вырезан из его тела и брошен к ногам всемогущего бога лагерей». Операция на аппендицит – кровавая жертва всемогущему богу, то ли Фатуму, то ли Случаю, мистерия, где верховный жрец – урка, посвященный – «фраерюга» Голубев, а профан, сующийся с дурацкими советами – жалкий симулянт Подосенов. Но ирония, конечно, в предельной степени, а юмор – черный беспросветно: чудо техники, бульдозер, отменяет ситуацию

Страшного Суда, возвращая восставших мертвецов в перепутавшую эоны колымскую землю.

С.Б.: Из биографических произведений Шаламова, его публицистики, достаточно точно реконструируются политические взгляды. Однако не кажется ли Вам, что в художественной прозе его идеи часто размываются, подвергаются сомнению или – даже – оцениваются им самим с очень горькой иронией. Как в рассказе «Ожерелье княгини Гагариной», когда герои рассказывают самые важные истории из своей дотюремной жизни – и читатель за одну страницу проходит расстояние от мясных консервов к бомбе эсера-террориста, через потерянное и найденное ожерелье княгини: «...и жена его, Ирина Сергеевна, поцеловала меня. – Пять тысяч, – зачарованно выговорил волоколамский механик. – Большая проба, – сказал генеральный секретарь общества политкаторжан. – Так я первую свою бомбу бросал в Крыму».

Д.Н.: Я не вижу тут особой иронии, наоборот, рыцарственность выступает мерой вещей, и политика эту меру выдерживает. Хотя, конечно, сопряжение неожиданное, но дружелюбное.

Идеи у Шаламова не просто размываются – им отказывается в подлинности, например, идеям просвещения и расхожего гуманизма. Человек устроен так, что в крайних, смертоносных для него ситуациях его культура, его образованность всецело подчиняются выживанию и приспособлению к тому, что есть, то есть имеет место полное извращение функций, а вместе с ними мирового порядка. Какие уж тут идеи.

С.Б.: Говоря об идеологических спорах вокруг Шаламова, мы упираемся в бесконечное терминологическое мракобесие правого/левого. Но всё же он, так или иначе, «левый»? Может быть, в советской извращенной системе координат он «левый» в противоположность «правому» Солженицыну? К этому еще нужно добавить шаламовское ожесточение, агрессивную позицию по отношению к внешнему миру в 70-е годы, неприятие тех, кого он называет «прогрессивным человечеством». Среди шаламовских нравственных героев – террористы-идеалисты XIX в. Стоит ли тогда удивляться его образу, который рисует коллективный shalamov.ru?

Д.Н.: Сомневаюсь, что Шаламов «левый», в терминах мракобесия. В терминах чего-то осмысленного он – «бунтарь», как определял этот тип людей Витторио Маттё, разграничивший понятия революционера и бунтаря. Вот в пересказе Алена Безансона из очерка «Оруэлл или Оправдание зла»: «Бунтарь возмущается несправедливостью и силовыми методами пытается восстановить справедливость. У него существует некое расхожее понимание справедливости, и достигнув ее, он прекращает свои действия. Для революционера несправедливость не является чем-то свершающимся между свободными, ответственными за свои поступки людьми, а неким недостатком мирового устройства, порочной склонностью общества. Изменив общество, можно покончить с несправедливостью и сделать ненужной справедливость, которая обеспечена в отлаженном совершенном обществе и не зависит от людей. Так вот Оруэлл не революционер».

Так вот Шаламов, повторю за Безансоном, не революционер. Он бунтарь. «В его лице мы имеем дело с чистым типом бунтаря, неспособного смириться с несправедливыми деяниями, которые он видит вокруг, задыхающегося от них и восстающего против абсолютной несправедливости современного революционера, отрицающего или желающего уничтожить разницу между справедливым и несправедливым».

Отсюда амбивалентное отношение Шаламова к народолюбцам – как бунтари они его восхищают, а как революционеры, догматики, питомцы гуманистической школы русской литературы – пугают и отвращают. Их прямой наследник – демонизированный большевик-ленинец Кедров из «Четвертой Вологды», Шигалев Достоевского.

Шаламов всю жизнь прожил при «левом» режиме, который сначала выкинул его из университета, потом отнял свободу, потом лишил общественного и литературного поприща и, наконец, убил физически, потому что случай Шаламова – это классический случай «карательной медицины», когда намозолившего глаза отправляют на смерть в психушку.

Манипуляции с «левизной» Шаламова – это стремление пристроить его в политическом каталоге, адаптировать к пониманию мыслящих этикетками. Политически Шаламов – явление неопределенное, в Че Геваре для него важно не то, что это марксист-революционер, а то, что он «взял автомат, надо было – машину!». Поэтому он странным образом симпатизирует Анатолию Марченко и Владимиру Максимову* и не симпатизирует Сахарову и Солженицыну, советских шаламоведов это ставит в тупик.

Политические предпочтения Шаламова – не система взглядов, а проявление свойств характера, «левое» привлекало его, потому что и в той мере, в какой оно

восставало против несправедливости. Шаламов одновременно слишком прост и слишком сложен, чтобы быть «левым» в терминах мракобесия, по-свойски, притягивая сюда за уши «прогрессивное человечество» (которое они и определить-то не состоянии), с ним могут обходиться те, кто о существовании таких парадоксов просто не знает.

Кстати, интересно было бы сделать его политический портрет – но не в манере Анри Руссо, а в манере, скажем, немецкого экспрессионизма.

Мне кажется, что в Шаламове компанию сайта shalakov.ru втайне привлекает не скучнейшая ортодоксальная «левизна», а дух бунтарства, непримиримости и единичности, действительно заимствовавший в целях экономии сил некоторые готовые черты левачества, какими изобиловало тогдашнее российское общество.

II.

С.Б.: Вопрос ретроспективный и немножко умозрительный, но не кажутся ли вам взаимоотношения Шаламов – Солженицын изначально нежизнеспособными? Шаламов никогда не признавал творческую программу Солженицына-писателя, его общественный образ и методы его работы, а Солженицын, в свою очередь – политическую позицию Шаламова (так, как он ее понимал) и его конкуренцию в вопросе первенства в ключевой, лагерной теме? Не была ли главным побудительным мотивом большинства их действий взаимная ревность?

Д.Н.: Это очень большой вопрос. Если мы говорим о Шаламове, мы говорим об искусстве, об изящной словесности, стало быть, точкой отсчета должна быть литература. В вопросе Солженицын – Шаламов мне трудно быть беспристрастным, по шкале литературы они на разных планетах. Солженицын – исключительный политик, выдающийся публицист, незаурядный мыслитель, в этих областях его притязания совершенно оправданы, но литературных достижений у него нет. С Шаламовым его связывает только лагерная тематика, работай он, допустим, в «деревенской» или «военной» прозе, у них не было бы никаких точек пересечения. Их связала и развела общая тематика. Но дело даже не в тематике. Как говорил Шаламов, лагерной темы хватит на пять Толстых и сто Солженицыных. Дело в общем ничтожестве и количественной скудости русского культурного слоя, причем по обе стороны границы.

В полноценном обществе и Солженицын, и Шаламов нашли бы свою «группу поддержки», нишу, как это называется, это было бы естественное соперничество претендентов на общественное внимание, никакой трагедии здесь нет, на этом

держится культурная жизнь. Но послевоенная культурная жизнь в СССР – это заросший бурьяном пустырь, там глохнет все, что не является сорняком. В эстетике Солженицын был сорняком, его питала сама родственная вмещающая среда. Яруса для Шаламова эта среда не предполагала, она должна была его удушить, это мощное экзотическое растение требовало себе места и угрожало благополучию пустыря.

Существует два вида литературы – просто литература и «литература», которую «привез студент», партийная прокламация, пусть даже в форме романа, в форме романа она еще убедительнее.

На ранней, решающей стадии они оба оспаривали один и тот же круг людей, ключевых для судьбы людей, таких как Твардовский, Копелевы, швейцарцы Вадим и Ольга Андреевы, Наталья Столярова, Наталья Кинд, за рубежом это фигуры вроде Гуля и Никиты Струве, издатели и журнальные воротилы. Очень узкий круг людей, которые решали судьбу, и все эти люди оказались на стороне Солженицына, других просто не было. Почему? Потому что все другие были истреблены. Настоящая культурная элита была истреблена в лагерях, войнах, сошла на нет в эмиграции. Остались люди с кругозором мещан, требовавшие у Набокова выбросить из «Дара» куски о Чернышевском. Набоков сбежал от них в английский язык. У Шаламова английского языка не было и свободы передвижения тоже. И пустырь его удушил.

С.Б.: С какого-то момента Солженицын у Шаламова – «делец», не потому ли, что в советской традиции искусства не существовало независимых от власти художников, которые осознанно конструировали свой образ, продуманно выстраивали его (как Солженицын со своей лагерной робой, высказываниями, политикой)? В этом смысле Солженицын кажется мне гораздо ближе к западной традиции шоу-бизнеса – где чем дальше, тем больше главную роль в восприятии произведения играет сам образ художника. И – если говорить совсем жестко и отстраненно – разве не по тем же законам делали из Шаламова «значительного писателя» в самом конце его жизни, когда его фотографировали в больнице, присудили премию, и т. д.? То есть, в конечном итоге, может быть, фундаментальной проблемой оказывается сама система достижения «успеха» писателя с лагерной темой, предполагающей определенный тип «геройства», «страдания», сложившуюся систему оценок и т.д.?

Д.Н.: В отношении имиджа. Шаламов прекрасно знал, что такое имидж, он застал двадцатые годы, а до двадцатых были десятилетия, населенные персонажами

«Воспоминаний» Бунина. Чехов называл их «казак Андреев и депутат Букишон». Это не западная традиция шоу-бизнеса, это литературный мир России первой четверти двадцатого века. Там куда ни плюнь – всюду имидж. Шаламов тоже строил свой имидж. Но у Солженицына получалось лучше, Шаламов не отвечал общественному запросу, аудитория не понимала его послания, а он не понимал запросы аудитории, а если и понимал, то недостаточно с ними считался, вернее, очень мало считался. Ну и получил по заслугам. Коллизия Солженицын – Шаламов проистекает (не считая условий тоталитарного государства) из природы тогдашнего русского культурного слоя, который оказался банкротом. Шаламов – это банкротство тех, кто в СССР и эмиграции считал себя культурной элитой. На деле они оказались читателями «Круга первого», бульварной дешевки для сериалов. Россия превратилась в пустырь, и западный шоу-бизнес тут ни при чем. Ночь после битвы принадлежит мародерам.

Имидж, который строили Шаламову в начале восьмидесятых, к нему самому отношения не имеет. Его не спрашивали, хочет ли он номинироваться на Премию Свободы французского ПЕН-Клуба. Ему ее просто присудили. Он стал разменной монетой на идеологическом фронте, с которого давно дезертировал. Как писатель он интересовал единицы. Не думаю, что в богадельне он думал о каком-то «успехе». Он думал о том, чтобы не украли хлеб. Об успехе думали те, для кого это было профессией. Они преуспели.

Ш.

С.Б.: Меняется ли со временем Ваше отношение к тому, что и как публикует shalamov.ru? Есть ли в их публикациях какая-то определенная линия, устоявшаяся система взглядов на творчество Шаламова, есть ли «слепые пятна»?

Д.Н.: Сайт shalamov.ru ангажирован в худшем смысле этого слова, и никто не делает из этого секрета. В политической плоскости это дубовая советская «левизна» со всем присущим советскому духу – нетерпимостью к инакомыслию, казновостью, но при этом какой-то мелкотравчатой, кругозором партийных деятелей, полным отсутствием вкуса и интеллектуальной серостью, которые требуют для себя оранжерейных условий, поскольку за стенами парника не выживут.

В плоскости персональной это круг доверенных лиц покойной Ираиды Сиротинской, совместившей в себе качества натасканного работника советского архива, а советский архив немислим без полицейской системы допусков и «спецхрана», и коррумпированного предпринимателя, который держится на

плаву только благодаря «блату» и монополии. «Слепых пятен» там столько, что впору говорить не о кружеве, а о неводе.

На какие-то компромиссы они, конечно, вынуждены идти и какую-то работу делают, но Шаламов в их подаче – объект для научного и эстетического освоения крайне непривлекательный, если не сказать отталкивающий. Надо же ухитриться повесить на входе такую визитку: «Что я видел и понял в лагере». Да кому интересно, что он видел и понял в лагере, на сайте Сахаровского центра целая библиотека лагерных мемуаров. Какой-то перечень неизвестной жанровой принадлежности, уродливая диковина, которая не тянет даже на эссеистику. Что там еще? Очерк «Несколько моих жизней»? Ну, элементарно написанная автобиография. Это писатель? Поэт? Автор «Сентенции»? Автор «Воскрешения лиственницы»? Нет, это shalamos.ru, точнее, shalamos.net.

Что, конечно, не отменяет многих интересных материалов, которые там размещены, но створ задан именно этим – «лагерная литература» и даже не литература, а «свидетельство», антилитература. Ну, впрочем, Шаламов и не любил «литературу», отрицал ее, они блюдут шаламовские заветы – в меру своего разумения.

С.Б.: Кажутся ли Вам плодотворными попытки анализировать шаламовскую «прозу, пережитую как документ» в контексте книг Примо Леви, реконструкции свидетельства в ситуации принципиальной невозможности свидетельствовать, как это было, например у Джорджо Агамбена?

Д.Н.: Конечно. Я лично приветствую любой подход. Ближе всего мне набокковский. Но возможен и подход Валерия Подороги, который так и говорит, что эстетической ценности в «Колымских рассказах» не наблюдает. Ну что ж, человек эстетически глух, но видит и может показать мне ту сторону этой прозы, которую я, в свою очередь, вижу смутно, и мне его мнение профессионального философа или социолога интересно. Все многомерно. Лишены права на существование только ложь, пошлость и верхоглядство.

С Примо Леви дело обстоит сложно. В семидесятых он раскритиковал Шаламова, чем очень ему удружил в Италии. За антигуманизм и пессимизм. Люди остаются людьми. Вот Солженицын. А в последней книге он уже очень многое говорит прямо из Шаламова – про «серую зону», про то, что первыми в лагерях погибали лучшие, про то, что лагерные старожилы приживают идеологию лагерного начальства и становятся его сторожевыми псами, в общем, очень печальные вещи и очень негуманистические.

Реконструкция свидетельства – дело хорошее, но относительно Шаламова всегда нужно помнить, что это прежде всего высокая литература, миф о планете Колыма, без которого никто бы о Колыме ничего не знал. Что такое Колыма? За все время через Колыму прошло меньше народу – заключенных и вольных – чем погибло в Ленинградскую блокаду, правда, никто точно не знает, сколько погибло в Ленинградскую блокаду, где-то от полумиллиона до миллиона. Так настоящая Колыма – это Ленинград, царство голода, смерти и НКВД. Но великого ленинградского мифа нет, нет такого мифа, какой создан для Америки Твенном в «Приключениях Гекльберри Финна», а для России Платоновым в «Чевенгуре» и Шаламовым в «Колымских рассказах». Мифа, который будет жить, когда уже и страны этой не будет, как нет набоковской Земблы или свифтовской Лилипутии. Можно смотреть на «Колымские рассказы» и в аспекте свидетельства. Шаламов сам поощряет такой подход. Но это подход очень ограниченный, он идет по касательной. Человека можно описать в терминах этологии. Но это не будет человек в его существе, это будет животное под названием человек. Существо человека останется в стороне. Хотя он и животное, это само собой. Так же и с «Колымскими рассказами». Можно рассматривать их в аспекте свидетельства. Но это не будет существом «Колымских рассказов». Хотя они и свидетельство, разумеется. «Колымские рассказы» – изящная словесность в первую очередь, как «Лолита», никто не рассматривает «Лолиту» как справочник по педофилии, прошли те времена. А «Колымские рассказы» до сих пор рассматривают как справочник по ГУЛАГу. Справочник по ГУЛАГу у Жака Росси.

С.Б.: Не кажется ли Вам, что с точки зрения литературной, с точки зрения своего писательского мастерства и пластического дара, Шаламов не получает внимания и достойной критики именно потому, что пишет о лагерном мире? Что это в большой степени рефлекс, причем далеко не только советский/российский? О том, что «не может быть литературы после Освенцима» – и, таким образом, хоть у Шаламова, хоть у Примо Леви «свидетельство» всегда будет идти впереди «литературы»? Хотя тот же Леви – не только свидетель и ученый, но и прекрасный писатель. И «Канувшие и спасенные» тому подтверждение. Видятся ли Вам какие-то пути выхода из этого положения?

Д.Н.: Абсолютно точно – рефлекс. Каиново клеймо «лагерной темы». Пути выхода вижу. Я составил электронный сборник избранной прозы Шаламова под названием «У Флора и Лавра». Там Шаламов – «лагерный писатель» не больше, чем Мелвилл – маринист, а Зощенко – юморист.

Советую знакомым с традиционным Шаламовым почитать без предвзятости. А то это все я твержу о Шаламове, какой он гениальный художник, какой великий стилист, с чего бы мне должны верить. Вот пусть почитают самого Шаламова, пусть, наконец, он говорит сам за себя. Кто-то прочтет и останется при своем мнении, а кто-то его переменит. В вступительном слове к сборнику все необходимое мною сказано. А вообще, нужен обновлённый канон русской литературы двадцатого века. Тогда Шаламов не будет ходить в авторах «лагерной прозы», а Тынянов, писатель масштаба Джойса – в исторических романистах.

С.Б.: Кого из шаламовских критиков, авторов воспоминаний, вообще людей, писавших и пишущих о Шаламове, Вы ставите высоко?

Д. Н.: Ну, во-первых, Валерий Петрович понимает, что такое Шаламов. У Владимира Гандельсмана хорошая, умная статья, у Валерия Хазина тоже. Короткое такое эссе или даже стихотворение в прозе Александра Гольдштейна. Есть добротные, профессиональные исследования – Елены Михайлик, но ранние, сейчас она вал гонит, Франтишека Апановича, Михаила Рыклина, Джона Глэда, Михаила Михеева, ну, наверное, Алена Бадью стоит упомянуть, есть любопытные, для меня очень спорные статьи Валерия Подороги, Сергея Зенкина, Евгения Ермолина. Две первых журнальных статьи о «Колымских рассказах» до сих пор читаются с интересом – Андрея Синявского и Виолетты Иверни, учитывая, что это рубеж семидесятых-восьмидесятых годов.

Из художества – хороший, хотя и фактически неточный, биографический рассказ Ирины Полянской. Замечательное стихотворение Михаила Поздняева, они в 3-м Шаламовском сборнике умудрились поместить его в разделе «Воспоминания».

Из мемуаров. Ну мне очень многое интересно, а для широкого читателя – Сергея Неклюдова, например, Александра Гинзбурга, Елены Захаровой, Вячеслава Всеволодовича Иванова, Александра Солженицына. Смотря с какой целью мемуары читать. Ничего похожего на бунинские воспоминания о современниках о Шаламове нет, хотя вокруг него были сливки литературной Москвы. Слона не приметили.

С.Б.: Выделяете ли Вы для себя кого-то из последовавших за Шаламовым писателей с точки зрения понимания ими программы «новой прозы», новой литературной и художественной ситуации в постлагерном мире?

Д.Н.: Я не вижу преемников шаламовской программы «новой прозы». Не Светлана же Алексиевич, это чистая документалистика. Единственный, кто, на мой взгляд, учился у Шаламова, и плодотворно, это Владимир Сорокин. Например, в его «Сердцах четырех» эта учеба прекрасно видна. Сорокин – это, так сказать, Шаламов сегодня, что симптоматично, хотя никем не замечено. Вот пример, как можно «прозу, пережитую как документ» превратить в совершенно бессердечную, но замечательную (за вычетом первых страниц) фантастику. В не усвоившем уроки постлагерном мире лагерем становится мир.

Дополнительные материалы:

Варлам Шаламов и концентрационный мир / livejournal.com

Дмитрий Нич. «Московский рассказ. Жизнеописание Варлама Шаламова. 1960-80-е годы».

Дмитрий Нич. Конспект послелагерной биографии Варлама Шаламова.

Дмитрий Нич. Варлам Шаламов в свидетельствах современников (издание пятое, дополненное)

Дмитрий Нич. Варлам Шаламов. Хроника блокады / openspace.ru

Варлам Шаламов. У Флора и Лавра. Избранное (сост. Д. Нич)

[1] Швейцарский психиатр, предложившая известную систему из 5 этапов отношения к неизбежной смерти со стороны больных пациентов в своей книге «Об умирании»: отрицание – ярость – торг – депрессия – принятие.

5 декабря 2014 г.

URL: <http://urokiistorii.ru/node/52309>

* Впоследствии выяснилось, что не Максимуму, а Мисиме – ну, это еще нагляднее (составитель).

Варлам Шаламов в свидетельствах современников. Материалы к биографии. Дополнительный том. Сборник.

Личное издание; издание второе, дополненное, 2016. – 357 с. PDF

Составление, оформление, корректура, предисловие, примечания, статьи без указания автора – Дмитрия Нича

Дополнительный к основному сборнику том свидетельств о Шаламове современников и материалов к его биографии

В оформлении и статьях сборника помимо оригинальных использованы фотографии авторов мемуаров, страниц журналов и книг, найденные в Сети, а также портрет Шаламова работы сербского художника Зарко Дринчича.